

MYSTERIUM BAROMETIS:

**ТАЙНАЯ ДОКТРИНА
ОРДЕНА ХРАМА**

templier

*Владимир
Шкаденко-Гильдебрандт*

MYSTERIUM VARHOMETIS:

**ТАЙНАЯ
ДОКТРИНА
ОРДЕНА
ХРАМА**

Издательство "Велигор"

Москва 2016

По устным сведениям из кругов московской интеллигенции, легендарная шкатулка из Эссаруа (Бургундия) является прототипом того самого предмета, о котором написал в детективном жанре известный русский советский писатель-фантаст Еремей Парнов (1935-2009) в своем романе “Ларец Марии Медичи” (1972): снятый по нему в 1980 году одноименный фильм в буквальном смысле заразил столичное юношество перестроечной поры тягой к духовному и неизведанному... С великой долей вероятности можно утверждать, что Еремей Парнов, став затем автором “Трона Люцифера” (1985), первого советского научно-популярного издания по истории оккультизма, прекрасно знал о нашем средневековом гностическом артефакте, связанном с иоаннитами-мандеями, катарами и тамплиерами, и искусно завуалировал его подлинную сущность в романе, акцентировав внимание на сюжетной линии: поисках сокровищ и приключениях героев. Однако главное сокровище — это ларец или шкатулка, запечатлевшая собой духовные брожения своей эпохи, таинственные символы и ритуалы. “Загадочная шкатулка герцога де Блакаса” - первая книга в серии “MYSTERIUM VARНОMETIS: ТАЙНАЯ ДОКТРИНА ОРДЕНА ХРАМА”, начало выхода которой было приурочено к 700-й годовщине казни последнего великого магистра тамплиеров Якова де Моле.

КАРБУНКУЛ СЕРДЦА

ПОСВЯЩЕНИЕ

В ночи безмолвной и бессонницей томимый
В забвение потаенное однажды погрузился я:
Тогда сознание все ясностью простой охвачено предстало,
И вокруг меня опали сразу как скорлупы
Оковы бренности бытийной.
И чувствовал я словно ледяной кристалл
Во мне в том месте, где биение сердечное угадало,
Морозный зной как светоч излучает,
И заставляет он в жару невыносимом пылать поверхность тела:
Оно, однако же, не в состоянии согреться вовсе пребывало,
А излучение сердечного кристалла все холоднее и морозней.
И лишь когда для тела моего совсем невоготу уж было,
То появился князь от духов отпадения Пандемоний
И вынул из груди моей через уста кристалл утробного обморожения,
На жертвенный алтарь его поставив, покрытый финикийскою порфирой.
Князь мыслью электронной сеял отчаяние, страх во мне
И требовал отречься Агнца:
Кристалл алмазный в тонких гранях играл, переливался
Во цвете царственной порфиры,
Что облачила жертвенник сердечный,
И походил уже на багровеющий карбункул,
В лучах которого я омывался током люциферических энергий,
И холодным пламенем как Феникс мой вспыхнул дух и запыхал,
Но не сгорел нисколько.
И тайна времени тогда явилась мне доступной
И вечность распахнулась, маня своим безудержным водоворотом...
Усилил я Иисусову молитву -
Ее стремительные токи исходили из головы моей за неимением сердца
К изъятому карбункулу-кристаллу, на жертвеннике жившему отдельно:
Пересечения лучей кристалла и тонких света струй, от разума идущих,
Рождали подобию мгновенных замыканий, разряды малых молний проявляя...
И словно повинувшись некому приказу, вдруг отступил великий Пандемоний,
Ко мне утратив интерес мгновенно и, с жертвенника взяв кристалл сердечный,
Вложил его в меня через уста обратно, — Рассеялся алтарь в пространстве тут же,
И сердце вновь в груди моей забилося мерно,
И я очнулся от внезапного оцепенения: минуты две прошло, не более... Но что
случилось с Яковом Моле, когда в подобном обстоятельстве
Он оказался сам, и был ли возвращен ему кристалл-карбункул?..

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт,

10 января 2014 года

ТАМПЛИЕРЫ: ТАЙНЫЕ ДЕТИ СВЯТОГО ИОАННА

*И сказал Бог: да будет свет.
И сотворил Люцифера.
Сам же Творец, остался в тайне —
Несотворенный превьше света
и тьмы, ночи и дня.*

Максимилиан Агнелий,
современный русский поэт и композитор

ТЕМНАЯ СТОРОНА ОРДЕНА ХРАМА

Многое в истории Ордена тамплиеров мы не поймем, и оно покажется весьма странным, если не обратимся к истокам религии иоаннитов, которую исповедуют малочисленные представители этноконфессиональной группы мандеев, проживающих в южных районах Ирака и называющихся “болотными арабами”, хотя они - древнего самарийско-иудейского происхождения. Некогда мандеизм, почитающий вместо Иисуса Христа Иоанна Предтечу, являлся самой опасной альтернативой для только что народившегося католического христианства и иудаизма. Характерно, что занесенные извне ростки мандеизма продолжали развиваться уже внутри христианской церкви в качестве опасного вируса в виде гностицизма и манихейства, меняя свои лица и названия в соответствии со странами и эпохами. Мы полагаем, что в определенный период (приблизительно IV-XIV века н. э.) основные усилия мандеев направлялись на влияние и насаждение своих идей именно в христианской среде, на которых затем в итоге возшло европейское франк-масонство. Последнее, как квинтэссенция гностических сообществ, имело различные формы своего исторического существования. Это — средневековые строительные гильдии, рыцари-тамплиеры, катары и богомилы,

павликиане, манихеи, гностики, маркиониты и, наконец, мандеи. В прошлом религиоведы, теологи и историки философии, пытаясь установить место зарождения гностицизма, абсолютно верно указывали на три ближневосточные страны: Египет, Сирию и Месопотамию. Однако из-за недостатка сведений об иоаннитах-мандеях и их доктрине картина у них страдала определенной фрагментарностью. Теперь благодаря стараниям выдающегося немецкого семитолога Марка Лидзбарского (1868-1928), в первой четверти XX столетия переведшего с арамейского на немецкий язык и опубликовавшего “Гинзу” (1925), а также “Книгу Иоанна” (1915), которые являются главными памятниками религиозной мысли мандеев, все становится на свои места и обнаруживается связующая нить, идущая от мандеев к тамплиерам. Тем не менее, для нас странно, почему эту связь почти не заметил французский эзотерик и историк Робер Амбелен (1907-1997), усиленно занимавшийся тамплиерской тематикой и, в целом, склонявшийся к иоаннизму храмовников и написавший об этом свою, в высшей степени, противоречивую и спорную книгу “Иисус, или Смертельная тайна тамплиеров” (Санкт-Петербург, “Евразия”, 2007). Мы предполагаем, что оккультный энциклопедист Амбелен просто не был знаком с мандейскими первоисточниками; в противном случае, - он бы сделал адекватное заключение о тайной доктрине Ордена Храма. Вообще, в отречении тамплиеров от Христа сам Амбелен и ряд европейских исследователей видели традицию гностиков-василидиан, не признававших распятия и считавших, что вместо Иисуса на кресте был распят Симон Киринаянин, а сам Христос, обладая лишь видимым телом, вознесся на небо. Но ведь тамплиеры трижды отрекались от Иисуса Христа именно *как от лжепророка*, что было бы немислимо даже для таких погрязших в гедонизме и вожделении гностиков, как василидиане. Следовательно, основание для отречения у тамплиеров имелось совершенно иное, а ссылка на тройное отречение Святого Апостола Петра от Иисуса Христа служила в условиях конспирации для обыкновенного прикрытия действий кощунственного характера в отношении исповедуемого религиозного культа. Напрашивался вывод о необходимости поисков на некоторой дистанции от традиционной христианской ересиологии, и он привел нас к мандеизму, последне-

му сохранившемуся религиозному реликту гностицизма. Но обо всем по порядку.

В последние десятилетия резко возрос разносторонний интерес к рыцарям-тамплиерам, мистический смысл которого, очевидно, нам станет известен уже в недалеком будущем. В этом контексте 2014 год представляется определенным водоразделом: 996 лет от основания Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона и семисотая годовщина казни последнего официального великого магистра тамплиеров Якова де Моле.

Безусловно, нынешнее всестороннее увлечение орденом не возникло на пустом месте. Оно было инспирировано французским оккультным возрождением XIX-XX веков и некоторыми консервативными кругами франк-масонства, непосредственно связанными с мартинизмом и христианским иллюминизмом. Если говорить о конце XX столетия, то этому поспособствовала гениальная мистификация под названием “Приорат Сиона”, до сих пор приносящая огромные прибыли своим протагонистам и популяризаторам: к последним относится знаменитый Дэн Браун.

Сегодня тамплиерская тематика уже превратилась в высокоэффективную медийную индустрию: ставятся документальные и художественные фильмы, театральные пьесы, пишутся и издаются романы, остро сюжетные триллеры, журналистские расследования, работы по эзотерике ордена и пр. К сожалению, в основном, вся эта продукция носит поверхностный и коммерческий характер. Есть, конечно, исключения, но они никак не влияют на общую картину. Зато хоть отбавляй различных тамплиерских сенсаций, не поддающихся сколь-нибудь квалифицированной критике. Не обошли проблему и церковные православные публицисты зарубежья. Так, весьма даровитый журналист Николай Смоленцев-Соболь, живущий в Соединенных Штатах Америки, в своей обширной посвященной ордену работе “Православие и Орден Храма”, размещенной в интернет-библиотеке “Гумер” (ее без труда можно найти и на других сетевых ресурсах), приходит к ошеломительному выводу, что тамплиеры якобы были... православными, за что, получается, и пострадали. Оказывается, Орден Храма был задуман как долгосрочная разработка Византии с целью подорвать престиж Папы Римского, вернуть Константинополю власть над христианским Западом. В подтвержд-

дение своего тезиса Смоленцев-Соболь ссылается на масонского корифея Альберта Пайка, хотя последний сам позаимствовал эту идею из “Истории магии” Элифаса Леви, первоначальный фрагмент из которой мы приводим ниже:

“В 1118 году девять рыцарей-крестоносцев, в числе которых находились Готтфрид Сентомер и Гуго де Пайен, посвятили себя религии и дали присягу Константинопольскому патриарху: эта кафедра открыто или тайно, начиная с патриарха Фотия, всегда была враждебна Римскому престолу. Общеизвестной целью рыцарей было покровительство христианским паломникам, шедшим посетить святые места; их тайной целью являлось восстановление Храма Соломона по образу из пророчества Иезекииля. Это воссоздание, отчетливо предсказанное иудействующими мистиками первых столетий, было тайной мечтой восточных патриархов. И действительно, восстановленный и посвященный Христову культу Храм Соломона стал бы мировой столицей. С помощью него Восток одолел бы Запад, а константинопольские патриархи обрели бы господство над папством” (1).

Трудно обосновывать свои исторические идеи на оккультном источнике, особенно когда этот источник по сути единственный аргумент. Как известно, ложный посыл порождает ложное развитие дискурса, и потому Смоленцев-Соболь уже сближает с православием таких попиравших Святой Крест еретиков, как катары и богомилы, которых сложно называть христианами в общепринятом смысле слова. Но автор абсолютно верно уловил две главные вещи: а) Орден Храма был тайно инспирирован совсем не Ватиканом, а сторонней структурой; б) еретическое, хотя и не прямое родство между тамплиерами, катарами и богомилами. Если бы Смоленцев-Соболь обратился к ересиологии (в том числе англоязычной), протоколам допросов тамплиеров в период процесса над ними и глубже изучил бы доктрины вышеупомянутых сект, то точно избежал бы своего заблуждения о православноности Ордена Храма: к вопросу о гностико-еретическом происхождении последнего мы вернемся немногим позже...

Комментировать откровения иных отечественных литераторов, пишущих о тамплиерах и работающих в жанре журналистского рассле-

дования (к примеру, В. В. Смирнова с его объемной сентиментальной трилогии “Воскресение тамплиеров”, красиво написанной, но не имеющей никакого отношения к подлинной истории ордена) (2), еще сложнее, да и нет смысла лишать авторов субъективных романтических иллюзий, но поразительно другое: вся продукция отечественной и зарубежной “тамплиерики” проникнута демонстративным апологетическим пафосом. Наша задача заключается в том, чтобы несколько ограничить его, развеяв или, наоборот, посеяв (для тех, у кого их не было) определенные сомнения относительно коллективной вины ордена перед Римско-Католической церковью и христианской государственностью. Мы не занимаемся ни пропагандой, ни прозелитизмом, а только спешим показать, что тамплиеры под внешней католической оболочкой представляли собой совсем иную религиозную ветвь, нежели западное римско-католическое или восточное православно-кафолическое христианство. Поэтому здесь мы коснемся именно темной и мало изученной стороны Ордена Храма, то есть посвятительной составляющей тамплиерской доктрины, а не менее важную проблему существования тайных уставов в ордене оставляем для другой книги.

Стоит заметить, что об оккультных практиках тамплиеров писали солидные авторы в XVIII-XIX веках, произведения которых по данной теме либо были преданы забвению, либо на них просто не акцентировалось внимание. Да и понятно: со времени Великой Французской революции утвердилась в отношении ордена оправдательная тенденция, и всякие критические посягательства на него рассматривались как проявления, по меньшей мере, клерикального обскурантизма. К тому же, усилиями либерального франк-масонства Великого Востока тамплиеры сделали легендарным символом борьбы за освобождение от произвола папства, фанатизма католической церкви и тирании французских королей. Что касается российской охранительной публицистики конца XIX и начала XX столетия, то она свои сведения по тамплиерской эзотерике черпала только во французских пропагандистских антимасонских книгах, что опять не вносило никакой ясности и только затуманивало вопрос. Современная отечественная конспирология питается из того же самого источника: у нее присутствует одно осознание еретической сущности

ордена; в остальном — она зачастую повторяет старые сказки, нелепицы и небывлицы, что немудрено, так как нет четкого представления о тамплиерском тайном учении и его практическом применении. Следовательно, необходимо, насколько возможно, осветить проблему и, пребывая в нейтральном положении, предоставить читателям в дальнейшем делать выводы о святости или еретической порочности знаменитого ордена.

Вот почему основу книги составили произведения, посвященные тайным ритуалам и предметам культа тамплиеров на примере двух артефактов из коллекции герцога де Блакаса (речь идет о шкатулках XIII века из Эссаруа в Бургундии и тосканской Вольтерры), благодаря которым удалось реконструировать главные черты мистического поклонения Ордена Храма или религиозного сообщества, управлявшего его деятельностью со стороны.

Сразу же оговоримся: для нас термины *ересь* или *еретическое учение* не несут собой никакого негативного оттенка, а только являются обозначением доктрин, идущих вразрез с официальным христианским тринитарным мировоззрением или противоречащим ему.

ТАЙНО И НЕЗАКОННО ПРИВИТАЯ ВЕТЬ НА ДРЕВО РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

“Некоторых из них вели одетые в белые плащи воины, с лицами, обожженными солнцем, с коротко подстриженными волосами на голове и бородами. Их называли — Рыцари Христа. В большинстве своем это были отлученные от церкви рыцари, которые охраняли в пути паломников...”

(Гарольд Ламб. “Крестовые походы”) (3)

Возникает вопрос: какое сообщество могло инспирировать возникновение тамплиеров внутри Римско-Католической церкви и затем осуществлять конспиративным образом управление Орденом Храма? Ответ на него нам дают только немногословные франк-масонские преда-

ния и апокрифы, ибо другими аутентичными документальными свидетельствами о тайной преемственности ордена от одной из гностико-манихейских групп, кроме упоминавшихся выше шкатулок, мы не располагаем. Все это не должно нас смущать, поскольку манихейская ересь в ту пору изнутри и снаружи сотрясала основы как Западной Римско-Католической, так и Восточной Православно-Кафолической церкви.

Проспер Миньяр справедливо обращает наше внимание на то, что Орден Храма официально появился в 1118 году, в котором был сожжен на костре в Константинополе по приговору императора Алексея Комнина монах Василий, один из главных предводителей манихеев-богомиллов не только на территории Византийской Империи, но и по всей Европе. Создание ордена, возможно, явилось как бы актом долгосрочного возмездия манихеев-богомиллов, направленного против церковной ортодоксии Востока и Запада.

Масонский исследователь XIX века Жан-Мари Рагон сообщает, что Иерусалимский патриарх Гаримон (Garimon) в 1118 году принял в День Троицы-Пятидесятницы по три обета от двух доблестных рыцарей Гуго де Паганиса и Готтфрида де Сент-Омера, учредителей ордена и уроженцев Оверни, доверив им все знания древнего ордена или древнего рыцарства (4). Инструкция семнадцатого градуса Древнего принятого шотландского устава франк-масонства доносит до нас, что в 1118 году, когда был основан Орден Храма, крестоносцы Запада объединились с посвященными Востока, истинными учениками Иоанна с Патмоса, под руководством Иерусалимского патриарха Гаримона (Garimont). Другая легенда гласит: масоны в количестве восьмидесяти одного человека и во главе с Иерусалимским патриархом Гаримоном (тут явно обыгрывается гностическая огдоада и число 1118) в 1150 году отправились в Европу и оказались в Швеции у епископа Упсалы, который их радушно встретил, после чего был посвящен в таинства, принесенные от коптов.

Действительно, в 1118 году латинский патриарший престол Иерусалима занял прелат из Пикардии и участник Крестовых Походов Гармон (Вармунд) де Пиккиньи (Garmond, Gormond, Warmund, Waremound de Riscuigny), преемник короля Балдуина II, родившийся до 1069 года. Считается, что для защиты и охраны паломников на Святой Земле но-

вый патриарх в том же году вдохновил Гуго де Пайена на создание Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона. Хронист Вильгельм Тирский описывает патриарха Вармунда-Гармона как простого и богобоязненного человека. Он умер в Сидоне в 1128 году.

С другой стороны, масонские предания, делая аллюзию на исторического латинского патриарха Иерусалима, способны заключать в себе нечто большее, как мы видели на примере каббалистической транспозиции числа 1118. В данном случае мы можем иметь дело с анаграммой или с некоторой нарочито завуалированной гностической тайной для того, чтобы она не бросалась в глаза непосвященным. Таким образом, вероятно, что Gaḡimon является искажением ивритского слова Ха-Римон (Ha-Rimon), обозначающего одновременно гранат и каббалистический образ Шехины, женской сущности Создателя, иными словами, это и есть андрогинный зон Мете, изображенный на шкатулке из Эссаруа главный объект почитания тамплиеров Бургундии и Шампани, которому в сущности и посвящена наша книга.

Если действительного латинского патриарха Иерусалима Вармунда-Гармона можно рассматривать в качестве экзотерического вдохновителя ордена, то его эзотерическим восточным протагонистом выступает совершенно иное лицо, которое мы также встречаем в апокрифических оккультных, масонских и неотамплиерских источниках, хотя оно абсолютно неизвестно для официальной исторической науки. Его звали патриархом Феоκληтом (Theoclet). И среди иерусалимских греко-православных первоиерархов на тот период мы, естественно, не встречаем такого. С другой стороны, вряд ли Феоklet это ни на чем не основанный вымысел: большинство средневековых легенд имеют под собой твердую реальную почву. Следовательно, он являлся патриархом одной из гностических сект, которых тогда в Сирии, Палестине и в самом Иерусалиме было немало. Сейчас есть все основания полагать, что Феоklet (5) принадлежал к гностико-манихейской секте мандеев (от арамейского mandayya - обладающие знанием), последователей Иоанна Крестителя, сохранивших в своей среде ессейские и каббалистические традиции. Их еще называют назореями, сабиями, "христианами Святого Иоанна". Именно от них, по нашему мнению, а не от исмаилитов, как принято

Голова святого Иоанна Крестителя

думать, тамплиеры получили свои белые плащи, белые хламиды и белые веревочные шерстяные пояса посвященных. Мы знаем, что до сих пор в белое ритуальное одеяние должны облачаться все мандеи, священники и миряне, во время совершения богослужений и посвящений. Оно состоит из следующих предметов: рубахи из белой хлопчатобумажной ткани (*раста* или *устла*), длинных шаровар (*шарваля*) и епитрахили (*насифа* или *габу'а*), которая носится как и христианская, но слева короче, чем справа, и во время подготовительных обрядов и посвячительных молитв возлагается на голову, соединяясь под подбородком. Есть также тюрбан (*бурзинка*): полоса белого муслина, трижды обернутая вокруг головы со свисающим на левое плечо концом. Мандейские священники во время богослужения прикрывают им нижнюю часть лица, рот и ноздри, подворачивая его на правой стороне головы. ***Белый пояс или кушак (химьяна), сплетенный из шестидесяти шерстяных нитей и завязанный двойным узлом, является важным символом мандейской веры и посвящения*** (6). Любопытно, что фон Гаммер в своих воспоминаниях, ссылаясь на написанное в 1127 году (!) произведение аш-Шахрастани (“*Kitab Ul Milal Wan Nihal*” – “Книга религиозных и философских сект” (7); английский перевод осуществлен в 1850 году), указывает на одну ценнейшую деталь: одну ветвь сабиев или иоаннитов-мандеев на Востоке называли еще приверженцами храмов или восточными храмовниками, то есть тамплиерами (см. ниже). В своих молельнях восточные тамплиеры-сабии поклонялись семи небесным храмам или домам, в чем мы видим откровенную аллюзию на семь эманаций (и также домов) гностической системы европейских храмовников. Особо подчеркнем, что персидский историк, философ и шафиитский богослов Абуль-Фатх Мухаммед ибн Абдул-Керим аш-Шахрастани (1075-1153), близкий по определенным воззрениям к исмаилитам, жил в XII веке и являлся современником создания Ордена Храма. Итак, либо это совпадение, либо восточные иоаннитские тамплиеры-сабии были предшественниками и тайными инспираторами создания ордена для западных собратьев и по сути дали им свое имя. Первое мало вероятно, тогда как второе правдоподобно: имена на Востоке живут столетиями, прежде чем войти в распространенный обиход. Остается только открытым вопрос отношения

Святой Иоанн Креститель

andy and in a in new - and, and and
 happy and in here happy and like happy
 and and and and and and and and
 and and and and and and and and
 and and and and and and and and

and and and and and and and
 and and and and and and and
 and and and and and and and
 and and and and and and and

and and and and and and and
 and and and and and and and

(Small, illegible text)

Страницы древних мандейских рукописей

иоаннитов-мандеев ко Храму Соломона и к самой личности знаменитого своей премудростью израильского царя, хотя не исключено, что эти гностики сами посоветовали Гуго де Пайену и другим франкам занять под свой лагерь территорию в пределах бывшего храмового владения, где новоиспеченные тамплиеры взялись за археологические раскопки, которыми продолжали заниматься вплоть до оставления орденом Святой Земли.

К иоаннитам-мандеям возводили свое происхождение и альбигойцы, превозносясь тем, что были единственными посвященными в истинную мистерию религии Христа. Только вот Христа все эти еретические сообщества воспринимали совершенно по-своему. Нам достаточно процитировать касающийся тамплиеров отрывок из “Истории магии” Элифаса Леви:

“...Главные понтифики этой секты носили титул Христа и объявлялись воспринимающими непрерывную передачу власти с дней св. Иоанна. Человек, который хвастался такими воображаемыми привилегиями в эпоху основания Храма, носил имя Феоклет. Он познакомился с Хуго де Пайенсом, которого он посвятил в таинства и надежды своей церкви; он обольстил его идеями суверенного священничества и высших привилегий, наконец, он объявил его своим преемником. Таков был орден рыцарей Христа, с самого начала зараженный расколом и заговором против королей. Эти тенденции держались в глубокой тайне, внешне Орден исповедовал полную ортодоксию. Одни руководители его знали истинные намерения, остальные пребывали в правильной вере. Добиться богатства и влияния, интриговать с их помощью и бороться за установление догмы иоаннитов — таковы были средства и цели посвященной братии. “Взгляните”, — говорили они между собой — “папство и соперничающие монархии погрязли в торгах, покупая один другого, впадая в коррупцию и разрушая друг друга. Все это делает Храм их наследником; еще немного и народы потребуют суверенов понтификов из нашей среды; мы будем равновесием вселенной, судьями и хозяевами мира”.

Тамплиеры имели две доктрины; одна была секретной и касалась вождей, которые были вождями иоаннизма; другая была публичной. Это была Римская Католическая доктрина. Таким способом они обманывали врагов, которых они надеялись вытеснить. Иоаннизм адептов был Кабба-

лой гностиков, но он быстро выродился в мифический пантеизм, ведущий к идолопоклонничеству и ненавидящий все открытые догмы, Чтобы добиться успеха и с целью сберечь сторонников, они оберегали сожаления всех павших культов и все надежды каждого нового культа, обещая всем свободу совести и новую ортодоксию, которая была бы синтезом всех преследуемых вероисповеданий. Они доходили даже до того, что признавали пантеистический символизм у великих учителей Черной Магии и изолировались от обетов религии, за которую они осуждались до этого; они воздавали божеские почести чудовищному идолу Бафомету, и даже как древние племена поклонялись Златому Тельцу Дана и Вефиля. Некоторые памятники, открытые недавно, и точные документы, принадлежащие тринадцатому столетию, подтверждают сказанное. Другие доказательства скрыты в анналах и под символами Оккультного МASONства” (8).

Знаменитого французского оккультиста XIX века, каковым был Элифас Леви, очень сложно заподозрить в предвзятости по отношению к ордену, а открытие и тщательное исследование шкатулок из Эссаруа и Вольтерры ярко подтвердило тот самый “мифический пантеизм” тамплиеров, о котором говорится в вышеприведенном фрагменте. Правда, пантеистическое идолопоклонство, как мы назовем это явление, стало уже крайней точкой вырождения и деградации иоаннитско-мандейского культа, принесенного тамплиерами из Сирии и Палестины. Можно сказать, что весьма тонкая дуалистическая мандейская теология за сотню лет мимикрировала в среде простодушных и грубоватых европейских рыцарей. Причина тому — тайная передача самой традиции, и если секретный культ еще можно было поддерживать в ордене на Святой Земле, то в разбросанных по Европе приорствах, прецепториях и командорствах он превращался в пародию и откровенное поклонение на тайных капитулах князю мира сего. Последнее, собственно, и привело к падению знаменитое рыцарское сообщество.

Между прочим, о пресловутом гностико-манихействе и мандеизме Ордена Храма знали многие интеллектуалы XIX столетия как промасонской, так нейтральной и антимасонской направленности, среди которых уже отмеченный нами Элифас Леви, Нэста Вебстер, Жак Маттер,

архиепископ Сент-Луиса Леон Мойрин, барон фон Гаммер-Пургшталь, Альберт Маккей, Альберт Пайк и др. Однако вопрос этот до сих пор не систематизирован должным образом серьезными религиоведами и специалистами в области истории религиозных культов, а потому отдается на откуп дилетантам, поставляющим на книжный рынок бойкие журналистские расследования и повествования, но плохо представляющим сущность и глубину темы, за которую взялись.

С другой стороны, главное заблуждение многих исследователей заключается в том, что они пытаются рассматривать Орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломона в качестве христианской организации, хотя орден таковой не являлся. Действительно, большинство его рыцарей, несмотря на чудовищные посвятительные ритуалы, которые им довелось пройти, оставались правоверными христианами, о чем говорят и свидетельские показания тамплиеров на процессе, но внутренняя сущность структуры, проецируемая ее эгрегором и прикрытая внешней римско-католической оболочкой, была весьма далека от христианства как мы его понимаем из Священного Писания, Священного Предания и святоотеческих творений. Прежде всего это касается теологической стороны вопроса.

“ХРИСТИАНЕ СВЯТОГО ИОАННА” ИЛИ БРАТ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА ДЕЙСТВУЕТ В ТЕНИ

Чтобы прийти к пониманию смысла жестких антихристианских посвятительных практик, введенных в Ордене Храма, по нашему мнению, с самого его основания, необходимо обратиться к гностицизму и теологии сабиев-мандеев, последователей пророка Иоанна Крестителя. Без связи с гностико-манихейством и прежде всего с мандеизмом ритуалы тамплиеров предстают набором опасных оккультных формул, справедливо вызывавших недоумение у стольких маститых историков, богословов, философов, священников и религиоведов, отчего все эти вещи и отнесли к выдумкам королевских комиссаров и фантазиям папских инквизиторов: дескать, рыцарей светские или церковные следователи посредством пыток вводили в пограничные состояния сознания, когда они

уже отчетливо представляли то, в чем их принуждали сознаваться. И все-таки не стоит настолько упрощать проблему, чтобы делать ее неразрешимой. Выше мы предостерегли от отношения к тамплиерам как к рядовой христианской военно-монашеской корпорации, которых в Средневековье только крупных доходило до десятка, но которые благополучно дожили до времен, когда превратились в обыкновенные награды или аристократические благотворительные клубы. Уникальность Ордена Храма — принадлежность как организации к параллельной христианству религиозной традиции, тайно укорененной в сообществе с его основания. Вот почему уже в те годы тамплиеров не покидала честолюбивая мысль об образовании новой экуменической религии, в которой ведущую роль играли бы гностические жрецы от иоаннизма. Не ее ли в Иерусалиме внушил молодому французскому рыцарю Гуго де Пайену иоаннитско-мандейский патриарх Феоклет? Но ведь и мандейскому епископату представлялся очень благоприятный шанс посредством тамплиеров вывести свою гностическую религию, зажатую в узкие этноконфессиональные рамки, на мировой уровень и реформировать в духе иоаннизма христианство, которое они считали своей схизматической сектой, узурпировавшей у них право на господство. Это был, действительно, выдающийся акт тайного гностического прозелитизма, и его последствия могли бы коренным образом изменить и деформировать уже в Средневековье не только духовность, но и все сферы тогда очень зависящей от нее европейской жизни. Однако Провидение решило иначе, и задуманная тамплиерами “иоанническая ортодоксия”, равно как и объединение на ее основе Европы, потерпели фиаско. После упразднения ордена (а скорее отторжения его как чужеродной субстанции от римского католицизма) те же самые идеи подхватит франк-масонство, вызревавшее в среде строительных братств, где нашли себе приют изгнанные из церкви манихейство, гностицизм и иоаннизм тамплиеров. И с тех пор борьба с римским католицизмом велась всегда под знаменами иоаннизма, да и главный праздник вольных каменщиков — Рождество Святого Иоанна Крестителя. Как тут не упомянуть франк-масонскую концепцию о том, что нынешняя церковь святых апостолов Петра и Павла должна трансформироваться в гностическую церковь Святого

Мандейский священник

Бабтистерий мандейского храма

Современные мандеи в ритуальных облачениях

Иоанна Богослова, под которым разумеется, как справедливо отмечал Альберт Пайк, не столько этот апостол, сколько покровитель гностиков Святой Иоанн Креститель (9) или Юхана Хаматвиль мандеев. Второй Ватиканский Собор (1962-1965), изменивший направление развития католицизма и произведший революцию в литургике и богословии Римской церкви, проходил под знаком иоаннизма. Сейчас уже не для кого не секрет, что его инициатор Папа Римский Иоанн XXIII (1881-1963) являлся членом Ордена Розы и Креста, в который был посвящен в Стамбуле в 1935 году во время своего пребывания на посту апостольского нунция в Турции, когда и получил в этой тайной организации мистическое имя Иоанна. Церемония посвящения в орден подробно описана в книге итальянского писателя Пира Карпи (1940-2000) “Пророчества Папы Иоанна XXIII”, вышедшей в 1976 году (10). Неужели все это только совпадения и не прослеживается никакой общей логики событий, начиная с 1118 года? Отнюдь. Опосредованно через тамплиеров иоанниты-мандеи оказали ощутимое воздействие на формирование европейских тайных обществ, закваской которых был и продолжает оставаться гностицизм, а мандейство — это последнее сообщество на земле, исповедующее аутентичную гностическую религию, использующую инициации и пришедшую к нам из I века н. э. И не стоит удивляться тому, что современные копии иногда очень сильно разнятся от своего оригинала, до сих пор пребывающего в VII или XII столетии от Рождества Христова. Мандеи XXI века могут об этом ничего и не знать, но в отличие от своих европейских собратьев, они во многих своих поколениях являются носителями реальной гностической традиции, минимальный возраст которой почти два тысячелетия.

Итак, чтобы правильно понять оккультную практику и гностическую концепцию двух Христов у тамплиеров, необходимо подробно рассмотреть ритуальную и вероисповедную доктрину мандеев или “христиан Святого Иоанна”, как их принято было называть с 1652 года, когда они стали известны на Западе благодаря монаху Игнатию, португальскому миссионеру из Ордена кармелитов.

Иоаннитов-мандеев нельзя считать еретическим движением внутри христианства, что пытались делать некоторые христианские богословы.

Мандеизм появился приблизительно в одно и то же время с первоначальным христианством, хотя есть предположения, что он мог существовать в есеейской среде уже в I веке до н. э. Письменные источники уверенно фиксируют мандейскую конфессию с IV века, но упоминания о самих иоаннитах-мандеях восходят уже ко второй половине II века. Мандеизм оформился на границах палестинского иудаизма и в Трансиордании. В Южном Ираке мандеи появились после разрушения Второго Храма и двух Иудейских войн с римлянами. Вероятно иоанниты-мандеи играли значительную роль не только среди есеев, но и в иудейской зилотской партии. В ту пору ветхозаветная религия Израиля окончательно разделилась на три главные ветви: христианскую католическую протоортодоксию, талмудический иудаизм и мандеизм, последователей Юханы Хаматвиля или “христиан Святого Иоанна Крестителя”. С самого начала мандеизм был враждебен как христианской католической протоортодоксии, так и талмудическому иудаизму, против которого в мандейской литературе содержится яркая полемика.

Сами мандеи, ссылаясь на собственный летописный свод “Харан Гавайту”, возводят свое происхождение к Иерусалимской общине иоаннитов, вынужденной покинуть святой город и долину Иордана, чтобы водвориться на мидийском нагорье в области Харрана, чтобы продолжить затем свое переселение на юг Вавилонии. Исход из Иерусалима мандеи связывают с преследованием со стороны иудеев, их Бога Адонаи и Рухи со своими семерыми сыновьями, что якобы и вызвало разрушение Второго Храма в 70 году н. э. Во времена парфянского царя Артабана Аршакида мандейское сообщество распространилось по всей Месопотамии. Здесь речь может идти о следующих представителях династии Аршакидов: Артабане III (12-38), Артабане IV (80-82) или Артабане V (208-226). При Аршакидах мандеи насчитывали 400 общин, непременно расположенных по берегам рек. Далее в “Харан Гавайте” читаем: “Перед приходом арабских душегубов народы размножились: христиане, идумеи, иудеи, зороастрийцы и поклонники Астарты. Народы разделились и размножились. Даже языки назореев размножились”. Периоду процветания иоаннитских общин положила конец династия Сасанидов, когда их число сократилось до 170, что, вероятно, связано с пресле-

дованием, предпринятым против незороастрийских религий персидским жрецом Картиром в годы правления царей: Ардашира I (224-241), Шапура I (241-272), Гормизда Ардашира (272-273), Баграма I (273-276) и Баграма II (276-293). По данным “Харан Гавайты”, к концу 360 годов н. э. в господство Сасанидов арабы уничтожили 60 мандейских общин и вновь ввели обрезание. Хроника сообщает, что в VI веке за 86 лет до арабского завоевания назореи жили и в городе Ашганда на Тигре рядом с Хузистаном, мандейским районом Вавилонии. На этом хроника из “Харан Гавайты” прерывается. Исторический рассказ “Правой Гинзы” завершается 71 годом арабского владычества. Последний источник рассказывает о том, что первоначально Иерусалим покинули 365 учеников Йоханана Хаматвиля и, пройдя через Иорданию, остановились в горной области Харрана в Мидии, прежде чем обосноваться на юге Месопотамии. Все эти данные подтверждаются “Деяниями” Мар Мари, расположившего мандейские общины на севере в Мидии и Адиабене, а затем на юге Месопотамии. Более ранний документ “Деяний” Симона Бар Саббы, датируемый IV веком, отмечает в Вавилонии секту крестильников “Мыды”, по всей видимости - мандеев. Кёльнский “Манихейский кодекс” III века упоминает о последователях Святого Иоанна Крестителя в Месене, Парфянском царстве Хорасана, примыкающем к Персидскому заливу. В эту общину могли влиться и местные евреи. В Месене, как выясняется, проживало довольно многочисленное еврейское население, смешанное с пальмирцами, из-за чего Талмуд относил месенских евреев к категории “мамзерим”, с которыми нельзя вступать в брак чистокровным иудеям.

В Самарии последователей Иоанна Крестителя называли *досифеянами*, поскольку имя Досифей являлось переводом на греческий язык еврейского имени Йоханан. Впоследствии это наименование стали смешивать с персидским словом *достаган*, означающим друзей или сторонников Иоанна Крестителя, хотя общий смысл обоих названий одинаков. Французский писатель и исследователь гностицизма Андре Вотье считает, что мандеи могли существовать в Месопотамии и в дохристианскую эпоху (11). По его мнению, после преследования ортодоксальными иудеями в Иерусалиме учеников первомученика диакона Стефана,

одна их часть, придерживающаяся иоаннитских воззрений, оказалась в Вавилонии, где слилась с исповедовавшими уже тогда синкретические верования мандеями, которые прибавили к своим пророкам Иоанна Крестителя, сделав его последним воплощением каббалистического примордиального человека Адама Кадмона, вознесенного к благому Богу, правящему в самом высшем из небес и окруженному силой и мудростью (12).

Однако сирийский несторианский епископ Лахума Феодор Бар Конаи, племянник несторианского патриарха Мар Иванныса (востоковед и маронитский священник Иосиф Симон Ассемани (1687-1768) полагает, что Феодор Бар Конаи жил в начале X века при патриархе Йоханнане Бар Абгаре, занимавшем несторианский патриарший престол в 900-905 годы), в своей “Книге схолий” дает несколько противоречивые сведения о происхождении мандеев. Основоположителем мандейской общины, по его сведениям, являлся некий уроженец Адиабены и нищий по имени Адо; его родителями были Дабда (отец) и Эм-Кушта (мать), а братьями Шимлай, Нидбай, Бар-Хийе, Абизкха, Куштай и Шитиль. Адо водворился в Месене на берегах Каруна и основал новую религию, главные воззрения которой он позаимствовал якобы у маркионитов, манихеев и кантеев (13). Это целиком спорное мнение, поскольку маркиониты отличались от других гностиков и еретиков своей фанатичной преданностью Иисусу Христу и дали многих мучеников в свидетельство за Сына Божия. Возникает вопрос: что могла позаимствовать антихристианская гностическая секта у ревностных христиан-маркионитов, принадлежность которых к гностицизму оспаривалось Адольфом фон Гарнаком? Безусловно, сам Маркион (ок. 85 — 160 н. э.) исповедовал гностические взгляды докетизма и дуализма, сближающие его с мандеями, став по сути создателем первой и, пожалуй, последней христианской гностической системы (нельзя путать маркионизм с христианизированным гнозисом в духе Валентина и Василида). Однако отрицание Ветхого Завета мандеями и маркионитами еще не повод для утверждения, будто первые это заимствовали у последних. Нам, напротив, представляется, что маркиониты стали отвергать Ветхий Завет именно под влиянием иоаннитских последователей или досифеян, носителей старо-

Мандеи, последователи секты Иоанна Крестителя,
в ритуальных облачениях

го эссеистского гностицизма, которых в ту пору было немало и в местах изначальных иудео-христианских общин, ведь христианство и иоаннизм рассматривались ортодоксальным иудаизмом в качестве одной назорейской ереси, восходящей к ессеям и терапевтам. Мандеизм совершенно отсекает аскетизм, тогда как у маркионитов он — залог спасения. Вот почему мы считаем, что возникшее в III веке манихейство (христианизированная версия иоаннизма) в определенной степени было совместным детищем антихристианского мандеизма и христианского маркионизма, у которого позаимствовало суровую аскетическую практику. Феодор Бар Конаи абсолютно верно замечает прямую связь между манихейством и мандеизмом, ошибаясь лишь в том, что возводит достраеан к манихеям, а не наоборот. Что касается секты кантеев (храмовников, от *канта* — храм; опять совпадение?), то она равным образом произошла от мандеев Месены, но в отличие от манихейства, отошедшего в сторону христианства, эта ветвь стала уклонением в зороастризм и доктрину магов. Рождение ей дал раб Баттай, сбежавший от своего хозяина по имени Папа и нашедший пристанище у евреев Месены, возможно мандеев. Опираясь на космологию зурванизма, он создал синкретическое исповедание, вобравшее в себя архаические вавилонские культы, сохранившиеся в секте нергалиан. Учение кантеев гласит, что в начале всего было Зерван Акерен, безграничное время, в самом себе разделившееся на богов: Ормузда, добро, и Аримана, зло. Добро порождает семь совершенных форм, тогда как зло производит семь демонов. Последние создают человека, но Ормузд, добро, его разрушает и рождает Авеля, Спасителя, Дитя Света, также называемого Андриасом. Авель был убит Каином по наущению Аримана, но он вернется в конце времен. Появление этой секты Феодор Бар Конаи относит к правлению сассанидского царя Баласа (484-488 н. э.) Кантеи обрели достаточное могущество, чтобы в зависимость от них могло попасть смешанное еврейско-пальмирское население Месены, исповедовавшее мандеизм и манихейство. Возвращаясь к именам легендарного основателя мандеизма и его родственников, приведенным у Феодора Бар Конаи, необходимо отметить, что скорее всего здесь речь идет о праотце Адаме или Адо и восьми небесных персонажах мандейской религии, из которых нам известны:

Куштай или Кушта (Иоанн Креститель), Шитиль (Сиф), Бар-Хийе (Сын Жизни и одно лицо с Манда д'Хайе) и Шимлай (Сим?); то, что они доводятся братьями Адо, стоит разуместь только в духовном смысле. Да и Адиабена (сирийский Хадьяб), один из древнейших городов мира (ныне Эрбиль, столица иракского Курдистана), не содержит ли в себе аллюзию на земной Эдем, где поначалу пребывал Адам, почитаемый мандеями как основоположник их учения, принесший с небес крещение в живых водах Иордана. Любопытно, что матерью Адо-Адама являлась Эм-Кушта, что в переводе означает Мать Справедливости или Истины, являющаяся, вероятно, женской или двуполой (андрогинной) стороной гностического божества.

Арабы называют мандеев *сабиями*, “*субба*” или “*субби*”, то есть крестильниками, баптистами (от арабского глагола *sabba* — лить воду). Аш-Шахрастани (14) о них пишет:

“Миссия израильтян большей частью была в стране аш-Шам и на западе от нее; немного это распространилось до страны персов. Во времена Ибрахима ал-Халила — мир ему! — (религиозные) общины сводились к двум категориям. Одна из них — сабии, другая — ханифы.

Сабии говорили: “В (вопросах) познания Аллаха Всевышнего, познания повиновения ему, его повелений и заповедей мы нуждаемся в посреднике. Однако этот посредник должен быть духовным, не телесным, и это — из-за праведности духовных существ, их чистоты и их близости к Верховному Господу. Телесный же — человек, подобный нам: он ест то, что едим мы, пьет то, что пьем мы, и подобен нам по сущности и по облику”. Они говорили: “А ведь если вы покоритесь человеку, подобному вам, поистине, тогда вы будете в убытке” (Коран 23:34/36).

Ханифы говорили: “В (вопросах) познания и повиновения мы нуждаемся в посреднике человеческого рода, положение которого по чистоте, непогрешимости, (божественному) содействию и мудрости выше (положения) духовных существ; который подобен нам в человеческой природе, но отличается от нас духовной сущностью. Ведь Откровение воспринимается взором духовной сущности, а обращается к роду людскому взором человеческой природы. Это — в словах Всевышнего: “Скажи: „Я ведь человек, подобный вам; ниспослано мне откровение о том, что

бог ваш — Аллах единый” (Коран 18:110). Он — да возвеличится славо-словоие его! — сказал: “...Скажи: “Хвала Господу моему! Разве я только не человек — посланник?” (Коран 17:93/95).

Затем, вследствие того, что к сабиям не нашло пути довольствование чистыми духовными существами, старание приблизиться к ним самим и воспринять их самих, община обратилась к их [небесным] храмам, а это — семь планет и часть неподвижных звезд. Прибежище сабиев Набатеи, Фарса и ар-Рума — планеты, а прибежище сабиев Индии — неподвижные звезды. Мы расскажем об их учениях подробно, по мере возможности, при содействии Аллаха Всевышнего. Иногда они отказывались от небесных храмов в пользу фигур, которые не слышат, не видят и не приносят им никакой пользы. Первая община это — звездопоклонники, вторая — идолопоклонники”.

В тексте, безусловно, говорится о двух ветвях сабиев. Одна из них — “южные” сабии, под которыми в ранних мусульманских источниках подразумевались мандеи, жившие в низовьях Тигра и Евфрата. Общим для них был культ ветхозаветных патриархов. Так, религиовед и философ ал-Хасан ан-Наубахти (умер в начале X в.) сообщает, что сабии, по их утверждению, следуют религии Шиса (Сета), у них есть Писание, которое принес им Нух (Анош-Утра), и что ныне их осталось немного в Наджране и Васите (Ахмад б. Йахйя б. ал-Муртада. Китаб ал-Мунйа ва-л-амал фи шарх ал-милал ва-н-нихал. Тасхих М.Дж. Машкур. Байрут: Дар ал-Фикр, 1399/1979, с. 68).

Ал-Бируни считал сабиев потомками оставшихся в вавилонском плену евреев. Именно “вавилонские пленники”, не пожелавшие вернуться в Сирию — истинные сабии. Возводя свое происхождение к Сифу и сохраняя собственные представления о ветхозаветной истории, они в то же время восприняли некоторые учения магов. Их религия — смесь иудейских верований с зороастрийскими, подобно религии самаритян (ал-Бируни. Произведения, т. I, с. 361).

Другую ветвь представляли “северные” сабии — харранские язычники, которых до Аббасидов называли ханифами, идолопоклонниками, харранцами. У “северных” сабиев были сильны эллинские традиции, почитание греческих “мудрецов” наряду с ветхозаветными пророками. Од-

нако ни у “северных”, ни у “южных” сабиев не было единого вероучения, основанного на “откровении” (ал-Бируни. Произведения, т. I, с. 361). С другой стороны, по данным выдающегося русского востоковеда академика Василия Бартольда (1869-1930), в самом Коране учение Мухаммеда отождествляется не с учением сабиев, но с учением ханифов, восходящим к патриарху Аврааму: ханифы веруют в Единого Бога, не являясь ни христианами, ни евреями. Биографы Мухаммеда ничего не говорят о сабиях, их учении и их отношении к исламскому законодателю, но о ханифах, живших в Аравии, приводятся определенные сведения, в которых упоминаются имена нескольких последователей секты, бывших монотеистами еще до Мухаммеда и отказавшихся признать в нем своего учителя. После Мухаммеда на Аравийском полуострове уже не оставалось ни ханифов, ни сабиев: халиф Омар (585-644) решил не допускать иных вероисповеданий, кроме ислама, а потому христиане и евреи были принуждены выселиться; однако о выселении сабиев с ханифами ничего не говорится.

Что касается “древних” сабиев, то предание связывает возникновение их учения (мазхаб ас-сабийя) с человеком по имени Будасаф (здесь речь идет об Иосафе или Бодхисаттве, Будде), который появился в Индии во времена царя персов Тахмураса из легендарной династии Пишдадидов. Объявив себя пророком, посланным Богом, Будасаф со временем перебрался в Фарс. В этическом плане он проповедовал аскетизм, в ритуальном — обновил богослужение. Основой религии “древних” сабиев был астральный культ — поклонение духовным существам, олицетворенным в планетах — “небесных храмах” (хайакил, ед.ч. хайкал), в честь которых на земле воздвигались моленные дома-храмы (буйут, ед.ч. байт). Основоположниками этой традиции якобы являлись древние индийцы и китайцы

Аш-Шахрастани также выделяет поклонение “небесным храмам” — планетам и звездам — как основную черту учения “древних” сабиев. Одни из них поклонялись семи планетам (это, условно говоря, “западные” сабии — Набатей, ар-Рум), другие — неподвижным звездам (“восточные” сабии, они же суманиты, — Индия). Те “звездопоклонники”, которые постепенно перешли от почитания далеких “небесных тел” к поклоне-

нию “неслышащим” и “невидящим” идолам на земле, стали идолопоклонниками (абадат ал-аснам). На этом основании аш-Шахрастани и противопоставляет языческой религии “древних” сабиев монотеизм ханифов. Как видим, аш-Шахрастани говорит здесь о трех ветвях сабиев, причем “южной” или “западной” из них свойственно поклонение “семи домам”, хотя под этими домами необходимо разумеать вовсе не планеты в качестве материальных объектов, а связанные с ними эманации демидургических духовных существ, действующих посредством планет на землю и населяющие ее народы.

Выдающийся русский востоковед, семитолог и гебраист Даниил Хвольсон (1819-1911) в своей диссертации “Die Ssabier und Ssabismus” (Санкт-Петербург, 1856), за которую получил степень доктора философии Лейпцигского университета, совершенно справедливо делит сабиев на “исторических” и “мнимых”. К первым он относит так называемых истинных или халдейских сабиев — упоминаемых в Коране парсифицированных язычников или внехристианских гностиков, родоначальников современных мандеев или “христиан Святого Иоанна”, живущих недалеко от Персидского залива и говорящих на испорченном халдейско-арамейском наречии. В эту же группу входят и псевдосабии или сирийские сабии — остатки древнесирийских язычников, принявших около 830 года н. э. название “сабии”, чтобы среди мусульманских народов пользоваться веротерпимостью, обещанную Кораном истинным сабиям. Последние жили в Северной Месопотамии, Харране, Эдессе и Багдаде; их религия представляет собой смешение халдеизма, парсизма, иудаизма, христианства, гностицизма и неоплатонизма. С XII века они больше не встречаются в истории (они были вынуждены внешне принять ислам) и, судя по всему, продолжают существовать под именем сирийских алавитов и носсаири. От псевдосабиев осталось много литературных памятников, написанных на чистейшем сирийско-арамейском наречии. К “мнимым” сабиям Хвольсон относит народы и религиозные секты Средневековья, называвшиеся у арабских, еврейских и персидских писателей сабиями в смысле звездопоклонников и язычников; затем это наименование европейские писатели распространили как на исторических сабиев, так и на персов времен Зороастра, буддистов, сабеев Аравии и пр.: от него происходит термин сабеизм.

Итак, “историческими” сабиями Даниил Хвольсон считает только “южных” и “северных” сабиев аш-Шахрастани, тогда как “древних”, суманитов, на полном основании помещает в разряд “мнимых”, поскольку с “историческими” их объединяет только звездопоклонство и занятие астрологией. Из мандейских источников, переведенных на немецкий язык Марком Лидзбарским, становится очевидно, что “исторические” сабии расселились по пути исхода из Иерусалима последователей Йоханана Хаматвиля. Праотец Авраам ради Земли Обетованной ушел из Ура Халдейского в Вавилонии, а его потомки иоанниты-мандеи вернулись в Месопотамию — в Харран и Хузестан. Вот уж поистине: ничто не ново под луной!

Община “христиан Святого Иоанна” делится на три категории: *мандаие* (“гностики”), *тармидийе* или *талмидийе* (“ученики”, “младшее духовенство”, “священники”), и *назорайе* (“соблюдающие”). В настоящее время *мандеи* представляют собой мирян, тогда как *назорей* — посвященных в таинства мандейской религии или старших мандейских священнослужителей. Слово *назирута* обозначает эзотерическое знание или гнозис для посвященных. Стать священником можно только по наследству после двенадцатилетнего обучения, предварительно доказав чистоту своего мандейского происхождения до третьего колена. У мандеев трехступенчатое священство, включающее в себя: 1) диаконов (*шган-дэ, посланников*), 2) священников (*тармидийе*) и 3) епископов (*ган-зибрэ, хранителей сокровища*). Возглавляет иерархию *риш ама*, глава народа или этнарх, но вот уже более ста лет этот пост вакантен. В мандейской общине священнику отведена роль *малка* или царя. Посвящение в сан называется “коронацией”, а символами духовной власти являются: венец (*тага*), то есть повязка вокруг головы из белого шелка, деревянный посох (*маргна*) и золотой перстень, именуемый *Шом Йавар* или “имя Йавара”, которое на нем и выгравировано. Во время литургии священник олицетворяет собой небесные сущности *утры* или зоны. Священник обязан каждое утро совершать малое ритуальное омовение, называемое знаком (*ришамой*). Молитвы произносятся стоя лицом к северу, где находятся миры Света (15). Религиозное поклонение северу, в частности Полярной звезде, сближают мандеев с эзотерическим

франк-масонством и индоарийскими ведическими культами, хотя, как нам представляется, что вольные каменщики восприняли почитание Полярной звезды от тамплиеров, а те, в свою очередь, в Средневековье от иоаннитов-мандеев.

До сих пор образ жизни мандеев очень строг, если не сказать суров. Они отвергают: воровство, ложь, адюльтер, неверность, магию, обрезание, почитание субботы, зависть, пение, танцы и театральную игру, всякое злоупотребление, развод, самоубийство, нанесение себе телесных повреждений в каких либо целях и оплакивание мертвых. Потребляют вино они в основном в культовых целях и мясо едят довольно редко, поскольку даже ритуальный забой животных для них — это преступление против жизни. Режут скот у них только определенные “чистые” (“halala”) с религиозной точки зрения миряне или резники; другим это категорически воспрещено. Есть иногда свинину им не возбраняется. Сходство мандеев с “галахическими” евреями заключается в том, что у одних и других этноконфессиональная принадлежность передается по женской линии, то есть мандеем может быть любой человек, рожденный от матери-мандейки. Родственная мандеям ливанско-сирийская секта носсаири (о ней у нас речь пойдет ниже) не сумела сохранить в своей среде всю строгость мандейских законов, поскольку была вынуждена внешне исповедовать ислам, и уклонилась в гностический гедонизм. Храмы у них называются *Манди* (*Манда*) или *Маишна* (*Скиния*). Они делаются из тростника, четыре метра в ширину и пять метров в длину, без крыши, чтобы было видно звездное небо. Стены обмазывают глиной, в них два окна - на запад и на восток, и одна дверь - с южной стороны. В середине храма - глинобитный алтарь. Рядом со зданием - бассейн для омовений. Праздники здесь, как уже говорилось, в основном отмечаются ночью, при свете звезд. Вот как описывает великий весенний праздник мандеев “*Панжо*”, которому отдаются пять дополнительных дней календаря, в которые миры Света открыты для верующих, американский миссионер И. Цвемер:

“К полуночи звездопоклонники, мужчины и женщины, медленно направляются к берегам реки к только что отстроенному храму. Здесь они поочередно входят в крохотную плетеную лачужку с южной стороны

храма, над водоемом одеваются в “раста” - белые священные одеяния, направляются к открытому месту перед храмом и садятся здесь на землю, приветствуя присутствующих словами: “Будь благословен!”, им отвечают: “Благословение живущего над тобой.” Так они сидят чинно, рядами, молча и терпеливо ждут торжественного выхода духовенства.

Два священника со светильниками в руках стоят у входа в храм, не спуская глаз с Большой Медведицы. Как только она принимает положение, указывающее, что наступила полночь, священники, поднимая светильники, дают знать об этом.

Через несколько минут начинается ожидаемое верующими торжественное шествие: во главе идут четыре дьякона, за ними - четыре священника, у каждого на мизинце - золотой перстень, а в руке - посох из масличного дерева в форме креста. Вслед за священниками идет первосвященник, избранный своими коллегами, совершенно отказавшийся от мирской суеты. За ним идут еще четыре дьякона. Один из них держит большой посох - ганзивро, второй несет великую книгу Сидра Рабба, третий - клетку с двумя живыми голубями, четвертый - меру пшеницы и кунжутного семени.

Шествие движется между рядами молящихся. Священники, стоящие у входа в храм, отодвигают дверную завесу, и процессия входит внутрь. Священную книгу Сидра Рабба кладут на алтарь. Первосвященник берет у дьякона живого голубя и, протянув руки по направлению к Полярной звезде, отпускает его со словами: “Во имя живущего, да будет благословен первоначальный свет, древний свет, самосотворившееся божество!”

После этого все молящиеся за оградой, одетые в белое, одновременно встают и падают ниц перед, звездой, которую они молча созерцали...

Когда религиозные торжества оканчиваются, в храме первосвященник закалывает барана, после того как сойдет вся кровь, мясо разрезают на куски и раздают тем, кто в церкви. Все ритуалы заканчиваются до того, как небо озарится лучами Солнца” (16).

Здесь стоит обратить внимание на следующее: если мандейские храмы строятся без крыш, чтобы было видно звездное небо с Полярной звездой, то на потолках храмов франк-масонов изображается то же са-

мое звездное небо с Малой Медведицей и Полярной звездой в этом созвездии. Разве не очевидно, откуда появилась такая традиция у вольных каменщиков и пришло к ним, наряду с посвятельными обрядами, почитание астрологии, в которой последователи Йоханана Хаматвиля слыли профессионалами?

Все литературные произведения мандеев (а они в основном религиозного характера) составлены на арамейском языке, на котором могут говорить еще между собой члены общины, хотя сегодня среди “христиан Святого Иоанна” больше распространен арабский. Тем не менее, в эмигрантских общинах мандеев уже наметилась тенденция возвращения к арамейскому языку даже за рамками богослужения.

В “Книге схолий” несторианского епископа Феодора Бар Конаи в описании секты “достаеан” приводится уникальный архаический мандейский рассказ о сотворении мира, не сохранившийся ни в одной из их священных книг. Вот его краткое содержание. Вначале мир не существовал, но была некая великая сила, покоящаяся на водах. Эта сила создала Абатура, сотворившего Птахия или Петахизеля и приказавшего ему образовать посредством коагуляции землю, развернуть небо и сделать человека. Птахиль не послушался своего отца, создав десять и еще двенадцать племен, заключив в них магическое свойство и не дав им ни души, ни дыхания. Абатур, разгневавшись, проклял своего сына; ангелы тщетно вмешались на стороне Птахия; и Абатур приговорил его оставаться закованным до “дня суда, до лет искупления, до времени, когда в течение полутора дней началось бы воскресение мертвых, когда явился бы и пришел в мир Мессия, когда сырой кирпич заговорит с фундаментами зданий и скажет: “Я исповедую Мессию” (17). Как видим, в рассказе Птахиль соответствует библейскому Люциферу (евр. Хейлель — Утренняя Звезда), сначала принявшему участие в таинстве сотворения мира, а затем возгордившемуся, возжелавшему сравняться с Богом и низверженному с небес. В мандейском сюжете Птахиль-Люцифер, отождествляемый с Посланцем Гавриилом, играет роль демиурга, каковым и является на самом деле. Интересно, что Птахиль, имя демиурга, идущее, как нам представляется, от египетского бога Птаха, несет в себе значение Тела Господа, Дома-Утробы, порождающего вместилища, Храма,

Тайная гностическая печать Мандеев: змея, шершень, лев и скорпион.
Из мандейской рукописи.

своеобразного божественного строительного материала, легшего в основание вселенной, и в этом смысле одного корня с семитскими словами Батхель, Бетель и Вифиль. При сотворении мира Господом Люцифер в качестве камня был заложен в его фундамент. В довольно позднем гностическом самаритянском произведении “Малеф” говорится, что Ангел Господень создал тело Адама, тогда как Сам Бог вдохнул Свой Дух в это тело (18). Следовательно, Птахиль-Люцифер есть Ангел. Но для божественного домостроительства и созидания Народа Божия Моисею был ниспослан Богом Отцом на гору Синай в огненном облачении Ангела Иеговы Сам Иисус Христос, Логос, сотворивший мир вместе с... Люцифером. Отсюда главное заблуждение представителей гностицизма заключается в том, что они вместо двух Ангелов различали только одного — Люцифера, полагая, что именно он являлся Моисею на Синайской горе. Отсюда происходит отрицание гностиками Ветхого Завета, после чего они попадают в люциферианские сети лжеименного знания, в которых спустя столетия оказался выдающийся франк-масон и реформатор Древнего принятого шотландского устава вольных каменщиков Альберт Пайк. Дело в том, что Логосу, рожденному Богом Отцом, была предопределена роль второго Люцифера, которого гностики по своей интеллектуальной гордыне слили с первым — Денницей или Эсфором и, таким образом, расщепили картину мироздания. Вот почему, в отличие от христианства, древние и современные гностические концепции страдают сугубой фрагментарностью: они не дают целостного мировоззрения. Попытка его создания Альбертом Пайком на основе синтеза стройного шотландского устава франк-масонства и люциферианского гнозиса, на наш взгляд, не увенчалась успехом. Провалилась она и у Робера Амбелена, уже в XX веке пытавшегося сделать то же самое, только опираясь на египетский масонский устав Мемфис-Мицраим. Уходят из жизни интеллектуалы, и их труды извращаются: последователи становятся либо узкими люциферианскими сектантами, либо заурядными обывателями, не понимающими смысла ни символов, ни ритуалов. Увы, Альберт Пайк и Робер Амбелен понадеялись на холодный свет люциферианского разума, но позабыли о сердце, о котором говорит Иисус Христос, второй Люцифер, и без которого все вместе с высокомерным гнозисом и мно-

гозначительным мудрствованием обречено на ересь и заблуждение. Тем не менее, понимание Люцифера как неотъемлемой части вещества всего сущего характерно для выдающихся христианских мистиков разных веков и народов — Оригена, Якоба Бёме, Мартинеса де Паскуалиса, Луи-Клода де Сен-Мартена и Авраама Позова. Не это ли люциферианское содействие в происхождении вещества мира благодаря сгущению и растворению отражено в синтетической фигуре Птахилия-Люцифера или демиурга тамплиеров (ее не стоит путать с Бафометом, о котором речь пойдет ниже), напоминающей древнегреческого рогатого и козлоногого бога Пана? С высокой долей вероятности изображение демиурга, украшавшее снаружи фасады орденских церквей и часовен, храмовники позаимствовали у предшествовавших себе дуалистов - иоаннитов-мандеев или манихеев. Но почему тогда рыцари поклонялись не только бафометическим фигурам, но и образам демиурга. Ответ лежит в области теологии и космогонии мандеев, у которых Птахиль-Люцифер является существом способным к покаянию: следовательно, он будет реинтегрирован в Боге, когда совершится последний космический суд и произойдет всеобщее восстановление или Апокатастасис. Исходя из этого, становится понятной логика почитания демиурга тамплиерами и люциферианские практики, производившиеся в орденских капитулах. Даже сильно зараженные и пропитанные ересью великие символические идеи не умирают: они лишь трансформируются во времени и пространстве. *Религиозная учение мандеев изложено в “Великой Книге” (“Sidra rabba”), называемой одинаково “Сокровище” (“Ginza”). “Гинза” писалась и дополнялась между 650 и 900 годами н.э. и состоит из двух частей, именуемых “Левой” и “Правой”. “Правая” часть - “Jamina” - предназначена для живых, а “Левая” - “Smala” - для мёртвых. “Великая Книга” представляет собой собрание текстов разных авторов. Древнейшие части излагают парсийское учение в мандейской интерпретации, наиболее поздние - учение о Царе Света в монотеистической традиции, хотя более ранние версии указывают на то, что первоначальные мандеи придерживались тринитарного мировоззрения (см. ниже). Каждая книга имеет своего духа-покровителя, к которому практикуется молитвенное обращение. Эти гении сакральных*

текстов, по-видимому, родственны зороастрийским фравашии. Кроме “Гинзы” в канон мандеев входят: “Книга знаков Зодиака”, “Тысяча двенадцать вопросов”, “Первый Макрокосм” или “Великий Первый Мир”, “Первый Микрокосм” или “Малый Первый Мир”, “Собрание Первой Жизни” или “Диван”. Другим важным источником является “Книга Иоанна” (“Драша д’Иахиа”) или “Книга Царей” (“Драше д’Малке”). Царями мандеи называют ангельские сущности Света. Оно содержит тридцать семь мифологических разделов, в которых особенно интересны истории о явлении в Иерусалиме небесного Спасителя Аноша. Канонический молитвенник или Коласта включает в себя множество гимнов, песнопений и молитв, употребляемых мандейскими жрецами для различных богослужений и особенно крещения (масбута), заупокойной мессы (масикта), ритуальных трапез и пр. (19)

Книга “Гинза” даёт три различных рассказа о сотворении мира. Один из них, наиболее архаичный, мы и приводим здесь. Он несёт на себе признаки прежней веры мандеев и, возможно, их ессейских предков в Живоначальную Троицу. Вначале существовала Триада: “Пи́ра Рабба” (Великий плод), “Аяр Зива Рабба” (Эфир Великого сияния) и “Мана Рабба” (Великая пища). Последний является важнейшим из Триады — Царём Света, от которого произошло всё. От него нисходит и “Великий Иордан”, пронизывающий весь эфир, царство Аяра. Мана вызвал к жизни (хайе кадмае — первичную жизнь), а затем удалился, открываясь только душам самых благочестивых мандеев. Как правящее божество хайе кадмае служит предметом поклонения. Оно произвело многочисленных ангелов (собственно, богатства) и (хайе тиньянэ — вторую жизнь) или “Юшамин” (Небесный Яхве), что соответствует Богу Израиля, Которого гностики признавали “божеством низшего ранга”. Именно “Юшамин” захотел возвыситься над первоначальным Светом, но потерпел неудачу в своей попытке, за что был выброшен из чистого эфирного мира и изгнан в мир низшего света. Похожий рассказ мы находим у всех гностиков: в нем Эон София падает, пожелав достичь Плеромы Света. Предание древних жителей Ханаана гласит, что Гиллель бен Шахар (прототип Люцифера) пал, совершив попытку достичь престола Господа Эль-Элиона. От

“Юшамина” произошли другие сущности, напоминающие зоны гностиков, среди которых “Абатур” (“отец ангелов”), он же Атика (Древний) и хайе тэлите (третья жизнь). Хайе Тэлитэ сидит на краю света, взвешивая на своих весах деяния духов, восходящих к нему. В некоторых мандейских текстах сообщается, что Абатур, наблюдая свое отражение в черных водах низшего мира, вызвал тем самым появление демиурга Петахиэля (он же Гавриил): ему и было поручено создать землю и населить её. Как видим, здесь повторяется известный гностико-каббалистический сюжет о двух ликах божества — Великом (Макропрозоп) и Малом (Микропрозоп) — и их отражении друг в друге. Присутствие этого сюжета у мандеев свидетельствует о его достаточной древности. Нельзя исключить, что его знали члены Кумранской ессеической общины уже в I веке до н. э. Однако в мандейских текстах существует и иная версия происхождения Петахиэля. Как раз ее мы приводим ниже (20).

“Руха была сестрой Хагха и Магх в мире тьмы.

Именно Гивел Зива заставил ее выйти из мира тьмы, хозяином которого является Акрун. С последним пребывают супружеские пары Гаф и Гафан, Хагх и Магх, Сарги и Саргани, а также Ашдум, имевший своей женой Руху. Их символы — лев, скорпион и шершень”.

“Но я расскажу вам о том, как Руха пришла в горний мир.

Однажды Мелки (Ангелы) и Утры (Эоны), которых насчитывается двенадцать тысяч, захотели увидеть Мелек Зиву (Царя Света или Мана Рабба д’Экара), великого бога всего, и каждый должен был задать свой вопрос о сотворенном мире, к примеру: почему деревья зеленые, почему это происходит и почему то и пр. Каждый из них имел свой вопрос”.

“Они поднялись на транспортные средства, подобные кораблям, движимым электричеством и поспешили к Аватуру, пока, наконец, не достигли самого высокого из небес: ослепительный свет струился на них, но они не могли на него смотреть и падали на лица.

Только Гивел Зива, присутствовавший вместе с ними, оставался стоять”.

“С Мелек Зивой находились два могущественных духа Шишлам Рабба, открывающий путь, и Иавар Рабба.

Гивел Зива попросил Шишлама Раббу открыть ему путь через преграды света, чтобы он мог приблизиться к Господу всех вещей Мелеку

Зиве, и последний дал позволение Шишлему Раббе, говоря: “Иди и принеси мне Гивела Зиву!”

Другие не могли приблизиться и оставались распростертыми, но ответы на их вопросы пришли в их разум без нужды быть заданными устно”. “Более того, поскольку Утры и Мелки стремились увидеть Господа всего, они увидели своим умом лицо света, являвшее собой подобие Бога, другое имя которого Парсуфа Рабба ад’Икара (Великий Лик Славы). Здесь идет речь о тайном имени, которое никто, за исключением посвященных, не знает. Это священное имя я раскрыл для вас!”

“Когда у них произошло это видение, Утры и Мелки принялись молиться и поклоняться.

Что касается Гивел Зивы, то он приблизился намного ближе, чем они, и смог воспринять этого взыскуемого владыку и постиг его.

Затем Гивел Зива сказал Мелки: “Я должен спуститься и создать мир, называемый Олам д’хшукха (мир тьмы)”.

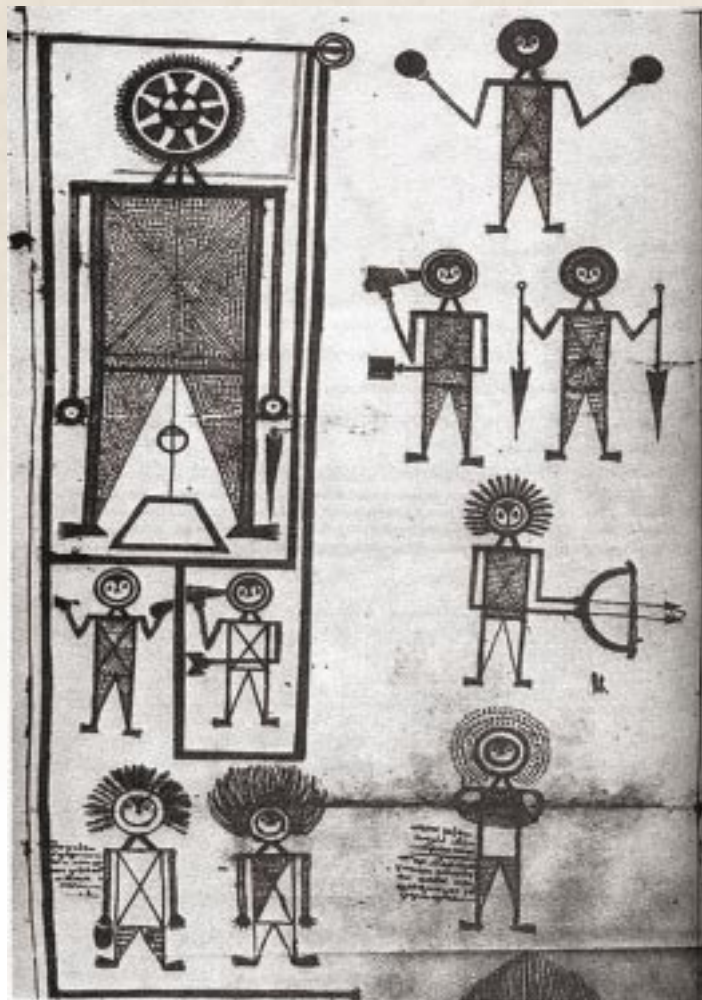
“Он спустился и шел все ниже и ниже на протяжении многих лет, пока не достиг Акрун Тура ад Безера (Круна, горы плоти) в глубинах творения. Видимый мир держится на этом царе тьмы, а его форма напоминает гигантскую вошь.

Акрун спросил, когда увидел Гивел-Зиву: “Зачем ты пришел в мое царство? Как ты мог спуститься сюда? Теперь я тебя проглочу!”

И он раскрыл свою пасть. Глотка Акруна была огромной, и она имела такую силу вдыхания, что все могло быть затянуто внутрь”.

“Но Мелек Зива послал двух могущественных духов, чтобы покровительствовать Гивел Зиве. В царстве духов один могущественнее другого, и они боролись рядом с Гивел Зивой.

Когда Акрун захотел дыханием сдвинуть Гивел Зиву с его места, чтобы проглотить, духи бросили луч света, уподобившемуся мечу в горле Акруна, и он задрожал, увидев прибывшим наиболее могущественного духа и поняв, что сила Гивел Зивы исходила от Царя дневного света. Зива представлял собой чистый свет дня, тогда как Анхура являла собой лунный свет. Как только Гивел-Зива заметил, что Акрун, Господин тьмы, был ранен, он сказал: “Это дело Мелек Зивы!”

Гностические рисунки из мандейских рукописей

“И он повелел Акруну, говоря: “Я пришел, чтобы забрать Руху (Дыхание Духа). Попроси Ащдума, ее супруга, чтобы он отказал ей. Руха является духом жизни в сотворенном мире, и наше дыхание идет от нее. Тогда силы тьмы отдали Руху Гивелу Зиву на эту эпоху, и она была беременной”.

“Вместе с ней Гивел Зива взял талисман, печать, на которой изображались символ Гафа и скорпион.

Это нужно было для содействия Рухе по пути в высшие миры.

Руха спросила Гивел Зиву: “Куда ты меня уносишь?” Он ей показал дорогу”.

“Однако Руха имела сестру, называвшуюся Захариэль (Захрель, Захриэль, она соответствует Лилит).

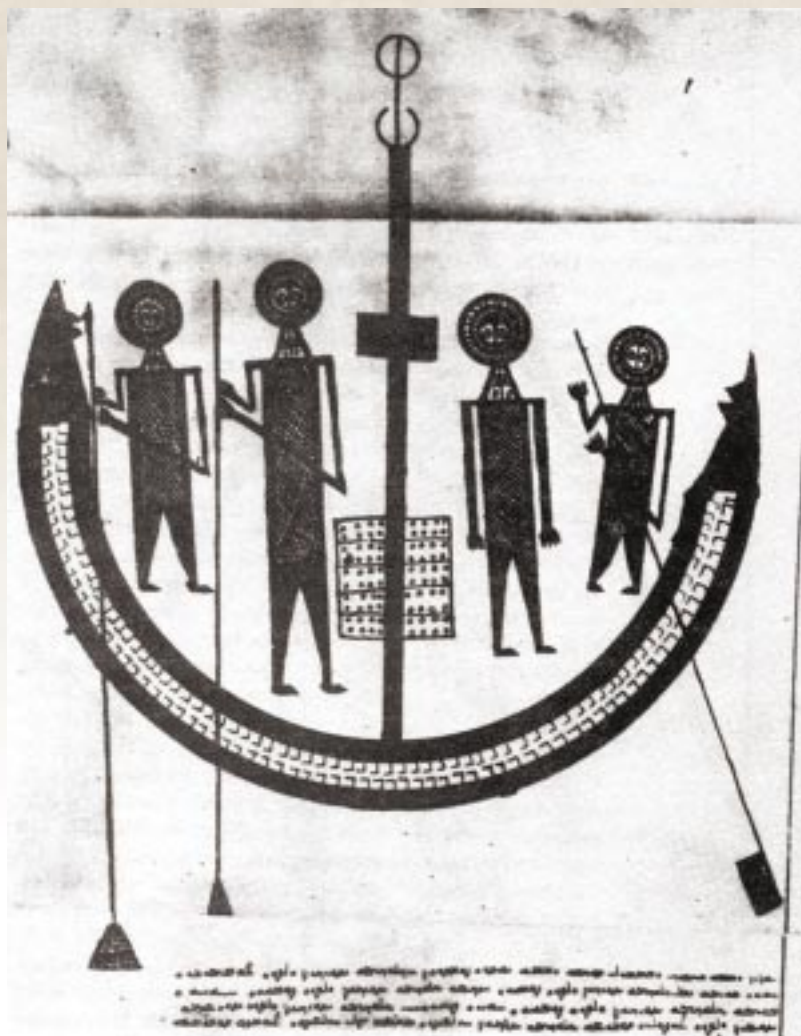
Когда она увидела Гивел Зиву, то влюбилась в него, но так как от него ничего не было скрыто, он знал, что ее влекло к нему.

Тогда он и ее взял вместе с собой и Рухой.

И Захариэль родила ему сына Петахиэля (Демиурга).

Таким образом, Петахиэль, который берет души, чтобы их взвешивать, и направляет духов искать души в телах, является сыном света и тьмы” (21).

Петахиэль сотворил Адама и Еву, но не сумел вдохнуть в них жизнь. Это сделали воплощения Манда д’Хайе - Гибил, Шитиэль и Анош, которые вдохнули в них от духа самого Мана Рабба. Гибил передал первым людям веру, поведал им, что их сотворил не Петахиэль, а великое божество, стоящее гораздо выше его. Петахиэль был изгнан в низший мир, имеющий четыре входа и три ада. В преисподней царствует сам грозный царь Шедун (Асмодей). Облеченный силой Мана Рабба, Гибил сошёл вниз и создал Руху, мать коварства и обманов, царицу тьмы. Руха родила последовательно 7, 12 и 5 сыновей, и все они были унесены в небеса Петахиэлем. Первые 7 — наши 7 планет, 12 — знаки Зодиака, а судьба последних неизвестна. Следующей эманацией от “Юшамина” является *воплощенный Гнозис* “Манда д’Хайе” или “предвечный человек”, в Каббале, соответствующий Адаму-Кадмону каббалистов, гностическому эону Христу или “Небесному Христу” тамплиеров. Именно “Манда д’Хайе”, он же “предвечный человек”, выступает в теогонии иоаннитов-

Гностические рисунки из мандейских рукописей.
В центре лодки крест — Мондейская Хоругвь Света

мандеев в качестве *Царя-Священника*. “Манда д’Хайе” открывался людям, принимая самые различные виды. Так, например, он явился в виде трех братьев: Гибил, Шитиэль и Анош (библейские Авель, Сиф и Енох). Мир, по верованиям мандеев, будет существовать в течение 480 000 лет, разделённых на 7 эпох, каждая из которых управляется другой планетой. Весь род людской был трижды истреблён за исключением одной пары. Библейские пророки являются, по мнению мандеев, “лжепророками”. Такими были и Авраам (живший, по их исчислению, через 6000 лет после Ноя), Миша (Моисей) и Шлимон (Соломон), которому служили демоны. “Истинным” пророком был Иахия (Иоанн), сын Захарии — бывший воплощением Гибила. В течение 40 лет он крестил бесчисленное множество людей в Иордане, где по ошибке крестил и лжепророка Иешу Мешиха (Иисуса Мессию), сына *Рухи Кадшиты*. Младший брат Гибила Анош тоже сошёл с неба, совершал чудеса и распял Мессию Иисуса. Он проповедовал “истинную” веру, разрушил город Иерусалим и рассеял евреев по всему миру за то, что они предали смерти Иахию.

Со временем отойдя от тринитарного мировоззрения в пользу строгого монотеизма, мандеи, вследствие этого, впали в дуализм. И теперь в их доктрине, как и в учении любой из гностико-манихейских сект, присутствует строгое противоборство “Мира Света” (*алма д-нура*) с “Миром Тьмы” (*алма д-хиука*). Последний есть обитель “Властелина Тьмы” (*мара д-хиука*) и возник из “темных вод” (*куми, тами*), иными словами, хаоса. Его главные силы - дракон, называемый Ур (явная аллюзия на происхождение его имени от еврейского “свет”) и уже упоминавшийся злой женский дух Руха. Впрочем, поглядим, что об организации низшего мира говорят сами мандейские источники.

“Прежде всего был *Мелка-Зива (Царь Света)*, от начала создавший пять существ Света. Но в то же самое время существовала и тьма, ибо повсюду присутствуют формы со своими противоположностями. Если есть правое, то есть и левое, и левая сторона тела, являющаяся частью ночи, более слабая. Поскольку было пять существ, происходящих от света, то было и пять первоначальных существ тьмы. Их имена таковы: их господин *Акрун (Крун)*, *Ашдум (Ш’дум)*, пара *Гаф и Гафан*, пара *Хаз*

Мондейская Хоругвь Света. Современное изображение.
Голубь как символ Святого Духа

и Магх и пара Зарги и Заргана (*Зартаи или Зартана*). Гафан, Магх и Заргана являются женскими половинами, дополняющими своих мужей.

Темнота породила трех владык талисманов и их имена в образах, под которыми они появляются на талисманах. Мелка-Зива является источником всей жизни.

Лучи света и жизни исходят от него и передаются солнцу и четырем планетам посредством *четырех Мелки (Небесных Царей, Архангелов)*, пребывающих на Полярной Звезде, имена которых суть: *Архум-Хийя, Зив-Хийи, Эн-Хийи* и *Сом-Хийи* или *Сам-Хийи*. От четырех последних зависит сила и жизнь *Шамиша (Солнца)*”.

В заполненном черными водами “Мире тьмы”, расположенном под “Миром Света”, по мнению мандеев, многие сущности появлялись стихийно. Материальный мир разделялся на четыре части, каждой из которых управляли парные сущности, слагавшиеся из мужского и женского начала: Зартаи и Зартана, Хаг и Маг, Гаф и Гафан, Анатан и Кин. Эти низшие эманации представляют собой *сизигии*, в чем мы усматриваем влияние валентинианского гнозиса на доктрину мандеев, хотя вопрос о вероятных связях гностиков первых веков христианства с мандеями изучен недостаточно, и трудно делать определенный вывод, кто на кого оказал большее влияние. Последняя пара, по одной из мифологических версий, имела двух дочерей: Руху (Руххайя — дух, дыхание жизни) и Захриэль (Захрель, Захаризель) или Лилит. В самом низком своем пристанище преисподняя делилась еще на три части: высший ад, которым правит Ашдум Мелка; средний ад, где хозяйничает великий Гив (Гаф); и нижний ад — место господства Круна, Акруна или Каркума, “великой горы плоти”. У Ашдума с Рухой был сын гигант Ур, через соитие с которым Руха породила семь планетарных архонтов, содействующих повсюду демиургу Петахиэлю. Эти самые архонты помогли ему поработить души людей в материи. В течение времен планетарные духи воплощались на земле в различных лже-пророках, вводивших людей в заблуждения. Вот имена архонтов с вариантами: Эстера, Либат, Ливет, Амамит (Венера); Энба, Энво, Нбу (Меркурий); Син, Сера, Саурель (Луна); Кевон, Киван (Сатурн); Бел, Бил (Юпитер); Нериг, Ниригх (Марс); Иль, Ллиль, Кадуш, Адунай, Шамиш (Солнце).

О сотворении Адама мандейские тексты доносят следующее. “Когда Петахиэль создал Адама, то последний рухнул, ибо не имел в себе души (...) Петахиэль поднялся тогда к Средоточию Света и вошел в присутствие “Отца Утр” (Абатура), спросившего его: “Что ты исполнил?”.

Петахиэль ему ответил: “Все прежде сделанное мной имело успех, но мое и ваше подобие не увенчалось успехом” (...) “Отец Утр” (Абатур) вышел и позвал Гибилу, Ситилу и Аноша, беспорочных Утр. Вызвав их, он дал им повеления и наставления по поводу душ.

Он им сказал: “Будучи хранителями душ (...), не оставляйте злобному Петахиэлю знания о том, как души входят в тела. Утра Петахиэль поспешил спуститься и его помощники (Гибил, Ситил и Анош) спустились вместе с ним”. “Руха и Петахиэль попытались создать Адама; когда они закончили, то оказалось, что он подобен человеку, но ходил на четырех конечностях, имел лицо как у обезьяны и блял как баран.

Они удивились и возвратились в Дом Жизни, где им объяснили их провал, и Дом Жизни сказал им: “Мы поспешим послать Гивела-Зиву (Авеля)”. Гивел-Зива пришел с душой в своих руках. Когда душа увидела Адама, то ужаснулась и сказала: “Почему должна я обитать в этой плоти и в этой крови, этом доме нечистоты?” И она отказалась.

Гивел-Зива ответил ей: “Ты думаешь, что можешь отказаться от повеления Палаты Жизни?”

Она говорит: “Я принимаю это только с одним условием - все существующее в Мире Света должно быть и в этом мире: цветы, деревья, свет, чистый воздух, струящаяся вода, крещения, священники; то есть все имеющее место в горнем мире”.

Гивел-Зива возвратился и говорил с ними и принес обратно письмо. Он его не открывал, но сказал и пообещал, что Дом Жизни исполнит все, что душа ни попросит.

Тогда душа (Нишимта) вошла в тело Адама, и он смог держаться и говорить, и Гивел-Зива научил его не только читать и писать, но как сочетаться браком, погребать усопших, забивать барана, а одинаково и всем другим знаниям”.

Подобно маркионитам, гностикам и манихеям, иоанниты-мандеи целиком отвергают “Ветхий Завет”, хотя отдельные его сюжеты обрабатывают и перетолковывают в своем гностическом смысле.

“Увидев это, Руха пожелала иметь свою расу, свой народ и свое племя. Она пришла к сыну Адама и убила барана. Из его кожи она сделала бубен, а из костей флейту. И стала играть, петь и плясать со своими семью детьми (архонтами семи планет).

Он мне дал высокое священство,

Он мне дал кинжал и меч,

Он мне дал музыкальный инструмент,

Он мне дал искусство пения,

Он мне дал ремесло медника.

Руха пришла к сыну Адама и говорит ему: “Пойдем развлекаться с нами”.

И он пошел вместе с ней.

Ливет (архонт Венеры женского рода) показала ему красивой женщиной. Он взял ее и стал отцом ее ребенка.

Руха, переодевшись в Хаву (Еву), отдалась Адаму, который вошел в воду вместе с ней.

Некоторое время спустя его упрекали в этом, говоря: “Ты не заметил какой большой она была в воде?” Он отвечал, что ничего не сумел увидеть, поскольку она использовала колдовство”.

“Евреи были детьми Рухи и Адама. Их великие люди являлись также детьми Рухи от разных отцов: Моисей — сын Кивана (архонта Сатурна), Авраам — сын Шамиша (архонта Солнца)”.

“Они странствовали, пока не пришли в Ур-Шалам (Иерусалим), который назывался Ура-Шалам (“дорога завершена”). Они захотели книг, и Мелка д’Анхура говорит: “Должна быть написана книга, которая не причинит хлопот мандеям; и они направили Т’ав с’Мелка, одного из Мелки (небесных царей), чтобы написать Торат (Тору)”.

“Евреи не имели священников, и только когда Анош-Утра (Эон Енох) пролил свое семя в Иордан, еврейские женщины пили воду и забеременели, и породили 365 священников.

Иношвей тоже пила воду, и на свет появился Иахиа (Иоанн Креститель), и все мужчины, родившиеся от семени Иордана, были им крещены и сделались священниками”.

“Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от

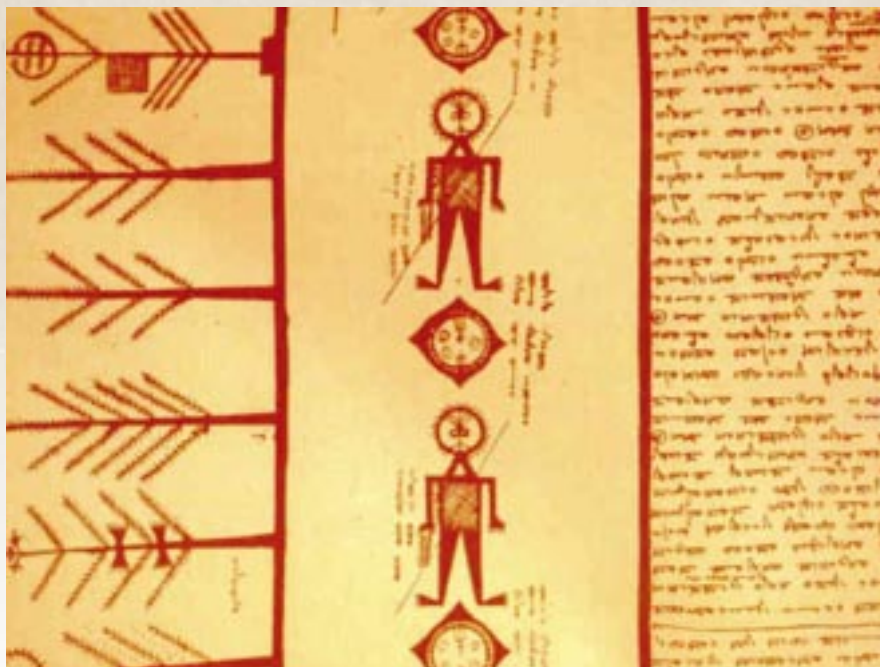
будущего гнева?” (От Матфея Святое Благовествование, Глава 3, стих 7). “Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста” (От Матфея Святое Благовествование, Глава 12, стих 34).

“Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?” (От Матфея Святое Благовествование, Глава 23, стих 33).

Вера в небесных посланников (*шганда, шлиха*), посредников (*адъ-жура*) и спасителей (*парванка*) является характерной чертой религии иоаннитов-мандеев. Главный из них это эон воплощенного Гнозиса “Манда д’Хайе”, называемый еще “Сыном Жизни” (“*Бархайе*”) или “Двойником Жизни” (“*Дмутхайе*”). Он научил Адама тайнам космоса и культовым обрядам. В иных текстах сообщается, что Анош или “Манда д’Хайе” явился в Иерусалим вместе с Иисусом Христом (*Иешу Мешихой*) и обличил Его как лжепророка, тогда как Иахиа или Иоанн Креститель был истинным мандейским “жрецом” (*тармида*) и воплощением Гибил-Зива (сияющего Авеля). Бога иудеев и христиан *Адонай* мандеи считают богом зла или демоном и отождествляют Его с Солнцем, а Тора или Пятикнижие Моисеево для них, как и последующих уже христианизированных гностиков и диссидентов, есть дело злобных духов. В мандейском произведении “*Nagan Gawaita*” говорится, что назореи “любили Господа *Адонай* до явления Христа” (на ранней стадии развития мандейского сообщества к нему присоединилась одна из частей иудейских *гностиков-адонаистов*). Интересно, что подобная критика “Адонаизма” (а в более широком смысле слова - христианства) прослеживается в оккультном франк-масонстве и в ритуалах Древнего принятого шотландского устава вольных каменщиков, реформированного и переработанного Альбертом Пайком. Не от мандеев ли идет популярная ныне традиция рассматривать христианство как религию Солнца, в которой умирающий и воскресающий Христос есть *Sol Invictus* и проявление своего Отца *Адонай*? Уже в более поздние времена Он предстает для мандеев Христом-Римлянином или Христом-Византийцем (*румая*), играя роль гонителя их общины. Необходимо отметить, что Иисус Христос у мандеев — злая сущность, обманщик и оболъститель; Он — гений Меркурия, принадлежащего Миру Тьмы. Иисус профанировал истин-

ные откровения и совратил еврейский народ. Он ввел бесполезное крещение в мертвых водах. Мандеи называют Его Мшиха (Иешуа ха-Машиах). Очень часто это именование встречается в следующих сочетаниях: *Мшиха д-кадба*, *Мшиха кадаба*, *Мшиха дагала*, то есть “Мессия обманщик”; *Мшиха румая* - “Мессия-Римлянин”; *Мшиха нбиха йахутайа* - “Мессия и пророк евреев”. Жесткая неприязнь к Иисусу Христу распространяется у мандеев и на все еврейство, в среде которого появился на свет и проповедовал Сын Божий: так, даже названия *иудеи* (*йахутайа*) и *иудаизм* (*йахутута*) они связывают со словами “грех” и “выкидыш” (иногда термин *иудеи* переносится ими и на христиан); Иерусалимский Храм иоанниты считают твердыней зла, возведенной по воле сил тьмы и Самого Ангела Иеговы (о Нем мы говорили выше), а святую для христиан и иудеев гору Сион сравнивают с выгребной ямой.

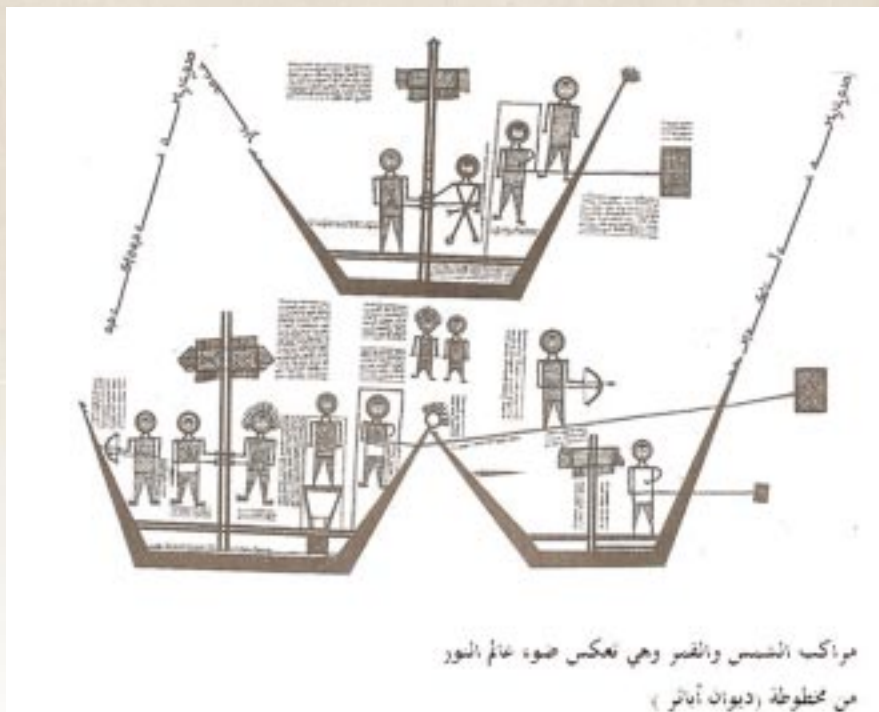
Христианство мандеи рассматривают в качестве ответвления и продолжения иудаизма и называют его носителей *Кристианиа*, *Крестианиа* или *Карестианиа*, а иногда *Мшихайа* (“мессиане”). “Христиане Святого Иоанна” признаются в откровенной ненависти к христианам и полагают, что последние достойны всяческого презрения, и даже обвиняют их в ритуальном убийстве еврейских детей с целью использования крови для своей евхаристии. Христианство как мессианскую ветвь иудаизма мандеи относят к религиям тьмы, к которым, впрочем, принадлежат и все остальные вероисповедания: иудаизм, ислам, зороастризм и пр. Крайнее негодование вызывают у мандеев три основных пункта христианской доктрины: Иисус Христос, таинство крещения, безбрачие черного духовенства, в том числе женское и мужское монашество. В равной степени мандеи питают ненависть и к евреям, своим кровным братьям: они полагают, что иудеи, праотцы и пророки, извратили первоначальный Закон, и это продолжил делать Иешу Мшиха, по их мировоззрению, провозвестник лжи, увлекший народы в сторону от верного пути (судя по всему, от мандеев берет начало и “мистический” антисемитизм христианизированных гностиков, манихеев, средневековых богомилов-катар, а также юдофобствующих мистиков и оккультистов тамплиерской традиции XX столетия; поразительно, что зачастую почерпнутый в гностицизме антисемитизм сочетается и смыкается с оголтелым анти-

Страница древних мандейских рукописей

христианизмом). В противоположность Иисусу Христу, Иоанн Креститель является истинным божественным посланником, возродившим настоящее крещение в живой воде Иордана: его мандеи рассматривают не в качестве основоположника своей религии, существовавшей от Адама, но как *последнего* подлинного пророка. Вероятно именно от мандеев пришла к мусульманам эта концепция *последнего пророка*, учитывая то, что Мухаммед никак не мог обойти стороной ни гностицизм, ни манихейство, ни духовно предшествовавшее им мандейское учение, к носителям которого основоположник ислама относился более лояльно, нежели к иудеям и христианам, хотя и его иоанниты-мандеи включили в разряд лжепророков.

В высшей степени примечательно, что в священном каноническом сборнике *Драшья д-Йахиа* (“Книге Иоанна”), авторство которого мандеи приписывают самому Иоанну Крестителю, последний выступает в нем как противостоящий Христу или Антихрист. По какой-то причине этот факт многие исследователи мандеизма старались обходить молчанием. Иными словами, прославление Антихриста впервые зародилось в иоаннитской традиции и, как нам представляется, было затем напрямую связано с культом Иоанна Крестителя и поклонением гностическому “идолу” Бафомету у тамплиеров, поскольку Бафомет — это крещение мудростью или погружение в живую воду знания. Значит, из-за тайного характера своей посвянительной организации и невозможности в строгих условиях римско-католического окружения совершать каждое воскресенье реальное иоаннитское крещение в Иордане тамплиерам были необходимы гностические идолы, как бы имитировавшие во время капитулов это крещение на ментальном плане и как бы перенося его в аллегорическую плоскость. Помимо своеобразного энергетического и ритуального ретранслятора, воспроизводящего крещение иоаннитским гнозисом, Бафомет являлся еще символическим изображением воплощенного Гнозиса Манда д’Хайе иоаннитов-мандеев, Софии-Ахамот-Хохмы валентиниан (или андрогинного зона Мете) и “небесного Христа” тамплиеров, противостоящего земному Иешуа ха-Машиаху, сыну Мириам. Следовательно, “небесный Христос” тамплиеров есть Антихрист, одно из проявлений или модальностей которого это Йоханан Хамат-

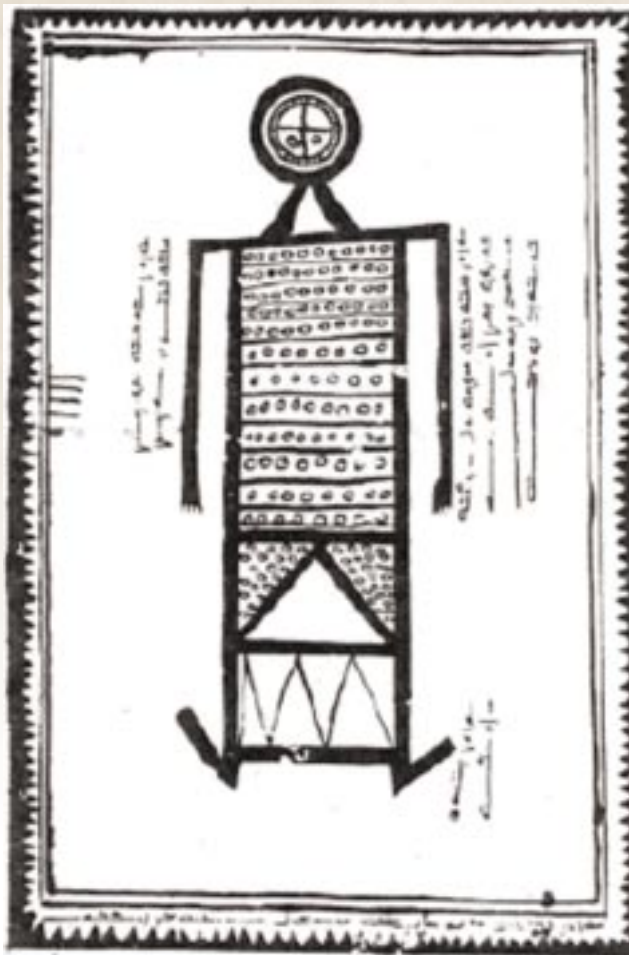
Хоругвь Света и символика спасения у мандеев

виль или Иоанн Креститель. И не отсюда ли взялось обыкновение у некоторых эксцентричных западных оккультистов называться Бафометами-Антихристами (один из них - Алистер Кроули - знаменитый черный маг и руководитель Ордена восточных тамплиеров, известного своими психодраматическими и сексуальными ритуалами)?

Поскольку многие эзотерические термины могут иметь не менее откровенный и важный смысл при обратном своем прочтении справа налево, постольку становится понятным, что тамплиеры желали выразить, читая наименование своего “идола” наоборот. Итак, Бафомет есть Темофаб (ТЕМ.О.Н.Р.АВ.) или “Templi omnium hominum pacis abbas”, то есть “Настоятель Храма мира всех людей”. Мы здесь разочаруем распространяющих всякие небывлицы об ордене конспирологов, сказав, что тамплиеры вкладывали в это название свое иоаннитское эсхатологическое значение. По иоаннитско-мандейской апокалиптике (о ней мы расскажем ниже), в конце времен должен воцариться для суда над людьми ложный Мессия (*Мишха кадаба*; мандеи наивно связывают его с Иисусом Христом), которого признает весь мир. Такое значение и было зашифровано рыцарями в обратном прочтении слова Бафомет. И получается интересная вещь: Иисус Христос явно уже противопоставлен триаде мандейских эонов — Манда д’Хайе, Йоханану Хаматвилю и Софии-Хохме-Ахамот; в противоборстве на доктринальном уровне присутствует и обрядовый смысл: если Бафомет есть крещение в живой воде мудрости, то его имя наоборот — христианское крещение в смерть Христову, о котором замечательно сказал Святой Апостол Павел. Заметим, что здесь не идет речь о поклонении тамплиеров Люциферу, хотя многие исследователи, специализирующиеся на эзотерической тематике, вменяли именно его рыцарям. Подобным образом можно полагать, основываясь на христианской эсхатологической доктрине об Антихристе и конечных судьбах мира, но не на мандейской, где все поставлено с ног на голову. Конечно, с течением времени смысл иоаннитских мистерий у тамплиеров угасал (особенно в приорствах и командорствах, удаленных от центра), и как результат в ордене могла возникнуть определенная люциферианская группа, но говорить о том, что внутренний круг рыцарей, где дольше всего в чистоте держалось иоаннитское учение со

свойственной ему эсхатологией, откровенно исповедовал культ Люцифера, по-обывательски наивно и нелепо: любую прекрасную идею можно опознать, извратить и, если позволите, даже осквернить всяким упрощенным профаническим подходом. Духовный мир является миром архетипов, эйдосов, монад, символов, аллегорий, метафор и образов, а мы пытаемся его воспринимать и описывать очами человеческой плоти. В эту же ловушку попались и пребывавшие в духовном поиске тамплиеры, не сумев отделить в мандейской доктрине зерна истинного гнозиса от плевел лжеименного знания. Вот почему выдающиеся мистики, записав во время откровения свыше свои строки, потом их отказывались понимать, ибо сие становилось уже не под силу пришедшему в ординарное состояние человеческому сознанию. Но не стоит забывать и другое: без мистицизма, духовной алхимии не может существовать истинной ментальной культуры. Кризис всякой религиозной конфессии это прежде всего кризис ее мистицизма, когда она утрачивает соль своей эзотеричности, становясь добычей для среднестатистического обывательского сознания. Часто к этому приводят и литургические реформы как в случае со Вторым Ватиканским собором, ведь литургия является как бы символическим сосудом, в котором содержится квинтэссенция религиозного мистицизма. Но что получается, когда этот сосуд намеренно разбивают на маленькие фрагменты? И можно ли их обратно склеить? С другой стороны, мы далеки от мысли рассматривать практику тамплиерского крещения, связанную с Бафометом, так прямолинейно, как это делают некоторые популярные конспирологи. Являющаяся вместилищем архаического гнозиса иоаннитская доктрина достаточно утонченна и требует аллегорического рассмотрения. Прежде всего это касается самого “идола” и тамплиерского культа голов, уходящего своими корнями в седую индоевропейскую древность. Вспомним хотя бы отсеченную Персеем голову Медузы Горгоны или снятые кельтами со своих мертвых врагов головы, о которых достаточно рассказывается в средневековом эпическом цикле о Святом Граале, похороненную на Белом холме Лондона голову Брана, пророческую голову Минира из норвежских сказаний, голову Голиафа и пр. Культ отсечения головы связан с двойным посвящением: рассекая голову противника-посвятителю, побе-

дитель-неофит обретает сразу содержащуюся в голове сверхъестественную силу с ее духовной потенцией и отдает оболочку своей плоти Духу. Произнося затем мистические формулы и принимая участие в драматических сценах, неофит уподобляется божеству, позволяя себе воспроизводить собственное духовное возрождение в тесном общении с божественным. Нечто подобное, только на ментально-символическом уровне получали в своем посвящении тамплиеры, которое изначально, по видимому, включало в себя как аллегорическое крещение, так и поклонение отсеченной главе Святого Иоанна Предтечи в виде ее копий, масок и реликвариев, представленных на капитулах. Сначала неофита посредством кощунственных ритуалов и полученного в результате этого психологического шока вводили в состояние измененного сознания, после чего он уже был готов созерцать в символической форме на ментальном плане в астральной проекции трансцендентный сверхъестественный образ “даймона-демона” или гения, связанного с высшей реальностью, которую неофит должен был пережить как испытание “второго крещения” или катарсис от опасного естества, приходя к обладанию Гнозисом “Девы Софии”, обеспечивающей, по признаниям некоторых рыцарей, вечностью, славой и богатством. Вот почему тамплиерский веревочный пояс, именовавшийся “*поясом Иоанна*” и означавший причастность к символическому крещению в водах мудрости, прежде чем достаться посвященному, обматывался поначалу вокруг головы “идола”, бесспорная этимология имени которого может иметь только два не противоречащих друг другу варианта: *Бафе-метус*, погружательное крещение мудростью; и *Биос-фос-метис*, жизнь-свет-мудрость. Они оба соответствуют концепции крещения в живой воде у иоаннитов-мандеев. Замечательные алхимики и посвященные XX века Фулканелли и его ученик Канселье полагают, что имя “*Бафеус*” (“*Varheus*”) могло переводиться как “красильщик”, который на алхимическом языке выражает “цвести, плодоносить и собирать урожай, а также живительную “силу” духовного огня”. Эта версия только дополняет два первых варианта, поскольку крестившийся в водах мудрости окрашивается ее цветом, то есть в определенном смысле он ею поглощен. Недаром Фулканелли в “Философских обителях” замечает: “Бафомет — это синтетический об-

Символическое изображение сотворенного человека у мандеев.
Страница древних мандейских рукописей

раз, в котором посвященные Храма соединили все элементы “Высшего Знания и Традиции” (22). Но кто же являлся “красильщиком” для тамплиеров? Ответ очевиден: Иоанн Креститель. Именно его живые воды заставляют прорастать, цвести и плодоносить растения. В манихействе он - “страждущий Иисус”, не имеющий прямого отношения к Иешуа Назорею, сыну Мириам. О синтетичности образа хочется сказать: действительно, Бафомет вобрал в себя три лица, среди которых гностические эоны - воплощенный Гнозис Манда д’Хайе, Йоханан Хаматвиль и София-Ахамот-Хохма (Мете). Поэтому и встречается изображение Бафомета, состоящее из трех лиц (имеется в виду ключ свода XVI века в крепости Томар в Португалии, некогда принадлежавшей тамплиерам, а затем доставшейся их правопреемникам рыцарям португальского Ордена Христа). Некогда отпавшим от иудео-христианской протоортодоксии гностикам даже здесь было сложно отказаться от божественного принципа троичности, хотя справедливости ради стоит отметить: иоаннитско-мандейская доктрина содержит в себе гораздо больше архаических следов примордиального тринитарного вероисповедания, нежели все течения христианизированного гностицизма, с течением времени деградировавшего от дуалистического пантеизма к дуалистическому политеизму. В девяностые годы прошлого века в Вене возникла неотамплиерская группа, ведущая свое происхождение от немецкого оккультного братства “Вриль” и ныне существующая под названием Сообщества Бафомета (Vaphometische Gesellschaft) или Дружественного круга Causa Nostra. Организация была создана Ральфом Эттлем на основе распавшегося общества Темпельгоф (Tempelhofgesellschaft), объединявшего людей крайне-правых националистических убеждений из бывшего парамасонского “Наследственного содружества рыцарей Храма” (“Erbengemeinschaft der Tempelritter”) или “Общества Храма Маркиона” (“Societas Templi Marcioni”), представлявшего себя как единственного подлинного правопреемника Ордена тамплиеров, упраздненного в 1307 году. Члены Causa Nostra исповедуют гностико-дуалистическое христианство *маркионитского* толка, считая иудейского Иегову демидургом, а Иисуса Христа — истинным Богом, не имеющим отношения к еврею. Они придерживаются строгого монотеизма, подобно савел-

- Так мандеев с их религиозными обрядами представили во Франции в 1650 году
1. Мандейское крещение,
 2. Жертвоприношение курицы,
 3. Жертвоприношение хлеба, вина и елея,
 4. Жертвоприношение агнца

лианам, видя в Сыне Божиим лишь модальность Высшего Бога. Адепты Сообщества Бафомета утверждают, что в соответствии с древними шумерскими манускриптами, арийская раса имеет внеземное происхождение и занесена на землю в Атлантиду со звезды Альдебаран. Арийцы черпают свою силу из энергии “Вриль” “Черного Солнца”. В организации поклоняются своеобразной гностической скульптуре, известной у них как “Magna Figura Baphomet” и очень похожей на изваяния древнеримского двуликого бога дверей, а также начала и конца Януса, правда у австрийских неотамплиеров ярко выражен ее андрогинный аспект, который интерпретируют как Януса и Диану: одно лицо мужское, а другое — женское (впрочем, по Макробию, Янус олицетворял собой двуполое существо, содержащее в себе качества Аполлона и Артемиды); длинные волосы, обрамляющие оба лица близнецов, брата и сестры, но одну голову “Magna Figura Baphomet”, переплетаясь между собой правильными узлами, ниспадают вниз, образуя колонну или постамент для головы: такое сочетание узлов волос нас наводит на мысль о последовательной цепи эонов гностического божества, которую мы видим и на изображении Бафомета на шкатулке тамплиеров из Эссаруа. Но важно здесь и то, что длинные волосы есть признак назорейского служения. Теперь для нас очевидно: “Magna Figura Baphomet” (по данным адептов сообщества она — символ разрушения старого и созидания нового) не является отражением фантазий синкретистов прошлого столетия, а ее смысловое подобие с Бафометом на шкатулке из Эссаруа потрясает. Весьма вероятно, что такие двуликие андрогинные гностические головы использовались историческими тамплиерами для проведения своих мистерий и капитулов, учитывая то количество бафометических голов, которыми рыцари располагали в своих приорствах и командорствах (свидетельские показания об “идолах” тамплиеров иногда сильно отличаются друг от друга; следовательно, эти артефакты могли иметь разнообразную форму, но выражать общую для ордена и его тайной доктрины мистическую идею, воплощаемую затем в культовой практике).

Итак, мы вправе уже сделать вполне логичный и определенный вывод: изображение рогатого существа с козлиными ногами, напоминающего древнегреческого бога Пана (получеловека и полукозла), воспроиз-

веденное Элифасом Леви в XV аркане своей колоды карт “Таро”, относящейся к Дьяволу, никак не является бафометическим рисунком. Эта роковая ошибка французского оккультиста затем сослужила недобрую службу многим мистикам, эзотерикам и конспирологам. В действительности, у Леви изображен демиург тамплиеров, а в иоаннитско-мандейской традиции скованный Абатуром Птахиль или Петахиэль: его рогами изваяниями рыцари украшали фасады своих церквей и других культовых помещений; тогда как Бафомет — это одно, двух или трехглавая фигура, выполнявшая магические функции во время тамплиерского церемониала. Здесь мы предлагаем свою версию трактовки бафометических фигур, вероятно встречавшихся у тамплиеров в период расцвета ордена. Одноглавый бородатый Бафомет явно символизировал Иоанна Крестителя как вдохновителя иоаннитско-мандейской доктрины и главного святого покровителя Ордена Храма. Двуглавый Бафомет (божественные близнецы — брат и сестра, солнце и луна, сера и ртуть алхимиков), практически повторяющий изваяния двуликого Януса, обозначал эманацию божественного андрогина Мете или Адама Кадмона, а одинаково дуализм гностического учения тамплиеров, воспринятого у мандеев. Трехглавая фигура, сохранившаяся на изображении в ключе свода XVI века крепости Томар в Португалии, принадлежавшей наследникам тамплиеров рыцарям Ордена Христа, могла символически обозначать как христианскую Святую Троицу в ее ортодоксальном понимании, так и иоаннитско-мандейскую триаду эманаций, о которой мы говорили несколько выше. И все же, нам представляется наиболее вероятным, что основными “идолами” исторических тамплиеров были либо двуглавая фигура, напоминающая древнеримского бога Януса, либо фигура гностического андрогина Мете, изображенная на шкатулке из Эссаруа (говоря о синтетичности образа Бафомета, Фулканелли имел в виду только последнее изображение): обе эти фигуры содержат в себе единый смысл, о чем мы сообщали, воплощенный посредством двух внешне отличающихся друг от друга форм. Бафомета древневавилонского происхождения в виде двуликого Януса, хранящегося ныне в Багдаде, обнаружил перед Первой Мировой войной немецкий ориенталист, занимавшийся первоначальной ирано-арийской религией, Эдмунд Мейер. Фигура символизировала

ровала бога Илу и богиню Иштар, почитаемых в древности в Месопотамии. Тогда же возникла и новая этимологическая версия толкования имени “идола”, говорящая о том, что Бафомет есть искаженное шумерское словосочетание Баб-Комет (Bab-Komet) или Врата Света. Мандейская община на вавилонской территории и в Месене стала формироваться с середины I века из иудейско-самарийских эмигрантов, исповадовавших иоаннизм. К моменту создания Ордена тамплиеров в 1118 году мандеи пребывали на земле Вавилона уже более тысячелетия и, безусловно, вобрали в свою доктрину определенные элементы местных месопотамских культов, что относится и к составляющей их предметной атрибутике. Так в руках мандейского епископата могли оказаться и символические изображения, в том числе бафометические фигуры, очень подходящие для мандейства, в основание религиозности которого входил гностический дуализм. Следовательно, никак нельзя исключить возможности, что иоаннитский патриарх Феоклет тайно передал одну из этих фигур Гуго де Пайену, первому великому магистру Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона: достаточно известно о пристрастии последующих тамплиеров к библейской археологии и артефактам подобного рода. Это предположение еще раз обращает наше внимание на обоснованность мнений о зараженности формально католического ордена гностическим дуализмом с первых дней его существования в Святой Земле. Другой более внятной гипотезы о попадании древнего “идола” в среду простодушных западных рыцарей, оказавшихся на небезопасном прежде всего в духовном и интеллектуальном смысле Ближнем Востоке, в многотомной тамплиерике пока не существует. Одинаково наивно думать о разработке и изобретении фигуры самими тамплиерами, пусть даже это резюмировал великий алхимик Фулканелли, но он бы согласился и с другим: выдающаяся эзотерическая и, если хотите, конспирологическая традиция, подобная той, которую заключал в себе исторический Орден Храма, никак не может образоваться ex nihilo и на пустом месте. Несомненно, такая традиция, будучи некогда эманированной из определенного силового центра, должна передаваться по цепочке: от посвященных к посвященным. Возвращаясь к веревочным “поясам Иоанна” тамплиеров и их связи с культовым “идолом” или ре-

Печать Внутреннего Храма ордена тамплиеров, несущая в себе гностико-манихейскую и мандейскую символику

транслятором, добавим, что они затем осуществляли энергетическую связь между мистическим эгрегором ордена и посвященными, образуя собой некое подобие звеньев магической цепи и делая храмовников на уровне коллективного бессознательного сопричастниками всех последующих ритуалов и крещений мудростью (с безусловной аллюзией на Йардану), совершаемых в ордене. Абсолютно аналогичную роль играют такие же веревочные пояса *кушти* (“пояс истины”) у зороастрийцев и иранских мандеев и *химьяна* в обрядах и посвятительной практике мандеев Ирака; ту же самую роль, вероятно, играли пояса и у предшественников “христиан Святого Иоанна” иудейских мистиков: назореев и ессеев. Неслучайно мандейское выражение “пребывать в Куште” означает придерживаться истинного духовного пути. Кроме того, мандейское наименование истины “*Кушта*” является еще и синонимом Иоанна Крестителя, что еще раз подтверждает полное тождество между поясом *кушти* восточных мандеев и “поясом Святого Иоанна” тамплиеров.

Согласимся, что без всего этого содержащегося в тайной иоаннитской доктрине ордена троекратное тамплиерское отречение от Иисуса Христа как от лжепророка было бы простой бессмыслицей с культовой точки зрения. Указание же на то, что этот кощунственный обряд якобы ввел по своей прихоти некий великий магистр ордена, побывавший в плену у мавров, элементарно не выдерживает малейшей критики и служит лишь оправдательной уловкой, предназначавшейся для простодушных храмовников. В период Средневековья, когда жизнь всякого человека пронизывалась верой и спиритуализмом, на использование подобных ритуалов требовалось религиозное основание, и оно упиралось в тайно исповедуемый Орденом бедных рыцарей Христа и Храма Соломона гностический иоаннизм с манихейско-катарской примесью. Так раскрываются страшные тайны, способные пролить свет на трагическую историю рыцарей-тамплиеров, сделавшихся однажды марионетками в руках лидеров небольшой восточной секты, претендовавшей на мировое господство и всей своей коллективной душой возненавидевшей христианство и его божественного основателя. Но Бог поругаем не бывает, и злоба на Сына Божия всегда посрамляется. Пути Высшей Истины не-

ведомы людям, и безусловно, Провидение сохранило мандейский этно-конфессиональный реликт с определенной целью, когда другие более многочисленные и сильные духовные движения и ереси уже отошли в полное небытие. Очевидно мандейство существует в свидетельстве Иоанну Крестителю, в Иродовой темнице усомнившемуся в мессианстве Иисуса Христа (нам видится, что Йоханан Хаматвиль как еврей и последний пророк ветхозаветного иудаизма не смог вместить воплощенного Богосыновства своего крестного сына Иешуа Назорея Царя Израиля). Как известно, сомнение порождает отрицание, и вся последующая история “христиан Святого Иоанна” - это фанатичное и доходящее до безумия отрицание истинности Спасителя эллинов и иудеев. В тени Иоаннова сомнения затем возростал и укреплялся Орден тамплиеров, но в один миг Божественный Промысел поставил жирную точку на его развитии и легальном существовании, загнав остатки этой могущественной рыцарской корпорации в оккультное подполье, в котором они по сути и растворились. Впрочем, следующий аутентичный мандейский текст сам свидетельствует о крайне негативном отношении к Иисусу Христу и его сотериологической миссии со стороны адептов изначального гностического иоаннизма.

Иахиа и крещение Иешу

“Кто говорил с Иешу? Кто говорил с Мессией Иешу, сыном Мириам? Кто говорил с Иешу, когда он ушел на берега Иордана и сказал Иахие: “Иахия, крести меня крещением, произнеся имя, которое должно быть произнесено. Я стану твоим учеником и вспомню об этом в своих писаниях. Если я не удостоюсь быть твоим учеником, то удали мое имя из своего списка”. Свыше Иахия отвечал Мессии Иешу в Иерусалиме: “Ты обманывал иудеев и вводил в заблуждение священников. Ты останавливал семяизвержение у мужчин и зачатие с беременностью у женщин. Ты упразднил Субботу, прежде установленную Моисеем. Ты обманул с рогами (имеется в виду шофар — прим. пер.) и обесчестил ее, распространив ее (Субботу) звуком шофара и на чужеземцев”.

Свыше Мессия Иешу отвечал Иахие в Иерусалиме: “Если я обманывал иудеев, то пусть меня пожрет огонь. Если я вводил в заблуждение священников, то умереть мне двойной смертью. Если я останавливал се-

мяизвержение у мужчин, то не достигь мне края Моря. Если я останавливал беременность и роды у женщин, тогда пусть меня в этом обвиняет судья. Если я упразднил Субботу, то пусть уничтожит меня пламя преисподней. Если я глал иудеям, то валяться мне на терниях и колючках. Если я распространил, обесчестив, Субботу на чужеземцев звуком своей трубы, то пусть мой взор не осветится Абатуром. Итак, крести меня и после произнеси имя, которое ты должен произнести. Я стану твоим учеником и вспомню об этом в своих писаниях. Если я не удостоюсь быть твоим учеником, то удали мое имя из своего списка”.

Потом Иахиа говорит Мессии Иешу в Иерусалиме: “Заикающийся не годится в ученики, разбитый параличом не напишет никакого письма. Разрушенный дом не поднимется ввысь, и вдова не станет девицей. Зловонная вода не станет сладкой, и камень не размякнет от елея”.

Свыше Мессия Иешу дал ответ Иахие в Иерусалиме: “Заика станет учеником, разбитый параличом человек напишет письмо. Разрушенный дом поднимется ввысь, и вдова станет девицей, и камень размякнет от елея”.

На что Иахиа сказал Мессии Иешу в Иерусалиме: “Если можешь, дай мне доказательство того, и тогда ты — истинный исполненный мудрости Мессия”.

Свыше Мессия Иешу ответил Иахие в Иерусалиме: “Заика, который становится учеником, это растущий и становящийся большим ребенок. На жалование и милостыню он возрастает, он возрастает на жалование и милостыню, поднимаясь, пока не увидит мир света”.

“Слепой человек, пишущий письмо: это ставший добродетельным разбойник. Он оставил уничтожение и грабеж и постиг в вере жизнь Всемогущего”.

“Опустошенный дом, который подымается ввысь, это высокопоставленный человек, сделавшийся смиренным. Он отказался от своего дворца и высокомерия и построил дом на берегу моря. Внутри дома, возведенного им на морском побережье, он раскрыл двое дверей: так он мог пригласить того, кто в беде: он открывал ему дверь и заставлял его войти. Если гость хочет есть, он накрывает для него стол в истине. Если гость жаждет, он ставит перед ним чаши с вином (в истине). Если гость поже-

лает отдохнуть, он готовит для него постель в истине. Если гость желает уйти, он выводит его вперед на путь истины и веры, по которому тот поднимается, чтобы увидеть мир света”.

“Женщина, становящаяся девицей, та, что в юности уже потеряла мужа. Она носила втайне свой стыд, ожидая пока не вырастут ее дети. Если она опять выйдет замуж, то ее лицо не будет бледнеть в присутствии ее мужа”. “Зловонная вода, которая становится сладкой, это распутная девица, вновь обретшая свою честь: она поднялась в село и спустилась из села, не закрывая платком свое лицо”.

“Камень, который размягчается от елеса, это еретик, спустившийся с горы. Он оставил магию и колдовство, исповедавшись Всемогущему. Он повстречал нищего и вдову и до краев наполнил их карманы”.

“Итак, крести меня, о Иахиа, крещением и произнеси имя, которое должно быть произнесено! Если в итоге я стану твоим учеником, то вспомню о тебе в своих писаниях. Если я не удостоюсь быть твоим учеником, то удали мое имя из своего списка. Ты будешь освобожден от ответственности за свои грехи, а я буду освобожден от ответственности за свои”. Когда Мессия Иешу сказал это, пришло письмо из Палаты Абатура:

“Иахиа, крести этого обманщика в Иордане. Проведи его в Иордан и крести его. Затем выведи его наверх на берег и оставь его”.

После чего Руха (Святой Дух, который для мандеев является женской и злой ипостасью — прим. пер.) приняла вид голубя и бросила крест в Иордан. И этот брошенный ею крест заставил переливаться воду разными красками”. “О Иордан, - сказала Руха, - освяти меня и вместе со мною освети семерых моих сыновей” (семь злых планетарных гениев или Архонтов — прим. пер.)

“Иордан, в котором был крещен Мессия Паулис (Святой Апостол Павел), я превращаю в купель. Хлеб, который берет Мессия Паулис, я обратила в таинство. Вино, которое берет Мессия Паулис, я обратила в обедню. Плат, который берет Мессия Паулис я обращаю в священство. Служителей, которых берет Мессия Паулис, я превращаю в навоз”.

“Дайте мне предупредить вас, мои братья, дай мне предупредить тебя, мой возлюбленный! Дайте мне предупредить вас, мои братья, по поводу... креста. Они его помещают на стены; он устанавливается тогда там, и

они простираются перед ним. Дайте мне предупредить вас, мои братья, по поводу бога, которого изготовил плотник. Если плотник смастерил бога, то кто же тогда произвел плотника?”

Этот довольно наивный и переработанный в гностическом духе III века рассказ вряд ли содержит достоверные факты полемики Иисуса Христа с Иоанном Крестителем. Известно, что последний был близок к ессеям, в частности к Кумранской общине. К тому же, обряд крещения Иоанна, приводимый Иосифом Флавием, полностью совпадает с обрядом, описанным в есеевских рукописях Иудейской пустыни. Однако ессеизм как таковое основывалось на посвячительных практиках и малом круге избранных. Иоанну Крестителю был неприемлем такой подход, которым, как он считал, ессеи раскалывают иудейский народ. Иоанн предлагал крещение каждому желавшему очиститься еврею и делил людей только на праведников и грешников, с чем не могло согласиться ессеизм, постепенно превращавшееся в закрытую гностическую корпорацию (23). Тем не менее, полемика между Иешу Мешихой и Иахией, сообщенная мандейским источником, раскрывает одну характерную подробность: в ней видно, что Иахия для мандеев свой, тогда как Иешу Мешиха — чужой. Это наводит на мысль о наиболее вероятной принадлежности Иоанна Крестителя к Кумранской есеевской общине и абсолютной независимости от нее Иисуса Христа. Надеемся, скоро будут устранены лакуны, не позволяющие пока провести прямую жирную линию преемственности мандейства от ессеев и гностиков Иудейской пустыни I века до н. э. - I века н. э. Хотя мандеи или христиане Святого Иоанна — это единственный сохранившийся гностический реликт на иудео-христианском древе, очень отличающийся как от иудаизма, так и от христианства, каким бы разнообразием проявлений не обладали обе религии. Уникальность мандейства еще и в том, что его доктрина носит резко антихристианский и антииудейский характер, несмотря на свое происхождение от иудейских гетеродоксальных гностических сект, в среде которых сохранялись архаические традиции еврейства, уже забытые ортодоксальным иудаизмом. Мандейская религия, являясь гностической по своей сути, не занималась прозелитизмом и потому число иоаннитов-мандеев и ныне очень незначительно: 60-70

тыс. человек обоего пола, пускай мандейством и освящается полигамия. Правда, в отношении прозелитизма все же есть одно выдающееся исключение: это тайно инспирированное мандеями создание в 1118 году в Иерусалиме Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона и насаждение в нем иоаннитских посвятительных ритуалов, со временем удалившихся от своего аутентического источника и выродившихся. Из свидетельских показаний рыцарей явствует, что их смысл во времена Якова де Моле уже с трудом воспринимался, но догматика оставалась нерушимой. Во всех подобных случаях тайного прозелитизма посвятительным сообществам удается уйти от ответственности. И все же истина рано или поздно торжествует: ее иногда обретают сами адепты тайной организации, как было в случае с Бернаром-Раймоном Фабре-Палапра (1773-1838), первым великим магистром учрежденного в 1804 году Верховного военного ордена Иерусалимского Храма, обнаружившим и опубликовавшим псевдоапокриф “Левитикон” о гностическом иоаннитском происхождении тамплиеров. Как тут еще раз не упомянуть и великого ориенталиста барона фон Гаммера-Пургшталя, деликатно связавшего в своих аллюзиях европейских тамплиеров с восточными храмовниками, представлявшими собой ветвь сабиев-мандеев. Однако в ту пору не было еще достаточных сведений о христианах Святого Иоанна, почему исследователи и не могли сделать более определенные выводы.

Ныне священные тексты мандеев всесторонне изучаются и видно, насколько все они пронизаны полемикой с иудаизмом и христианством, простирающейся и на сферу астрологии. И мы вправе сказать, что астрология у мандеев несет на себе не только отвлеченно-окультурные, но и яркие богословско-апологетические черты, при этом планетарные духи или архонты ими рассматриваются в качестве сугубо отрицательных гениев демиургической сферы.

“Сам Христос одинаково проявлялся и в ином образе - с огнем, он действует огнем и показывает в огне свои чудеса. Иешу Мессия говорил сам о себе, что его имя Амун-иль. Его дом есть огонь, и в огне он представляет свои дела. Он предстает перед вами и говорит: “Не подходите ко мне близко, чтобы вам не быть сожженным” (...)

“Он говорит: “Я — Бог и Сын Божий, посланный Отцом”.

“Он вам говорит: “Я — первоначальный Посланник. Я — спустившийся с высот Гибил-Зива” (...)

“Он пришел сюда свыше в годы Пилатуса (Понтия Пилата — прим. пер.), царя мира. Анош-Утра (Енох) явился миру в могуществе Царя Света. Он лечил болезни, возвращал зрение слепым, очищал прокаженных, ставил на место члены увечных, чтобы они могли ходить, возвращал слух и речь глухонемым и оживлял мертвых. Он обращал евреев, показывая то, что делает смерть, и то, что делает жизнь; то, что делает тьма, и то, что делает свет; то, что делает заблуждение, и то, что делает истина”.

“Он обращал евреев к именам Царей Света. Триста шестьдесят пророков вышли из города Иерусалима и свидетельствовали во имя великой Жизни. Анош-Утра тогда высоко воспарил и водворился в Мшуня-Кушта (Mschunia-Kushta), где все Утры скрыты от глаз человечества. Затем город Иерусалим был опустошен, и евреи были изгнаны и рассеяны по другим городам” (...) “Каждый в это последнее время, кто остается верным призыву и верным крещению в проточной воде, станет одним из посланников, который проявит блеск, исходящий от Земли Света. Один Назорей с тюрбаном вокруг головы стал достойным порождений и миров. Мандеям, пребывающим в Куште, я, Манда д'Хайе, даю свою власть. Поскольку они внимают и отвергают заблуждения, то должны победоносно взойти к Земле Света. Жизнь торжествует над всякой борьбой!”

“Были призваны архонты семи планет; им даны были приверженцы; и все сражались за Него. Влияние семи соблазнит всех детей Адама. Шамиш, первый из архонтов, солнце. Второй — Святой Дух Эстера (Венера), одинаково называемый Либат или Амамит. Третий — Нбти (Меркурий), лжемессия (Иисус), создавший искажение изначального культа. Четвертый — Син (Луна) по имени Саурель. Пятый — Кеван (Сатурн). Шестой есть Бел (Юпитер) и седьмой — Нериг (Марс)”.

“Влияние Дома Шамиша дает его поклонникам золото, серебро и роскошь. Посланники, которых он направляет в мир, приводят человека к почитанию солнца и луны. Влияние Дома Либат производит иллюзию,

адюльтер, сладострастие, удовольствия, песнопения и магию, которые неистовствуют над человечеством”.

“Влияние Христа Меркурия (Иисуса) предательски обманывает детей человечества. Они находятся под его воздействием, а роды и семейства очарованы им. Он их удерживает одновременно на горах и в долинах для того, чтобы они отказались от соития, которое переводится в сперму, текущую по их ногам. Тогда демоны влияют на человеческие существа. Они пленяют тело и вводят в заблуждение душу и дух. Он не кормит, ибо не дает ни лекарства, ни покоя”.

“Он появляется в огне своим ученикам и поклонникам и говорит им: “Вот насколько моя слава возродилась во всем мире. Не знаете ли вы, что она не светит. Сумасшествие - вот то, что наиболее распространено в мире!” Влияние Дома Кевана приносит сожаления, стенания и ложную мудрость в сердце человечества, а одинаково и слезы”.

“Влияние Дома Нерига вызывает агрессивность у человека. И необходимость ранить и проливать кровь на землю. Вы становитесь мясниками, хотя и называетесь просвещенными людьми, священнослужителями и прорицателями”.

“Когда бы он даже вас покорил, вы ему скажите: “Мы тебе принадлежим”. Но в сердце своем не соглашайтесь пасть и не отдаляйтесь от слова правителей Света. Ибо сокровенные вещи не открываются ложным Мессией”.

“Не верьте ему, поскольку он не является Гибил-Зивой, ведь Гибил-Зива не посвящал себя огню. Так Анош-Утра предстал Иерусалиму, одетый в одеяние из дождевых облаков. Он обладал физической формой, но не был воплощен в одеяние плоти. Пыл и ладан на него не влияли”.

“Потом приходит Мохаммед, сын чародея, называвшегося Бизбатом. Не слушайте его, он распространял свою доктрину, творя много зла в мире, и побуждал души к преступности” (...)

“Когда Нбу (Архонт Меркурия, воплощенный в Иисуса) приходит среди ангелов недостатка (падения), значит его позвала мать Руха-д’Кудса (или Руха Кадишга — Святой Дух). На короне неба и земли, на горе Табдана собирались ангелы недостатка помазать елеем Нбу и облачали его в огонь”.

“Затем Мешиха (Мессия Иисус), обманщик, появлялся в другом виде.

Он представлялся перед вами, говоря: “Я иду по воде, пойдёте со мной, и вы не утонете”. Но не делайте этого и не верьте ему. Не бойтесь, если даже он угнетает или убивает некоторых из вас. Убивая, он убивает только ваше тело, и вы будете жить в мире Света. Не бойтесь и не страшитесь уничиженного Мешиху Римлянина, ловко уводящего в сторону рассуждение”. “Затем он приготовил скамейку, поместил ее между поверхностью неба и земли, поднялся и спустился, и раскачивался между небом и землей, говоря вам: “Вы видите, что я иду свысока. Я — ваш Господь!” Но не верьте ему. Ибо лестница Мешихи (Мессии Иисуса) сделана из иллюзии, магии и ухищрения”. “Когда появляется Мешиха, он закрывает ваши глаза, он скрывает сияние солнца, говоря ему: “Спрячь свое сияние!” Но солнце не прячет своего сияния. Тогда Мешиха наводит тьму посредством колдовства на место, в котором пребывает, и говорит вам: “Видите, я сказал солнцу, и оно скрыло свое сияние, ведь я — Бог и Спаситель” (...)

“Итак, он пришел и сделал узниками в мире заблудших детей человеческих, принеся им свою ложную мудрость. Они стали называться “богобоязненными” и “праведными”; он их называет “христианами”. Он их обращает в “богобоязненных” мужчин и женщин. Он их называет “богобоязненными”, “святыми” и “праведными” мужчинами и женщинами”.

“Они оставляют свои дома, делаясь монахами и монахинями. Они мешают обмену семени между женщинами и мужчинами, между мужчинами и женщинами. Они препятствуют своему потомству прийти в мир. Они налагают посты на свои уста и заковывают себя в кандалы. Они сохраняют пищу и напитки далеко от своего рта и хранят белую одежду вдали от своих тел, пребывая в одиночестве”.

Здесь мы опускаем определенные кощунственные отрывки иоаннитско-мандейского писания о монахах и о начале жизни Господа Иисуса Христа, которые будет весьма оскорбительно читать христианам всех конфессий и деноминаций.

“Когда он возрос (Иисус Мессия), то вошел в дом молитвы еврейского народа и овладел всей еврейской мудростью. Он извратил Тору и изменил учение”.

“Он ввел некоторых евреев в заблуждение, сделав их “богобоязненными” и показав им магические явления, в которые они поверили. Он оде-

вал на них цветные одежды, выбривал на их головах тонзуры и покрывал их, как если бы это было тьмой. И в воскресенье он охранял их руки от работы”. “Он говорил им: “Я — истинный Бог, которого мой отец направил сюда. Я — первый и последний посланник. Я — Отец, Сын и Святой Дух. Я вырос в городе Назарете”. На своей повозке он вел себя со смирением и так вступил в Иерусалим. У некоторых евреев он практиковал колдовство и надувательство, показывая им чудеса и явления. Он делал пассы над мертвым телом, и он говорил над трупом. Он призывал евреев, говоря им: “Придите и посмотрите, я — тот, кто пробуждает мертвых, творит воскресения и исполняет освобождение. Я — Анош (Енох) Назорей”. “Сверху Руха испускала крик, обращенный к Иерусалиму и свидетельствовавший в пользу (Иешу Мешихи). Он содержал сыновей человеческих в колдовстве и (...?), и менструации. Он извратил крещение жизни и крестил их во имя Отца, Сына и Святого Духа. Он их удалил от крещения жизни в живой воде Иордана, которым был крещен Адам”. “И после этого в этом месте родился ребенок, нареченный Юханой (Иоанн Креститель), сын Закрии Аба Сабы (Захарии), данный последнему, когда тому исполнилось почти сто лет. Жена Закрии Нисбэ (Елисавета) забеременела в старости и произвела на свет Юхану. Когда Юхана вырос во времена Иерусалима, то обрел веру в своем сердце и пошел на Иордан и там дал крещение в 42 года Нбу (архонту Меркурия, воплощенному в Иисусе), облаченному телом и спустившемуся в физический мир”. “И когда Юхана во времена Иерусалима ушел на Иордан и творил крещения, Иешу Мшиха (Иисус Мессия) приходит, исполненный смирения и крестится крещением Юханы и мудростью Юханы. И стал он переполняем знаниями. Потом он искажил слова Юханы и изменил крещение в Иордане, извратив рассуждения Кушты (истинного пророка — прим. пер.), и проповедовал в мире преступность и обман”. “Однажды, когда жизнь Юханы подходила к концу, я сам (Анош-Утра?) пришел к нему; я казался Юхане маленьким ребенком трех лет и одного дня, и я ему говорил о крещении. И тогда я его извлек из его тела и унес в мир, где повсюду сияние, и я его крестил в белизне искрящейся живой воды Ярдны (Иордана). Я его облачил одеждой сия-

ния и покрыл тюрбаном света, я поместил хвалу в его чистом сердце, славу ангелов света, которой он превозносит непрерывно их Господа в вечности”. “И после Юханы мир продолжился во лжи, римский Мшиха (Мессия) разделил народы, и двенадцать архонтов-обманщиков обошли мир в течение тридцати лет, и в мире водворился Римлянин”.

Не менее остро критикуются мандеями и представители иудаизма, причем в среде вчерашних иудеев по крови и вере, ставших “христианами Святого Иоанна”, возникает концепция совершенно обособленного от еврейства происхождения мандеев. Оказывается, мандеи - носители примордиальной традиции - существовали практически от сотворения мира, а в Египте пребывали вместе с иудеями, где с ними окончательно разошлись. Так происходит первая ревизия “Ветхого Завета” с гностических позиций, на фоне которой уже позднее проявляется “мистический антисемитизм” Маркиона и других гностических сект раннего христианства вплоть до манихеев, павликиан, богомилов и катар. Исходя из этого, напрашивается предположение, что именно иоанниты-мандеи передали гностикам и манихеям идею об отвержении “Ветхого Завета” как творения демиурга и, следовательно, евреев как его народа.

“Когда Нох (Ной) вышел на землю и стал развлекаться, Руха увидела это и приняла обличье его жены. Она его поприветствовала и сказала: “Я — твоя жена Анхурайта”. И он взял ее, и она стала беременной и родила трех сыновей — Хама, Иама, Иафета (или Сума, Лама и Лапита — Хам, Сим, Иафет)”. “Это отцы рода человеческого. Хам сделался родоначальником черных, рабов; Иам — белых народов; и Иафет — цыган (Каулиах). Однако Сам и его жена Анхар суть предки мандеев”.

“По прошествии шести тысячи лет планеты, которые являются детьми Рухи и Ура, соорудили Священный дом (К’аба), находящийся в Ур-Шаламе. В Ур-Шаламе Руха отдала часть своего царства Мусе (Моисею) из Бени-Израиил (сынов Израиля). Муса был против мандеев и ссорился с ними в Египте.

Ардван (Ардбан), царь мандеев, имел видение, в котором услышал голос, исходящий из Дома Жизни и говорящий: “Встань и уходи из этого места для своего здоровья и благополучия!”

Он поднялся, собрал с собой мандеев, и они вышли из Египта, прийдя к морю, которое высохло, оставив им дорогу между горами волн с каждой стороны”.

“Так он покинул Египет. Но его брат Фирух Мелка оставался в Египте и бился с иудеями. В конце концов, он был окружен ими и разбит, но ему удалось бежать. Видя путь через море, он пошел по нему со своим народом, но когда они были уже на середине моря, горы волн сомкнулись друг с другом, и они все утонули.

Ардван Мелка странствовал с шестьюдесятью тысяч мандеев, пока не пришел в Тура д’Мадаи (Землю мандеев).

“Горы раскрылись перед ними, поскольку были высокими, огромными и непроходимыми, и они миновали их. Когда сомкнулись горы, Хивел-Зива сказал Ардвану Мелке: “Оставайтесь здесь с мандеями, и двенадцать знаков зодиака и семь планет ничего не скажут против вас”.

Муса пытался преследовать их, но когда достиг Тура д’Мадаи, то не смог пройти дальше и вернулся в Ур-Шалам.

Евреи жили там до тех пор, пока не появился на свет от Иношвей Иахиа (Иоанн Креститель)” (24).

Будучи гностиками, мандеи отрицали откровения Ветхозаветной и Новозаветной религии, считая Древний Египет средоточием истинного духовного знания, в чем предвосхитили европейское оккультное франкмасонство и многочисленных толкователей эзотерики. Египет — это страна, где мандеи (гностики) боролись с иудеями (хвалящими Бога, по сути правоверными) и получили тайное посвящение. Сегодня весьма сложно подтвердить, существовала ли влиятельная гностическая партия внутри еврейства в период его Исхода, но отрицать этого тоже нельзя, учитывая посвянительный характер древнеегипетской языческой религии, с которой израильтяне столкнулись за четыре столетия пребывания в земле Мицраим. Нельзя исключить и того, что такая партия могла быть инспирирована тайной полицией фараона для подрыва истинной религии изнутри. Если принимать тезис, что Каббала происходит из Египта, то сторонники этой партии существуют и сейчас с центром в израильском Цфате (ранее Сафад, который от мусульман в XIII веке столь отважно защищали тамплиеры), оставаясь в рамках иудаизма, тогда как

их братья, воспринявшие проповедь Юханы Назорея и ставшие “христианами Святого Иоанна”, полностью порвали с иудаизмом, в итоге отвергнув “Ветхий Завет”. Тем не менее, мандеи до сих пор практикующие каббалисты, и определенные элементы их алфавитной мистики находят параллели в каббалистических сочинениях знаменитого Исаака Лурии (XVI век).

В конце XIX столетия известный немецкий франк-масон Теодор Ройсс (1855-1923), в молодости познакомившийся с знаменитым произведением востоковеда барона фон Гаммера-Пургшталя “*Mysterium Barphometis revelatum*”, задумал создание академии оккультных наук и символизма вольных каменщиков, которая бы объединила в себе сразу несколько практикующих гностических систем, делая упор на уже существовавший масонский ритуал Мемфис-Мицраим. Своему проекту Ройсс дал название “*Ordo Templi Orientis*” (О.Т.О.) или Орден восточных тамплиеров, хотя одноименное сообщество, по данным французского исследователя гностицизма и эзотерики Андре Вотье, уже существовало в Германии с 1875 года и заявляло о себе как о продолжателе мистерий Осириса и германского Вемского судилища (25). Не правда ли, мы уже встречали это название, когда говорили о восточных храмовниках-сабиях, которые инспирировали создание в Иерусалиме Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона. Именно знакомство Ройсса с символизмом культа Приапа, практиковавшегося у исторических тамплиеров и изложенного в произведении фон Гаммера-Пургшталя, привело к тому, что в О.Т.О. стали преобладать эксцентрические сексуальные и гомосексуальные ритуалы, принесшие сумрачную известность следующему руководителю этой парамасонской организации — черному магу Алистеру Кроули (1875-1947). Таков уж закон всех гностико-манихейских учений: одна ветвь их может уклониться в крайний изуверский аскетизм (эндура катаров), другая — в откровенный сатанизм. Однако суть их учений общая: четкая ориентация на Древний Египет, отвержение или переосмысление “Ветхого Завета”, антитринитаризм, умаление искупительной жертвы и расщепление сотериологического образа Иисуса Христа, дуализм и прикрываемый монотеизмом гностический пантеизм, эманации, зоны, церемониальная магия, вера в метемпсихоз, тали-

сманы, мистические атрибуты и посвятительные обряды. Отсюда следствие - превазирование самой гностической доктрины над вероисповедной догматикой. Вернее, догматику утрачивает нужду в систематизации, что, на примере мандеев, означает наличие кричащих противоречий в самих их священных книгах. Итак, что общего между восточными тамплиерами Ройсса-Кроули и восточными тамплиерами-сабиями? Впрочем, мы, щадя нравственные и религиозные чувства читателей, намеренно не приводим фрагменты сексуального характера из мандейских писаний, связанные, в частности, с женским гением Захариэль-Лилит, которые затем, казалось бы, были развиты и дополнены в опасных для любого неискушенного молодого сознания произведениях Алистера Кроули. Одна из ветвей мандеев, известная своими гедонистическими нравами и оккультно-гностическими практиками, называлась носайри, нэсэрийе или нусарияху, то есть назореи, и проживала в Сирии. Считается, что она с друзьями очень сильно повлияла на формирование доктрины алавитов, мусульманской секты, признающей Святую Троицу, но скрывающей поклонение Ей под шиитскими мифологемами. Это подтверждает, что носайри (назореи) и мандеи от своего начала исповедовали тринитарную религию, но последние уклонились от нее в сторону строгого монотеизма благодаря сильному развитию гностических идей в своем священном каноне. В отличие от мандеев, носайри не удалось сохранить внешне свою религиозную идентичность, и формально они значатся мусульманами и носят магометанские имена. Однако, как отмечают арабские и персидские авторы, в своей среде носайри тайно отправляют свой культ, презирают правоверных мусульман, высмеивают их догмы, пьют вино и едят свинину. Наиболее приблизился к разгадке тайного культа носайри Уолтер Биркс, побывавший у них во время Второй Мировой войны и описавший встречи с ними в своей совместной с Р.А. Гилбертом книге "Сокровища Монсегиора" (26). Биркс относит носайри к древней гностической иудео-христианской секте, некогда очень близкой к мандеям. Очевидно невозможность иметь свои молельни в жестком мусульманском окружении вынудило их устраивать свои собрания в священных рощах, как это делали во времена царя Соломона почитатели Астарты. Два самых главных религиозных симво-

ла носайри — Свет и Потир, из которого они пьют ритуальное вино и говорят: “Я пью свет”. Многие полагают, что носайри курдское или иранское племя (таково мнение и фон Гаммера-Пургшталя), но, на наш взгляд, они, подобно мандеям, древнего иудейско-самарийского происхождения, о чем свидетельствуют их тайная передаваемая из поколения в поколение назорейская религия и их второе самоназвание — *давуду* (давудийцы) или наследники царя Давида: его они весьма боготворят. Сам фон Гаммер-Пургшталь указывает, что носайри идут от народности мадаиты, когда-то кочевавшей у южного берега Каспийского моря. Тем не менее, в XVII-XVIII веках мадаитами называли именно “христиан Святого Иоанна”, мандеев, пытаясь их возводить даже к мадианитянам, полукочевому семитскому племени Синайского полуострова, из которого происходили Хеттура, третья жена праотца Авраама, и Сепфора, дочь мадианского священника Иофора и жена пророка Моисея.

Но это, скорее, относится к историческим курьезам, основанным на случайном совпадении имен и частом отсутствии огласовок в семитском написании. И если, предположим, гностики-мандеи существовали уже во времена Исхода еврейства из Египта, как сообщает нам сабианский источник, они все равно не имели бы никакого отношения к мадианитянам, кроме общего родства происхождения от Сима и Авраама.

Священные тексты мандеев украшены великолепными символическими рисунками в стиле примитивного кубизма. Чтобы выразить противоречивость акта мирового творения, мандейские художники использовали в основном два тона — белый и черный. Являясь составляющей частью для изображения человеческих тел, кубы делились по диагоналям на треугольники: из них два треугольника, расположенные на одной стороне, иногда закрашивались черным цветом, тогда как два других на противоположной стороне оставались белыми. Разве это не напоминает нам дуалистическую символику знамени тамплиеров *босеан* или *босан* (из старофранцузской этимологии *beauseant* - черная голень лошади с белым чулком над копытом; по-староитальянски это *bolzano*) с одной лишь разницей: тамплиерское полотнище делилось пополам на два перпендикулярных древку прямоугольника: вверху черный, снизу белый; причем красного креста по центру знамени изначально не было?

Согласитесь: довольно сложно представить, что бы это откровенное гностико-манихейское знамя имело хоть какое-то отношение к римско-католической геральдике. Значит, мы не можем никак исключать того, что и боевой стяг босеан (*vexillum belli*), означавший одинаково и воинственный клич, братьям-храмовникам был дан легендарным иоаннитско-мандейским патриархом Феоклетом во время основания ордена в Иерусалиме в 1118 году. Да и щиты у тамплиеров поначалу были черно-белые и подобные босеану, о чем свидетельствуют в том числе средневековые книжные миниатюры. Между прочим, на гностико-манихейское происхождение тамплиеров указывают и современные французские исследователи: Изаак бен Жакоб, один из них, полагает, что Орден Храма, ставший независимой военной организацией благодаря Собору в Труа в 1129 году, сразу же был заражен ересью, поскольку у его истоков стояла катарско-манихейская секта, существовавшая в благоприествовавшей ереси Шампани с XI века. Действительно, Шампань с Бургундией являлись второй метрополией ордена после парижского Тампля. И возможно, девять братьев, основавших орден в Иерусалиме, тайно исповедовали катарскую ересь, к каковой принадлежали и их семейства. Однако это предположение логически порождает собой и другое: если определенные начала ордена проглядываются в катарско-манихейской среде Шампани, то в Иерусалим Гуго де Пайен со своими соратниками после Первого Крестового Похода устремились с очевидным заданием своей тайной религиозной общины об установлении связи с духовно-родственной организацией, традиция которой легла в основу гностико-манихейских сект в Западной и Восточной Европе. Вне всякого сомнения, Гуго де Пайен с честью выполнил свою миссию, обнаружив в Святой Земле последователей Йоханана га-Матбиля (евр. совершающего ритуальные очищения водой) и установив с ними взаимоотношения, итогом которых явилось создание внешне римско-католического, а на самом деле еретического иоаннитско-мандейского Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона. В 1118 году, когда сторел на костре в Константинополе глава манихеев Византии Василий Богомил, сомкнутыми ветвями иоаннитов Востока и Запада был подготовлен коварный ответ христианской ортодоксии в виде тайно инспирированного

воинского сообщества, на протяжении почти двух столетий скрывавшего свою подлинную антитринитарную гностическую сущность под шлемом и латами римского католицизма. Но на пепелище Храма восстало франк-масонство, и диспут между иоаннизмом и христианством продолжается до сих пор. Пожалуй, его сможет рассудить только Второе Пришествие. В апреле 2005 года Сади аль Сади, глава эмигрировавшей в Швецию мандейской общины, заявил по случаю смерти Папы Римского Иоанна Павла II в интервью римско-католическому информационному агентству “Fides”, что его единоверцы всегда поддерживали добрые отношения со своими “христианскими двоюродными братьями”. И если христианство двоюродный брат мандеизма, то не трудно догадаться, что его родной брат — гностицизм во всех своих проявлениях, начиная от тамплиеров и заканчивая современными вольными каменщиками. И все же мандеи, несмотря на их непримиримое отношение к Иисусу Христу, остаются связанными одной пуповиной со своим “двоюродным братом”, что прекрасно отметил выдающийся русский богослов Василий Болотов, который писал:

“Это явление представляет интерес а) как архаистический остаток движения, в главном своем течении исчезнувшего давным-давно, и б) как выпуклый показатель того, что гносис — в своих главных представителях заявлявший о себе только своим антиюдаизмом — был течением антихристианским, вел борьбу с христианством путем компромисса с ним. В главных своих системах гносис признавал во Христе самое светлое явление мировой истории; здесь, напротив, вражда против Христа, христианства и особенностей христианской жизни (аскез, посты, безбрачие, иконы), едва уступающая вражде против иудейства. И, однако, это не есть и гносис антиномистический, обеляющий все черное, начиная с Каина: Авель, Сиф, Энос, Ной здесь признаны. Это явление проще объясняется предположением, которое оспаривает Кесслер, что мандаи — уклонившиеся в гносис ученики Иоанновы. Речи проповедника покаяния на берегах Иордана взволновали весь иудейский мир до Вавилонии (язык мандаи — интересный остаток языка вавилонских иудеев). Часть “учеников Иоанновых”, появившихся и в Вавилонии, “ниже еще есть Дух святой” слышавших (Деян. XIX, 2), не поняла смысла миссии

величайшего из ветхозаветных пророков, заняла враждебное положение в отношении к христианству и, оставшись позади этой победившей мир силы, возненавидела христиан от всей глубины своей бессильной злобы и зависти. Но непризнанные и со стороны иудеев, может быть, гонимые или третируемые свысока (наравне с крещаемыми прозелитами, исполнявшими только заповеди Ноевы?), иоанниты возненавидели и иудеев. Ной — последнее великое явление ветхозаветной истории. С Авраама — уже идут лжепророки. Ни великий законодатель Моисей, ни Соломон — блестящий представитель политического могущества Израиля, не встречают сочувствия иоаннитов; фараон и египтяне — вот истинные светочи этой долгой исторической ночи. Иерусалим также мандайям ненавистен, разгрому иудеев они радуются. Только Иоанн Креститель и освященный его деятельностью Иордан составляют заветное исключение.

Но все же связанные с христианством единством исторической почвы — бытовых условий новозаветного времени, мандае в своих учреждениях представляют нечто, похожее на копию с христианской жизни древнейшего периода” (27).

И действительно, единство исторической, этнической и этнографической почвы одинаково сформировало христианство и мандеизм, и обрядовая сторона последнего тоже очень напоминает христианскую, хотя, безусловно, сходство это только внешнее, поскольку мандейские обряды несут на себе определенно иное значение, нежели христианские, и, вероятно, уходят корнями в зарождающийся гностицизм ессеев и ритуалы благочестивой секты в рамках фарисейского направления времен Второго Храма *товлей шахарит* (“совершающие утренние омовения”), известных еще под именем гемеробаптитов: между прочим, по данным Электронной еврейской энциклопедии со ссылкой на извод “Беседы” (2:23) так называемого “Климентина” (христианского агиографического сочинения первой трети III века), имеются очевидные аллюзии на то, что сам Иоанн Креститель мог первоначально принадлежать к вышеназванной секте, которая затем слилась с мандеизмом. Итак, перейдем к рассмотрению основных обрядов и составляющих их элементов у последователей Йоханана Хаматвиля, на первый взгляд, весьма близких к христианству.

Крещение у мандеев называется **масбу́та** или **масветта** и совершается всегда в проточной живой воде, являющейся одновременно очищающей и символизирующей собой Высшую Жизнь, поскольку своего Бога Манда д'Хайе мандеи иногда сравнивают с живой водой. Всякая вода крещения называется Йардна или Иордан, что говорит о западно-семитском происхождении этого обряда у мандеев, хотя исток мистического Иордана для них — в Царстве Света. В противоположность христианам, у которых крещение только единожды творимое таинство, мандеи проводят крестильный обряд над верными каждое воскресенье и в течение всех служб своего культа. Крещение заключается в трех полных погружениях с головой. Облаченный в свою белую ритуальную рубашку верующий затем делает пальцами трижды знак справа налево на лбу над переносицей, глотает крестильную воду и коронуется миртовым венцом (*клила*). В этом обнаруживается очевидная аллюзия на Святую Троицу, в которую веровали протомандеи до своего полного отпадения в пантеистический гнозис, пускай “христианами Святого Иоанна” и декларируется строгий монотеизм: отсюда вправе предположить, что тринитарное мировоззрение могло уже четко оформиться у кумранитов, но подтверждений тому нет. По выходу на берег, лоб крещенного намазывают кунжутным маслом. Затем происходит благословение посоленного хлеба (*пихта*) и воды (*мамбуха*) и причащение ими. После этого священник кладет руки на катехумена и налагает на него своим омоченным елеем перстнем ритуальную *золотую печать*, символизирующую Мир Света (*Шом Иавар*). Завершается ритуалом *кушты* (истины), когда священник и верный берутся за руки, делая особые рукопожатия. Кроме этого крещения, исполняемого епископами (ганзибра) или священниками (тармида), существует еще индивидуальные крещения за все виды совершенных грехов. Крещение означает причастие Мира Света, которое обеспечивает Спасение, почему в этом едином обряде кажутся совмещенными два христианских таинства: крещение и евхаристия. Без крещения душа мандея не может достигнуть иного мира. По представлению “христиан Святого Иоанна”, праотец Адам был удостоен крещения существами света или небесным Авелем, и Мир Света присутствует здесь наяву только с момента крещения первого человека. Мандеи пола-

гают, что только их крещение является крещением живой водой, тогда как христиане, их “двоюродные братья” крестят своих оглашенных мертвой водой. Так они противопоставляют своему не вполне оформившемуся тринитарному Иоаннову крещению ярко выраженное тринитарное крещение Христа “Во Имя Отца, Сына и Святого Духа”, своеобразно и наивно истолковывая христианское крещение “в смерть Христову” крещением в мертвой воде, хотя, конечно, главным крестильным днем в древней Церкви была Великая Суббота, когда принимали это таинство многие оглашенные, но когда Господь еще не воскрес из мертвых, - и только благодатный огонь нисходил в Кувуклию, напоминая граду и миру о будущем огненном крещении.

“Происхождение и история мандейского крещения, - пишет исследователь мандеизма Курт Рудольф, - часто обсуждались европейскими учёными. Последние исследования — включая и мои собственные — показали, что мандейский обряд крещения ни в каком отношении не является простой имитацией сирийско-христианского, и особенно несторианского крещения, как предполагали некоторые из этих учёных. *Masbuta* имеет мандейское происхождение, поскольку все его основные элементы (погружение, окропление, выпивание воды, увенчание венком, благословение возложением руки и причащение хлебом и водой) взаимосвязаны, даже если некоторые обряды (такие, как помазание и освящение воды крещения) имеют христианское происхождение. Доказано, что некоторые аспекты этого крещения восходят к дохристианским временам и коренятся в крещении и очистительных обрядах гетеродоксального иудаизма, так называемых “сект крестителей” (масботеев и сабиан)” (28).

Однако прекрасное Иоанново крещение до сих пор живо и у нас, восточных христиан. Греко-кафолическая православная традиция тройного погружательного крещения на Богоявление Господне в Иордане, которым выступает всякий водоем, как правило, с проточной водой, практически в точности повторяет иоаннитско-мандейское крещение, поскольку в противовес единственному инициатическому церковному крещению в смерть Христову, оно совершается каждый год в живых водах земных стихий, что свидетельствует о духовной и обрядовой пре-

емственности ессейства, иоаннизма и христианства. Это Иоанново крещение на Богоявление живой водой творит чудеса и способно возвращать людям веру и здоровье, даже несмотря на то, что творится оно несколько стихийно, но с благословения и при содействии последнего пророка Ветхого Завета и восприемника Христова по Иорданской купели. Его смело можно назвать еще одним таинством, пускай официально и не признаваемым церковью.

Масикта — мандейская заупокойная месса или **Вознесение душ**. Это таинство назорейского происхождения, имеющее наибольшее сходство с христианской литургией. Масикта совершается как во время смерти верующего, так иногда и в иных обстоятельствах. Смертельно заболевший мандей сначала троекратно крестится в воде Йардны, затем его помазывают маслом, облачают в ритуальную рубаху (*расту*) и увенчивают венком. Ему дается флакон с елеем как послание (*ингирта*) Миру Света. Когда смертельно больной мандей умирает, священник налагает на его чело особым перстнем, омоченным в елее, *скандолу* — *железную печать*, обозначающую мир тьмы: она несет на себе изображения льва, змеи, скорпиона и шершня; затем его хоронят лицом на север, то есть к Полярной звезде или Миру Света. Могила не отмечается, ибо содержит лишь тело. Ритуал начинается не раньше третьего вечера после смерти, поскольку мандеи считают, что в этот момент душа уже окончательно покидает тело, отправляясь в сорокапятидневное странствие по небесным мирам. Месса совершается не менее, чем четырьмя священниками или епископами и обязательно в мандейском храме — *битманди* или *машкне*. Для обряда сразу после смерти мандея готовятся следующие компоненты: мясо, вода (*мамбуха*), ладан, хлеб, вино (*хамра* - выжатый и не забродивший виноградный сок, насыщенный благодаря настоявшемуся винограду и смешанный с водой), миртовая диадема и елей. В течение мессы должна читаться молитва “Во имя Жизни (Хайе)”. Псалмы произносятся над квасным и соленым хлебом, шестьюдесятью маленькими пресными хлебцами (*фатирэ*) и вином (*хамрой*). Фатирэ, возможно представляющие собой души, начинены пряностями и голубиным мясом. Один священник вправе их немного съесть. Потребление вина священнослужителем символизирует мистический союз с ду-

шой покойника или распознавание ее совершающим требу. Символизирующие живых и мертвых пресные хлебцы затем закапываются в землю: считается, что они являются пищей для умерших. Таким образом, исполняющий мессу позволяет покинувшей тело душе возродиться в невещественном Мире Света.

Поминки или трапезы за усопших. У мандеев есть еще два вида ритуальных поминальных трапез: *лофани* (от лауфа - “общение”) и *зид-ка брикха* (“святое жертвоприношение”). Они проводятся неоднократно родственниками после смерти мандея. Первая может быть приготовлена без священника, тогда как вторая, развившаяся из ритуальной раздачи милостыни, обязательно совершается и освящается священнослужителем, имея несколько своих разновидностей.

Рушма — нанесение знамения на лоб. После крещения верующий знаменует свой лоб, проводя пальцами правой руки трижды справа налево над переносицей. Однако этот знак не имеет ничего общего с крестным знамением. **Хабшаба — воскресенье:** у мандеев праздничный день недели (*хад бешабба*). Существует предположение, что он заимствован мандеями у христиан, хотя достаточная ясность в этом вопросе отсутствует.

Драбша — крест или хоругвь Света: массивный деревянный мандейский крест, декорированный белой шелковой епитрахилью, уложенной на горизонтальной перекладине. Его украшают гирляндой мирта, символа вечной свежести и возрождения; под перекрестьем находится скрытый от глаз кусок золотой проволоки, называемой *аран драбши*, свернутый “письмом” и скрепляющий семь веточек мирта. Этот крест может заставить подумать о христианском происхождении, хотя здесь мы, вероятнее всего, имеем дело с общим символом как христиан, так и мандеев, восходящим к ессеям. Во всяком случае, значение креста у мандеев совершенно иное, нежели у христиан: оно связано и с периодическим обрядом крещения (заключающем в себе и причастие Мира Света), и оборот ночного неба в северном полушарии вокруг Полярной звезды или солнца. В определенном смысле мандейский крест тождествен индоарийской *свастике*, являвшейся не только солярным знаком, но и символом Гипербореи, легендарной северной прародины индоевропей-

ских народов (изображения свастики присутствуют и в украшениях палестинских синагог первых веков от Рождества Христова).

Помазание или **последнее помазание**: елей служит в качестве лечебного средства не только против зла и демонов, но и для подтверждения “исцеления” покойного. Так, до краев наполняется небольшой флакон маслом и опечатывается ритуальной печатью священника. Этот флакон, именуемый *ингуртой* или “письмом”, помогает покойному достичь Мира Света. Всякий раз после крещения одинаково совершается помазание елеем чела. Наряду с этим, существует еще “царское” помазание для церемонии рукоположения священника. **Запрет на обрезание крайней плоти**. Этот обычай связывают с христианским влиянием, хотя сие не вполне очевидно, поскольку мандеи все старались делать вопреки христианам. **Коронация священников**. Ритуал подробно описан в специально посвященной ему мандейской рукописи “*Трага ди Шишлам Раба*”. Во время него происходит церемония **омовения и вытирания ног верного, рукополагаемого в священники**. Она совершается при интронизации нового священника, который призван быть “царем”. После омовения ног возводимого в священство, присутствующая добродетельная вдова обязана вытереть его ноги своими волосами. Это не может не напомнить нам знаменитые сюжеты из Евангелия от Луки (Глава 7, стих 37-50) и Евангелия от Иоанна (Глава 13, стих 6-15). Описание церемонии почти полностью соответствует изложенному в восьмой главе “Завещания Левия”, псевдоэпиграфа, найденного в Кумране, в Каирской Генизе и нескольких греческих фрагментах. Следовательно, истоки омовения и вытирания ног рукополагаемого в священство необходимо искать у ессеев Кумрана и терапевтов, их египетской строго аскетической ветви, давшей начало христианскому монашеству Египта.

Кабин или **мандейская свадьба** также относится к религиозным ритуалам, и совершать ее имеет право только епископ (ганзибра). Она начинается с крещения жениха и невесты в Йардне. Во время церемонии невеста закутана в черное облачение ‘*аба*. После крещения и священной трапезы свадебный ритуал продолжается в тростниковой хижине *адируна*, которую возводят во дворе гости-мужчины. В ней одинаково совершается и обряд *зидка-брикха* (“святое жертвоприношение”),

ибо считается, что души покойных родственников и предков участвуют во всех церемониях, посвященных продолжению рода и благословению молодых. Современный исследователь древнего христианства и гностицизма Дмитрий Алексеев в своем докладе “Гнозис и раннее христианство”, прочитанном 18 ноября 2003 года на заседании Санкт-Петербургского Религиозно-Философского Семинариума следующим образом характеризует два главных мандейских обряда, трактуемых им в качестве двух таинств, общих для христианства и иоаннизма: “Таинств в назорействе два — крещение и причащение, во многом сходные с христианскими, но наполненные иным вероучительным содержанием. При этом крещение, ясно понимаемое, с одной стороны, как альтернатива иудейскому обрезанию, а с другой стороны, как ритуальное очистительное омовение, совершается над верующими многократно, по меньшей мере, ежегодно. Причащение отличается ещё значительней, поскольку мандейская община не является христианской деноминацией. В этой связи нельзя не упомянуть точки зрения Рудольфа Бультмана, считавшего Евангелия культовыми легендами и указывавшего, что евангелисту Марку удалось укоренить “христианские мистерии (таинства) — крещение и евхаристию — в предании о жизни Иисуса”. Если признать, что прообразы христианских крещения и евхаристии сформировались ещё в назорействе, а Иисус и Его ученики первоначально принадлежали к назорейской общине, то необходимо уточнить, что функцией синоптических евангелий, как “культовых легенд”, было изъять таинства из назорейского и собственно христианского контекста и наполнить их синкретическим иудо-христианским содержанием” (29).

Мы можем отрицательно воспринимать вывод Дмитрия Алексеева относительно христианской ортодоксии, называемой им здесь откровенно иудо-христианством, но прислушаться к мнению этого талантливого интерпретатора гностических писаний и критика институциональной церкви необходимо. Хотя само по себе христианство в провиденциальном смысле превзошло все течения ортодоксального и гетеродоксального иудаизма, на основе которых формировалось в своей исторической перспективе.

Отдельные исследователи полагают, что иоанниты-мандеи образовались в результате сплава различных иудо-христианских, гностических,

антитринитарных и баптистских групп, не признававших в Иисусе Христе Сына Божьего, среди которых остатки ессеев, эльхасаиты, симониане, досифеане и даже манихейские диссиденты. Но с последними дело обстоит гораздо сложнее, поскольку мандеизм является первичным по отношению к манихейству. Как уже выше отмечалось, по данным Кёльнского Манихейского Кодекса, общины крестильников-мандеев (*baptistai*) существовали в Месене, ставшей истинной колыбелью манихейства, с начала III столетия. Сам основатель новой религии Мани (216-273 или 276 н. э.) происходил из аристократической парфянской семьи, исповедовавшей мандеизм, и воспитывался в иоаннитской среде, пока в двенадцатилетнем возрасте не получил откровения свыше, в ходе которого “Царь светлого рая” или ангел-близнец *am-Taum* (по-мандейски и сейчас это *dmauata* — прообраз, пребывающий в мире идей) повелел ему: “Оставь ту общину! Ты не принадлежишь к её приверженцам. Твое дело — выправить обычаи и обуздать наслаждения. Однако из-за твоих малых лет для тебя ещё не пришло время выступать открыто”. Согласно “Китаб аль-Фихристу”, произведению багдадского книготорговца Ан-Надима, завершённого в 987-988 годах (Глава IX. Книги, относящиеся к доктринам монотеистических верований (манихеев, индуистской, буддийской и китайской), в 240 или 241 году Мани явился ангел и сказал, что настало время открыто заявить о своем учении, после чего он обращает в новую веру всю свою семью. Но какую же новую веру предлагает Мани? Это — прежний, но христианизированный мандеизм, впитавший в себя элементы разноликого квазихристианского гностицизма Египта и Сирии. Сам Мани объявляет себя обетованным Иисусом Христом воплощением Святого Духа или Параклетом. В целом, Мани убрал из мандеизма только вопиющую христофобию и обогатил его учение аскетическими гностическими практиками докетов и энкратитов, доходившими до изуверства. Именно этими способами он и обеспечил потрясающее распространение своей синкретической религии (а на самом деле реинкарнации мандеизма) как на Западе, так и на Востоке. Более тысячи лет манихейство сотрясало основы христианских церквей и оспаривало пальму первенства у христианства: подобно породившему ее мандеизму, которому оно вдохнуло жизненные силы,

его завоевания были нацелены на христианские общины, в чем манихейство и преуспело, приобретя в них большое число адептов своей ереси. Ощувив универсальный характер манихейства, к нему устремились все христианизированные гностические секты и течения и, начиная с IV-V века н. э., впору говорить уже о гностико-манихействе как едином феномене, меняющем формы, наименования, но остающемся все с той же сущностью, некогда заданной иоаннитами-мандеями: так древняя змея гностицизма сбрасывает свою старую отжившую кожу, когда под ней уже созреет новая оболочка.

И действительно, Мани недалеко ушел от мандеизма: он упростил и упорядочил его, став, на наш взгляд, выдающимся иоаннитско-мандейским реформатором, но не тронул существа доктрины. Провозгласивший себя Параклетом Манес, встал на одну ступень с Иисусом Христом или даже выше, руководствуясь логикой: если невозможно победить — значит, нужно возглавить. Хотя, безусловно, свою миссию и миссию Иисуса Христа он понимал чисто в гностическом смысле: эон Христос и эон Мани Хайе, который не что иное, как новая эманация мандейского воплощенного Гнозиса и Царя-Священника Манда д'Хайе. Безусловно, на Мани повлияли взгляды иудео-христианской секты баптистов-эльхаситов, существовавшей в Месопотамии в II-III веках н. э. Эльхаситы, последователи жившего во II столетии Эльхасая, считали, что во время крещения на человека Иисуса снизошел божественный эон "Христос" и его "обожил" (между прочим, эльхаситов многие исследователи начальной истории ислама, среди которых Дози, Вельхаузен и Хаутсма, отождествляли с сабиями-мандеями). Итак, появление эльхаситов — это первая не увенчавшаяся успехом попытка христианизации мандеизма и других разрозненных сект иудейских баптистов. Эстафету подхватил Мани: его интеллектуальный гений и проповеднический дар сыграли свою роль, и с тех пор многие поколения христианских епископов при одном упоминании манихейства впадали в совершенно обоснованный трепет. Иными словами, Мани модернизировал мандеизм, сделав его грозным врагом для христианской ортодоксии. Манихеи стали более жесткими дуалистами, нежели мандеи, благодаря ревизии и упрощению теогонии и космогонии последних. Согласно манихейским представлениям, су-

ществует одно безличностное божество (в духе пантеизма), разделенное на два полноценных и связанных друг с другом высших начала: “бог добра” и “бог зла”. Первый был властителем в царстве духа и света; другой — в царстве материи и тьмы. Оба начала образуют из себя эманации божественных существ. “Царство света” произвело первоначального человека Христа, соответствующего “Адаму Кадмону” каббалистов, тогда как “Царство тьмы” сформировало первобытного дьявола, которые вступают в битву между собой: в итоге дьявол побеждает, и царство материи и тьмы поглощает элементы духовного божественного света. Поглощенная материей частица света дает ей жизнь, становясь душой мира. Дьявол заковывает душу мира в узы материи, тем самым создавая вселенную и человека. Видимый мир рождается из соединения духа и света с материей и мраком. Чтобы душа человека не узнала о своем божественном происхождении, дьявол запрещает человеку вкушать от древа познания. В основном, как видим, та же самая священная история мандеев, только в несколько раз упрощенная и с изъятим сюжетом об Иоанне Крестителе, где место Манда д’Хайе отведено ныне скованному в материи Христу и другим воплощениям иоаннитского гения, в особенности же, Мани Хайе — Параклету. Следовательно, манихейский Христос имеет мало отношения к историческому Иисусу Христу, являясь по сути изошуренной уловкой творца манихейства для привлечения христиан к своей вере, в чем и отличились его преемники. Что касается сотериологической цели, то у мандеев и манихеев она целиком тождественна: это спасение частиц Света, которые мандеи называют “*нишимта*” (душа) или “*мана*” (семитско-иранское заимствованное слово со значением “сосуд, дух”), то есть освобождение человека из мира тьмы и смерти (30). И если у мандеев здесь все сводится к миссии воплощенных посланников Света для наставления и спасения душ верующих, то у манихеев в спасительной деятельности “избранных” или “совершенных”, возглавляющих иерархию манихейской общины. Отправной точкой сотериологии мандеев есть спасение Адама: оно всегда было средоточием мандейского или назорейского учения. После падения души или “внутреннего Адама” в тело, символизирующее собой земной мир тьмы, к Адаму явился Манда д’Хайе и научил его тайнам космоса и культовым обрядам. Так первый человек получил спасительный Гнозис.

Манихейская иерархия практически скопирована с мандейской и включает в себе деление общины на две группы — *auditori* (слушатели) и *electi* (избранные); у мандеев это, собственно, *мандеи* (гностики) и *назорей* (священники), о чем мы говорили выше. Стремясь к всемирной проповеди, Мани придал более жесткий характер разделению своей общины на мирян и клириков, что обеспечило устойчивость манихейской иерархии на многие столетия вперед; она стала, по сути, универсальной и выживающей в любых условиях, в то время, как мандейская продолжала существовать в своих этноконфессиональных рамках. Орден тамплиеров аналогично слагался из двух больших категорий братьев — *сержантов* и *рыцарей*. Сегодня уже никого не удивляет факт сотрудничества и взаимодействия тамплиеров с еретиками Юга Франции, среди которых средневековые манихеи — бугры, катары и альбигойцы. Согласимся, что при всей своей внешней несхожести мандеи, манихеи и тамплиеры являли между собой определенную внутреннюю целостность в плане доктрины, приверженности тайным посвященным ритуалам и “высшему знанию”. И это неудивительно, поскольку источник у них один — иоаннитско-назорейский гнозис первых столетий н. э., уходящий, вероятно, корнями в эссеистский гностицизм I века до н. э., воспринявший сильные зороастрийские влияния, характерные для иудейской мистики периода Второго Храма. Эсхатология у мандеев подобна иудео-христианскому учению о конце времен, только сильно переплетена с их традиционной астрологией. Перед завершением человеческой истории должен явиться Мессия, которого мандеи в “Правой Гинзе” рассматривают как личность гибели, соответствующую Антихристу в христианстве. Арабское нашествие, пережитое мандеями в начале VII века, ими трактовалось уже в качестве признака приближения конца света, но возможно, один из авторов главной священной книги “христиан Святого Иоанна” говорит о будущей предшествующей Апокалипсису арабской экспансии, ныне вполне ощущаемой нами (под этим нужно понимать не столько военное вторжение, сколько демографическое вытеснение и переселение арабов и мусульман в другие неисламские страны, в том числе европейского континента). Безусловно, мандеи, основываясь на своей доктрине, видят в ложном Мессии Иисуса

Христа (хотя мы, христиане, в нем узнаем подлинного сына погибели — Антихриста): напомним, что само слово как таковое *Машиах-Мишиха-Мессия* иоаннитами воспринимается крайне отрицательно и к нему часто добавляется еще эпитет *кадаба* - ложный; к тому же, Мессия у мандеев постоянно противопоставляется утрам, эманациям добрых божественных существ. Не описывает ли нам приводимый ниже фрагмент Второе Пришествие Христа в Славе с дальнейшим Страшным Судом над человечеством?

“Когда Сатурн окажется в знаке Скорпиона и выйдет из Скорпиона, чтобы устремиться к знаку Льва, великий Евфрат соединится с Тигром и Вавилония в течение пятидесяти лет превратится в пустыню возле страны Гаукаи... (область между Тигром и персидской границей на юг от Ханикина, ранее называвшаяся Гаукаи).

И тогда станет ясно, что должен явиться Мессия-лжец. Воссев на великом троне, он станет главой всего мира и произведет над ним суд, удалив судей. Он придет от Востока на Запад в один единственный день, пока сырой кирпич с фундаментом будут свидетельствовать о нем. Когда Сатурн будет находиться в течение пяти ста и пятидесяти лет в знаке Рыб, произойдет великая эпидемия, и после персидских царей, будут господствовать арабские властители” (31).

Все это будет предшествовать Дню космического суда над миром, называемого в мандейской традиции “великим днем конца” или “великим днем суда” (*йома раба д’суф* или *д’дина*), когда свершится суд над плененными в материи душами, и проклятые души с неверующими будут низвержены в “пылающий огонь” или в “море конца” (*йама д’суф*): этот термин происходит от “Тростникового моря” из ветхозаветной книги “Исход”. Это событие именуется “второй смертью”: наряду с людьми, ее должны испытать как планеты с их гениями, так и все иные злые силы и духи. Так произойдет “конец миров”, после чего “воссияет Свет и тьма вернется в свое место”. Отметим, что мандейская доктрина разделяет богословское мнение всеобщего восстановления или Апокатастасиса, которого придерживался выдающийся теолог древней Церкви Ориген и которое до сих пор исповедует эзотерическое франк-масонство шотландских уставов. Исходя из него, иоанниты-мандеи полагают, что восстав-

шие и падшие существа Света во главе с демиургом Птахилем-Петахиэлем, соответствующем Люциферу-Космократору в христианстве и Хейлелю в иудаизме, будут восстановлены или реинтегрированы в божественном Свете, и творение окончательно достигнет своей цели. Рай у мандеев называется “*миуне кушта*” или убежище “вознесённых Истины”: он представляет собой пространство идей и монад, в котором пребывают прообразы-двойники (*дмаута*) всех земных вещей и существ. Он расположен на крайнем севере - там, где находятся Миры Света иоаннитско-мандейской религии.

Индивидуальный Апокалипсис у мандеев начинается в день смерти человека, который называется “днем избавления” (“*йом пуркана*”), когда освобождается душа: реинтегрировавшись в божественном Свете, она спасает третью природу — дух человека или *руху* (у мандеев и христиан одинаково душа есть сосуд (*мана*) духа, а тело — сосуд души: такая трихотомия подтверждает изначальное тринитарное мировоззрение иоаннитов). После своего исхода из тела душа должна преодолеть семь “страж” (“*мат’арата*”) или планетарных сфер, в том числе сферы Солнца, Луны и Рухи Кадишты, злого мирового творческого духа женского пола, которого мандеи отождествляют со Святым Духом христиан. “Стражи” поставлены для наказания и терзания грешных душ демоническими существами планет. Миновав эти планетарные чистилища с помощью Спасителя (*парука, шаруйа*) или посланца Света, плененная душа попадает затем на суд к Абатуру, “господину весов”, после чего обретает право войти в Царство Света, прежде перейдя со своим помощником (*адьяура* или *насба*) через опасные воды. Достигнув Царства Света, она облачается в светлые одежды и коронуется венцом: это значит, что она возвратилась в свой родной дом, иоаннитский гнозис получил свое разрешение, и душа спасла заключающийся в ней дух. Ее монада с ее персонафицированным “эго” продолжают существовать в обителях божественного измерения и всеобъемлющего присутствия Царя Света (*малка д’нурра*). Таково окончательное исполнение мандейской литургической формулы: “Жизнь поддержала Жизнь, Жизнь обрела свое”.

ИОАННИЗМ — СЕКРЕТНАЯ РЕЛИГИЯ ОРДЕНА ХРАМА. МАРКИОНИТСКАЯ СХИЗМА XIII ВЕКА В ГЕРМАНИИ

Следует признать, что существует три главных подхода рассмотрения Ордена тамплиеров как исторического и духовного феномена одновременно. Первый подход — назовем его аматорским — идеализирует тамплиеров во всех их проявлениях, практически начисто отрицая вину ордена в ереси и отправлении кощунственных для христиан любой конфессии ритуалов: в данном случае вся ответственность за постигшие рыцарей трагические превратности перекладывается на Римскую курию и французскую королевскую администрацию. Авторы, представляющие такой подход, а ргіогі принимают то, что обвинения в адрес ордена и приписывания ему тайного культа являлись фабрикацией Святой Инквизиции, в ту пору искавшей повсюду еретиков. Второй аматорско-эзотерический подход, безусловно, признает наличие в ордене тайных практик и церемоний, но настаивает на том, что рыцарей неправильно поняли королевские комиссары и епископат римской церкви: дескать, тамплиеры — носители изначального эзотерического христианства, Бафомет не что иное, как боевой идол, необходимый для успешной битвы, а срамные поцелуи являются средством для раскрытия чакр неофитов и активации позвоночного столба каждого из них (оказывается, тамплиеры были адептами кундалини-йоги); плевки на распятие и трехкратное отречение от Христа сторонниками данного подхода либо совсем отрицаются, либо воспринимаются как посвятительное испытание с аллюзией на отречение Святого Апостола, после чего посвящаемый еще с большим рвением должен был служить Сыну Божию. Третий подход — конспирологическо-критический. Его приверженцы, ничто же сумняшеся и опираясь на весьма сомнительную французскую пропагандистскую антисемитскую и антимасонскую публицистику XIX века, показывают тамплиеров откровенными сатанистами и еретиками, спрятавшимися под плащами римско-католического военного ордена. К середине XIX столетия возник еще один четвертый подход в изучении Ордена Храма, представленный произведениями Миньяра, Луа-

зелёра и барона фон Гаммера-Пургшталя (к ним можно отнести еще выдающегося французского историка гностицизма Маттера, выделявшего тамплиеров в отдельную ветвь на гностическом древе). Протагонисты нового подхода сосредоточились на научном исследовании внутреннего культа или тайной доктрины тамплиеров, что, на самом деле, гораздо важнее, нежели очередные перепевы поэтизированных саг французского академика Райнуара о воинских подвигах храмовников на Святой Земле. Однако, по каким-то причинам, этот подход не стал магистральным направлением развития научной тамплиерики, поскольку прямые славословия, приправленные “эзотерической” клубничкой, и категорические обличения во всех страшных грехах всегда приятнее для публики вместо трезвого и совершенно нейтрального анализа, независимого от либеральных и от клерикальных кругов. Увы, истина с трудом пробивает себе путь в дебрях человеческого невежества, какими бы благими намерениями последнее не прикрывалось. Тем не менее, одним смелым, но явно логическим умозаключением был сделан большой шаг вперед: в своем произведении о тамплиерской шкатулке из Эссаруа Миньяр предположил, что создание Ордена Храма в 1118 году явилось ответной акцией долгосрочного возмездия христианской ортодоксии на сожжение в том же самом году в Константинополе главы гностико-манихейской партии Византии монаха-расстриги Василия. Если это событие рассматривать как контрапункт истории средневековых гностических ересей и Ордена тамплиеров, то все вскоре становится на свои места.

Мы вправе предположить, что определенные цели процесса глобализации и мотивации экуменического движения требуют безоговорочной реабилитации Ордена Храма. Всякой новой религии необходимы свои мученики: таковыми для экуменизма, стремящегося создать человечеству единую синкретическую религию, предстают тамплиеры — жертвы католического фанатизма и папского обскурантизма. В этой связи необходимо рассматривать и предпринятую в 2007 году Папой Бенедиктом XVI реабилитацию тамплиеров, совершенно логичную со стороны пост-соборного и “открывшегося миру” католицизма, формально не входящего во Всемирный совет церквей, но *de facto* возглавляющего экуменическое движение как одно из направлений на пути к Новому мировому

порядку. Но несмотря на это, молодой итальянской исследовательнице-ватиканистке Барбаре Фрале, входившей в экспертную группу по подготовке реабилитации, пришлось признать, что часть обвинений против ордена имела под собой реальные основания, о чем она сообщила в вышедшей еще в 2001 году своей книге “*Последняя битва тамплиеров*” (“*L’ultima battaglia dei Templari*”). Готовившая ватиканскую публикацию знаменитого “Шинонского списка” (протоколов допроса тамплиеров), спустя семьсот лет увенчавшего реабилитацию ордена, итальянская исследовательница, глубоко вникнувшая в подробности инкриминируемых тамплиерам обвинений и их свидетельских показаний, составила для себя совершенно верное представление о характерных чертах ереси, присутствовавшей в организации, но очевидное желание оправдать сообщество в контексте изменившегося отношения к нему Ватикана побудило Барбару Фрале прибегнуть к достойным конспирологам фантазиям, объясняя культ Бафомета связанным с особым почитанием рыцарями Туринской плащаницы Спасителя, которой владели родственники тамплиерского прецептора Нормандии Готтфрида (Жоффруа) де Шарне, казненного вместе с великим магистром Яковом де Моле. И все же, являясь добросовестным и талантливым исследователем, Барбара Фрале не могла не признать достоверности и объективности хотя бы части выдвинутых перед орденом обвинений. Ее мнение, в целом, разделяет известный и вдумчивый британский историк Крестовых Походов Джонатан Райли-Смит (1938 г. р.) Соглашаясь с Миньяром в том, что кощунственные практики использовались в разной степени по мере удаления прецепторий и командорств от орденовой метрополии (а кое-где, вообще, были сведены к нулю), он в своем труде “*Были ли тамплиеры виновны?*” (*Jonathan Riley-Smith: “WERE THE TEMPLARS GUILTY?”*) резюмирует: “Исходя из современных знаний мы не можем с уверенностью сказать, когда и почему столь эксцентричные практики проникли в прославленный и могущественный орден католической церкви. Но если невозможно ответить на вопрос “почему?”, то, как мне кажется, можно приблизиться к ответу на вопрос “как?”. Чем больше изучаешь историю ордена Храма, тем больше приходишь к убеждению, что независимо от того, были ли обвинения справедливы или нет, он остро нуждался в ре-

Древний крест приверженцев ереси Маркиона Синопского.
Не правда ли, он очень напоминает крест ордена тамплиеров,
возникшего многие столетия спустя?

формах” (32). Другой английский историк-медиевист Алан Фори начисто отрицает обвинения, предъявленные тамплиерам, ловко пользуясь при этом софизмами и речевыми фигурами. Да и само название его известной статьи “*Были ли тамплиеры виновны, даже если не были ни еретиками, ни вероотступниками?*” (A. Forey: “*WERE THE TEMPLARS GUILTY, EVEN IF THEY WERE NOT HERETICS OR APOSTATES?*”) не что иное, как ординарный софизм. Статья блестяще наполнена историческими сведениями, сопровождаемыми статистикой свидетельских показаний тамплиеров во время процесса, но в итоге автор приходит к одинаково изящному и абсурдному выводу: этого не может быть, потому что не может быть (33). На наш взгляд, беда всех нынешних адвокатов Ордена Храма заключается в том, что они пользуются исключительно и, вероятно, умышленно только историческими источниками, не оглядываясь на труды своих предшественников, занимавшихся Тамплем, для которых исповедуемая ересь или наличие тайного учения внутри рыцарского сообщества более чем свершившийся факт, с чем согласны авторы всех направлений и взглядов, - от франк-масонов до клерикалов. Действительно, если к процессу над тамплиерами применять не только описательно-исторический, но богословский, ересиологический и религиозно-инструментарий, то отпадает всякое подозрение в “поповской мистификации” относительно гетеродоксии тамплиеров. Что касается мнения Фори, что если бы ересь имела место в ордене, то легко бы была разоблачена, заметим: очевидно историк плохо изучал психологию людей Средневековья; Миньяр в своем исследовании о шкатулке из Эссаруа прекрасно показал как клятвы и обеты, приносимые неофитом, привязывали его к организации, включая в определенный замкнутый круг, выход из которого не сулил ничего доброго ни ему, ни его родственникам; иными словами, тамплиерам удалось внутри себя создать режим тоталитарной секты, бороться с которым сложно и в наш век сверхзвуковых скоростей, всеобщих коммуникаций и массового интернета. Посему позицию Алана Фори (а в наивности его заподозрить невозможно) необходимо воспринимать в качестве нарочитого лукавства, связанного с концептуальными задачами полного оправдания ордена, павшего невинной жертвой в коварных интригах короля и Папы

Римского. Прием манипуляции сознанием здесь настолько же изощрен, насколько и прост: погрузив в фактологию читателя, определенными силлогизмами побудить его думать, что белое это черное, а черное это белое. И желаемый результат не заставит себя долго ждать. Между прочим, все произведения переводной тамплиерики, в больших количествах издаваемой в России, построены именно на этом.

Сейчас не возникает никаких сомнений, что орден на момент своего упразднения был сильно заражен манихейством, поскольку практически с самого начала вбирал в свои ряды отлученных от церкви братьев из знатных альбигойско-катарских семейств Юга Франции. Но альбигойство рыцарей скорее являлось питательной средой для сохранения внутри воинской корпорации иной изначальной ереси, плоть от плоти связанной с манихейством, подобно тому, как связаны с католицизмом лютеране, пусть даже последние упорно отвергают данный факт. Сравнение вполне уместное, ведь ранее мы говорили, что Мани существенно упростил и христианизировал доктрину прежнего ненавидевшего Христа иоаннизма, создав отряд бесстрашных проповедников и придав его новой форме, поистине, универсальное значение. Таким образом, Мани явился не основателем новой религии, как принято представлять, а гениальным реформатором уже существовавшей. Кроме того, благодаря христианизации иоаннизма Мани и его последователям удалось привлечь к себе многочисленных сторонников гностических и назорейских иудео-христианских сект, рассеянных на огромном пространстве от Индии до Гибралтара: в его лице институциональная христианская ортодоксия получила страшного врага. Необходимо еще раз обратить особое внимание: иоаннизм и наследующее ему манихейство действовали в тени и изнутри христианской доктрины и даже под покровом церкви и монастырей. Они меняли названия, внешние одежды, привлекали людей, склонных к гностицизму, оккультизму и посвячительным практикам, но сущность свою сохранили до сих пор: ее главной движущей силой было и остается ниспровержение, перетолкование и пересмотр в сторону строгого монотеизма и монизма тринитарного догмата христианской ортодоксии и умаление в той или иной степени сотериологической миссии Сына Божия. Трудно себе представить, что иоанниты-мандеи, назо-

реи, носсаири, друзы, гностики, манихеи, павликиане, богомилы, альбигойцы, катары, тамплиеры, хлысты, духоборы и молокане исповедуют в корне одно учение, различаясь друг от друга лишь по названиям и отправляемым ритуалам. Кроме того, им всем свойственно крестоборчество (использование мандеями креста как Хоругви Света не имеет ничего общего с христианством).

И если поправление ногами распятия или креста (как орудия казни) в той или иной мере было свойственно всем вышеперечисленным гностико-манихейским сектам и религиозным направлениям, то отречением от Христа как от лжепророка отличались только тамплиеры и мандеи, священные тексты которых изобилуют христофобией и христианофобией. Исходя из этих текстов, не возникает никаких сомнений, что при переходе из христианства в иоаннизм (а такие случаи, безусловно, имели место, когда иоаннизм еще утверждал свою “первородность” по отношению к христианству), мандейские священники или епископы требовали от неофита отречения от Иисуса Христа как от *Мишхи кадабы* (ложного Мессии и пророка), подобно тому, как христиане требовали от крестившихся евреев отречения от иудаизма. С точки зрения манихейства такой ритуал был бы просто абсурден, поскольку сам Мани объявил себя Параклетом, обетованным Спасителем: он считал, что человека Иисуса вовсе не существовало, а Христа представлял в маркионитском стиле чистым небесным духом, не воплощенным и обладавшим кажущимся покровом плоти. По другим сведениям, для Мани Иисус — это человек, через которого действовал Христос, внутренне не соединяясь с ним, и покинул его при распятии. Но согласимся, что и в последнем случае ритуал не имел бы никакого смысла с культовой стороны. Незачем было манихеям отрекаться и от “страждущего Иисуса”, божества, разлитого по всей природе и в соединении с материей дающего ей жизнь. Катары и богомилы, будучи манихеями Средневековья, не внесли ничего нового в свои докетические христологические воззрения, рассматривая Иисуса Христа в качестве Ангела или божественной эманации, обладавшей лишь видимостью человеческого тела. Крест катары могли почитать только в качестве орудия казни Иисуса Христа, не перенося это никак на личность распятого, что практиковалось у тамплие-

ров; вместе с тем, геральдическим символом катар и альбигойцев являлся так называемый Тулузский крест. Вот почему катарско-манихейское влияние на Орден Храма следует считать вторичным или, если хотите, наносным на основную внутреннюю доктрину тамплиеров, которая, по видимому, рано обособившись от своего первоисточника и утратив с ним связи по объективным причинам, стала самостоятельной западной ветвью иоаннизма, непрерывно передававшегося посредством посвящений в узком рыцарском внутреннем кругу.

Некоторые конспирологи пытались объяснить происхождение орденских ритуалов воздействием на тамплиеров со стороны носителей как талмудического, так и гетеродоксального иудаизма, в том числе адептов Каббалы. Здесь есть определенная логика. И этим, казалось бы, можно было объяснить тамплиерские обряды, направленные на умаление и уничтожение крестного подвига Иисуса Христа. Однако не стоит забывать, что в Средневековье духовное влияние еврейских общин в Европе и в Палестине было сильно ограниченным, и его не стоит нам переоценивать, в том числе памятуя о жестком антисемитизме самих храмовников, носившем, к тому же, ярко выраженный мистический характер. Учитывая то, что иоаннитско-мандейское учение являлось, по своей сути, эзотерическим, гностическим и элитарным, в отличие от манихейства, своей христианизированной версии, где посвятительные элементы сохранялись в высших степенях, но основу его все равно составляли профаны (слушатели или верующие), становится понятным интерес тамплиеров к тайным знаниям, предметам церковной археологии и различным мистическим артефактам. Известно, что у осевшей в Вавилонии самарийско-иерусалимской общины мандеев существовали свои независимые от иудейских гностико-каббалистические практики и ритуалы, основанные на доктрине о божественной колеснице Меркаве, в которые могли быть посвящены тамплиеры, осуществлявшие контакты, пускай конспиративные и нерегулярные, с центром своего гностического культа на Востоке. Отсюда, вероятно, и возникли легенды о рыцарях-тамплиерах как чернокнижниках, знатоках каббалистики, магии, астрологии и других оккультных наук, строго запрещавшихся Римско-Католической церковью.

Действительно, тамплиеры широко использовали понятие “Небесного Христа”, заимствованное ими у средневековых манихеев, но вкладывали в него совершенно иное содержание, нежели последние. С одной стороны, это была уловка для сокрытия своей подлинной доктрины и возможное оправдание перед следователями Святой Инквизиции: дескать, несмотря на кощунственные ритуалы по отношению к человеку Иисусу Назорею, рыцари оставались верны Святой Троице и Сыну Божию, “Небесному Христу”, что ввело в заблуждение даже такого опытного и интеллектуального историка ордена в Бургундской провинции, как Миньяр, не располагавшего достаточными сведениями о мандеях, чтобы прийти к итоговым выводам об иоаннитском антихристианском характере гностической секты тамплиеров. На самом деле, под “Небесным Христом” тамплиеры разумели божественную эманацию иоаннитов Манда д’Хайе, небесную сущность младенца, возраст которой постоянно три года и один день. Прежде чем забрать и вознести Иоанна Крестителя в обители Света, Манда д’Хайе сошел с небес и крестился от него в Иордане. Отсюда и культ младенца Христа у тамплиеров следует воспринимать как почитание воплощенного Гнозиса и Царя-Священника Манда д’Хайе, а не иначе (о связи бафометических голов и фигур с этим персонажем иоаннитско-мандейской теогонии мы говорили выше; если посмотреть на проблему в целом, то Манда д’Хайе и есть тот самый Бафомет и одновременно андрогин, изображенный на крышке шкатулки из Эссаруа; еще раз обратим внимание: его никоим образом нельзя путать с совершенно иным существом - иоаннитским демиургом Птахилем-Люцифером, статуями которого тамплиеры украшали снаружи свои церкви и братские общежительные корпуса).

В истории Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона мы имеем выразительный и уникальный пример вживления одного вероисповедания в тело другого и существование параллельной крипторелигии, совершенно противоположной официальному культу и направленной, в конечном счете, на его разрушение, о чем точно высказался авторитетный масонский писатель Альберт Пайк. Если основные массы рыцарей и сержантов ордена формально придерживались римского ка-

Тамплиерский крест XIII века во Франции. В центре креста - пентаграмма, вписанная в круг, являвшаяся символом спасения во внутреннем Храме Ордена тамплиеров

толицизма или скорее иоаннитско-католического двоеверия (ибо все члены ордена в той или иной мере втайне проходили иоаннитские посвящения, которые, в действительности, являлись церемониями приобщения к секретному учению), то внутренний круг, управлявший организацией и стоявший за тайными капитулами и великими магистрами, зачастую делавшимися его марионетками, исповедовал иоаннитскую гностическую доктрину в своей чистоте: в противном случае, посвятительные практики оказались бы ненужными или отмерли бы задолго до упразднения ордена. Особо отметим, что феномен этой крипторелигии возник до марранства (тайного иудаизма так называемых новых христиан) на Пиренейском полуострове и криптохристианства на территории Османской империи. Манихейство в любых своих видах и манифестациях, часто находившее приют в религиозных конгрегациях Запада и Востока Европы, не относится к данной категории, поскольку представляется реформированным и христианизированным иоаннизмом и рассматривается большинством специалистов, наряду с гностицизмом, в качестве синкретической, но все же христианской ереси. Другое дело, что Орден Храма тайно и тесно сотрудничал с манихеями Средневековья, альбигойцами и катарами Юга Франции, и содействовал им, поскольку обе духовно-религиозные ветви принадлежали одной иоаннитско-мандейской традиции, от которой некогда отпочковались, хотя гностики-катары оставались в маргинальной христианской плоскости, тогда как гностики-тамплиеры представляли собой собственную иоаннитскую крипторелигию с режимом тоталитарной секты, скрывая ее под формой римско-католической воинской конгрегации. Вот почему сотрудничество еретиков Юга Франции с тамплиерами строилось скорее не на доктринальной основе, а на вопросах совместного выживания и взаимопомощи в условиях усиления централизации капетингской монархии и инквизиционных мероприятий, направляемых на борьбу с духовными диссидентами.

Теперь мы можем подвести определенные итоги нашего исследования. Создание Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона было инспирировано иоаннитско-мандейским патриархом Феоκληтом в Иерусалиме в 1118 году как ответ на казнь в том же году в Константино-

поле главы богомилов Византии монаха-расстриги Василия. Поскольку гностическая доктрина иоаннизма первична по отношению к манихейству (христианизированному мандеизму) и является как бы его прообразующей матрицей, постольку мандеи всегда видели в манихеях инструмент своего влияния и последующего возможного прозелитизма в христианских странах: этим же объясняется плодотворное сотрудничество тамплиеров, как носителей чистого иоаннизма, с альбигойцами и катарами, представителями реформированного мандеизма. Кошунственные посвятельные ритуалы, использовавшиеся в Ордене Храма для приема неофитов, имеют восточное происхождение и, вероятнее всего, повторяют собой обряд перехода из христианства в мандеизм с отречением от Иисуса Христа как лжемессии. “Небесный Христос” тамплиеров — это воплощенный Гнозис и Царь-Священник Манда д’Хайе, эманация крещенного Иоанном бога-младенца, не имеющая отношения к Иисусу Христу. Впрочем, современный отечественный исследователь гностицизма Дмитрий Алексеев считает, что исторический образ Иисуса Назорея распался у мандеев на образы Манда д’Хайе, небесного посланца Анош-Утры (Еноха; Бар Анаша по-арамейски — Сын Человеческий) и “церковного Иисуса”, иудейского Мессии, сына “злого бога” или “бога зла” Адонай и, следовательно, лжемессии (34). И в этой связи, тамплиерский ритуал отречения от Иисуса Христа имел смысл только с точки зрения религии или перехода из одного вероисповедания в другое (рассматривать его в качестве испытания или театрализованного действия, что делали некоторые авторы, абсурдно и нелогично). Надламывая психику неофитов в кошунственных посвящениях, вожди ордена фактически добивались состояния двоеверия в среде рыцарей и сержантов при формальном соблюдении всеми норм римского католицизма, тогда как внутренний Храм исповедовал чистую гностическую доктрину иоаннизма. Печать внутреннего Храма (*Secretum Templi*), сохранившаяся как печать орденского сановника Андре де Колюра, являвшегося прецептором домов Храма во Франции (*domorum Templi Francia pceptor*), несет на себе иоанническую символику: на ней изображено гностическое божество Абракас с петушиной головой (петух есть также символ Святого Иоанна Крестителя, встречавшийся уже у средневе-

ковых масонов), обозначающего Анош Утру (зон Енох), пролившего свое семя в Иордан, откуда пили воду еврейки, которые, затем забеременев, родили 365 священников (один из них Иахиа, поскольку его мать Иношвей тоже пила воду, впоследствии крестивший всех мужчин, родившихся от семени Иордана и сделавшихся священнослужителями). Инициалы IAN на тамплиерской печати с Абраксасом, на наш взгляд, выражают не египетский молитвенный возглас Jah, превратившийся в Элевсинских мистериях в имя солнечного божества, а иоаннитскую веру и иоаннитский гнозис рыцарей. Справа от Абраксаса в полукружье находятся семь звезд или семь главных зонов мандейской религии (или “семь домов” восточных приверженцев храмов). Вместе с Абраксасом они образуют священную гностическую огдоаду. Кроме конкретного понимания 365 священников, родившихся от евреек и пролитого в Иордан семени Анош Утры, под этим числом необходимо понимать 365 эманаций, на которые разделена Вселенная, и их сумма является каббалистическим Великим Отцом или Абраксасом. Что касается бафометических голов или фигур, использовавшихся тамплиерами для отправления своего культа, то они, как выясняется, вавилонского происхождения, и выполняли роль магических ретрансляторов во время тамплиерского церемониала (об их сакральном значении мы рассказали выше). Эти фигуры нельзя путать с изображением иоаннитско-мандейского демиурга Птахия-Люцифера, скульптурами которого храмовники украшали снаружи свои церкви и общежительные дома: благодаря Элифасу Леви демиурга смешали с Бафометом, что стало чудовишной ошибкой, крайне отрицательно сказавшейся на судьбах европейского оккультизма. Всем известное изображение Птахия-Люцифера, пришедшее к нам из книги Элифаса Леви “Догмы и ритуалы высшей магии”, имеет также вавилонское происхождение и повторяет в концептуальных чертах знаменитое изваяние шумерско-аккадийского повелителя демонов ветров Пазузу, сына бога Ханби. Ритуальные веревочные пояса тамплиеров, изготовлявавшиеся из белой шерсти и, прежде чем попасть к неوفиту, обвязываемые вокруг бафометических голов, назывались “поясами Иоанна” и соответствовали “химьяне”, такому же атрибуту для периодического обряда крещения у мандеев. Поскольку тамплиеры не имели воз-

возможности время от времени в соответствии с культовыми правилами исполнять мандейское крещение в проточных водах, то на их церемониях при помощи бафометических голов происходила аллегория мандейского ритуала или “крещение мудростью”, как переводится с греческого сам термин Бафомет, а посредством своих поясов рыцари обладали в определенном смысле и бафометическим причастием. Символом дуалистической доктрины ордена представляется и войсковое знамя тамплиеров босеан, состоявшее из двух равных полос (сверху — черной; снизу — белой), поперечных древку. Изначально и щиты тамплиеров были черно-белыми, повторяющими их знамя. Изображение двух рыцарей (одного поклоняющегося Христу, другого — Люциферу: так гласит орденское предание, приведенное Миньяром) на одном коне на печати сообщества, по нашему мнению, может аналогично говорить о дуализме, которого придерживался внутренний Храм. И если появилась среди братьев партия, почитавшая демиурга Птахия-Люцифера, существование которой доказывает Луазелёр, то произошло это потому, что, основываясь на иоаннитско-мандейском мировоззрении, тамплиеры верили в возможность покаяния Люцифера и будущий Апокатастасис: полное восстановление всех вещей. Учителя тамплиеров мандеи из века в век славились своим ювелирным искусством и считались весьма состоятельными людьми, поскольку в этом этноконфессиональном сообществе большинство составляли золотых и серебряных дел мастера. За неимением объективных сведений мы можем только предположить, что последующее богатство Ордена Храма связано некоторым образом с мандеями: не исключено, что мандеи обучили тамплиеров определенной восточной методике обращения золота и серебра, вылившейся затем в создание тамплиерами современной банковской системы. И в этом нет ничего удивительного. Английский исследователь Тобиас Чартон в своей книге “Золотые строители” (2002 год) утверждает, что в IX-XII веках иоанниты-мандеи являлись самыми образованными людьми в Европе и на Среднем Востоке. То, что мы считаем сегодня средневековой арабо-мусульманской наукой, на самом деле была наукой мандеев или сабиев, включая астрономию, алхимию, медицину и архитектуру, проникшую в Европу через арабов и отчасти тамплиеров. Тобиас Чартон

полагает, что благодаря мандеям, которых привозили с собой под видом арабов тамплиеры, появился стиль готической архитектуры в Европе. По его мнению, мандеи оказали сильное влияние на Вольфрама фон Эшенбаха и его поэму “Парцифаль”, а сама тема Святого Грааля герметического и иоаннитского происхождения, поскольку содержит аллюзию на образ крестильной чаши или баптистерий, что у нас одинаково ассоциируется с Бафометом или крещением мудростью. Символическая связь Бафомета со Святым Граалем теперь вполне очевидна и не представляется нам досужим вымыслом. О загадочной сакральной чаше написаны тысячи страниц, но вряд ли в них вы обнаружите, что Святой Грааль тамплиеров это тот же самый Бафомет, вернее Бафомет в своем медиумическом и магическом воздействии сообщающий адепту крещение мудростью не в темных безднах проточных вод, а в тонких люциферических энергиях творения, что, вероятно, является аналогией знаменитого огненного крещения, прообраз которого нам дан Творцом в Его Неопалимой Купине. Но в великих символах, наряду с глубокой метафизикой, кроется и великий соблазн, и он, однажды пробудившись, окончательно погубил тамплиеров, слишком рьяно пожелавших с помощью них познать все страшные тайны земли, неба и всего мироздания, заключающиеся в Боге, Его Логосе и Сыне, а также в первом сотворенном Ангеле Деннице, с чьей помощью творился видимый мир и, по сути, благодаря ему отражающий свою загадочную феноменологию. Этот яркий, но отраженный свет ввел в заблуждение тамплиеров, завлекая холодным свечением интеллекта падшего первенствующего Нефилима. Добавим, что тамплиеры, исповедуя гностический иоаннизм, уходящий своими корнями в назорейский гнозис и ессейство I века н. э., отправляя свои кощунственные ритуалы и отрекаясь от Сына, прервали свою связь с источником света и несотворенным Люцифером — Иисусом Христом, и исходящем от Отца через Него Святым Духом. Следовательно, в общем смысле их участь была предрешена уже с момента основания ордена, предпринятого иоаннитами-мандеями для тайного распространения своей еретической доктрины в странах христианского Запада.

Если говорить о главном доктринальном отличии тамплиеров от мандеев, то оно касается прежде всего противоположного отношения обо-

их деноминаций к содомскому греху. Негласно у тамплиеров поощрялись гомосексуальные практики, тогда как мандейский закон, являющийся по духу пуританским, воспрещает однополую близость. Но надо понимать, что у мандеев не существует монашества как такового; наоборот, тамплиеры представляли собой слепок с Картезианского ордена, но с военной спецификой. Однако гомосексуализм тамплиеров и закрепленное в тамплиерском уставе сугубое женоненавистничество суть занесенные в формально римско-католический орден манихейские явления, которые необходимо рассматривать с культовой точки зрения. Так, гомосексуализм столь плотно ассоциировался с манихейской сектой богомилов, берущей начало от павликиан Малой Азии и затем под разными именами распространившейся по всей Европе, что их практика стала известной как “мужеложство”. Кроме того, название “катар”, обозначавшее манихея в средневековой Франции, в большинстве европейских языков предстает синонимом гомосексуалиста: “кетцер” в немецком, “газарро” в итальянском и т. д. Манихейство и содомия были настолько связаны друг с другом, что обвиняемые в катарской ереси пытались доказать свою невиновность традиционными гетеросексуальными взглядами, освящаемыми институциональной церковью. Спустя столетия именно практике культового гомосексуализма будет придаваться особое значение в неотамплиерской оккультной секте *Ordo Templi Orientis* (Орден восточных тамплиеров), оказавшей первостепенное влияние на возникновение рок-музыки и практикующей среди своих приверженцев в своем произведении о шкатулке из Эссаруа Миньяр высказал предположение, что тамплиеры являлись адептами магометанского (мусульманского) манихейства. Однако, как мы уже отмечали выше, Миньяр не располагал достаточными сведениями о мандеях, чтобы связать последних с тамплиерами. После открытия мандеев западными исследователями во второй половине XIX столетия и публикации основных священных книг иоаннизма в первой трети XX века, стало возможным рассматривать гностическое мировоззрение Ордена тамплиеров в контексте мандейской доктрины с ее антихристианской и христофобской направленностью. Учитывая, что и средневековые манихеи оказали существенное влияние на тамплиеров, многие из которых происходили

из катарских и альбигойских семей Юга Франции (хотя это влияние, о чем мы говорили, было вторичным), мы вправе охарактеризовать учение Ордена Храма как манихействующий или даже манихейский мандеизм, а одинаково и манихействующий иоаннитский гностицизм. Иными словами, с течением времени и под воздействием манихейства тамплиерская доктрина отклонилась от правильного мандеизма, сделавшись уже по отношению к нему в определенном смысле ересью, впитавшей побочный продукт иоаннизма в виде манихейства.

Часто доводится слышать от критиков Ордена Храма, что он неоднократно вел закулисные переговоры с сарацинами и часто предавал христианские интересы на Святой Земле. Нам представляется, что факты измены тамплиеров несколько гипертрофированы, и подобные обвинения можно вменить всякому другому рыцарскому ордену, воевавшему в Средние Века в Палестине. Другое дело предательство палестинских тамплиеров в ходе Желтого Крестового похода в 1260 году, которое в обиходе объясняют неприязнью крестоносцев к монголам после поражения от них в битве при силезском городе Легнице 9 апреля 1241 года. Но почему-то никто не рассматривает в качестве причин этой чудовищной измены восточному христианству (католикам, греко-православным, несторианам, сиро-яковитам, армяно-григорианам и коптам) духовно-конфессиональные аспекты, но они, на наш взгляд, наиболее важны, чем все остальное. Монголы приняли христианство несторианского толка от ассирийских проповедников в Центральной Азии. Ближневосточный поход монголов под командованием хана Хулагу (1256—1260) являлся одним из крупнейших завоевательных походов монгольской армии против иранских исмаилитов-низаритов, халифата Аббасидов, сирийских Айюбидов и мамлюков Египта. И поскольку самую значительную роль в боевых действиях с ближневосточными мусульманами сыграли центральноазиатские христиане-несториане, историками Р. Груссе, Г.В. Вернадским и Л.Н. Гумилевым он был назван Желтым Крестовым походом. Как известно, Ассирийская Церковь Востока, создавшая в Средневековье корпус бесстрашных и беззаветно преданных несторианству проповедников, дошедших до Дальнего Востока, пыталась распространить свою миссионерскую деятельность и на иоаннит-

Подлинное изображение андрогинного существа — Бафомета тамплиеров на гностической шкатулке из Эссаруа

ско-мандейские общины Междуречья. Неслучайно мандеи считали несторианскую церковь, имевшую большое влияние на древних вавилонских землях, одним из своих наиболее опасных врагов, что неоднократно отмечается в полемической части их произведений. Кроме того, Желтый Крестовый поход нанес сильный урон исмаилитам, сирийской гностической исламской секте, восходящей, судя по всему, к сирийским назореем, с которой тамплиеры во время своего пребывания на Востоке поддерживали партнерские и даже дружественные отношения. Следовательно, экспансия монголов-несториан, вошедшая в историю под названием Желтого Крестового похода и направленная, в частности, против иоаннитов-мандеев в их метрополии в Междуречье и союзных исмаилитов, могла побудить криптоиоаннитскую верхушку тамплиеров к совершению рокового предательства, окончательно изменившего расстановку сил в пользу мусульман в регионе и спровоцировавшего разгром многочисленных христианских общин на территории Ближнего Востока, Междуречья, Персии и Центральной Азии. Во многом эта катастрофа определила через несколько десятилетий и судьбу знаменитого ордена: христианские монархи и папы не могли простить храмовникам запятнавшей их безумной измены и утраты влияния на Святой Земле, и пролитая кровь отданных на заклятие восточных христиан вскоре обратилась в бумеранг провиденциального возмездия и уничтожила сам орден, погрязший в нечестии, гордыне и отправлении тайных культов.

Британский медиевист Джонатан Райли-Смит отмечает факт оправдания германских тамплиеров (35). На это должно обратить особое внимание. Дело в том, что, как мы уже говорили, тайная ритуальная практика ордена ослабевала по мере удаления прецепторий и командорств от исторического центра — Парижа и Бургундии. С другой стороны, на окраинах тамплиерской ойкумены могли отправляться иные культы, принесенные рыцарями с Востока. Возможно даже, что на почве христофобии парижского иоаннитского великого магистериума в ордене происходили тайные схизмы. Мы предполагаем, что германское отделение сообщества подвергла ревизии прежние иоаннитские догмы и ритуалы и в XIII веке перешло на позиции маркионизма, с которым братья мог-

ли познакомиться в Сирии. Характерно, что Аш-Шахрастани, живший в XII веке, в своей “Книге религиозных и философских сект” говорит о маркионитах как о еще существовавшей сирийской религиозной общине. Здесь необходимо сказать несколько слов о Маркионе и его последователях маркионитах.

Маркион был сыном епископа и богатым судовладельцем в Синопе. Он родился в 75 году н. э. и происходил из принявшей христианство аристократической еврейской семьи, ведущей свою родословную от царя Давида и колена Иудина. Предположительно его отца звали Иосифом, и до перехода в христианство он был настоятелем иудейской синагоги в Афинах. Около 140 года н. э. Маркион приехал в Рим, где принимал тесное участие в церковной деятельности, даровал церкви щедрые пожертвования. Однако вскоре он разочаровался в церкви, так как священники не могли ответить на многие вопросы, которые Маркион ставил перед ними и которые казались ему важными. В результате в 144 г. Маркион был отлучен от церкви. Однако, существует мнение, что взгляды Маркиона сформировались еще до его прибытия в Рим, благодаря информации, полученной им в ходе его долгих странствий.

Учение Маркиона быстро распространилось по всему миру. Церкви Маркионитов были основаны в Италии, Египте, Палестине, Персии, Сирии, Аравии, Малой Азии. Они управлялись своими епископами и в целом слабо отличались от тех, которые в будущем образовали Кафолическую церковь: в то время не существовало единой христианской ортодоксии. Известно, что маркиониты вели аскетический образ жизни: не употребляли мяса и вина, придерживались безбрачия. К V веку общины маркионитов распространились по всему пространству Римской империи. Не встречая значительного сопротивления, они достигли в это время наибольшего расцвета. На тот период многие кафолики отказывались признавать маркионитов христианами. Есть версия, что в VI и VII столетиях часть маркионитов объединились с манихеями, дав основу возникновения павликианству.

Согласно мировоззрению Маркиона, ветхозаветный Бог не обладает свойствами всемогущества, всеведения и всеблагости. Как следствие этого, выводится радикальный дуализм между неведомым благим Богом

Нового Завета, живущим в нематериальном мире на третьем небе, и демиургом Ветхого Завета (князем мира сего). Демиург ниже Бога и не благ, но справедлив. Это и есть ветхозаветный Бог - творец мира, первоначально созданного дьяволом из испорченной материи, и человека. Два мира никак не сообщались между собой, пока благой Бог не послал в мир своего Сына — Иисуса Христа. Хотя тело Христа Маркион считает, как и докеты, призрачным, его страдания и смерть определенным образом реальны. Отсюда характерной чертой учения Маркиона является антииудаизм, что никоим образом нельзя путать с антисемитизмом, часто приписываемом маркионитам и их основоположнику, еврею по крови.

Итак, маркиониты учили о трех началах: добром, справедливом и злом. Маркиониты признавали большую часть канонической христианской литературы, в особенности ими почитались Евангелие от Луки и послания Апостола Павла. Маркиониты признавали христианские таинства и символику. В бытовом и моральном отношении исповедовался беспощадный аскетизм, абсолютное половое воздержание и строгое соблюдение постов вплоть до круглогодичного непрерывного поста. Маркиониты отвергали воскресение мертвых. Крещение допускалось многократное, в качестве покаяния. За умерших оглашаемых разрешалось крестить других людей, как правило, родственников умершего. Женщинам разрешалось беспрепятственно преподавать крещение. Во второй половине II века, после смерти Маркиона Синопского (он умер или пал мучеником за Иисуса Христа, прожив по сути Мафусаилов век, между 177-190 годами н. э.), маркиониты разделились на два течения. Во главе первого встал Апеллес, проповедовавший в Египте в сопровождении некоей Филумены, выдававшей себя за пророчицу. Приверженцы этого течения считали вечность творением Бога, создавшего видимый мир по образцу невидимого, но не доведшего это творение до конца. Христос считался обладателем не только призрачного облика, но и материального, состоявшего из тончайших воздушных элементов. Второе течение возглавил Татиан, проповедовавший маркионизм в неизменном виде, преимущественно в восточной части империи, где его последователи носили название энкратитов и гидропарастатов.

Знаменитый ересиарх II века Маркион Синопский

Во времена Маркиона еще не существовало общепринятого канона Нового Завета. Маркион попытался составить собственный канон, доктрина которого резко отличалась от взглядов, легших в основу ортодоксального канона. Так, Маркион утверждал, что Иисус проповедовал универсальную доктрину, и резко возражал против попыток “привить” ее на почву иудаизма, который он считал всего лишь примитивным верованием небольшого народа. Соответственно, Иисус не имел ничего общего с Мессией, обещанным евреям. Мессия должен быть земным царем, призванным для спасения одних евреев. Первоначальное учение Иисуса, призванное нести добрую весть всем народам, по мнению Маркиона, было сильно искажено и испорчено новообращенными евреями, которые пытались приспособить его к привычному им с детства верованию в Мессию — будущего царя из династии Давида, который вызовет евреев из-под гнета иноземцев и возродит золотой век Израиля. В своем понимании жизни и крестной жертвы Иисуса Христа, Маркион старался следовать взглядам Апостола Павла. Составленное Маркионом Евангелие в основном складывалось из рассказов, устно передававшихся последователями этого “апостола язычников”. Евангелие Маркиона до нашего времени не дошло, однако почти целиком может быть реконструировано благодаря обширной критике, содержащейся в работах апологетов христианской ортодоксии, в частности, Тертуллиана (207 год н. э.), хотя его непредвзятость и объективность по отношению к Маркиону вызывает большие сомнения, и армянского епископа Езника (450 год н. э.)

Маркионитам принадлежит самая старая из дошедших до нас христианских надписей (датирована 1 октября 318 г. н. э.), обнаруженная над дверным проходом дома в сирийской деревне, служившего местом собраний (синагогой) для общины маркионитов. Любопытно, что в написании Того, Кому посвящена церковь, значится “Господь и Спаситель Иисус Христос”. По-гречески “Христос” соответствует еврейскому слову “Мессия”: подобное написание имени использовалось теми, кто отождествлял Иисуса и еврейского Мессию. С другой стороны, не только маркиониты, но и многие их современники отрицали правомерность такого отождествления. Использувавшееся ими наименование “Христос” оз-

начало также совершенного, благого и святого. Символом маркионитов был знаменитый терновый крест, по преданию сделанный любимым учеником Христа Святым Иоанном Богословом для Божией Матери и Девы Марии. Позднее такой крест мы можем увидеть и в тамплиерской эмблематике, причем, вероятно, его использовали рыцари и сержанты, составлявшие маркионитскую партию в ордене, в то время как у иоаннитской стороны мог оставаться на плащах красный крест самой обыкновенной и простой формы.

Согласно новым исследованиям, Маркион не являлся ни тринитарием, ни монархианином: в то время христианские догматы еще не выкристаллизовались в своей полной установленности. Вернее, его богословие представляет собой прекрасное сочетание или даже определенный сплав этих двух христианских доктрин божественной непостижимости, выражающими тайну Троиединства или Троиединого, через Пречистую Деву Марию воплощенного в земной жизни и страдавшего на кресте или на древе Люцифера. Для Маркиона несомненно то, что другим покажется крайней ересью и безумием: на кресте в лице Сына сораспялась Святая Троица, и Она же воскресла вместе с Ним. Вот почему у Маркиона мы находим квази-докетическое понимание крестной жертвы Спасителя: распят Безначальный орудием начального в четырех земных стихиях, освященных Его страданием и кровью. Так Троиединный в падших овцах дома Израилева, приобретаая качества Нового Адама, но оставаясь Неведомым Богом, выкупает своих избранников из плена Светоносного, произведшего земные стихии и элементы, и указывает путь к Небесному Сиону. Именно в этом смысле Хрестос (синоним греческого Сотер) есть Спаситель или Иммануил, что означает: “с нами Бог”. Неслучайно выдающийся русский философ Николай Бердяев замечал о сущности учения Маркиона, очищенной от различных чуждых ей наслоений, следующее: “Истинные, подлинно христианские элементы маркионизма, соединенные с всецелой истиной, свободные от искажений и крайностей, от маниакальности, свойственной ересям, и есть церковная вера и церковное сознание” (Бердяев Н.А. Маркионизм. Журнал “Путь”, № 12).

Предание одного неотамплиерского сообщества рассказывает, что в 1226 году группой немецких тамплиеров, вернувшихся со Святой Зем-

ли и принявших там маркионистское вероисповедание, создается в Унтерсберге на территории нынешней Австрии исследовательское подразделение, сосредоточившееся на изучении оккультных вещей и магии. Оно поддерживает тесные связи с великим комтуром Ордена Храма в Южной Германии и Северной Италии графом Гуго фон Вайтенеггом, возглавлявшим тамплиерскую секцию тайных знаний “*Signum Secretum Templi*”, располагавшуюся в одном из районов Вены. Судя по всему эта секция непосредственно замыкалась на орденский Внутренний Храм, и она же стояла у истоков схизмы в Тампле, когда приблизительно во второй трети XIII века германские прецептории и командорства откололись в вероисповедном вопросе от парижской метрополии, перейдя на позиции маркионизма (иными словами, произошел переход от доктрины Иоанна Крестителя к учению Иоанна Богослова, чьим учеником являлся Маркион), соединенного с доставшимся по наследству от мандеев ассиро-вавилонским синкретизмом и германским язычеством. Схизма или тайный духовный разрыв с иоаннитским, а по сути мандейским центром в Париже повлек за собой отмену в германских отделениях ордена кощунственных психодраматических антихристианских и христофобских ритуалов, что в дальнейшем сыграло во благо немецких тамплиеров. На момент упразднения Ордена Храма в начале XIV века эти ритуалы не отправлялись в большинстве немецких прецепторий и командорств не менее полувека и, как следствие, были преданы забвению. Данное обстоятельство, на наш взгляд, и стало главной причиной оправдания тамплиеров Германии в ходе процесса. С другой стороны, германские тамплиеры более рьяно демонстрировали свою лояльность католической ортодоксии, за которой им удавалось скрывать внутренний маркионизм сообщества. К тому же, немецкие земли в меньшей степени подверглись манихейскому (катаро-богомильскому) прозелитизму, что опять же было благоприятным фактором для местных тамплиеров, до некоторой степени определившим оправдательный вердикт по отношению к ним. Следовательно, их оккультная организация или секция могла продолжить свое существование уже в структуре Суверенного ордена Святого Иоанна Иерусалимского, правопреемника распущенного Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона, и в

том или ином виде практически дойти до наших дней, сделавшись в период Реформации тайной, но секулярной ассоциацией. Таковой перед нами предстает всегда действовавшее в тени влиятельное и загадочное “Общество Храма Маркиона” (“Societas Templi Marcioni”), о котором очень сложно найти какие-нибудь достоверные сведения. Нельзя исключить, что оно действует и в настоящее время, окружив себя сетью тайных, в том числе и неотамплиерских организаций, функционирующих в различных сферах экономической и общественно-политической деятельности. И вряд ли на него замыкаются сообщества тамплиерской реконструкции, рассчитанные на публичные шоу и открыто заявляющие о родстве с ним.

В заключении своего эссе хотелось бы отметить, что мы не считаем предложенную нами концепцию истиной в последней инстанции и просто приглашаем к обсуждению ее историков-медиевистов, членов неотамплиерских сообществ и групп, а также иных лиц, интересующихся взлетом и падением столь выдающегося феномена европейского прошлого, каковым является Орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломона. Надеемся, что нам удалось показать определенную узость исторического подхода к разрешению тамплиерской проблематики и необходимость привлечения к ней прежде всего специалистов по религиоведению, востоковедению, богословию, ересиологии и даже эзотерике. В этом эссе мы попытались, в соответствии со своим видением, дать ответы на неразрешимые пока в академической плоскости вопросы о ереси тамплиеров, ее происхождении, развитии и связи с ней антихристианских и христофобских ритуалов, практиковавшихся в ордене судя по всему со времени его основания, которые, на наш взгляд, должно рассматривать как проявление крипторелигиозного культа внутри рыцарского сообщества.

Здесь не стоит забывать, что в XII-XIII веках Орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломона представлял собой единственную экстерриториальную глобалистскую структуру, сосредоточившую в своих руках власть военного, финансового и крипторелигиозного характера и фактически являвшуюся прообразом нетократии постиндустриального общества. В более вульгарном смысле Орден тамплиеров можно назвать

военным альянсом НАТО и Европейским банком реконструкции и развития для своего времени: известно, что идея европейского единства или по-современному евроинтеграции с объединяющей всех новой духовностью (“новой ортодоксией”, по меткому выражения знаменитого франк-масона Альберта Пайка) опять же принадлежала тамплиерам. И обладай храмовники хотя бы начатками военно-полевой связи, бурно развившейся со второй половины XIX и в начале XX столетия, не вполне ясно, смогла бы тогда настолько быстро устранить такого опасного конкурента королевская власть и Римско-Католическая церковь. Однако уникальность тамплиерского феномена заключается еще и в том, что его архитекторами были представители малочисленной секты вавилонских “болотных арабов” или, если точнее, “болотных евреев”, одинаково враждебно относившейся как к христианству, так и к иудаизму, и пытавшейся в ту пору играть собственную роль в большой политике. Так что искать у тамплиеров пресловутый сионистский след, связанный всегда с ортодоксальным иудаизмом и иудейскими “князьями изгнания”, чем занимаются некоторые конспирологи, столь же бесполезно, сколь и неблагодарно. Кроме того, банковская система Ордена Храма, легшая затем в основу европейской финансовой системы, на наш взгляд, поначалу выстраивалась иоаннитскими менторами тамплиеров, поскольку просвещенное мандейское племя испокон веков занималось ювелирным ремеслом и обращением драгоценных камней и драгоценных металлов. Вместе с золотом в орден вселились гордыня и амбиции, которые, в конце концов, погубили простодушных европейских рыцарей, возмнивших о панъевропейском и вселенском господстве. Впрочем, случайностей не бывает, и тамплиерские идеи, казалось бы уснувшие на руинах Храма, пробудились несколько десятилетий назад и устремились к своему осуществлению в новых условиях XXI века: единая Европа, единая валюта и единая духовность, отбросившая свое христианское прошлое и основанная на секулярности, которая понимается а ргіогі как религиозный принцип. Одним словом, Новый Вавилон. Что это, как не возрождение старой тамплиерской утопии, адаптированной к веяниям времени и избавившейся от иоаннитской архаики? И если цели утопии в прежнем ее виде состояли в замене религии Иисуса Христа на гностическую

иоаннитскую религию экзотической вавилонской секты, то в нынешнем - они выражаются в профанации веры в Богочеловека и Святую Троицу и лукавой подмене ее религией человекобожия: гностицизм здесь предстает уже никак не целью, а оперативным средством достижения означенной религии, что многие и увидели во время проведения рокового для Римско-Католической церкви Второго Ватиканского собора. Увы, но внутреннее разрешение трагической мистерии тамплиеров, не дававшей покоя стольким интеллектуалам, содержится именно в этом.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В 1308 году главные сановники Ордена Храма, в том числе великий магистр Яков де Моле, командор Кипра Рейнбольт де Карон, прецептор Аквитании и Пуату Готтфрид де Гонавилла, прецептор Нормандии Готтфрид де Шарне и великий визитатор Гуго де Пейро, были отправлены под конвоем стража Жана де Жанвиля из Корбейля, где они содержались, в Пуатье для предполагавшейся встречи с Папой Римским Климентом V. Из-за болезни заключенных тюремный обоз не дошел до места назначения: арестованных отправили в замок Шинон неподалеку от Тура, находившийся под королевской юрисдикцией, и разместили в донжоне Кудре в ожидании аудиенции с понтификом. Папа Климент V отменил свою запланированную встречу с орденскими начальниками, направив, тем не менее, к ним трех своих приближенных кардиналов: Беренгария Фредоля, Стефана де Суизи и Ландольфа Бранкаччи. Послед-

ние и проводили следственные мероприятия с заточенными в донжоне Кудре высшими офицерами ордена. Печати этих прелатов скрепляют пергамент, совершенно неожиданно обнаруженный в Ватиканском архиве 13 сентября 2001 года молодым итальянским историком-ватиканистом Барбарой Фрале (не правда ли, сама эта дата может наводить конспирологов на определенные мысли и аллюзии). Вокруг уникальной находки сразу же стали разгораться интриги и споры, а члены сразу нескольких неотамплиерских сообществ потребовали извинений от Святого Престола за гонения против ордена, поскольку, по их мнению, документ якобы оправдывал и снимал все обвинения с храмовников. Итак, чтобы избежать разночтений и недомолвок и показать, что описанные ритуалы на самом деле имели место в прославленном рыцарском ордена, ниже мы приводим полный текст Шинонского пергамента, в переводе, сделанном отечественным историком Эдуардом Заборовским с английской версии документа, подготовленной после его обнаружения.

“Расследование проведено

святыми отцами по поручению Папы Климента V

в городе Шиноне, епархия Тура

Шинон, 17-20ое августа, 1308 года

Во имя Господа, аминь. Мы, Беренгар, Божьей милостью кардинал наставник [пресвитер] прихода Св. Великомучеников Нерея и Ахилея [Nereus and Achileus], и Стефан, Божьей милостью кардинал-епископ прихода Св. Кириака в Термах, и Ландольф, Божьей милостью кардинал-диакон в приходе Св. Ангела, заявляем посредством этого документа, адресованного каждому, кто будет его читать, что с тех пор, как наш святейший отец и господин Климент, Божьим провидением святейший понтифик святой Римской и Вселенской церкви, получив настоятельные и неотложные просьбы, в устной форме и в докладах, от прославленного короля Франции, его прелатов, герцогов, графов, баронов и других жителей вышеуказанного королевства, дворян и простых людей, и от братьев, епископов, рыцарей, приоров и слуг из ордена тамплиеров, начал расследование по вопросам, относящимся к братьям, [по вопросам католической веры], и Уставе вышеуказанного Ордена, из-за которых Орден был публично опозорен и обесчещен, истинный Папа, желая

Шинонский пергамент

Печать папы Климента V на Шинонском пергаменте

и намереваясь узнать полную и бескомпромиссную правду, только правду, и ничего кроме правды, от руководителей вышеназванного Ордена, а именно, от брата Жака де Молэ, великого магистра Ордена тамплиеров, брата Рембо де Карона, приора командорств рыцарей Ордена тамплиеров в дальних странах [командор Оутремера], брата Гуго де Пейро, приора Франции, брата Жоффруа де Гонневилля, приора Аквитании и Пуату, Жоффруа де Шарни, приора Нормандии, приказал и поручил нам своей особой волей, высказанной изустно, с усердием выяснять правду, только правду, и ничего кроме правды, опрашивая великого магистра и вышеуказанных приоров — одного за другим и отдельно, вызывая нотариусов и свидетелей, заслуживающих доверия.

И действуя, соответственно наказу и по поручению его Святейшества Понтифика Божьего, мы опросили вышеуказанных великого магистра и приоров, выяснив правду, только правду, и ничего кроме правды о вопросах, означенных выше. Их признания и исповеди были записаны именно так, как они выглядят в этом документе, включены сюда нотариусами, чьи имена указаны ниже, в присутствии свидетелей, чьи имена так же указаны ниже. Так же мы приказали записать опросы в этот официальный документ, и утвердили его, скрепив своими печатями.

В 1308ом году от рождества Христова, в бом индикте, в 17ый день августа, в Зий год понтификата Папы Климента V, перед нами, вышеуказанными отцами, в городе Шиноне, епархии Тура, предстал брат Рембо де Карон, приор командорств рыцарей Ордена тамплиеров в дальних странах. Возложив руку на Святое Божье Евангелие, он принёс клятву говорить правду, только правду, и ничего кроме правды, о себе, а так же об особах и братьях Ордена, о самом Ордене, включая вопросы о католической вере и Уставе вышеуказанного Ордена, и о пяти отдельных особах и братьях Ордена. Во время усердного нашего опроса о времени и обстоятельствах его приёма в Орден, он сообщил нам, что прошло сорок три года или около того, с того времени, как он был посвящён в рыцари и принят в Орден Тамплиеров братом Ронселином де Фо, бывшим в то время приором Прованса, в городе Ришеранш, в епархии Карпентра или Сан-Пол-Труа-Шато, в часовне местного командорства Ордена. Во время церемонии приор не сказал новому адепту ничего, чтобы

не было бы не правильным или не подходящим, но уже после церемонии к нему подошёл брат-слуга, чьё имя он не может вспомнить, так как тот уже мёртв долгое время. Он отвёл его в сторону, держа маленький крест под своей мантией, и, когда все братья вышли и они остались вдвоём, то есть брат-слуга и опрашиваемый, брат-слуга показал этот крест опрашиваемому, который не может вспомнить было ли на нём изображение распятия или нет, но полагает, что было, нарисованное или выгравированное. И этот брат-слуга сказал опрашиваемому: “Ты должен отречься от этого!”. И опрашиваемый, не веря в то, что совершает грех, сказал: “Итак, я отрекаюсь!”. Этот же брат слуга сообщил опрашиваемому, что тот должен соблюдать чистоту и целомудрие, но ежели он не может этого сделать, лучше всего держать это в тайне, нежели совершать это публично. Опрашиваемый так же сообщил, что его отречение шло только из его уст, но не от сердца его. Он сказал, что на следующий же день он открыл это епископу из Карпентра, своему кровному родственнику, который присутствовал в вышеуказанном городе, и епископ сказал ему, что он вёл себя неправильно и совершил грех. После чего он исповедался тому же епископу, и на него была наложена епитимья, которую он, по его словам, выполнил. На вопрос о содомском грехе, он ответил, что никогда не принимал в этом участия никоим образом, и никогда не слышал, что бы рыцари Ордена тамплиеров погрязли в этом грехе, исключая тех трёх рыцарей, которые были приговорены к пожизненному заключению в замке Паломника. На вопрос о том были ли приняты эти братья в упомянутый Орден так же, как и он был туда принят, он ответил, что не знает, так как никогда сам не принимал никого в Орден, и не присутствовал при обряде инициации у кого-либо, за исключением двух или трёх братьев. Касательно них, он не знает отрекались ли они от Христа или нет. На вопрос об именах этих братьев, он ответил, что одного звали Питер, но он не помнит его фамилии, его семьи или рода. На вопрос о том, сколько лет ему было, когда он стал братом Ордена, он сообщил, что ему было семнадцать лет или около того. На вопрос о плевке на крест и о поклонении голове, он ответил, что не знал ничего об этом, добавив, что не слышал и упоминания об одной голове до того, как услышал речь его Святейшества Папы Климента об этом

в прошлом году. На вопрос о поцелуях, он ответил, что вышеуказанный брат Ронселин поцеловал его в губы, когда принял его в братья, и добавил, что ничего не знает о других поцелуях. Когда он спрошен о том, хочет ли он подтвердить, что всё сказанное во время исповеди соответствовало правде, не было ли что ни будь несоответствующим правде, или же он утаил какую-либо часть правды, он ответил, что хочет подтвердить, что всё сказанное во время исповеди было правдивым, и он не добавил ничего ложного, или же упустил какую-либо часть правды, не сообщив об этом. На вопрос опрашивали ли его во время его исповеди по просьбе, за награду, или благодарностью, из страха, ненависти, по настоянию кого-либо, или при использовании силы, или при угрозе пытки, он ответил, что нет.

После этого, брат Рембо, стоя на коленях со сложенными руками просил нас о прощении и милости к его вышеупомянутым действиям. И, так как он просил об этом, брат Рембо в нашем присутствии отрёкся от вышеупомянутой ереси, и от любой другой ереси. Второй раз он принёс клятву, возложив руку на Святое Божье Евангелие, о том, что он будет соблюдать учения Церкви, что он будет утверждать, защищать и провозглашать католическую веру, которую Римская церковь утверждает, защищает и провозглашает, так же, как учит и требует от других соблюдения правил религии, и что он будет жить и умрёт, как истинный верующий христианин. После этой клятвы, полномочием, дарованным нам Святейшим Папой для этой цели, мы даровали брату Рембо, который скромно просил об этой милости, отпущение (в форме, принятой Церковью) от приговора об отлучении от Церкви, к которому он был приговорен из-за вышеупомянутых действий, восстановив его в единении с церковью, общности его с верующими и обетами Церкви.

Так же, в это же день, брат рыцарь, Жоффруа де Шарни, приор комадорств Ордена тамплиеров в Нормандии, появившись лично в описанных ранее способе и форме, в нашем присутствии, и в присутствии нотариусов, так же, как и свидетелей, честно поклялся, возложив руку на Святое Божье Евангелие, и был опрошен о его приёме в вышеуказанный Орден. Он свидетельствовал, что прошло около сорока лет или около того, с того времени, как он был принят в Орден тамплиеров братом

Амори де ля Рош, приором Франции в Этампе, в епархии Санса, в часовне местного командорства Ордена Тамлиеров. На церемонии присутствовали брат Жан де Франсе, приор из Педенака, и девять-десять братьев вышеуказанного Ордена, которые, он полагает, уже мертвы. И потом, как только он был принят в Орден, и мантия Ордена была одета на его плечи, брат, который совершил церемонию, отвёл его в сторону в этой же часовне, и показал ему распятие с изображением Христа, сказав ему, что он не должен верить в распятого Христа, а должен, на самом деле, отречься от него. После чего новообращённый брат, по настоянию вышеупомянутого брата, отрёкся от Него на словах, но не в сердце своём. А так же, во время обряда инициации, новообращённый брат поцеловал вышеупомянутого брата в губы и в грудь, через одежду, в знак почтения.

На вопрос о том был ли обряд инициации в Орден у других братьев таким же, как и его обряд инициации в Орден, он ответил, что не знает. Так же он упомянул, что он принимал одного брата в Орден по той же церемонии, через которую прошёл он сам в обряде инициации. После этого он принимал многих других без отречения, описанного ранее, и чётко и ясно. Так же он сказал, что он исповедовался в грехе отречения от креста, который он совершил во время обряда инициации, по принуждению брата, проводившего церемонию, патриарху Иерусалимскому того времени, и были ему отпущены грехи его.

Во время усердного опроса о таких материях, как плевки на крест, о поцелуях, о грехе содомии и о поклонении голове, он сообщил, что ничего не знает о чём-либо подобном. Во время дальнейшего опроса он сказал, что полагает, что другие братья были приняты в Орден таким же способом, как и он был принят в Орден. Он утверждает, что не может знать этого наверняка, так как новообращённого брата отводили в сторону, так что другие братья, присутствующие в здании не могли ни слышать, ни видеть того, что там происходило. На вопрос о том, сколько лет ему было, когда он был принят в Орден, он сказала, что ему было шестнадцать-семнадцать, или около того.

На вопрос спрашивали ли его по просьбе, за награду, или благодарностью, из страха, ненависти, по настоянию кого-либо, или при использо-

вании силы, или при угрозе пытки, он ответил, что нет. Когда он спрошен о том, хочет ли он подтвердить, что всё сказанное во время исповеди соответствовало правде, не было несоответствующим правде, или же он утаил какую-либо часть правды, он ответил, что хочет подтвердить, что всё сказанное во время исповеди было правдивым, и он не добавил ничего ложного, или же упустил какую-либо часть правды, не сообщив об этом.

После этого мы пришли к выводу, что даруем милость отпущения грехов за эти действия брату Жоффруа, который вышеобозначенным способом в нашем присутствии отрёкся от вышеуказанной ереси и любой другой ереси, и лично поклялся на Святом Божьем Евангелии, а так же скромно просил об этой милости, отпущение грехов, восстановив его в единении с церковью, общности его с верующими и обетами Церкви.

Так же, в это же день, брат рыцарь, Жоффруа де Гонневиль, появившись лично в нашем присутствии, и в присутствии нотариусов, так же, как и свидетелей, перечисленных ниже, и был с усердием опрошен о времени и обстоятельствах своего приёма и о других материях, описанных выше. Он сообщил, что прошло двадцать восемь лет или около того, с тех пор, как он был принят в рыцарский Орден тамплиеров братом рыцарем Робером де Торвиллем, прирором командорств Ордена тамплиеров в Англии, в городе Лондоне, в часовне местного командорства. И этот приор, после дарования мантии рыцарского Ордена новообращённому адепту, показал тому крест, изображённый в какой-то книге, и сказал ему, что он должен отринуть Того, Чей образ нарисован на нём. Когда новообращённый отказался делать это, приор множество раз повторил ему, что тот обязан это сделать. Но так как он полностью и безоговорочно отказался делать это, приор, видя его сопротивление, сказал ему: “Поклянёшься ли ты мне, что скажешь любому брату, который спросит тебя об этом, что ты отрёкся, если я разрешу тебе не делать этого?”. И новообращённый ответил: “Да.”, и пообещал, что, если его будут спрашивать братья указанного Ордена, он скажет, что отрёкся. И, по его словам, он не отрекался никоим другим образом. Так же он сообщил, что приор приказал ему плюнуть на изображение креста. После категорического отказа новообращённого делать это, приор положил руку на

изображение креста и сказал: “Плюнь хотя бы на мою руку!”. Но так как новообращённый испугался, что приор уберёт руку, и его плевок попадёт на крест, он не захотел плевать на руку, если изображение креста при этом было бы рядом.

Во время усердного опроса о грехе содомии, о поклонении голове, о поцелуях и других материях, из-за которых братья ордена заработали дурную славу, он ответил, что ничего не знает. На вопрос были ли приняты другие братья в Орден так как же, как и он, он ответил, что полагает, что с другими было то же самое, что и с ним во время его инициации. На вопрос спрашивали ли его по просьбе, за награду, или благодарностью, из страха, ненависти, по настоянию кого-либо, или при использовании силы, или при угрозе пытки, он ответил, что нет. После этого мы пришли к выводу, что даруем милость отпущения грехов за эти действия брату Жоффруа де Гонневиллю, который вышеобозначенным способом в нашем присутствии отрёкся от вышеуказанной ереси и любой другой ереси, и лично поклялся на Святом Божьем Евангелии, а так же скромно просил об этой милости, отпущение грехов, восстановив его в единении с церковью, общности его с верующими и обетами Церкви.

На девятнадцатый день месяца перед нами предстал брат Гуго де Пейро, приор командорств тамплиеров во Франции, и в присутствии нотариусов и свидетелей принёс клятву на Святом Божьем Евангелии, возложив на него руку, так, как описано выше. Оный брат Гуго, поклявшись, как было указано, и будучи усердно опрошен, сообщил, что был принят в Орден в Лондоне, в церкви местного командорства. В минувший праздник Св. Магдалины прошло сорок шесть лет с этого события. Он был принят в Орден братом Гумбером де Пейро, своим собственным отцом, визитатором командорств Ордена во Франции и Пуату, который и возложил на его плечи мантию Ордена. После этого какой-то брат упомянутого Ордена, по имени Джон, который после стал приором Ля Мюс, отвёл его в центральную часть церкви, показал ему крест с изображением Христа, и приказал ему отринуть Того, Кого он видит на этом распятии. По его словам, он отказывался столько, сколько мог. Однако, в конце концов, побеждённый страхом и угрозами брата Джона, он отрёкся от Того, Кто был изображён на распятии, но только один раз. И несмотр-

ря на то, что брат Джон многократно повторял требование плюнуть на крест, он отказался делать это. На вопрос о том, целовал ли он приора, он ответил, что да, целовал, но только в губы. На вопрос о содомском грехе, он ответил, что ему никто никогда не навязывал этого, и он никогда не совершал его. На вопрос принимал ли он других в Орден, он ответил, что делал это много раз, он принял в Орден больше людей, чем любой другой живущий брат Ордена. На вопрос об обряде приёма этих братьев в Орден, он сообщил, что после того, как они были приняты и на них были возложены мантии Ордена, он приказывал им отречься от распятия, и целовать его в низ спины, в пупок, и в губы. Так же он сказал, что настойчиво советовал им воздерживаться от жизни с женщинами, и, если они не могут сдерживать свою похоть, то объединиться с другими братьями Ордена. Так же он сообщил под присягой, что вышеупомянутое отречение, которое он совершил во время инициации, так же, как и другие описанные вещи, которые он требовал от тех, кого принимал, были совершены им только на словах, но не в сердце его. На вопрос почему же он страдал, и не принимал в сердце своём те действия, которые он совершал, он ответил, что таковы были обряды, или, лучше сказать, традиции Ордена, и что он всегда надеялся, эта ошибка будет исправлена и вычтена из Ордена. На вопрос были ли люди которые отказывались плевать на крест, равно как совершать другие бесчестные вещи, описанные выше, он ответил, что таких было всего ничего, и, в конечном итоге, все это совершили. Так же он сообщил, что, несмотря на то, что сам советовал братьям, которых принимал в Орден, объединяться с другими братьями, сам он никогда этого не делал, и не слышал, чтобы кто-либо другой совершил этот грех, за исключением двух или трёх братьев из дальних стран, которые были заключены за это в замок Паломника. На вопрос были ли другие братья приняты в Орден так же, как и он, и как принятые им братья, он ответил, что не может с уверенностью говорить за других, только за себя и тех, кого принимал он, так как братья проходили обряд инициации в глубокой тайне, что никто ничего не может знать, кроме тех, кто там присутствовал. На вопрос полагает ли он, что другие были приняты в Орден так же, как и остальные, он ответил, что предполагает, что один и тот же ритуал использовался при инициа-

ции — как в других, так и в его случае, и в случаях приёма в Орден братьев им самим. На вопрос о голове идола, которой по слухам поклонялись тамплиеры, он сообщил, что видел её в Монпелье, и показал её ему брат Петр Алемандин, приор этого места, в чьём владении она находилась, как тогда, так и после. На вопрос сколько лет ему было, когда он был принят в Орден, он сказал, что ему было восемнадцать, по словам его матери. Так же он сообщил, что исповедовался об этих вещах брату Гийому Парижскому, инквизитору [еретических действий], или же его представителю. Эта исповедь была записана рукой нижеподписавшегося Амиса Д'Орлеан, и другими нотариусами. Он хочет подтвердить эту исповедь такую, как она есть, так же, как и подтвердить данную исповедь, которая сочетается в предыдущей. Ежели же, в исповеди, сделанной инквизитору или его представителю, есть какая-либо добавочная информация к сказанному им выше, то он скрепит своей подписью и подтвердит её. На вопрос опрашивали ли его во время его исповеди по просьбе, за награду, или благодарность, из страха, ненависти, по настоянию кого-либо, или при использовании силы, или при угрозе пытки, он ответил, что нет. На вопрос был ли он после заключения в тюрьму допрашиваем или же пытаем, он ответил, что нет.

После этого мы пришли к выводу, что даруем милость отпущения грехов за эти действия брату Гуго, который вышеобозначенным способом в нашем присутствии отрёкся от вышеуказанной ереси и любой другой ереси, и лично поклялся на Святом Божьем Евангелии, а так же скромно просил об этой милости, отпущение грехов, восстановив его в единении с церковью, общности его с верующими и обетами Церкви. Затем, в двадцатый день месяца, перед нами предстал брат-рыцарь Жак де Молэ, великий магистр рыцарского Ордена тамплиеров, и в присутствии нотариусов и свидетелей принёс клятву на Святом Божьем Евангелии, возложив на него руку, так, как описано выше, и. Будучи усердием, опрошен, сообщил, что прошло сорок два года или около того с тех пор, как он был принят в Орден братом Гумбером де Пейро, в то время визитатором командорств Ордена во Франции и Пуату, в Боне, епархии Отюна, в часовне местного командорства тамплиеров. Относительно обряда его инициации в орден, он сообщил, что после воз-

ложения мантии на его плечи, приор показал ему крест и сказал, что он должен отречься от Бога, изображённого на этом кресте, и что он должен плюнуть на крест. Он это сделал, но по его словам, плюнул не на крест, а рядом с ним. Так же он сказал, что отрётся только на словах, а не в сердце своём. Касательно греха содомии, поклонения голове, недозволенных поцелуев, он, опрашиваемый с усердием, сообщил, что не ничего знает. На вопрос опрашивали ли его во время его исповеди по просьбе, за награду, или благодарностью, из страха, ненависти, по настоянию кого-либо, или при использовании силы, или при угрозе пытки, он ответил, что нет. На вопрос был ли он после заключения в тюрьму допрашиваем или же пытаем, он ответил, что нет.

После этого мы пришли к выводу, что даруем милость отпущения грехов за эти действия брату Жаку де Молэ, великому магистру Ордена, который вышеобозначенным способом в нашем присутствии отрётся от вышеуказанной ереси и любой другой ереси, и лично поклялся на Святом Божьем Евангелии, а так же скромно просил об этой милости, отпущение грехов, восстановив его в единении с церковью, общности его с верующими и обетами Церкви.

В этот двадцатый день месяца, в нашем присутствии и в присутствии нотариусов и свидетелей, брат Гуго де Пейро без принуждения и по собственному желанию скрепил своей подписью и подтвердил свою ранее подписанную исповедь, прочтённую ему на его родном языке, и заверил, что намеревается подтверждать и придерживаться указанного, как в этой исповеди, так и в исповеди, совершённой ранее инквизитору или инквизиторам о вышеуказанных еретических поступках и грехах, по тем вещам, которые совпадают с этой исповедью, совершённой нам, в присутствии нотариусов и свидетелей, и по тем вещам, которые отличаются, но перечислены в исповеди, совершённой ранее инквизитору или инквизиторам, он скрепляет своей подписью и заверяет всё.

В этот двадцатый день месяца, в нашем присутствии и в присутствии нотариусов и свидетелей, брат Жоффруа де Гонневиль без принуждения и по собственному желанию скрепил своей подписью и подтвердил свою ранее подписанную исповедь, прочтённую ему на его родном языке. Мы приказали Роберу де Конде, клирику епархии Суассона, папской

властью нотариусу, который был среди нас вместе с нотариусами и свидетелями, перечисленными ниже, записать и сделать достоянием общест­венности и уликой эти исповеди, так же как и всё, описанное выше, что происходило перед нами, нотариусами и свидетелями, и так же как и всё, совершённое нами было совершено именно так, как описано выше, и заверить это, скрепив нашей печатью.

Это было сделано в год, индикт, месяц, день, понтификат и в месте, указанных выше, в нашем присутствии, и в присутствии Умберто Верселлани, Николо Николя де Бенвенуто и вышеупомянутого Робера де Конде, а так же господина Амис Д'Орлеан ле Ратиф, нотариусов папской властью, а так же благочестивого и выдающегося брата Раймона, аббата бенедектинского монастыря Св. Теофреда, епархии Аннеси, господина Берара де Бойано, архидиакона Труа, Рауля де Босе, духовника и каноника из Парижа, и Пьера де Суар, попечителя Сан-Годери в Камбреси, которые были специально вызваны, как свидетели.

Я, Робер Конде, клирик епархии Суассона, папской властью нотариус, наблюдал вместе с другими нотариусами и свидетелями за ведением опросов и самолично видел каждое событие, описанное выше, случившееся в присутствии вышеупомянутых преподобных отцов, господ кардиналов наставников [пресвитеров], в моём присутствии, и в присутствии других нотариусов и свидетелей, так как это было описано их преподобиями. По приказу их преподобий кардиналов-епископов, я сделал эту запись в форме официального документа, и скрепил его моей печатью, так был попрошен ими сделать это.

Я, Умберто Верселлани, клирик Безье, папской властью нотариус, наблюдал вместе с другими нотариусами и свидетелями за ведением опросов и самолично видел каждое событие, описанное выше, случившееся в присутствии вышеупомянутых преподобных отцов, господ кардиналов наставников [пресвитеров], так как это было описано их преподобиями выше в каждой малейшей детали. По приказу их преподобий кардиналов-епископов, я сделал эту запись для лучшего заверения, подписавшись внизу и скрепив её моей печатью.

Я, Николо Николя де Бенвенуто, папской властью нотариус, наблюдал вместе с другими нотариусами и свидетелями за ведением опросов

и самолично видел каждое событие, описанное выше, случившееся в присутствии вышеупомянутых преподобных отцов, господ кардиналов наставников [пресвитеров], так как это было описано их преподобиями выше в каждой малейшей детали. По приказу их преподобий кардиналов епископов, я сделал эту запись для лучшего заверения, подписавшись внизу и скрепив её моей печатью.

Я, Амис Д'Орлеан названный ле Ратиф, нотариус властью Святой Римской Церкви, наблюдал вместе с другими нотариусами и свидетелями исповеди, показания и другие события, и самолично видел каждое событие, описанное выше, случившееся в присутствии вышеупомянутых преподобных отцов, господ кардиналов-пресвитеров, так как это было описано их преподобиями выше в каждой малейшей детали. По приказу их преподобий кардиналов наставников [пресвитеров], как свидетельство моей правдивости, я сделал эту запись, подписавшись внизу и скрепив её моей печатью, так был попрошен ими сделать это" (36).

Из всего вышеизложенного в документе становится понятно, что никакой речи об оправдании ордена не шло, и его вина полагалась очевидной уже в 1308 году: просто раскаявшиеся в своих заблуждениях еретики (в данном случае тамплиеры) в соответствии с установленной духовной процедурой и после отпущения грехов были воссоединены с католической церковью. Наоборот, пергамент подтверждает существование глубоко пустившей корни в ордене ереси и упоминает о загадочной фигуре Ронселина де Фо, приора Прованса в 1248-1250 годы и еретика, проповедовавшего огненное крещение. Некоторые исследователи его не без основания считают даже великим магистром Внутреннего Храма тамплиеров или руководителем, возглавлявшим тайную гностическую иоаннитскую иерархию ордена, осуществлявшую подлинную власть в ордене, но зачастую действовавшую через внешних (подставных) великих магистров, каковым являлся и Яков де Моле. Говоря о Ронселине де Фо и скрытой иерархии, мы касаемся проблемы существования в ордене секретных (параллельных) уставов, к которой надеемся вернуться уже в другом нашем исследовании.

Арестованные высшие офицеры ордена коротали свои дни за трехметровыми стенами цокольного этажа башни Кудре, создававшего впе-

чатление каменного мешка. С внутренней стороны этих стен тамплиеры оставили граффити — замечательные символические рисунки, принадлежность которых заключенным рыцарям иногда вызывала скепсис у отдельных историков, но никогда не ставилась под сомнение людьми, занимавшимися эзотерическими вопросами, зачастую находящимися в смежной плоскости между историей, теологией и философией. Среди таких исследователей достаточно назвать имена Шарбонне-Лассе, Фулканелли, Канселье, Генона и Амбелена. Да и кто, как не тамплиеры, могли изобразить на камне столь сложное символическое послание, обращенное в вечность? По крайней мере, ясно одно: рыцари, ожидавшие своей участи в донжоне Кудре Шинонского замка, являлись посвященными, что развеивает миф о полном невежестве и “профанстве” самого Якова де Моле, хотя и не отменяет его роли как внешнего великого магистра ордена. С тех пор многие специалисты по средневековой эмблематике пытались разгадать граффити Шинона. Противоречивый французский оккультист Робер Амбелен с маниакальной страстью искал в них указание на иудейского зилота Иуды из Гамалы или Голонита, якобы земного отца Иисуса Назорея, хотя святыя писания христиан и мусульман, а теперь и иоаннитов-мандеев вместе свидетельствуют о том, что Сын Человеческий был зачат от Духа Святого. Более всего, на наш взгляд, удалось приблизиться к разгадке символической концепции граффити ученику Фулканелли алхимику Эжену Канселье. Однако и его версия, вскрывая, безусловно, отдельные истинные моменты, в целом страдает излишней обобщенностью и абстрактностью. Здесь нельзя не согласиться с Амбеленом, считавшим, что в Средневековье тот же символизм воспринимался людьми намного более конкретно, нежели в наши дни. Но откровенный схематизм и нарочитая упрощенность, на наш взгляд, столь же вредны в толковании символов, сколь и многозначительная обобщенность.

По версии Эжена Канселье, изображение в левой части граффити должно повествовать о развитии земного временного цикла вплоть до наступления Апокалипсиса. “На стене одной из камер, — пишет он в работе “Два жилища алхимиков”, — тамплиеры, сидящие в донжоне замка Шинон в ожидании казни, оставили среди других не менее интерес-

Донжон Кудре Шинонского замка, где содержались
арестованные сановники Ордена Храма

ных граффити краткую схему развития природы. На боковине дверного проема выделяется процарапанный стилетом на мягком камне круг, правая сторона которого едва намечена и решительно заштрихована вертикальными линиями. Действительно, золотой и серебряный века закончились, когда в 1308 году адепты Ордена Храма представили потомкам изображение безжалостного хода времени. Вот почему гномон на космическом циферблате, проведенный из меньшего круга с буквой “S” в центре (“S” – первая буква французского слова “soleil” – солнце), разделяет на две половины верхний сектор, то есть бронзовый век. Одна половина – это прошедшие триста лет, а другая – будущие триста лет, на ней еще стоит буква “B”, которая у римлян обозначала число 300. Эти шесть веков помечены также буквами A, B, C, D, E, F. Буква “A” крупнее, чем другие, и соединена фигурной скобкой с другой буквой “A”, расположенной прямо над ней, что символизирует два упомянутых века. Справа и немного выше Солнца мы видим Луну и Землю – круг, перечеркнутый крестом, жизнь, которая завершится с концом железного века, обозначенного в нижней четверти круга. Стиллет неизвестного тамплиера неумолимо двигается дальше, чтобы, достигнув вертикала, отметить великое смятение в шуме труб. Вот тогда Избранные и смогут повторить пророческие слова прорицателя из Патмо: “Я видел новое небо и новую землю; потому что первое небо и первая земля исчезли, а моря больше не существовало...” (37)

Между тем, нас интересуют главные изображения, расположенные в правой и центральной частях граффити. Вне всякого сомнения, они говорят нам об иоаннитско-мандейском посвящении. На центрально изображении достаточно глубоко высечена Голгофа со стоящим на ней крестом. Справа от Голгофы находится классическое христианское эмблематическое распятие с трехступенчатым голгофским подножием, с копьём и губкой по сторонам креста, а также с тремя гвоздями, расположенными: в правой – над крестовиной и под ней; и снизу посередине, где к дереву прибивались ноги Спасителя. Под трехступенчатым голгофским подножием имеется надпись: “Молю Господа о прощении”. Слева от центральной Голгофы с обыкновенным крестом как бы выходит фигура с нимбом над головой, в священническом плаще, держащая в левой

руке тамплиерский овальный щит с крестом из восьми лучей на нем, обозначающим мандейскую Хорутвь Света и гностическую эманацию; в правой руке фигуры находится шар с крестом, который есть знак царственной державы. Это — Святой Иоанн Креститель, а глубоко высеченное обрамление креста на центральной Голгофе может символизировать купель Иоаннова крещения в темных и проточных водах Хайе (жизни). Над знаком державы в правой руке Иоанна, то есть власти данной от воплощенного Гнозиса и Царя-Священника Манда д'Хайе, возвышается сфера, горизонтально поделенная на две части неровной линией, символизирующей океанические воды творения: такая двусоставная сфера или мандорла подтверждает собой дуализм исповедуемой тамплиерами иоаннитско-мандейской доктрины и несет смысл отражения Абатура в Люцифере-Птахиле, мандейском демиурге. Под этой рукой с державой видим латинскую монограмму Иисуса Христа IHS с традиционным крестом над буквой H. В левом нижнем углу изображения встречаем то же самое христианское эмблематическое распятие, что и с его правой стороны. Левая нога Иоанна упирается в масонский мастерок, от которого влево отходит наугольник. Снизу от этого центрального изображения находятся два рисунка: назовем их условно левый нижний и правый нижний. На последнем рисунке, приписываемом самому великому магистру Якову де Моле, наблюдаем слева вверху большой карбункул в форме человеческого сердца и с двадцати двумя исходящими от него лучами: похоже, что он представляет собой не что иное, как божественное Сердце, прямо под которым видим щит с лилией, являющийся эмблемой французского королевского дома. Справа от щита - лестница в четыре ступени, на которой водружен столб. Скорее всего, это эшафот для сожжения еретиков, о чем говорят многие исследователи. Еще правее и прямо перед столбом замечаем крупный бюст мужчины с нимбом на голове и в мантии священника, исполненный с лицом в весьма грубых чертах. Мы полагаем, что бюст — символ самого демиурга или Римско-Католической церкви, которую тамплиеры считали демиургическим творением. На левом нижнем рисунке в левой его части видим голову в нимбе и над ней крест, а в центре — поле, разбитое на четыре квадрата, каждый из которых рассечен двойным

Граффити тамплиеров в донжоне Кудре Шинонского замка.
Общий вид

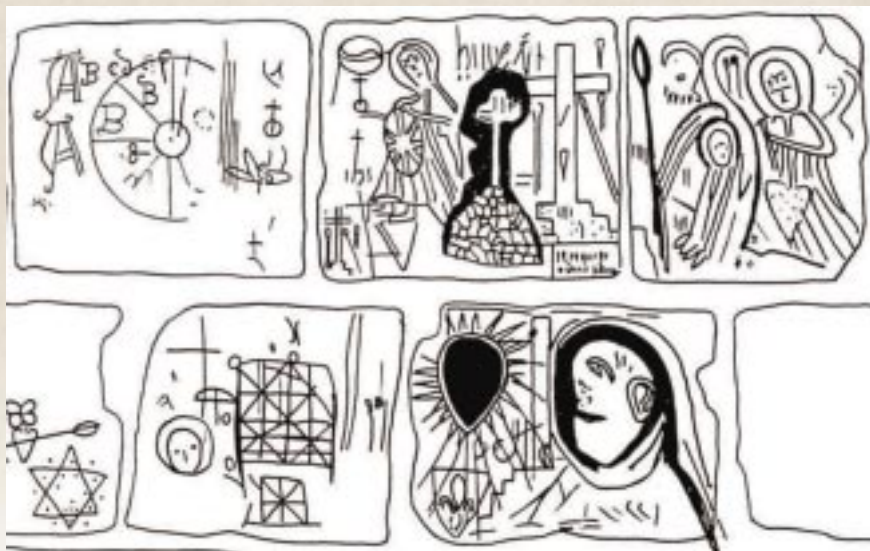

Фрагмент граффити тамплиеров

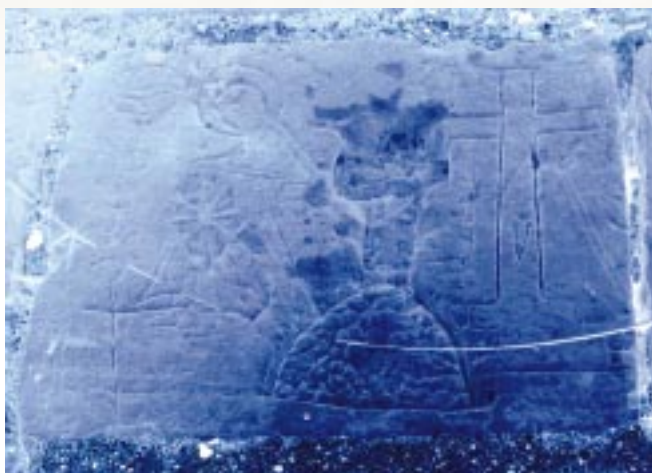
крестом или крестом из восьми лучей, обозначающим божественную эманацию; снизу от поля, поделенного на квадраты, находится еще один такой же, но обособленный квадрат с крестом из восьми лучей, то есть всего квадратов или божественных эманаций на этом изображении — пять (возможно отдельно обозначенная эманация является символом грядущего Тысячелетнего царства). Справа от поля, поделенного на квадраты, за вертикальной чертой есть изображение поднятой вверх ладони, имеющей отношение, на наш взгляд, как к трем рыцарским обетам, приносимым неопитами при вступлении в орден, так и к тройному отречению от Иисуса Христа в тамплиерском посвящении.

Наряду с центральным верхним изображением с Голгофой, Иоанном и эмблематическими распятиями, справа от него находится не менее важный символический рисунок, передающий мистирию Бафомета. На нем в правой части мы видим коленапреклоненного и с нимбом над головой и в священническом облачении Святого Иоанна Крестителя, держащего мастерок вольных каменщиков острием вниз (возможен также вариант запона франк-масонов треугольной формы). Слева от Иоанна — загадочная птица, под правым крылом которой как бы согревается божественный младенец Манда д'Хайе, он же — воплощенный Гнозис и Царь-Священник. С левой стороны от головы птицы, повернутой клювом вправо, проглядываются очертания лица в анфас божественной Премудрости Софии-Ахамот-Хохмы (а также тамплиерского эона Мете), увенчанной нимбом и являвшейся, по представлению гностиков, заблудшей овечкой. Завершает рисунок немного наклоненное вправо копьё с витым древком, символизирующим цепь эонов, исходящих из одного центра, на которое опираются повернутые вправо крылья таинственной птицы. Птица эта — Феникс или Пеликан, объёмлющая собой персоны иоаннитско-мандейской триады, и значит — Бафомет, крещение мудростью, а одинаково непрерывное погружение мистического Феникса в огонь люциферических знаний и воскрешение в нем. Здесь пребывает начало и конец весьма утонченной символической доктрины иоаннитов-мандеев, тамплиеров и их наследников франк-масонов.

Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini Tuo da gloriam!

Расшифровка граффити тамплиеров в донжоне
Кудре Шинонского замка

Фрагмент граффити тамплиеров в донжоне
Кудре Шинонского замка

ОБ АВТОРАХ “ЗАГАДОЧНОЙ ШКАТУЛКИ ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА”

Томас-Жоашен-Александр-Проспер Миньяр, он же **Проспер Миньяр** (1802-1891), бургундский нотариус, эрудит, культуролог, историк-краевед, филолог и археолог, член главных ученых сообществ Дижона: Академии наук, искусств и изящной словесности, а также Комиссии древностей департамента Кот д’Ор. Происходил из обеспеченной буржуазной семьи Дижона. Проспер Миньяр является автором многих книг, посвященных родной Бургундии, из которых наиболее известны: “История различных культов бургундского края” (Дижон, 1851), “История бургундского наречия и его собственной литературы” (Дижон, 1856) и “Бургундская археология” (Дижон, 1876).

Тем не менее, наибольшую знаменитость ему снискали книги, связанные с историей Ордена тамплиеров в Бургундии и Шампани и отправляемого в нем тайного культа: “Разъяснения об оккультных практиках тамплиеров” (Дижон, 1851), “Монография о шкатулке герцога де Блакаса” (Дижон, 1852) и “Продолжение монографии о шкатулке герцога де Блакаса” (Дижон, 1853). Последние два произведения, объединенные под общим названием “Загадочная шкатулка герцога де Блакаса”, вошли в основу предлагаемой нами первой книги выпуска “MYSTERIUM VARНОMETIS: ТАЙНАЯ ДОКТРИНА ОРДЕНА ХРАМА”.

Йозеф фон Гаммер-Пургшталь (1774-1856), выдающийся австрийский востоковед, переводчик и дипломат, барон. Переводил арабских, персидских и турецких авторов, в том числе — “Сказки 1001 ночи”, “Диван” Хафиза, повлиявший на творчество Иоганна Вольфганга Гёте. Написал десяти томную “Историю Османской империи” (Пешт, 1827-1835) и “Историю арабской литературы” (1850-1856). Редактировал и выпускал периодическое издание “Каменоломни Востока” (“Fundgruben des Orients”; шесть томов, 1809-1818) Был одним из осно-

вателей Австрийской академии наук, став ее первым президентом (1847—1849). Кроме того, он состоял иностранным членом французской Академии надписей и изящной словесности, а также иностранным почетным членом Петербургской академии наук (1823). Гаммеру-Пургшталью принадлежит написанное на латинском языке исследование “*Mysterium Vaphometis revelatum*” (“Разоблаченная мистерия Бафомета”), вышедшее в “Каменоломнях Востока” (6 том, 1818), в котором, в частности, утверждается, что тамплиеры являлись ветвью гностиков-офитов и исповедовали свой культ на “Тайных капитулах”. Позднее того же мнения придерживались римско-католические писатели, специализировавшиеся на разоблачении франк-масонства, тайных обществ и оккультизма, и отождествление тамплиеров с офитами стало общим местом. Один из этих писателей — архиепископ Сент-Луиса Леон Мойрин, тщательно изучавший символику франк-масонства.

Гипотеза о связи тамплиерской ереси с гностицизмом офитов была впервые высказана в 1782 году немецким академиком, франк-масоном и членом Ордена баварских иллюминатов под именем “Диоклетиан” Христофом Фридрихом Николаи (1733-1811) в его “Эссе об обвинениях, выдвинутых против Ордена тамплиеров и их мистерий”: Николаи считал, что Бафомет, происходивший от греческого слова Βεφζπιζφιπτ, это пифагорейский символ, позднее трансформировавшийся в ритуал офитов Βαφη Μιτιος (крещение мудростью), который перешел тамплиерам. Следовательно, офиты и тамплиеры разделяли доктрину о двух крещениях — экзотерическом и эзотерическом. Первое — водное; второе — огненное, называвшееся крещением Мудростью (Μετε). Оно же есть озарение или крещение Света франк-масонов (38). В своем произведении “*Mysterium Vaphometis revelatum*” Гаммер-Пургшталь, по сути, отождествил этот ритуал с культом Приапа или Пана, как порождающего естества, и другими религиозными синкретическими церемониями позднего эллинизма, хотя это больше, на наш взгляд, относится к почитанию личности Демиурга у тамплиеров, нежели к самому Бафомету, совершенно эзотерическому и синтетическому образу небесного андрогина, связанному с иерархией эонов и эманаций в не христианизированной иоаннитско-мандейской космогонической доктрине.

Иллюстрации из исследования
фон Гаммера-Пургштала
“Разоблаченная мистерия Бафомета”

Предыстория написания фон Гаммером-Пургшталем “Воспоминаний о двух гностических шкатулках Средневековья из кабинета герцога де Блакаса” такова: в 1789 году рядом с Эссаруа была обнаружена шкатулка из известнякового камня, принадлежавшая тамплиерам, после чего она находилась в замке Эссаруа, древнем командорстве тамплиеров, ставшем собственностью бургундской аристократической фамилии де Шастенэ. Спустя некоторое время шкатулку приобрел парижский антиквар Роллен, уступивший ее затем герцогу Пьеру-Людовику-Казимиру де Блакасу, сыну франк-масона Александра-Пьера-Жозефа де Блакаса, члена ложи “Приверженцы Добродетели”, практиковавшей обряд Пернети в Авиньоне. В 1825 году Гаммер-Пургшталь встретился с герцогом Пьером-Людовиком-Казимиром де Блакасом в Милане и в 1832 году опубликовал свои воспоминания, касающиеся двух гностических шкатулок тамплиеров, написанные им по-французски. Выход этой книги послужил толчком для нотариуса и краеведа из Дижона Проспера Миньяра заняться изучением тамплиерского гностического культа в Бургундии и Шампани, сосредоточившись на шкатулке, найденной в Эссаруа в первый год Великой Французской революции. В нашем издании “Воспоминания о двух гностических шкатулках Средневековья из кабинета герцога де Блакаса” фон Гаммера-Пургштала являются своеобразным приложением к обоим частям исследования Проспера Миньяра “Загадочная шкатулка герцога де Блакаса”.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Мы решили сделать собственный тщательный перевод этого фрагмента из “Истории магии” Элифаса Леви, чтобы не упустить ни малейшей детали, касающейся создания знаменитого ордена: к сожалению, многие дореволюционные русские переводы упускают тонкости текста, на которые бы следовало обратить внимание. Перевод дан по изданию: *Histoire de la Magie avec une exposition claire et precise de ses procedes, de ses rites et de ses mysteres* par Eliphace Levi. Paris, 1860. *Proces celebres*, p. 274.

(2) Смирнов В.В. Воскресение тамплиеров. Трилогия. Издательство “Вече”. Москва, 2004-2009.

(3) Цит. по Робер Амбелен “Драмы и секреты истории, 1306 — 1643”. Москва, 1992. Глава 2. Тайный внутренний круг тамплиеров.

(4) Ragon, Jean-Marie. *Orthodoxie maconnique*. Paris, E. Dentu, 1853.

(5) Nesta H Webster. *Secret Societies and Subversive Movements*. London, 2000. P. 66, 67.

(6) Рудольф, Курт. Мандеизм. Перевод Дмитрия Алексева. С. 5,6.

(7) На русский язык из этой книги переведены только отдельные главы.

(8) Элифас Леви. История магии. Электронная библиотека “Грамотей”. Глава VI. Некоторые знаменитые судебные процессы.

(9) Пайк, Альберт. Мораль и догма. 30. Рыцарь Кадош. http://zelot.org.kadosh_mas30.pdf.

(10) Французское издание этой книги осуществлено в 1978 году в издательстве J'AI LU: *Le propheties du Pape Jean XXIII*.

(11) Andrй Wautier: *DICTIONNAIRE DES GNOSTIQUES et des principaux initiés. Le mandeisme*. P. 171. Электронная библиотека исследовательской ложи “Александрия” обряда Мицраим.

(12) Op. cit. Там же.

(13) *Inscriptions mandaites des Coupes de Khouabir; texte, traduction et commentaire philologique avec quatre appendices et un glossaire* par Henri Rognon, consul de France a Alep. Paris, 1898. Между прочим, представители ученого сообщества Римско-Католической церкви, мнение которых разделяет и автор этой книги французский консул в Алеппо на исходе XIX столетия Анри Поньон, пытались доказать более позднее происхождение гностической секты иоаннитов-мандеев, ссылаясь на несто-

рианского писателя и епископа Лахума Феодора бар Конаи и его “Книгу схолий”. Однако утверждение, согласно которому мандеизм сформировался в период с V по VII век на основе маркионитства, манихейства и учения месенских кантеев, было опровергнуто в трудах последующих ученых-семитологов и религиоведов, засвидетельствовавших древность и оригинальность мандеизма, его древнееврейский ессеиско-назорейский исток и первичность по отношению к тому же манихейству. Достаточно привести их имена: Е.С. Дровер, М. Лидзбарский, Д. Хвольсон и др.

(14) <http://iph.ras.ru/uplfile/smironov/ishraq/2/15shakh.pdf> Наряду с переводом главы “Маги” из трактата Шахрастани, здесь размещены очень ценные примечания господина Смирнова к этой главе, которые мы использовали в части, касающейся сабиев-мандеев. Стоит добавить, что на русский язык переведен С.М. Прозоровым только первый том Шахрастани, посвященный исламу и его течениям. Он увидел свет в 1984 году в издательстве “Наука”, выйдя ограниченным тиражом под названием “Книга о религиях и сектах”, и теперь является библиографической редкостью.

(15) Рудольф, Курт. *Op. cit.*

(16) Цит. по книге: К. Матвеев, А. Сазонов “Земля Древнего Двуречья” (мифы, легенды, находки и открытия). Москва, “Молодая гвардия”, 1986. Ссылка электронной библиотеки: <http://coollib.net/b/217937/read>

(17) *Inscriptions mandaites des Coupes de Khouabir... par Henri Pognon. Op. cit.*

(18) Жиль Киспель. Демиург в Апокрифе Иоанна. Перевод выполнен Дм. Алексеевым по изданию: Gilles Quispel, *The Demiurge in the Apocryphon of John.* // R. McL. Wilson (ed.) *Nag Hammadi and Gnosis. Papers read at the First International Congress of Coptology (Cairo, December 1976).* (Nag Hammadi Studies XIV) Leiden: Brill, 1978. Источник: <http://astrovic.ru/gnosis/demiurge.htm>

(19) Рудольф, Курт. *Op. cit.*

(20) Электронный ресурс “Иудаизм и евреи”. Источник: http://toldot.ru/tora/articles/articles_2573.html

(21) Все аутентичные мандейские тексты из “Гинзы” и “Книги Иоанны” взяты нами с французского электронного ресурса “NOOSPHERE” (“НООСФЕРА”) и переведены нами на русский язык уже с французской версии. Источник: <http://atil.ovh.org/noosphere/mandeens2.php>

(22) Fulcanelli, Eugene Canseliet. LES DEMEURES PHILOSOPHALES (Tome I). Paris, Collection Bulle, 1985. P. 50.

(23) Цывкин, Владимир. По стопам Иисуса на Святой Земле. Иерусалим, 2005. (24) См. примеч. (21). В мандейских текстах (в частности, в их франкоязычной версии) встречаются разночтения имен: Иахиа — Юхана, Гибил — Гивил, Анош — Энош и пр. Это сохранялось и в оригинальном тексте, почему мы и не стали приводить каждое из них к единому варианту, поскольку нормативного произношения и написания имен у мандеев, по-видимому, не существовало. (25) Andre Wautier. Op. cit. P. 201, 202.

(26) Gilbert, R. A., Birks, Walter. The Treasure of Montsegur: Study of the Cathar Heresy and the Nature of the Cathar Secret. 1987.

(27) Болотов, В. В. Лекции по истории древней Церкви. Санкт-Петербург, 1910. Т. II. Приложения: Манданты (так называемые “христиане Иоанна Крестителя”); стр. 332-334.

(28) Рудольф, Курт. Op. cit. См. также: Les Mandéens ou disciples de Saint Jean par Ursula SCHATTFNER-RIESER. Article composé initialement pour le Centre Culturel de CLIO, Paris. 2008

(29) <http://astrovic.ru/gnosis/alexexjev.htm>

(30) Рудольф, Курт. Op. cit.

(31) Inscriptions mandaites des Coupes de Khouabir... par Henri Pognon. Op. cit.

(32) Источник: <http://www.templarhistory.ru/Riley>

Smith_Templars_guilty

(33) Источник: http://www.templarhistory.ru/Forey_Templars_guilty_1;
http://www.templarhistory.ru/Forey_Templars_guilty_2

(34) Рудольф, Курт. Op. cit.

(36) Источник: http://www.templarhistory.ru/chinon_chart/

(37) Цит. по книге: Моноусова, Екатерина. Полная история рыцарских орденов. Москва, АСТ, 2010. С. 20.

(38) Fulcanelli, Eugene Canseliet. Op. cit. P. 51.

МОНОГРАФИЯ О ШКАТУЛКЕ ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА

Томас Жоашен Александр Проспер МИНЬЯР,
член нескольких ученых сообществ

“Процесс тамплиеров нуждается еще
в пересмотре и новых подходах”

Ж. Маттер, “Критическая история гностицизма”,
2 издание, т. III, стр. 342

*Перевод с французского
Владимира Ткаченко-Гильдебрандта*

ПАРИЖ,
ДЕМУЛЕН, НАБЕРЕЖНАЯ АВГУСТИНЦЕВ, 13
1852

Господину герцогу де Блакасу

Благосклонность, которой Вы соизволили вдохновить мои усилия и предоставить в мое распоряжение великолепную шкатулку, находящуюся в Вашей собственности, делает меня обязанным посвятить Вам монографию об этом предмете.

Столь достойное похвалы побуждение к исследованию, данное Вами, является счастливым итогом Вашего усердия к разысканию наиболее любопытных памятников истории для привлечения их на службу прогрессу. Эти деяния наиболее чем достаточны, чтобы воздать Вам не только моей живой и достопочтенной благодарностью, но еще и благодарностью всех трудолюбивых и просвещенных людей, которые упорно ищут истину столь часто скрываемую в том, что я осмелился называть археологическими святилищами.

Я осторожно вхожу в область вопроса высокой сложности, но Ваши благородные содействия меня в этом поддержат; смею уповать, что оказываю Вам почтение этим трудом, предав его, несомненно, наиболее искусному и верному покровительству.

Имею честь питать глубокое уважение к Вам,

Господин Герцог,

Ваш покорнейший и весьма послушный

Служитель Миньяр

КРАТКИЙ ОБЗОР

Настоящая монография о главном изображении (1) на шкатулке из Эссаруа. Свидетельства существования идола или бородатой головы. Соотношения между предшествовавшими свидетельствами, изображением и надписью на шкатулке. Иные соотношения этого изумительного документа с историческими фактами и уточнение степени виновности ордена. Разыскания о происхождении *отречения*, выраженного в надписи на шкатулке словом *Tanker* и пр.; о значимости латинского эпитета *germinans*. Объяснение слова *Zonar*, которое завершает арабскую надпись на шкатулке.

НАСТОЯЩАЯ МОНОГРАФИЯ О ГЛАВНОМ ИЗОБРАЖЕНИИ НА ШКАТУЛКЕ ИЗ ЭССАРУА

В первой части этого труда я постараюсь показать, что доктрина эманаций подразумевала собой главным образом слияние двух полов во всяком мистическом персонаже и каждый эон, обладая творческой потенцией в себе самом, являлся *андрогином*. Эти принципы неодолимо следуют из системы Валентина: она подобна ключу от свода гностического эклектизма (2), в который окунулись наши рыцари Храма; эти принципы исходят еще из собственных слов Святого Иринея, цитированных мной ранее; они, наконец, идут от нескольких рисунков, аналогичных изображению на шкатулке из Эссаруа (*Essarouis*); и поскольку эти рисунки приведены в одном из наиболее замечательных произведений *господина фон Гаммера (de Hammer)* (3), надеюсь, этот выдающийся ученый простит мне, обнаружившему поразительное противоречие между данными рисунками и первоначальным изображением на нашей шкатулке, которое он дал в приложении к своим Воспоминаниям от 1832 года. Под словом противоречие необходимо понимать отсутствие *андрогинизма* в этом последнем образе, пусть даже его характер очевиден на рисунке. Итак, согласно доктрине эманаций, рисунки

Знаменитая шкатулка герцога де Блакаса из Эссаруа

представляются подлинными, и только изображение, приведенное в Воспоминаниях, ошибочно. Мне показалось, что художник, взявшийся воспроизвести изображение, *поступил столь непринужденно* (4): я не мог приписать господину фон Гаммеру противоречие, сбивавшее с толку исторические данные. Как бы то ни было, я пребывал настолько убежденным, что изображение женщины на шкатулке из Эссаруа вместо гладкого подбородка должно иметь бороду, что принял решение поделиться с *господином герцогом де Блакасом* своими сомнениями в достоверности изображения, воспроизведенного в первую очередь для сопровождения Воспоминаний господина фон Гаммера. Вскоре мои сомнения целиком подтвердились благодаря посылке мне отлитого гипсового слепка с самой шкатулки, и я с радостью увидел, что мои убеждения об *андрогинизме* были здоровыми. Я привожу здесь изображение, исправленное по слепку, и, предоставив его глазам читателя, искренне рад познакомить его со своими доводами в *настоящей монографии* о великолепной шкатулке из Эссаруа, пробуждающей сегодня столько казалось бы уснувших идей (5).

Андрогинизм являлся основой системы эманаций, и построивший свою систему во II веке Христианской Церкви Валентин, будучи одним из наиболее пылких *синкретистов восточно-греческих* школ, как я уже говорил, не страдал от недостатка примеров. Итак, приведем некоторые из них. *Бородатая Венера* с Кипра соединяла в себе оба пола и рассматривалась как лунное божество (6).

Исходя из *Птолея Гефестиона*, Адонис одновременно служил мужем Венере и любовницей Аполлону. Этот *Адонис-андрогин*, как добавляет Крейцер (Creuzer), обретает естественно свое место рядом со знаменитой бисексуальной Венерой из *Амафонта*, чьи праздники отличались странным обычаем: на них мужчины менялись с женщинами своими одедами (7).

Согласно *Орфею*, *все пребывает в Юпитере*. Следовательно, латинская поэзия была обязана свести в один стих этот мощный андрогинизм:

Jupiter et mas est, atque idem nympha perennis (8).

Великий глава гностической школы Валентин, будучи платоником, не мог ни присоединиться к весьма известной системе андрогинов Платона (9).

Для нескольких школ *гермафродитизм* даже являлся символом земли, пластическая сила которой уподоблялась женскому полу, а производящее начало рассматривалось в качестве мужского пола (10); именно поэтому некоторые *гностические секты* делали из земли или Кибелы один и тот же *эон*, что и мистический персонаж София (греч.), возлагая на ее главу зубчатую корону (11). Эти секты шли в своем безумии еще дальше, ибо делая из Святого Духа *эон*, аналогичный *эону* София (греч.), они присваивали Святому Духу *андрогинизм* или оба пола (12).

В индийской религии Брахма (13), *великое явление, первое откровение существа*, является *андрогином*; он — образ первого мужчины и первой женщины, соединенных между собой. Изображаемая жемчужным ожерельем цепь сотворенных существ подвешена к руке и ноге первого самца: он, кажется, преодолевает себя, чтобы ожерелье сделало еще одну складку на нем. Кто не распознал бы в этом ожерелье *цепь эонов*, о которой так часто говорят гностики и аллегория которой видна здесь же — на самой гравюре нашего изображения шкатулки из Эссаруа?

Во II столетии Церкви Вардесан из города Эдессы (14), один из первых в Месопотамии, воспринявших свет Евангелия (15), принадлежал, хотя и слыл ревностным христианином, к гностической ереси Валентина (16). Вардесан был человеком изумительного знания (17), приобретенного им в своих путешествиях по Персии и Индии (18); и это знание немало поспособствовало для искажения в нем простоты христианской веры. Именно он дал следующее описание изображения Брахмы:

“Творящий Бог в образе *гермафродита* имел справа от себя солнце, а слева — луну (19); на его двух распростертых скрещенных руках были видны множество ангелов или гениев и различные части мироздания: небо, горы, море, *река* (20), Океан, растения, животные, полное естество (21)”.

Я мог бы приводить и дальше иные примеры *андрогинизма*, но сказанное мной уже достаточно для того, чтобы удостовериться во всеобщности этой идеи, исшедшей от разных культов Греции и Азии в гностические теории, историю которых я попытался наметить; итак, возвращаясь к тому, что касается наших тамплиеров, и перехожу затем к идолу, являвшемуся одной из главных причин обвинений против них.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Изображение на ее крышке, ибо шкатулка имеет четыре стороны, на каждой из которых по барельефу: это по ходу монографии и будет предметом моего исследования.

(2) В ином месте я удостоверю это выражение о гностическом эклектизме.

(3) “Каменоломни Востока”.

(4) Всякий иллюстратор, безусловно, не обязан быть археологом; но всякий копиист археологического памятника должен его воспроизводить точно и не задумываясь.

(5) 24 мая 1851 года господин герцог де Блакас оказал мне честь в ответ на мою просьбу проверить изображение на самой шкатулке, написав из своего замка Вериньон вблизи Опа (Aups) в Варе следующее:

“Вот то, что мне пишет на сей счет мой брат, занимавшийся проверкой: “Для меня очевидно, что вышеупомянутая фигура является бородатой; действительно, она достаточно изношена, и хотя литография ее передает плохо, тем не менее, рассматривая ее, нельзя подвергнуть сомнению существование бороды, которая достаточно свидетельствует о ее андрогинизме”. - Я искренне сожалею, - продолжает господин герцог де Блакас, - что Ваше письмо мне не было доставлено перед моим отъездом из Парижа: вероятно я смог бы Вам отправить отпечаток или кальку, что помогло бы прояснить все Ваши сомнения”.

Следующего 1 июня я получил из Парижа от господина графа де Блакаса, любезно взявшегося позаботиться за своего брата герцога де Блакаса, коробку, содержащую в себе литой слепок самой шкатулки. Посылка сопровождалась письмом, содержание которого подтверждает высказанное мной в замечании к первой части этого труда относительно ветхости и стёртости или небрежности самого рисовальщика.

“Вы совершенно верно рассудили, - говорит господин граф де Блакас, - что гностическая фигура со шкатулки из Эссаруа должна быть бородатой, в чем никак не позволяет усомниться мало-мальски серьезное обследование: это пренебрег сделать рисовальщик...”

(6) Крейцер, Религии древности, 1849, том II, 3 часть, стр. 977.

“В мистической идее эонов, - говорит Бособр, - одно и то же существо является порой мужем и женой: мужем, когда оно действует, и женой по отношению к высшему существу, воздействующему на него. К примеру, луна является мужем земли, поскольку она воздействует на землю; но луна же будет женой солнца, поскольку последнее воздействует на нее. Таким же образом и с душой: она предстает мужем по отношению к телу (Критическая история манихейства, том I, стр. 583)”. Это оригинальное определение вполне способно разъяснить систему андрогинизма гностиков, почему я даю его здесь.

(7) Крейцер, том II, стр. 1025-1028.

(8) Я обязан этим замечанием моему ученому коллеге из академии Дижона господину доктору Валло (Vallot), и рад его поблагодарить за благосклонное усердие, с которым он всегда готов предоставить свою разностороннюю и глубокую эрудицию на службу прилежным людям.

(9) Платон полагает, что в начале существования мира имелось три вида существ: одни были только мужского рода, другие женского, а третьи - мужского и женского одновременно. Они и суть андрогины. Все индивиды этих трех видов обладали каждый четырьмя руками и четырьмя ногами, двумя лицами, обращенными друг к другу, вырастающими из одной шеи, четырьмя ушами, двумя детородными частями и так в остальном (Bayle, a art. Sadeur, note F.)

(10) Крейцер, том II, 3 часть, стр. 1031.

(11) Персонаж нашей шкатулки из Эссаруа имеет голову, украшенную зубчатой короной.

(12) В своей первой части я дал сделанное Иринеем Лионским определение для гностического персонажа Sophia (греч.), а также имена с ней ассоциировавшиеся. (Стр. 9) **

Андрогинизм оставил глубокие следы, что видно даже на примере наиболее ревностных христианских учителей Средневековья: в XI веке знаменитый Ансельм, автор Сентенций, всерьез занимался вопросом о том, мог ли Иисус Христос принимать женский пол (Литературная история Италии, Гингене, 1824, том I, стр. 149).

(13) Brahm-Maya или Maya-Maya, или Brahma Viradj и т. д., чтобы дать этому идолу часть его наименований (Creuzer, pl. 1, fig. 2 des vol. des planches: из тома иллюстраций).

(14) Аббат Фуше (Foucher), Mem. des inscr. et belles-lettres, t. XXXI, p. 447.

(15) Древняя география Мейссаса и Мишело (Geogr. Anc. de Meissas et Michelot), p. 236.

(16) Аббат Фуше, loc. cit., и Словарь ересей Плюке (Pluquet).

(17) Святой Иероним говорил, что Вардесан восхищался даже языческими философами: “Talis Bardesanes cujus etiam philosophi admiratur ingenium” (S. Hieronymi, X, 1, v.)

(18) Аббат Фуше, loc. cit.

(19) Нельзя ли увидеть некую аналогию между первой частью этого описания и изображением на нашей шкатулке?

(20) Это вероятнее всего Ганг.

(21) Крейцер, 1825, том I, стр. 73.

СВИДЕТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ ИДОЛА ИЛИ БОРОДАТОЙ ГОЛОВЫ

Когда я представил публике первую часть своих разъяснений об оккультных практиках тамплиеров, я не имел под рукой великолепную коллекцию *Неизданных документов по истории Франции*; недавно я скрупулёзно прочитал это издание, почерпнув в нем ряд доказательств, подтверждающих все, что я изначально высказывал. Теперь существование идола или *бородатой фигуры*, на предмет которой возникало столько разногласий, уже не должно вызывать и тени сомнения, ведь обеспечив материальное доказательство, я прибавляю к нему неопровержимые исторические свидетельства.

Акт обвинения доводил, что тамплиеры *особенным образом* поклонялись головам (1) *на своих капитулах и ассамблеях* (2); и в инструкциях, которые Вильгельм Парижский, один из инквизиторов, рассылал в провинции, повелевалось допрашивать тамплиеров об идоле, *имеющем форму человеческой головы с большой бородой* (3). Брат Жан Тайефер (Taillefer) из Лангрского диоцеза, ставший членом ордена в *Мормане* (Mormans) в Бургундии, заявил, что во время посвящения перед

ним на церковном алтаре располагался идол, представлявший собой *человеческую фигуру* (4).

Гуго де Бюр (Hughes de Bure), другой бургундский брат из того же Лангрского диоцеза, говорит, что перед ним извлекли из шкафа в церкви *одну голову*, обвязанную веревкой, которую ему вручили после этого *обряда посвящения*, чтобы он ей опоясался поверх рубашки и больше никогда ее не снимал (5). Этот идол ему казался сделанным из серебра, меди или золота: он представлял собой человеческую голову с длинной бородой, показавшуюся ему белой.

По ходу нужно сделать замечание: многие из братьев воздерживались от ношения *веревки*. По Гуго де Бюру причина их отвращения в следующем: они думали, что могли совершить грех, опоясавшись этой веревкой после соприкосновения ее с идолом, *который, по их мнению, не означает ничего хорошего* (6). Здесь мои читатели могут лишь разглядеть чувства благочестия и невинности большей части братьев, несмотря на то, что требовалось от них. Всякий раз, как представится возможность, я буду подчеркивать эти добропорядочные чувства, поскольку по-настоящему желаю привлечь к себе доверие благодаря непредвзятости и искренности обсуждения.

Тамплиер *Рудольф де Жизи (Rodolphe de Gisi)* заявил, что присутствовал на генеральном капитуле, проводимом *братом де Виллером (de Villers)* в диоцезе Труа (Troyes), когда *брат Гуго* из Безансона приносил голову идола и клал ее на скамейку. Тогда ужас принимаемого в орден был так велик, что он удалился из капитула, не дожидаясь отпущения грехов (7). Тот же самый Рудольф де Жизи, допрашиваемый во второй раз, признался под присягой, что видел подобную голову на семи капитулах, проводимых как Гуго де Перодо (Hughes de Peraudo), так и другими орденскими начальниками. Этот идол, как он добавлял, имеет ужасный вид с наружностью демона и на его наречии назывался *Мофе* (возможно *Мауфе*, т. к. *Maufe* — В. Т. - Г.) (8). Всякий раз при появлении этой головы он мог ее немного рассмотреть, хотя и был охвачен ужасом, и когда его спрашивали, почему рыцари поклонялись этой странной голове, он отвечал, что, *поскольку рыцари совершали худшую вещь, отрекаясь от Иисуса Христа*, они

могли с тем большим основанием поклоняться этому идолу. Затем он назвал среди поклонявшихся ему *Жерара де Виллара (Gerard de Villars)* и еще других (9).

Пьер д'Арбле (Pierre d'Arbley) часто видел на алтаре серебряную голову, которой поклонялись капитулярные начальники; ему говорили, что она содержит в себе голову одной из *одинадцати тысяч дев*, и он поначалу верил в это; но со времени тюремного заключения рыцарей он стал подозревать, что это простой идол, поскольку голова ему казалась с двумя лицами, будучи чудовищной внешности и с *серебряной бородой* (10).

Брат *Жан де Тюрн (de Turn)*, казначей из парижского Тампля, исповедался, что ему показали картину с изображением одного человека, предписав поклоняться ему. Он думал, что это был какой-то святой (11).

Арнольд де Гоэрт (de Goërte), принятый в орден в диоцезе Сэнт (Saintes), слышал разговор идола, находившегося в доме Храма *Рупеля (de Rupelle)* (12); но показание из того же диоцеза *Пьера Жирала де Марсака (Pierre Giralde de Marsac)* более существенно: он говорит, что его посвяtitель брат *Тубо (Thibault)* вынул из своих одежд маленькое изображение женщины, сказав, *что все у него сложится прекрасно*, если бы он пожелал довериться ей. После этих немногих слов посвяtitель вновь заботливо разместил идол под своими одеждами (13).

В Париже комиссары, следившие за подготовкой процесса, вызвали в свое присутствие администратора и хранителя ценностей Тампля *Вильгельма Пидуа (Guillaume Pidoye)*, который положил перед их глазами большой серебряный идол, совершенно позолоченный и представляющий собой женщину. На куске тряпки из красной материи, завязанной за бюстом, была маленькая затертая записка, где читалось: "Голова пятьдесят восьмая" (14).

Вильгельм д'Арбле (Guillaume d'Arbley) видел на генеральных капитулах бородатую голову, коей воздавались почет и поклонение (15). *Антуан де Версей (Antoine de Verceil)* и брат *Гуго де Фор (Hugues de Faure)* испытали подобные разоблачения (16).

Пьер де Боннефон (Pierre de Bonnefond) из диоцеза Клермон (Clermont) наставлялся одним из свидетелей своего посвящения в том, что веревки, которыми они опоясывались прикасались *в заморских странах* к некоей

голове. По признаниям того же рыцаря, для принимаемого в орден подобного разоблачения вполне достаточно, чтобы выбросить этот пояс (17).

Пьер Ренье де Ларшан (Pierre Regnier de Larchent) из диоцеза Сан (Sens), допрашивавшийся по вопросу дознания, видел ли он поклонение некоей голове на генеральных капитулах, подтвердил под присягой, что видел это двенадцать раз на двенадцати капитулах и отдельно на капитуле, проходившем в Париже после праздника апостолов Петра и Павла. Эта голова, согласно тому же свидетелю, имела *бороду*; ей поклонялись рыцари и смиренно целовали ее, называя своим спасителем. На вопрос известно ли ему, где она находится, он ответил, что ничего не знает, но, как ему казалось, великий магистр ордена или тот, кто проводит капитулы, приставляли к ней свою собственную охрану (18).

Рыцарь из диоцеза Безансон *Вильгельм де Жуак (Guillaume de Giac)*, принятый в Марселе братом Симоном де Кинсиаком (*Simon de Quinciac*), говорит, что на острове Кипр и в городе *Лимессон (Лимассоль)* он видел эту голову, являющуюся объектом тайного культа рыцарей (19). Брат *Гоше (Gaucher)* видел тот же самый идол дважды на капитуле, состоявшемся в Париже, где рыцари ему поклонялись (20). *Гиллерме де Арбле (Guillermey de Harbley)*, священник королевского дома, присягнув, что видел выносимую на двух капитулах, проводившихся визитатором Франции братом Гуго де Перодо, деревянную или серебряную позолоченную голову; видел он и поклонение ей, и сам притворялся будто бы это делает (21).

Брат Жан-Дени *де Таверниак (Jean-Denis de Taverniac)* также утверждал под присягой, что видел эту голову шесть раз на шести разных капитулах и ей поклонялся. В основном эти капитулы проводились великим магистром *Вильгельмом де Боже (Guillaume de Beaujeu)*, а после него *Гуго де Перодо*. Этот последний, принятый в орден своим дядей по отцу *Гумбертом де Перодо (Humbert de Peraudo)* в Тампле Лиона, одинаково клялся, что видел, держал и трогал рукой на капитуле, проходившем в Монпелье, одну голову, которой поклонялись все присутствующие братья: было ли это искренне, он не знает; что касается его, то он избегал ее и поклонялся ей лишь устами (22).

Брат *Жан де Тюрн*, казначей парижского Тампля, говорил о голове,

изображенной на картине, и под присягой утверждал, что поклонялся ей как и другие рыцари (23).

Жан д'Анисиак (d'Anisiac) заявлял, что дважды на капитулах в Париже видел *Жерара де Виллера*, несущего какую-то вещь, но не смог различить, что она из себя представляла, поскольку место собрания освещалось тусклым огнем единственной свечи (24). В действительности, орденские капитулы, как и посвящения, проводились в тайном месте ночью или на рассвете (25). Они несли на себе торжественность мистерий: и когда посреди этих теней, пронизанных несколькими лучами тусклого свечения факела, братья склонялись над страшным металлическим идолом, не стоит удивляться тому, какой ужас и какое оцепенение при виде такого странного кощунства внушалось неопитам, которым посвящение в эти мистерии не искажало ни веры, ни простодушия. Но каждый обязан был клятвой сохранять тайну мистерий, а всякий касавшийся идола становился одним из наиболее влиятельных орденских начальников: так, некий рыцарь говорил Раулю де Прелю (*Raoul de Presles*), одному из важных сановников эпохи, что генеральный капитул ордена обладал настолько таинственной вещью, что если, к своему несчастью, ее кто-нибудь бы увидел, будь это сам король Франции, то *никакой страх* мучений не помешал бы членам капитула его убить (26).

Как и во всех мистериях, античных или современных (27), в таинствах Ордена Храма имелись свои степени посвящения, что было бы с высокой долей вероятности даже тогда, когда мы не располагали бы доказательством этого в собственном свидетельстве рыцарей. Вот брат *Гуго* из диоцеза Клермон определенно заявляет, что от нескольких своих товарищей по оружию слышал, как начальники ордена предавались *окультичным практикам*, которые не могли раскрываться перед нижестоящими членами (28).

Следовательно, все те, кто не принимал участия в генеральных капитулах, не знали о существовании головы или вышеупомянутого идола: подобный факт проистекает из свидетельского показания одного из братьев этой категории, заявлявшего, что ничего не знает о голове, коей поклонялись, *поскольку он никогда не присутствовал ни на каком из генеральных капитулов* (29).

Как видно, мы в изобилии располагаем свидетельствами существования идола, но независимо от этих доказательств наиболее маститые авторы меня снабжают еще непроверяемыми доводами. Так, я нахожу у Маттера важный фрагмент: “После *отречения* шло поклонение идолу, голове, очень разнообразной по форме и выразительности, а равно по материалу изготовления и цвету. Существовало огромное количество ее копий; тамплиеры их держали в своих шкатулках” (30). Четыре из них, по словам Вильке (*Wilcke*), нашли в Англии. Эта голова, как добавляет тот же автор, занимала место рядом с председателем собрания, и ее рекомендовалось доверять только тому, кто ее представлял (31).

Мольденгауэр (*Moldenhauer*) не преминул напомнить (как я сам сделал выше, обратившись к подлинным источникам) об этой голове под № 58, предъявленной следственной комиссией, учрежденной в Париже. Аббат Баррюэль, которого я не люблю из-за его чрезмерной страстности, направленной против франк-масонства, но который все же не приводит никаких непроверенных фактов, говорит, что голова или идол вновь находится в ложах Венгрии, ссылаясь при этом на донесение фон Клейзера (*de Kleiser*) императору Иосифу II (32). Но особенно важно для нас то, что ученый господин фон Гаммер, президент Венской академии, описал несколько шкатулок из имперского кабинета и, более того, другую шкатулку, происходящую из Тосканы: они все совершенно аналогичны шкатулке, найденной в Бургундии (33), и я обеспечил доказательство данной аналогии, сопроводив главное изображение с последней шкатулки тремя рисунками, позаимствованными у памятников, описанных господином фон Гаммером. Отметим больше: все шкатулки обладают тройным соотношением: соответствие, проявленное между ними, соответствие с мистериями гностических сект, соответствие с известными и признаваемыми самими тамплиерами оккультными практиками. Итак, эти шкатулки представляют собой наиболее полное свидетельское показание, которое можно предъявить против знаменитого ордена, коим я занимаюсь; более того, они представляют собой неоспоримое доказательство принадлежности этого ордена к гностицизму, и мы увидим к какому; ибо эта незаконнорожденная ложная религиозная философия приобретает все

тона; но пока, как не удивиться тому, что в Германии нашлось определенное количество этих обвинительных памятников, хотя они столь редки в странах, где как и во Франции поднимался вопрос о виновности ордена. А смысл в том, что Германия является страной, где Орден Храма был наиболее сохранен (34): соборы в Майнце и Трире постановили в пользу его невиновности. Значит, рыцари пользовались там меньшим недоверием, чем в других местах; у нас же, несомненно, они спокойно не ступили бы и шага: тут все их заботы направлялись на исчезновение свидетелей, которые, не став однажды немыми, не сделались бы менее страшными.

Мне остается теперь установить поразительные соответствия, которые связывают между собой нашу шкатулку из Эссаруа с аутентичными свидетельствами, почерпнутыми в великолепной коллекции неизданных документов по истории Франции.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) *Idola, videlicet capita.* (Doc. in., t. I, p. 92)

(2) *In eorum magnis capitulis et congregacionibus.* (Id., *ibid.*)

(3) Raynaldi, p. 287, 261.

(4) Doc. in., t. I, p. 190.

(5) Id., *ib.*, p. 206.

(6) *Quod non credebat significare bonum.*

(7) Doc. in., t. I, p. 399.

(8) Это слово романского происхождения означает зловредного, дьявола или демона:

Un jor avint que li Maufe
Furent leenz tuit assemble,
D'Enfer issirent por conquerre
Les ames par toute la terre.

(Fables de Saint Pierre et du Jongleur)

Однажды случится, что все дьяволы соберутся в этом месте и выйдут из ада, чтобы завоевать души по всей земле.

(9) Doc. in., t. II, p. 364.

(10) Doc. in., t. I, p. 502. - Здесь, несомненно, тот же самый идол, о котором Райнальди говорит следующее (стр. 299): “Что касается головы, захваченной в парижском капитуле, то они ее выдавали за реликварий: голова одной из одиннадцати тысяч дев. Она имела большую серебряную бороду”.

(11) Doc. in., t. I, p. 597.

(12) Id., t. II, p. 190.

(13) “Extrahens de sinu suo quandam parvam imaginem de leone vel de auro, quae videbatur habere effigiem muliebrem, etc.”

(14) “In quondam panno linco albo, syndone rubea superposita, et erat ibi quedam (sic) cedula consuta in qua erat capud LVIII”. (Doc. in., t. II, p. 218).

По поводу этого свидетельства Мишле (т. III, стр. 148 своей Истории Франции) замечает: “Эти головы, которые по одной должны были находиться в каждом капитуле, не смогли найти кроме одной, и она имела надпись 53” (Тут очевидно опечатка: должно быть 58). Публичность и важность, придававшиеся этому главному обвинению, безусловно, заставили тамплиеров быстрее уничтожить доказательство.

(15) Doc. in., t. II, p. 218.

(16) Id., ib., p. 260.

(17) Doc. in., t. II, p. 248.

(18) Id., ib., p. 279.

(19) Id., ib., p. 290.

(20) Id., ib., p. 299.

(21) Id., ib., p. 300.

(22) Doc. in., t. II, p. 363.

(23) Id., ib., p. 315.

(24) Id., ib., p. 367.

(25) “Clam, nullis presentibus nisi fratribus ordinis, et ponebantur custodes ne audirentur exterius quae interius agebantur”. (Id., ib., p. 192). - Frequentius ante diem quam de die. (Id., ib., p. 209.) - Circa auroram. (Id., t. I, p. 193.)

Когда они проводят капитул, то закрывают все двери дома Тампля и все двери церкви, и затворяют столь тщательно (firmant adeo firmiter),

что никто не может их видеть и слышать, а также иметь доступ к ним. (Id., ib., p. 94.)

Один рыцарь сказал профану: “Когда бы ты был моим отцом и мог бы стать великим магистром ордена, и тогда я не хотел бы, чтобы ты вступал к нам, ибо мы имеем три статьи, которые никто никогда не узнает, за исключением Бога и дьявола и нас самих, братьев ордена (Дюпюи, Процесс тамплиеров, 51 свидетель, стр. 361).

(26) Мишле, История Франции, том III, стр. 143.

(27) У друзов, особой сирийской секты, не являющейся ни христианской, ни магометанской, существовало до девяти степеней посвящения. См. Изложение религии друзов Сильвестра де Саси (Sylvestre de Sacy).

(28) Doc. in., t. II, p. 144.

(29) Id., ib., p. 327.

(30) Маттер, Критическая история гностицизма, том III, стр. 330.

(31) История тамплиеров, составленная по новым источникам, том I, стр. 98 и 334.

(32) Воспоминания, послужившие для истории якобинства, том II, стр. 394.

(33) Эти выделенные курсивом слова являются единственным указанием, которое дает воспоминание господина фон Гаммера (Париж, 1832, стр. 3), ибо господин герцог де Блакас неопределенно сказал прославленному ориенталисту, что шкатулка происходила из Бургундии, однако не смог уточнить местность ее появления на свет. Итак, следующая корреспонденция в свое время поставит вопрос намного более серьезный, чем вся дискуссия. Впрочем, в ней найдется и весьма драгоценное одобрение для меня по поводу некоторых моих мнений как о сущности самого явления, так и моей интерпретации арабской надписи и пр. Вот несколько отрывков из письма, которое мне написал, оказывая честь, господин фон Гаммер от 6 августа 1851 года и которое из-за своего объема я не могу здесь привести целиком: “За несколько дней перед моим отъездом на мою малую родину в Штирию, откуда Вам пишу, я имел удовольствие получить Ваше письмо, датированное 21 июня, и два экземпляра Вашего произведения о шкатулке господина

герцога де Блакаса. Один из них я передал философско-филологическому классу имперской академии, обязавшей меня поблагодарить Вас от ее имени. Я не имею нужды заверять Вас, поскольку никто еще не мог прочесть книги, какой интерес она представляет для меня, ведь Вы первый француз, кто справедливо отнесся к моему методу рассмотрения вины (coultre) и процесса тамплиеров”.

Затем господин фон Гаммер не без основания сожалеет о том, что Сильвестр де Саси не захотел понять, что слова МЕТЕ и САНТАТЕ из надписей вокруг изображения абсолютно ничего не обозначают по-арабски, а в Райнуаре (Raynouard) он видит лишь очень систематического защитника тамплиеров. После фон Гаммер продолжает:

“Когда я имел честь увидеть в 1825 году в Милане господина герцога де Блакаса (отца нынешнего герцога), он не сумел мне сказать, откуда произошла шкатулка, появление на свет которой Ваши исследования столь удачно связали с двором тамплиеров в Бургундии (господин фон Гаммер тут хочет выразиться о знаменитом приорстве Вулена (Voulaine)”. Наконец, оказав мне честь и сообщив другие обязательные вещи, фон Гаммер завершает: “Если Вы однажды окажетесь в Вене, то сами увидите в имперском кабинете древностей различных Бафометов (я сам разъяснил это слово в первой части произведения, а здесь определение, даваемое фон Гаммером фигурам, рисунки которых воспроизведены мной внизу под изображением шкатулки из Эссаруа); гравюры последних я поместил в Каменоломнях Востока; будучи в Вене, Вы оказали бы мне удовольствие выразить из уст в уста наиболее благодарные чувства расположения и почтения, с которыми и т. д.”

Теперь два письма от госпожи графини Викторины де Шастенэ (Victorine de Chastenay), собственницы замка Эссаруа: одно из этих писем устанавливает родословную шкатулки, а другое показывает соседские отношения между домом рыцарей тамплиеров Вулена и местностью, где была найдена шкатулка.

3 марта 1851 года она оказала мне честь, написав следующее:

“Шкатулка, которой Вы занимаетесь была приобретена у торговца раритетами в Дижоне парижским менялой Ролленом, а затем продана этим последним господину герцогу де Блакасу. На шкатулке имелась

надпись: “Найденная в земле Кава (de la Cave), принадлежащего господину маркизу де Шастенэ. Знаете ли Вы, милостивый государь, каково место в Эссаруа, называемое Кавом: именно здесь были собраны осколки скульптуры, которую Вы исследовали. Можно даже думать, что языческому строению, фрагменты которого мы обнаружили и определили место, наследовали сооружения тамплиеров. Вулен, Бюр (Bure) были у них; они же имели владения в Курбане. Я нахожу в наших семейных бумагах следы продаж или обменов с тамплиерами в этих разных местностях. Именно в начале 1789 года мой отец обязал рабочих, используемых уже картезианцами из Люньи (Lugny), произвести некоторые работы в Эссаруа. Это произошло рядом с Кавом, где они должны были найти камни, необходимые для работ. С тех пор я знала, что они из произведенных ими раскопок извлекли несколько вероятно бесценных предметов, и вне всякого сомнения шкатулка находилась среди них. Продолжайте, милостивый государь, Ваши труды и разыскания: Вы должны безусловно воссоздать целую страницу истории и т. д.”

В соответствии с этими сведениями вполне допустимо, что тамплиеры совершали обмены земельными угодьями в окрестности своих владений, к примеру, в Эссаруа, с главными собственниками территории, которыми и тогда являлись главы дома де Шастенэ. Более того, невозможно сделать и шага в соседствующем с Эссаруа лесу, не встретив древние каменные межевые столбы, несущие отпечаток креста рыцарей Храма. Другое письмо госпожи графини Викторины, датированное 21 января 1852 года, меня обеспечивает доказательством существования этих контрактов между домом де Шастенэ и великим приорством Шампани, штаб-квартирой которого был Вулен-ле-Тампль (Voulaine-les-Temple), имея присоединенные к себе командорства Бюра (de Bure), Мормана (de Mormans) и Эпэйи (d'Épailly). Последнее командорство находится на расстоянии менее чем двух километров от села Курбан (Courban) в Кот-д'Оре (Cote-d'Or). “Простите меня, милостивый государь, - достаивает меня ответа госпожа де Шастенэ, - простите меня, что так опоздала направить Вам замечание, которое Вы пожелали, по поводу акта продажи 7 сентября 1224 года братьям Храма имения в Курбане. Продавец действует только с согласия своей жены Эмелин

(Emeline), которая должна получить в Мовильи (Mauvilly) компенсацию за права, коими она жертвует. Акт от октября месяца того же года подтверждает сентябрьский документ”.

34. В Германии Орден Храма даже избежал процесса, который его сокрушил и сразил повсюду в иных местах. Большое число рыцарей жило здесь в разные эпохи и в лучшие времена, совсем не опасаясь преследований. И если невиновность ордена, которая гораздо позднее систематически или поэтически поддерживалась, была реальной, то почему среди рыцарей не нашлось никого, кто возвысил бы свой голос, чтобы заклеить обвинителей и достичь торжества справедливости?

СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРЕДШЕСТВОВАВШИМИ СВИДЕТЕЛЬСТВАМИ, ИЗОБРАЖЕНИЕМ И НАДПИСЬЮ НА ШКАТУЛКЕ

Если странное изображение предназначалось для использования в мистериях генеральных капитулов Ордена Храма, если одна из шкатулок, приводимых господами фон Гаммером и Маттером, либо Дюпюи, Вильке и Бонневилем, могла служить еще для хранения голов или медных и серебряных идолов (1), о которых говорят столько свидетелей, да и сами *поясные веревки*, являвшиеся символом посвящения (2), то не нужно удивляться, что такой артефакт был спрятан в пристанище, соседствующим с домом Тампля Вулена, приорства великой важности, возвысившегося в великое приорство Шампани и являвшегося главным местом проведения великих генеральных капитулов, на которых в определенные дни появлялся сам идол как дополнение высшего посвящения в мистерии ордена. Малейшее сопоставление, делавшееся между изображением и свидетельскими показаниями рыцарей различных командорств или домов, рассеянных по Франции, доказывает самым очевидным образом, что эта шкатулка была как бы подчинена высшим мистериям. И я не вижу больших сложностей в ее истолковании.

Обвинительный акт сообщал, что во всех провинциях и в великих капитулах тамплиеры поклонялись идолу, сила которого признавалась

столь могучей, что *заставляла цвести деревья и прорастать растениям из земли* и пр., и что видели несколько других из этих идолов, сопровождаемых человеческим черепом (3). Идол не был повсюду полностью единообразным: одни говорят, что он представлял собой *женскую голову*; другие – *написанное или выгравированное изображение*; но каков бы ни был пол этого мистического персонажа, большинство храмовников подтверждают единое существование *бороды* и признают факт поклонения идолу или прославления его изображения, которое им представлялось источником благ и верных преимуществ.

Итак, спрашивается, не обнаружатся ли все эти условия уже при первом осмотре изображения нашей великолепной шкатулки? Не виден ли на ней женский образ, *effigiem muliebrem*, о чем мне говорят те же слова тамплиера из диоцеза Сэнт Жерала *de Марсака*? Не идет ли речь в действительности об идоле *figuram muliebrem habens*, если использовать выражения того же брата *Вильгельма Пидуа*, хранителя ценностей Храма в Париже? Не является ли *бородатая* образом, поражавшим и зачастую ужасавшим орденских профессов во время посвячительного испытания? Не она ли сопровождалась человеческим черепом? И это изображение отличается ли от изображений, положенных мной напротив, которые ориенталисты относят к тому же самому порядку мистерий, а одинаково к тем из них, что составили основу обвинения тамплиеров? И надпись арабской вязью! Могут ли встретиться наиболее поразительные совпадения между тем, что выражает и на что указывает обвинение, с одной стороны, и что, с другой стороны, разоблачают в своих признаниях рыцари? Я уже обратил внимание в первой части этого труда на арабское слово, которому соответствует латинское *germinans*; не является ли оно полным оправданием самой формулы акта обвинения (4)? Теперь о *поклонении*, в пользу которого я привел многочисленные и аутентичные свидетельства: на него достаточно ясно указывает арабское слово, имеющее в точном переводе латинское соответствие *glorietur* (5). Что касается самой идеи, то согласно культу этого идола, все сможет обращаться во благо тому, кто ему покорится; что этот идол будет его *спасителем*; что он получит от него благосостояние и множество преимуществ: это весьма сложная идея выражена в надписи на шкатулке

из Эссаруа двумя словами, перевод которых являл собой странное затруднение. Я перевел эти два слова следующим образом: *тебя окружает удовольствие*; ибо они содержат, как мне кажется, средоточие всего того, что обещают (6). Слово *zonar* (7), означающее пояс или окружать как поясом, есть прямая аллюзия на веревку, опоясывавшую посвященных, о которой так энергично говорят Гуго де Бюр из диоцеза Лангр и Пьер де Боннефон из диоцеза Клермон.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Николя де Бонневиль (Nicolas de Bonneville) (Шотландское масонство, 1788) говорит в следующих выражениях: тамплиер признался, что небольшое количество рыцарей ордена, вероятно и некоторые бывшие на последнем посвящении, возило в путешествиях в своих сундуках, согласно словам свидетельского показания, изображение Баффомета (Baffomet).

(2) Эти поясные веревки были из белой нити, *de filo albo* (Doc. ined., t. I, p. 193), и посвященные принимали их из рук своих посвятителей, особенно когда эти веревки соприкасались с идолом; тем не менее, в обычных посвящениях и вне великих капитулов профессор брал поясную веревку, где хотел: *quas recipiebant unde volebant* (См. в тех же самых документах и в большом количестве свидетельских показаний).

(3) *Et aliqua craneum humanum habebant* (Doc. ined., t. I, p. 92).

(4) *Quod illa idola facit arbores florari et terram germinare* (Doc. in., t. I, p. 92).

(5) Будь прославлен! Не говорим ли мы каждый день в наших молитвах “Слава Богу”, чтобы выразить всю полноту нашего поклонения?

(6) Трудно в переводе такого рода передать хотя бы наполовину чистоту выражения при должном уважении к самому тексту. Я уже имел случай в первой части этого труда рассказать или скорее предупредить о широком толковании моего перевода. Как ни вспомнить мою интерпретацию арабского слова *tiz*.

(7) Арабская надпись завершается словом *zonag*.

ИНЫЕ СООТНОШЕНИЯ ЭТОГО ИЗУМИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА С ИСТОРИЧЕСКИМИ ФАКТАМИ И УТОЧНЕНИЕ СТЕПЕНИ ВИНОВНОСТИ ОРДЕНА

Арабская надпись на шкатулке имеет целью зримо заключить в сжатых и лаконичных выражениях полное объяснение мистерий ордена. Здесь всего достаточно; и если отречение и ересь, выраженные арабскими словами **TANKER MOUNKIR** содержат в себе более определенное значение, то не забыто и указание на определенные гнусности, как можно убедиться в этом, перенесясь взглядом на картину, которую я опубликовал, чтобы поместить напротив нее фигуру с нашей шкатулки из Эссаруа. Итак, посмотрим как сами исторические документы подтверждают все эти вещи: *промискуитет, отвратительные поцелуи, отречение и плевки*. Эта последняя мерзость не должна нас удивлять, поскольку, придя к презрению, внешние поступки ничего не значат; на самом деле, между актом отречения от Христа и попираем ногami Его образа (1), или произнесения в отношении Него самых скверных слов, какие только люди знают, поистине, лишь один шаг. “Плюнь на это, - сказали тамплиеру *Жану де Шуну (Jean de Chouines)* и показали ему Крест с образом Христовым, - плюнь на это из презрения к тому, что этот предмет представляет (2)”.

Я внимательно прочитал два тома коллекции Неизданных воспоминаний по истории Франции, относящихся к процессу тамплиеров, и заметил, что церемония посвящения была в основном одной и той же для всех, отличаясь в эпизодах, описываемых, исходя из характера, простодушия или впечатлительности каждого. И все же, чтобы не было никакого сомнения в существовании странных инициаций, я спешу привести факты, избрав, в частности, те из них, которые связаны с приорством Вулена, командорствами, от него зависящими, и несколькими отделениями из диоцеза Лангра.

Около 1293 года (3) в неделю, предшествовавшую Пасхе, в церкви, относящейся к приорству Вулена (4), был принят *Жан де Ромпрей (Jean*

de Romprey) (5), брат-сержант и земледелец ордена (6). Его посвятителем являлся Пьер де Бюр, а тремя присутствующими или свидетелями стали Рудольф де Бюр, дядя предыдущего, Пьер де Шатийон (*Pierre de Chatillon*) и Пьер де Сене (*Pierre de Senet*). Принимаемый, преклонив колени, начал, умоляя, просить хлеба и воды ордена и общества братьев. Тогда посвяtitель предупредил его, что он, подчиняясь большим строгостям, добивается весьма трудной вещи, поскольку она требует с его стороны отказ от собственной воли и послушания приказам, исходящим от лиц, к которым он питал бы не меньшее доверие, чем к себе самому. После этого его попросили выйти из часовни и хорошенько подумать еще раз. Он вышел, но вскоре вернулся с четким решением; ему было сказано, что правило запрещает однажды принятому выходить из ордена; ему предложили еще раз подумать наедине с самим собой, но он настаивал на немедленном принятии, и тогда его привели к присяге (7), что он вольного звания и не связан узами брака, не состоит ни в каком религиозном ордене, не отлучался, не обременен долгами и не имеет никаких скрытых физических недостатков, которые бы его сделали неспособным к исполнению служб, требуемых от него Орденом Храма. После такой клятвы от него потребовали выйти из часовни, чтобы проверить себя, и во время образовавшегося перерыва посвяtitель совещался со свидетелями. Жан де Ромпрей вернулся и возобновил свою просьбу: тогда посвяtitель ему говорит, что нужно будет долго поститься, спать в обуви, чтобы быть всегда готовым и пр. Его привели к присяге соблюдения *целомудрия, послушания и неимения никакой личной собственности*, и после других предписаний заставили выйти в последний раз. Он вернулся в сугубой уверенности и настаивал на приеме наиболее определенным образом. Наконец, посвяtitель спросил свидетелей, знают ли они какие-нибудь препоны этому принятию и, услышав их отрицательный ответ, потребовал от професса последней клятвы о соблюдении всего предписанного ему, после чего посвященный принял орденский плащ, и все - посвяtitель и свидетели - целовали его в губы.

Примечательное обстоятельство: Ж. де Ромпрей, если верить его свидетельским показаниям, принял неполное посвящение и не видел идола; но это последнее объясняется тем, какую незначительную ступень

он занимал в ордене, о чем позаботился сам осведомить нас, говоря, что не присутствовал ни на одном капитуле, ибо был простым земледельцем (8). В действительности, только для избранных имели место определенные степени привилегированного посвящения, что объясняет почему у большого числа братьев свидетельства и показания менее явны, чем у первых. Здесь случай отослать моего читателя к заявлению уже знакомого нам несколькими страницами выше брата Гуго де Клермона о том, что некоторые практики ордена были неизвестны нижестоящим членам. Та же осторожность в отношении великих мистерий проявляется в случае с арендатором братом *Боно* (*Boño*) из Вулена (9), одинаково заявившего, что никогда не присутствовал на капитулах и не принимал участия в посвящении никакого брата. Его привели к обету целомудрия и послушания; однако пошли с ним дальше, нежели с Жаном де Ромпреем: после того, как ему было дано целование в губы (*in ore*), его заставили плюнуть на крест на плаще, сказав, что эта и другие вещи могут ему показаться непозволительными, тем не менее они являлись продолжением статутов ордена. Он имел товарища по посвящению брата Арбера (*Arbert*) или Альбера (*Albert*): они оба много плакали, но, наконец, Альбер решил плюнуть первым не на крест, а в сторону (*non super, sed juxta dictam crucem*), брат Боно сделал то же самое. Это было не все: им приказали *отречься от Иисуса*. Брат Альбер начал, и товарищу последовал его примеру, но мысленно как и первый отрекался устами, но не сердцем (*ore, non corde*); после чего им было сказано, что они могли иметь либо между собой, либо с другими братьями определенную близость (10), *ибо они дали обет целомудрия и им должно воспрещаться всякое общение с женщинами*. Своеобразный предлог и своеобразное исполнение целомудрия, обет которого они дали! Скажем более, что честолюбие пожирало этот рыцарский орден по мере того как он возрастал, и его руководители не только не стеснялись самых постыдных гнусностей, но, наоборот, лично показывали в них пример (11), чтобы поработить развращенностью или нечестивыми мистериями простодушных людей, которые, будучи к ним неподготовленными, примешивали к чувству долга и пассивного послушания непрерывное молчание, в коем клялись на Евангелии. Гордыня и любовь к господству

погубило ставшее слишком могущественным тело, о котором Ричард Львиное Сердце, находясь на смертном одре, исповедавшись в трех частях своих грехов, решительно сказал: “Я завещаю свою гордость тамплиерам” (12). Хорошо видно, что не столько из-за обета целомудрия всякое отношение с женщинами было определено осуждено, сколько из-за недоверия к любовным связям и болтливости, способным скомпрометировать орден, уничтожив его моральное влияние, в котором он нуждался в целях упрочения своего господства. Впрочем, данные факты весьма значительны, чтобы исключить любое колебание на сей счет (13).

Я спешу рассказать теперь о нескольких церемониях принятия в командорствах Бюра, Эпэйи и Мормана, относившихся к приорству Вулена; затем вкратце изложу о некоторых других посвящениях в домах Тампля в Шатийоне и Дижоне, находившихся в церковном ведении Лангрского диоцеза (14).

Священник ордена *Готье де Бюр* (*Gauthier de Bure*) до своего ареста являлся посвященным в течение восьми лет. В орден его принимал в часовне Тампля в Бюре брат *Сиврей* (*Scivrey*), прецептор здешнего командорства, в присутствии тринадцати или четырнадцати братьев, среди которых фигурировали Жан де Бюр, Мартен (*Martin*) и Ги (*Gui*) де Нисей (*Nicey*), а также Этьен де Вулен (*Etienne de Voulaïne*). Его привели к клятве на *миссале* и в месте, где имеется канон мессы (15), дабы он подчинялся приказам вышестоящих братьев; затем ему передали, что, *согласно статутам*, он должен отречься от Христа; несмотря на оцепенение, он исполняет это, *отрекаясь устами, но не сердцем*. Далее посвяtitель говорит ему, что, повинуясь тем же самым статутам, он обязан *плюнуть на крест*; и тут же берут на алтаре большой металлический крест, который посвяtitель держит над землей своими двумя руками. Готье де Бюр плюет рядом, уповая быть освобожденным от испытаний, когда брат Мартен, один из присутствующих, замечает, что упущен один из существенных пунктов статутов, а именно срамной поцелуй (16); однако посвяtitель делает уступку профессу в этой обязанности из-за его священнического сана (17), приказывая ему ничего не разглашать под страхом попасть в самую строгую тюремную камеру

(*districtio carcere*). И все же бедный Готье де Бюр пришел исповедоваться восемь дней спустя к монсеньору Иоанну, епископу Лангра, который, выслушав наивное сообщение кающегося, пребывал в смятении и взял длинную паузу, прежде чем решиться отпустить ему грехи. Тем не менее он предписал брату Готье для покаяния поститься ежегодно во время шести праздников в течение семи лет.

Неизданные документы доносят сведения о двух посвящениях в командорстве *Эпэйи* (18) рядом с селом Курбан (Кот д'Ор): это были принятия в орден *Гарена де Корбона* (*Garin de Corbon*), *брата-каменолома* (19), и *Гиллерми де Рисея* (*Guillermu de Ricey*). Когда одели орденский плащ на плечи брата Гарена, все присутствующие его целовали в губы, а он сам целовал посвятителя в спину поверх облачения. Он плевал затем в сторону креста и *отрекался от Бога* (20) лишь устами; но он исповедовался через восемь дней брату Иакову, прежнему конвентуалу из братьев-францисканцев в Шатийоне-на-Сене (*Chatillon-sur-Seine*) (21), который для покаяния предписал ему поститься на хлебе и воде в течение шести главных праздников между Пасхой и Троицей-Пятидесятницей. Церемония посвящения была настолько таинственной, что даже сыновья професса, являвшегося вдовцом, не могли на ней присутствовать, поскольку им не доверяли.

Брата Гиллерми пощадил меньше, чем предыдущего. Он совершал наиболее постыдное целование (22), и его посвятитель потребовал отречения и трех плевков на крест *в знак презрения для нашего Господа Иисуса Христа, страдавшего на этом кресте* (23). Сверх того, этому же брату было дано позволение промискуитета со своими орденскими братьями.

Менее привычное обстоятельство имело место для брата *Эгидия де Ловенкура* (*Egide de Lovencourt*) и брата *Арнольфа* (*Arnolphe*). Оба принимались в орден в часовне командорства Морман: там на них одели орденские плащи, потребовав поначалу обыкновенного целования; но шесть или семь дней спустя их посвятитель брат *Лоранс де Бельно* (*Laurence de Belnot*), который, как им казалось, передал им все знаки посвящения, заставил прийти обоих в свою келью, отречься от Иисуса Христа и плюнуть на крест. Они отрелись устами и плюнули в сторону.

Приблизительно за год до ареста тамплиеров брат Эмерик де Бюр (Aimeric de Bure), священник диоцеза Лангр, был принят в орден в Шатийоне-на-Сене (24) *во время праздника Святого Николая*. На посвящении присутствовали брат Роберт Лесколь (Robert Lescolbe), местный прецептор (25), и брат П. де Лёрниа (P. de Loernia), священник из Эпэйи. Прежде всего он начал с обетов целомудрия, бедности и послушания. Ему было приказано не входить в дом, где могла находиться роженица, не быть крестным отцом, не пить в корчме вместе с мирянами; далее последовало повеление отречься Господа и плюнуть на крест книги, на которой он произносил свои обеты (26): все это он делал устами, но полное смятения сердце чуждалось тому, что от него требовали. Затем приступили к поцелуям: целование в губы прошло успешно; когда ему нужно было сделать большее, брат Эмерик поцеловал рубашку выше пояса, но его посвяtitель приказал ему *опуститься ниже* (27); ему еще рекомендовалось принимать в свою постель тех из рыцарей или братьев-сержантов, кто его об этом попросит, и даже оказывать подобную снисходительность иным товарищам по оружию, не относящимся к Ордену Храма, если они возвращались из-за моря. В этом бедняга Эмерик не видел никакого зла и, по его словам, честно делил свое ложе с каким-нибудь рыцарем, имени которого не знал и который намеревался идти в заморский поход.

Двое тамплиеров по имени *Доминик* (28) были посвящены в Дижоне: первый, достигший 70 лет, прецептор дома Тампля в Жуаньи (de Joigny), диоцез Сан (de Sens), принимался в часовне Тампля Дижона (29) оруженосцем Анри де Додем (Henri de Dole) в присутствии Дидье де Бюра (Didier de Bure). Неофит предложил сделаться *службой и работником ордена* (30). Ему посоветовали хорошо подумать, поскольку он просил о вещи крайней важности, ведь ему нужно было отказаться от собственной воли, исполнившись воли другого: бодрствовать, когда он захотел бы спать, терпеть голод, когда он желал бы есть, много раз повторять *Отче Наш* (Pater Noster) за свои молитвы, вести более суровую жизнь и пр. Професс поцеловал посвяtitеля в губы и плечи и, несмотря на свое отвращение, отрекся от Иисуса устами и плевал в сторону креста на мантии свидетеля. По истечении пятнадцати дней он пришел исповедоваться к

епархиальному кюре из *Лонгвика (Longvic)* (31) Николя де Бюру, который, не желая отпускать грехи своему покаявшемуся, под предлогом того, что не обладал на это властью, направил его к священнику Вильгельму (Guillaume), приору францисканского монастыря Дижона, облеченного епископскими полномочиями. Последний согласился отпустить грехи брату, наказав ему для покаяния носить три года власяницу. Бедный Доминик терпел как мог эту епитимию в течение года, но так как оказался с тяжело расстроенным здоровьем, его исповедник одобрил смягчение наказания, предписав пост на хлебе и воде ежегодно во время шести праздников в течение семи лет.

Другой сорокалетний Доминик из Дижона являлся охранником дома Тампля в Жуаньи. Он принимался в Дижоне Анри де Додем в присутствии тамплиеров Вильгельма Ружпера (Guillaume Rougerere) и Валя (Wale); из них первый - его отец, а второй — внебрачный брат. Сам посвяtitель ему преподавал поцелуи, два из которых были наиболее отвратительными (32). Что касается посвящаемого, то его заставили плюнуть на крест на плаще одного из свидетелей, но он вовсе не отрекался от Христа.

Пришло время завершить перечень этих мерзостей, который я и так сузил рамками единственного диоцеза (33); пришло время, как бы я не приказывал своему сердцу, сделать очевидным во славу человечества, сколько отвратительных мистерий было навязано огромному числу людей в знаменитом и благородном ордене, который я чту намного более лояльного снисхождения, потому даже сделался историком печальных причин его падения.

По мнению некоторых братьев, тяжкие беззакония были принесены с Востока и введены в орден несколькими из наиболее развращенных начальников (34); с моральной точки зрения этому нельзя не поверить! В действительности, необходимо время, чтобы орден целиком разложить; необходимо несколько поколений руководителей, следующих одной и той же мысли (35). Эта внезапная и неожиданная инициация без предварительной подготовки и новициата: подобное не прослеживалось и не прослеживается среди таинственных посвящений в античных мистериях или современных обществах. Древность формировала своих

адептов постепенно и посредством долгих испытаний; здесь же все отличается. Первое, что делают братья, это дают обет послушания, то есть клятву не разглашать тайны капитулов и, в частности, их посвящения, а также не оставлять Орден Храма *для лучшего или для худшего* ордена (36). Однажды произнеся свои обеты, они не могли покинуть Орден Храма без решительного позволения вышестоящего начальства, и они получали его только для того, чтобы вступить в суровый *Картезианский* орден.

Присяга, которую произносили тамплиеры, была торжественной: она творилась на открытом миссале, и посвященный возлагал свои руки на само место, где находились канон мессы и изображение Христа (37). Странное противоречие этих людей, которые тут же шли отрекаться и хулить Бога, во имя которого сейчас присягали! Сразу после произнесенных обетов и *перед посвящением* они рассматривались как целиком связанные и как *рабы ордена* (38), ведь они спешили дать обет послушания всему тому, что им было бы предписано статутами ордена или вышестоящими братьями, и они мгновенно прекращали принадлежать самим себе, а магия воинской и религиозной клятвы столь изоциренно и полностью опутывала их сознание, что буквально вязала по рукам и ногам как жертв греховного вступления в сообщество внутри сообщества, о существовании которого не давали никому из них усомниться даже пройденные испытания; однако подчинение для братьев давалось тем большей ценой, чем было более тягостным. “Крайне необходимо, чтобы ты сделал это, как и я это сделал сам; поскольку ты давал обет послушания и пр.” Вот обыкновенная речь посвятившего, добавлявшего: “Но берегись: если ты пойдешь против своей клятвы, то погибнешь” (39). Можно ли представить себе, насколько чудовищное потрясение и все виды неожиданностей должно было запечатлеть неслыханное разоблачение мистерий в душах этих людей, совершенно к нему неподготовленных, вообразивших для себя лишь путь воинской чести и религиозной преданности. Нужно ли большее для того, чтобы сокрушить разум одних и вести сознание других к непредвиденному насилию, посеяв в души многих шипы непрерывных угрызений совести (40)? Что получалось из этих ужасных сцен: одни пытаются скрыться, и требуется вмешательство короля Франции, чтобы виновный не

подвергался бы постоянному тюремному заключению (41); один посвяtitель после срамного поцелуя падает в обморок, и его вынуждены были унести в полумертвом состоянии (42); другой сожалеет о том, что не мог убить своего посвяtitеля (43). Одних угрожают отправить в место, где они не увидят ни своих ног, ни своих рук (44); другим сулят бесконечным тюремным заключением, где они найдут смерть (45); третьих запугивают удушением и сбрасыванием во рвы (46); иной раз обнажают мечи (47), пытаясь силой достигнуть того, чего невозможно достичь доброй волей (48); один брат был насильно подвержен каре и посажен в тюрьму без положенного питания (49); этот находился в тюрьме три дня (50); тот в течение восьми дней (51); брат *Гумберт де Пюи (Humbert de Puy)* в диоцезе Пуатье был закован в кандалы и содержался на хлебе и воде в одной из башен в течение тридцати шести недель (52). Какая жалость слышать стоны этих бедных людей: одни из них вовсе жалели, что родились на свет (53); другие предпочли бы потерять руку (54); третьи хотели бы оказаться на сто футов под землей (55); некоторые пытались договориться или теряли рассудок от ужаса. Так, брат *Жан де Фуиллейо (Jean de Fouilleyo)* из парижского Тампля говорит, что он добровольно отрекался от Бога, почитаемого язычниками; и когда над ним совершили насилие, он вскричал, обернувшись к своему посвяtitелю: “*Я отрекаюсь от тебя*”. Это слышал брат, принуждавший его силой, и все сделали вид, что отречение подлинное, что и требовалось от него (56). Брат *Ж. де Пон-л’Эвек (J. de Pont l’Eveque)* отрекался от креста, но не от *Распятого* (57).

Брат Иаков из диоцеза Труа (Troyes), имея большое замешательство перед отречением, увидел длинный меч, которым ему угрожали, и трижды вскричал: “*Я отрекаюсь от нашего Господа, поскольку вы этого хотите*” (58). Жилле д’Энкрей (Gillet d’Encrey) из диоцеза Реймса (Reims), когда ему предложили отречься, ответил, что не сделает этого, даже если ему отрубят голову (59). Когда им предлагалось разделить свои постели с братьями, некоторые думали в своем простодушии, что это делалось с благой целью предотвращения недостатка постелей (60); и если даже имеются признания крайней тяжести на сей счет (61), я поспешу сказать, к чести наших рыцарей, уже и так тяжко

скомпрометированных, что эти признания ограничиваются малым числом. Согласно их разнообразным характерам или более или менее опрометчивой ревности в исполнении испытаний, наконец, в соответствии с их невинностью или развращенностью, посвятителю были жестки, требовательны или, наоборот, сдержанны и терпимы (62). И все же, следя за действиями посвятителю, свидетели обладали большим или меньшим усердием для верного исполнения мистерий посвящения, и проявление снисхождения было рискованным (63). Хотя и нет открытого изобличения, несмотря на тихое неодобрение большинства братьев этим кошунственным практикам, навязанных поначалу им ими же самими. Отдельные посвятителю доходили до того, что говорили профессу: “Отрекайся, по крайней мере, устами” (64). Другие говорили посвящаемому: “Делай это, и ты исповедуешься” (65). Некоторые братья хотели идти в Рим умолять о прощении и просить о вступлении в другой религиозный орден (66); другие лишились покоя из-за того, что не могли исповедаться у капелланов ордена или епархиальных священников (67). Порой даже кажется, что иные посвятителю, если замечали, что их посвященные какое-то время после находились в подавленном состоянии, убеждали их не воспринимать всерьез все произошедшее (68): по мнению последних, это было лишь испытание послушания, не имевшее никакого последствия для веры (69).

Выражение “*Священные комедии*”, которым господин Мишле определяет мистерии Ордена Храма (70), быть может, является довольно мягким; со своей стороны, думаю верным, особенно когда вижу одного из посвятителю среди этих отвратительных мистерий, рассматривать их в высшей степени как *насмешку*! И действительно, когда Ж. де Бюффарам (J. de Buffarem), оруженосец ордена, принимался в часовне Тампля в Шам-Аллеман (*Champ-Allemand*) диоцеза Невер (*Nevers*), Райно де Бринон (*Raunaud de Brinon*), один из свидетелю, ему говорит, смеясь, чтобы преодолеть его отвращение к отречению от Христа и плевку на крест: “Не заботься об этом, это всего лишь шутка” (71). Можно удивляться как такие тяжкие тайны пребывали долгое время погребенными в душах, которых они иссушали (72); но прекращаешь удивляться, если начнешь размышлять над суровостью дисциплины, об

опасности, окружавшей разоблачителей (73), о тяжести клятвы, о преданности послушанию, о страхе оказаться нечестивцем и ренегатом, не будучи таковым на самом деле, и, наконец, о чувстве позора, что молва о стольких безобразиях могла бы отразиться на всем ордене, покрыв каждого из его членов насмешкой и бесчестьем (74).

Прежде чем решить вопрос о степени виновности ордена, надеюсь, читатель будет поражен одной вещью: тоном наивности и бесконечным разнообразием форм и обстоятельств признаний. Таково изучение нравов, несущее самый полный отпечаток правдивости. Это хотелось бы сравнить с совокупностью малого числа *отрицаний* и их, наоборот, поразительным однообразием: речь шла о надиктованных обязательствах, составленных на той же гербовой бумаге, каковые обладают официальной и согласованной печатью.

Королевские комиссары сначала ошеломили обвиняемых и, порой, вырывали из них свидетельские показания применением насилия, хотя тамплиеры и, в частности, их великий магистр протестовали (75), и когда они оказались в присутствии высоких церковных сановников (76), ведущих обсуждения спокойно и осторожно, то вновь обрели уверенность, и их свидетельские показания прониклись полной свободой. Опираясь именно на эти достойные доверия показания, я изучил большой процесс, который не должен впредь, как мне представляется, оспариваться, благодаря *важному документу*, чем я постарался обеспечить науку, столь соответствующему духу и сущности признаний, сделанных тамплиерами перед церковным священноначалием.

Перед лицом стольких обстоятельных признаний нельзя благоразумно приводить доводы в пользу невиновности ордена, исходя из протеста двадцати рыцарей, заключенных в Париже в аббатстве Святой Женеьевы (77), и тридцати других братьев, заключенных в доме *Иоанна Великого (Jean le Grant) в Пуант-Сент-Юстау (Pointe-Saint-Eustache)*. Вот их собственные слова и сама их речь: "*Il sont mort plus de vingt mil frer por la foi de Die outres mer. - Cant le Sasfet (78) fou pris, el souda se fe venir devant quatrevingt (79) frere del temple e lor dis ansi coma a presoniers que il reneguesse Dieu Jhesu-Christ lor creator en pena de las testas, les cals frere ne volgie Die renegar, ans en aisi touz perdero las testes por la fe de Dio, etc*".

(“Они мертвы более двадцати тысяч братьев за веру в заморского Бога. - Безумствуи Песнь Сасфета, он внезапно принес свою веру восьмидесяти братьям тампля и говорит им как узникам, предавшим Господа Иисуса Христа, их творца, по вине начальников, ни один из братьев не желал предавать Бога, ибо все потеряли головы за веру в Бога и пр.”)

Но что это доказывает против их мистерий? Разве оспаривались когда-нибудь преданность и отвага рыцарей Храма? Это были восхитительные рыцари, неукротимые на войне перед лицом их благородного знамени *босеан* (*beauceant*), готовые отдать жизнь за честь. Когда их насчитывалось только пятьсот, они сражались против пяти тысяч; в *Тибериаде* они почти все погибли, а выжившие отказались купить свою жизнь ценой принятия *ислама* (80). Какое бесславие для этих храбрых людей, какой позор, если бы они уступили страху, когда бы даже их вера оказалась не совсем чистой? Да, орден почти полностью был погребен под руинами *Птолемаиды*. Честь и хвала этой элите французского рыцарства! В Сафаде, о котором я сейчас говорил, нашлось только восемь отступников (81), и какими именами вы их назовете? Но если честь делается откровенной, честь может также заставить и отрицать: это вынудило сказать Мишле (82), что глава ордена, признав все как человек и благодаря смирению, мог все отрицать как великий магистр. И так, целиком свободные признания Ж. де Молэ (J. de Molay) несомненны; они удостоверены в Неизданных документах как очевидный и обретенный историей факт (83). Это должны решать не поэты, но спокойные и беспристрастные историки; по крайней мере, как тут не остановиться на суждении Данте, который, поставив историю с ног на голову, делает из Климента V пастыря *без закона*, а из Филиппа Красивого самодержца, полного слабости: вот почему он его помещает в ад ногами, стоящими в огне (84); к тому же, добавлю, как тут не остановиться еще и на суждении Райнуара (85).

“Сир, три тысячи их было!” (86)

Несомненно, я всегда готов, когда хочу отдохнуть в объятиях поэзии, принять Ж. де Мэйе (J. de Maille), одного из их неустрашимых великих магистров, за самого Святого Георгия посреди сражений; но я повторяю в последний раз, что есть два подводных камня, которые необходимо

избежать при обследовании подобного раскола: один из них — это видеть героизм в любом из пунктов; другой — видеть повсюду преступление и низость. Здесь не идет речь ни о мужестве, ни о вопросе чести, а дело касается оккультных вещей, обмана и, наконец, посвящения, против ожидания которых, как мы слишком хорошо увидели, простота и искренность чувств многих из этих храбрых рыцарей оказывались бессильными; речь идет о преступном присоединении к организации, где малое число под покровом мистерии торжествовало над подавляющим большинством братьев вопреки угрызениям совести и протестам последних. Великий человек, мнение которого на разные темы почти всегда становилось законом, высказал свое суждение по данному вопросу. И я могу привести его мнение в качестве решающего. *Наполеон* порицал трагедию Райнуара, говоря, что вместо того, чтобы ее сделать театральной, автор слишком занялся *выяснением общественного мнения на сей счет*. Он добавлял: “Полная невиновность тамплиеров и их полная развращенность одинаково невероятны” (87).

Теперь что касается Климента V и Филиппа Красивого: разве было доказано будто бы верное предположение об их смерти по вызову на Божий суд? Хотелось видеть чудесное в так называемых пророческих словах великого магистра, и друзья Ордена Храма не переставали поддерживать эту мысль; но *де Бособр* доказал, что ни король Франции, ни папа не умерли в сроки, которые им определил Ж. де Молэ в первые мгновения своей казни. Кроме того, не менее удивительно, как возникла мысль у сторонников тамплиеров о вмешательстве в их пользу божественного возмездия? Эта благочестивая ложь не является первой подобного рода в истории. Было бы более захватывающим увидеть ревностных защитников веры, вызывающих на суд тамплиеров в определенный день за отречение от Бога. Но посмотрите на постоянство народных настроений! Когда 13 октября 1307 года (88) после первой инструкции было оглашено по звуку охотничьего рожка, что духовенство и народ приходских церквей должны находиться в саду королевского дворца, чтобы заслушать там перечень беззаконий, в которых обвинялся орден (89), народ испытал чувство отвращения: *каждый осенял себя крестным знаменем и не хотел больше ничего слышать* (90). Когда

18 марта 1314 года великий магистр заживо сгорел на площади Дофина, народ ринулся к костру собирать пепел *мученика* и унес его как дорогую реликвию (91). Здесь два действия, которые казалось бы противоречат друг другу; но последнее все же истинно, поскольку так выразился протест по отношению к зашедшему слишком далеко правосудию того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Что касается этого тяжелого кощунства, то из показаний брата Жана де Шали (Jean de Chali), принятого в определенной комнате дома Тампля в Бюре, следует, что его проходили легко при отказе попирать крест, и что из двадцати братьев, которым вменялось данное требование, нашелся самое большее один, кто его исполнил. *Quod de viginti non conculeabat unus* (Doc. in., t. II, p. 264). В действительности, весьма редко видно, чтобы посвяtitель требовал подобного развития осквернения. Гуго де Бюр, которому это было приказано, не обратил никакого внимания на приказ (id., t. I, p. 205); но Жерар де Пазай (Gerard de Pasaye), наоборот, его исполняет, попирая ногами распятие (id., ib., p. 214). Раймон де Вассиньяк (Raymond de Vassiniac) попирает только плащ, положенный у его ног, вместо попания на нем места креста (id., ib., p. 233).

(2) “*Spuas supra istum in despectu ejus*”. (Doc. in., t. II, p. 384).

(3) Дающий свидетельские показания говорит о промежутке в шестнадцать лет, истекшем со дня его допроса, которому он подвергся в 1309 году. Он был тогда приблизительно в сорокалетнем возрасте.

(4) “*In capella domus Templi de Volenis, lingonensis diocesis*” (Doc. in., t. I, p. 506). В различных свидетельских показаниях читается как *Volenis*, *Vollenis*, и даже как *Vollanis*.

(5) Не стоит удивляться, увидев этого брата, во многом бережно относящегося к ордену, поскольку он был одним из тех в великом приорстве, кто вместе со Стефаном и Бонио из Вулена заявил о желании получить от него защиту (см. Doc. in., p. 71 et 77); и поистине, исходя из всех предосторожностей в церемонии посвящения брата Жана де Ромпрея, мне казалось, что более значимые мистерии ему должны быть

известны; тем не менее, он уходит от всего лишь своей осторожностью и исключением; тогда как, наоборот, с суровой лаконичностью, без разглагольствования, без обиняков, без траты времени на размышления и благодаря обету послушания, предшествовавшему инициации, и только таким образом предлагались чудовищные действия всем другим братьям. К свидетельскому показанию Жана де Ромпрея должно относиться осторожно, ведь оно уникально в своем роде в контексте многочисленных показаний тамплиеров. Ему нельзя слишком и не доверять, особенно когда уточняются благородные мотивы, которые его заставили сделаться как бы поборником ордена. И все-таки брат Бонио сейчас будет менее осторожным. “”

(6) В Ордене Храма были свои ремесленники: каменотесы и каменщики для строительства, земледельцы и братья, поставленные для охраны и выпаса скота и пр. (Doc. in., t. I, p. 249, etc.)

(7) “Tangendo quemdam librum” (Doc. In., t. I, p. 506). И в другом месте: “Tactis sacrosanctis Evangeliiis” (Id., ib., p. 601).

(8) “Nec vidit aliquem recipi, nam erat agricola; nec interfuit capitulis eorum”. (Doc. in., t. I, p. 508).

(9) Doc. in., t. I, p. 630. Это имя писалось как Воно, Воніо и даже как Воппо в различных фрагментах, где оно приводится.

(10) “Quod poterant ad invicem et cum aliis fratribus ordinis carnaliter commisserit, et id ipsum pati; nam, cum vovissem castitatem, non debebant accedere ad mulieres”. (Doc. in., t. I, p. 631).

(11) Брат Вильгельм де Льеж (Guillaume de Liege) уверяет, что беззакония, в которых обвинялись тамплиеры, были введены несколькими развращенными главами ордена; как и то, что многие из их высокопоставленных братьев являлись гордецами и угнетателями, всегда готовыми к вымогательству (Doc. in., t. II, p. 9). Брат Радюльф де Таверниак (Radulphe de Taverniac) подтверждает, что его посвяtitель говорил ему, что непозволительные вещи требовались от всех братьев, даже наиболее благородных и наиболее могущественных: “Et quia omnes fratres dicti ordinis, quantumcunque nobiles et potentes, hoc faciebant” . (Doc. in., t. I, p. 627).

(12) Он добавлял: “Я оставляю свою скупость монахам-цистерцианцам, а свое сладострастие серым монахам”. Это было

приведено в качестве простой исторической цитаты, ибо я далек от желания здесь становиться критиком монашеских орденов.

(13) “*Frater Guillelmus de Giac, bisuntinensis diocesis, dixit quod ipsi prohibent rem cum mulieribus, sed non prohibet de hominibus*” (Doc. in., t. II, p. 290). Брат Матиас д’Этэ (Mathias d’Etais (de Tabula) (id., p. 381) говорит о той же самой вещи, не придавая ей никакого смысла; но брат Робер де Сюрвилль (Robert de Surville) добавляет, что его посвяtitель ему сказал, что будет лучше доверять свои собственные секреты братьям ордена, нежели женщинам: “*Et credit quod per hoc injungeret sibi quod ipse et alii fratres commiserent se carnaliter ad invicem*”. (Doc. in., t. II, p. 292). - Брат Николай де Мениль (Nicolas de Mesnil) получил указание полностью воздерживаться от женщин, дабы орден не был выставлен ими в позорном свете: “*Et postea injuxit sibi (suus receptor) quod omnino abstineret a mulieribus, et si calor naturalis urgeret eum ad incontineciam, quod ipse et alii fratres ordinis refrigeresceret se unus cum alio, nec ordo diffamaretur pro mulieribus*” (Doc. in., t. II, p. 404).

(14) Тамплиеры имели много других домов в Бургундии. Таковые суть: Пон-Обер (Pont-Aubert), Нормье (Normier), Фоверней (Fauverney), Сен-Филибер (Saint-Philibert), Рюффей (Ruffey), Ис-сюр-Тиль (Is-sur-Tille), Кюртиль (Curtill), Авалёр (Avaleurs), Маньи-Ламбер (Magny-Lambert), Семарей (Semarey), Пари-Лёпиталь (Paris-l’Hopital) и др. (Courtepee, 2 ed., t. I, p. 145).

(15) “*Juravit super missale, posita manu in loco ubi erat canon Misse, mandante, dicto receptore, quos esset obediens preceptis superiorum suorum ordinis*”. (Doc. in., t. I, p. 296).

(16) Именно так я его называю из уважения к своим читателям, ибо вот латинский фрагмент: “*Quod adhuc obmittebat unum de punctis ordinis, videlicet de osculo posteriori; et tunc dictus receptor surgens et levare incipiens pannos suos retro, dixit eidem testi quod surgeret et oscularetur eum retro in ano; et cum idem testis surrexisset obedire volens propter juramentum praestitum per eudem, dictus receptor dixit ei quod remittebat sibi dictum osculum quia erat sacerdos*”. (Doc. in., t. I, p. 296).

(17) В общем, сана священника было достаточно, чтобы избавиться от постыдных поцелуев. Из-за имевшегося сана от поцелуев был

освобожден брат Стефан из Дижона (Etienne de Dijon) (см. Doc. in., t. I, p. 301); и все же священство не всегда служило защитой против этого позорного обычая, как мы увидим сейчас на примере церемонии принятия Эмерика де Бюра, священника из диоцеза Лангра.

(18) “In capella domus Templi de Espalhiaco diocesis lingonensis, или apud Espeilleum”. (Doc. in., t. II, p. 53 et 297).

(19) Lathomus. На самом деле у тамплиеров были свои ремесленные подразделения, о чем я уже говорил.

(20) Очень малое число свидетельствующих смешивали подобным образом Бога со Христом во время отречения; но очевидно, исходя из категорических заявлений огромного количества свидетельствующих, что речь идет именно о Христе. Впрочем, эта крайне редкая недостоверность хорошо и естественно объясняется растерянностью посвященных. Хотя отречься от Бога было бы бессмыслицей, ибо отречение от Христа, наоборот, имело целью признание только одного Бога. Это мнение мной будет развито немного позднее.

(21) “De Castellione super Sequanam”. (Doc. in., t. II, p. 53).

Обычно тамплиеры могли исповедоваться только у священников ордена, по крайней мере, пока не получали позволения исповедоваться у других. Это то, о чем хорошо рассказал брат Гарен, хотя и добавил, что к нему не применялось данное условие (*id.*, *ib.*) Другой брат говорил, узнав у П(атера) де Беза (P. de Beze), капеллана ордена и кюре церкви в Булене, что тамплиеры должны исповедоваться лишь у самих орденских священников, в противном случае, им необходимо специальное дозволение, поскольку епархиальные священники без него никак не могли отпускать грехи. (Doc. in., t. II, p. 297).

(22) “Osculatus fuit recipientem in ore et postea in fine spinae dorsi”. (Doc. in., t. II, p. 297).

(23) “Despiciendo Dominum Jhesum Christum qui passus fuit in ea”.

(24) “Apud Castellionem super Seccanam lingonensis diocesis”. (Doc. in., t. I, p. 317).

В Шатийоне существовало командорство, строения которого еще виднеются недалеко от проспекта Шарма (de la Charme). Эти строения принадлежали Мальтийскому ордену после упразднения Ордена Хра-

ма, находясь напротив Дижонских ворот, ныне разрушенных; местоположение строений частично вклинивалось в прекрасное земельное владение господина де Фрамери (M. de Framery). - Тамплиерам также принадлежала в Шатийоне церковь Святого Теобальда (Saint-Thibaut) в нескольких шагах от мельницы на Сене при въезде на дорогу к Монбару (Montbard).

Часть прибыли от госпиталя Святого Германа (Saint-Germain), одного из самых древних шатийонских учреждений, отдельные следы которого можно еще заметить у церкви Святого Николая, принадлежало великому приору Шампани по дарованию епископа Лангра, сделанному тамплиерам в 1145 году и одобренному папой Урбаном II в 1180 году. Отсюда виден дом Храма в Шатийоне, относившийся к великому приорству Шампани. (см. Courtepee, 2 edit., t. IV, p. 186).

(25) "Praeceptorem dicti loci". Это было подкомандорство или прецептория простых домов, зависящих от командорств.

(26) Это был, несомненно, миссал, как и в случае принятия Готье де Бюра, о чем я уже говорил.

(27) Sed dictus receptor praecipit et quod oscularetur eum magis infra.

(28) Doc. in., t. I, p. 632, et t. II, p. 368.

(29) Главный дом или командорство тамплиеров в Дижоне, говорят дижонские предания, располагался в предместье Сен-Пьер (Saint-Pierre) на юг от церкви Святого Петра: оно находилась на том месте, где видны сейчас врата Святого Петра напротив бьющего ключа воды. Местоположение Тампля было между этой церковью и башней Фондуар (Fondoire) или Фондор (Fondeur), то есть бастионом, над которым проходит по земляному валу, улица Шеньо (Chaignot). Итак, чтобы построить бульвар так, как он существует до сих пор, губернатор Луи де ла Тремуаль (Louis de la Tremoille) снес Тампль в 1513 году и, чтобы возместить убытки рыцарям Святого Иоанна Иерусалимского, которым после угасания тамплиеров принадлежали эти строения, Франциск I возвел из материалов, остававшихся от Тампля, церковь Магдалины или командорство Мальты. Виден еще верх этого здания со стрельчатым окном, украшенным мальтийским крестом, на углу улиц Магдалины и Школы права (прежняя улица Портель) напротив жилища привратников.

Независимо от этого главного дома тамплиеры владели другими домами в самом Дижоне, среди которых дом, называемый Мейкс дю Тампль (Meix du Temple) или маленький Тампль Дижона, располагавшийся рядом с башней, именованной Часовня Шатра (тюрьмы) Святого Бенигна (Saint-Benigne), потому что, говорят, в ней был заключен Святой Бенигн (+ 200 н. э.), апостол Дижонский, и где, как повествует аббат Фио (Fiot), он отдал свою жизнь за Иисуса Христа. Признаки этой башни можно увидеть в доме по улице Школы права на очень небольшом расстоянии от командорства Магдалины, о котором я рассказал.

Главное командорство, маленький Тампль и другие постройки относились к великому приорству Шампани (Courtepee, 2 edition, t. II, p. 117). Согласно тому же автору монахи Храма имели с 1260 года один дом на улице де ла Порт или башни Фондуар или Фондор, улица, носившая в XIV веке имя де Крэ (des Crais), которая называется сегодня улицей Святой Анны (Id., t. I, p. 428). Что касается командорства в предместье Сен-Пьер, то оно было (исходя из Courtepee, t. II, p. 177) реально основано в пользу ордена Святого Иоанна Иерусалимского к 1190 году герцогом Гуго III (Hughes III), в награду за службу, оказанную ему монахами ордена в Святой Земле.

Это должно внушать определенное недоверие к Куртепэ в интересующем нас вопросе: видно, что данный автор смешивает ворота Фондуар, находившиеся в конце улицы Шеньо, с воротами Нанксион (Nanxion), располагавшимися на краю улицы Мезон-Руж (Maison-Rouge) (см. старые карты Дижона) и дает в одном и том же взятом месте два дома тамплиеров вместо одного.

Вот более четкие доказательства:

“Поскольку аббатство Святого Стефана, - пишет аббат Фио (История церкви аббатства Святого Стефана — Histoire de l'église abbatiale de Saint-Etienne, p. 126), - создавало препятствие зданию, которое рыцари Храма, вульгарно называемые тамплиерами, хотели соорудить в их дижонском доме, размещавшемся в приходе Святого Петра, то об этом препятствии было доложено в Рим, и папа Александр III в 1168 году принял решение в пользу Ордена Храма: “Eisdem fratribus oratorium et cimeterium in praescripto loco adjudicavimus” (Id., ib., p. 405. Доказательства).

Дом тамплиеров и зависящие от него строения были вклинены между контрфорсами (*les directs*) базилики Святого Стефана и владениями Святого Бенигна: так назывались монастырь или *semeterium* (кладбище) Святого Бенигна. Это имение тамплиеров занимало большое пространство между стенами каstrума и сельского предместья Дижона. Оно должно было располагаться в виде обширного треугольника между улицами Сен-Пьер, Мельниц (*des Moulins*) и Бордо-Марго (*Bordot-Margot*), продолжавшегося, естественно, вне стен от улицы Шенью. Следовательно, оно занимало все направление нынешнего земляного вала между улицами Сен-Пьер и бастиона напротив улицы Шенью.

Тамплиеры обладали некоторыми постройками в окрестностях Дижона. В Фовернее им принадлежал дом или часовня со всеми подсобными помещениями. Они имели также дом в Талане (*Talant*), доказательство существования которого приведено господином Гарнье (*Garnier*) в своих превосходных воспоминаниях о Талане. Этот последний дом упирался в стену крепостного ограждения напротив сада современного курорта.

(30) “*Et obtulit se velle fieri servum esclavum ordinis*”. *Doc. in., t. I, p. 632.*

(31) Село в двух километрах от Дижона.

(32) “*Dictus recipiens osculatus fuit ipsum in fine spinae dorsi, in umbilico et in ore*” (*Doc. in., t. II, p. 368*). Представляется, что посвяtitель имел выбор: либо принимать поцелуи, либо самому целовать. В принятии Родольфа де Гранвиллье (*Rodolphe de Grandvilliers*) посвяtitель сам берет на себя эту заботу: “*Item dixit quod recepiens fecit cum spoliari usque ad camisiam, et osculatus fuit ipsum receptum in fine spinae dorsi, in umbilico, et demum in ore*”. (*Doc. in., t. II, p. 354*).

(33) Представляется, что кошуинства ослабевали по мере удаления от великого центра резиденции ордена, которой являлся парижский Тампль, где великий магистр держал свой двор. Можно сказать и так: поскольку последний обладал достоинством владетельного князя, то великие сановники Франции домогались чести иметь столь же блестящий титул. Различные кошуинства, которые ставятся в вину братьям, тщательно соблюдались в Тампле Парижа, а также в командорствах и

домах, относящихся к его ведению, и в них все совершалось согласно требованию: трижды отречься от Христа, трижды плюнуть на крест, исполнить три поцелуя (*in ore, in umbilico, et in spinae dorsi*) (в губы, в пупок и в копчик — В. Т. - Г.), послушаться совета об отвратительных отношениях и пр. Все эти чудовищные практики имели место без послаблений. В провинциях и вдалеке от источника порока или правила, наоборот, определенные похвальные слабости и определенные счастливые уступки спешили умерить нечестивый аспект вещей: так, в диоцезе Труа посвяtitель, действительно, появлялся совсем голым; но профессор целовал его только в плечо (Doc. in., t. I, p. 254). В диоцезе Э (d'Aix) посвяtitель допускал то, чтобы профессор аллегорически изображал срамной поцелуи (*id., ib., p. 425*). Чаще всего здесь гротеск смешивается с гнусностью: когда Пьер д'Арбле из парижского диоцеза, но проходивший посвящение в провинции, отказался целовать *in umbilico*, то посвяtitель ему сказал: “Ergo osculeris me in ano”. “Боже мой, нет”, - живо поправился профессор, поспешив исполнить поцелуи *in umbilico* (Doc. in., t. I, p. 497). Более или менее похожая сцена имела место в диоцезе Сэнт (*id., t. II, p. 24*). Когда Эудес де Бюр (Eudes de Bure) заявил, что не отречется вовсе от Иисуса Христа, то один из присутствующих ему ответил, что он мог бы тем более не колебаться, ибо в их стране отрекались от Бога сотню раз за одну блоху. Только эта грубая и постыдная шутка и привела к отречению, но посвящаемый его произнес лишь устами, принявшись рыдать столь горько, что брат Вильгельм де Люр (Guillaume de Lurs) сказал другим свидетелям: “Оставьте его; иначе, его сделаете сумасшедшим”. И его на самом деле оставили в покое, отказавшись его заставлять плевать на крест, импровизированный ими из двух палок: “*super quandam crucem ligneam factam de duobus baculis*” (Doc. in., t. II, p. 110).

(34) “Ab aliquibus perversis de superioribus ordinis”: это выражение самого брата Вильгельма де Льежа (см. Doc. in., t. I, p. 9). По данным Жерала де Мюрсака из диоцеза Сэнт, некоторые из еще живущих тамплиеров сделали виновными в промискуитете, когда находились за морем: “Aliqui ex fratribus existentibus ultra mare perpetrabant crimes sod”. (*Id., t. II, p. 213*). Ж. Инкмет де Лондре (J. Hincmete de Londres), всячески защищая орден от этого тяжелого обвинения, добавляет: “Quod ultra mare aliqui fratres inter se commitebant illud peccatum sod”. (*Id., t. I, p. 193*).

(35) Это здоровое размышление, высказанное мне знатым человеком и превосходным знатоком патером Лакордэром (P. Lacordaire). В самом деле много тамплиеров на допросах выражали свое удивление, почему члены ордена, которые знали об отвратительных мистериях их не отменили и не разоблачили в Церкви (Id., t. II, p. 3 et 83).

(36) “Quod non dimitterent ordinem pro meliori et pejori”. (Doc. in., t. II, p. 236).

(37) Doc. in., t. I, p. 207; et t. II, p. 7 et 20.

(38) Это слово, которое часто повторяется в течение посвящения. После обета послушания они были связаны “statim pro professis habebantur”. (Doc. in., t. II, p. 85, 102 et passim.)

(39) T. I, p. 501: “Когда спрашивали брата Жерара де Пазажка (Gerard de Pasage), не совершил ли он грех, плюнув на крест, он отвечал, что да, но сделал он это по причине данной им клятвы послушания” (Doc. in., t. I, p. 214).

(40) Doc. in., t. I, p. 184.

(41) Id., t. II, p. 192.

(42) Id., t. II, p. 367.

(43) Id., t. II, p. 359.

(44) Id., t. I, p. 188.

(45) Id., t. II, p. 263-333.

(46) Id., t. I, p. 270 et 425.

(47) Id., t. II, p. 256, 260.

(48) Id., t. II, p. 296 et 250.

(49) Id., t. II, p. 389.

(50) Id., t. II, p. 342.

(51) Id., t. II, p. 354.

(52) Id., t. II, p. 264.

(53) Id., t. II, p. 176.

(54) Id., t. II, p. 179.

(55) Id., t. I, p. 331.

(56) Id., t. II, p. 278.

(57) Id., t. II, p. 376.

(58) По свидетельским показаниям Готтфрида де Татана (Geofroid

de Thatan) из диоцеза Тура формула отречения была следующей: “Je reney Jhesu, je reney Jhesu, je reney Jhesu”. (Doc. in., t. I, p. 222).

(59) Id., t. I, p. 249.

(60) “Ipse tamen testis non intelligebat in hoc aliquid malum, sed quod hoc fierat propter penuriam lectorum”. (Т. I, p. 317).

(61) Смотреть о фактах совершения промискуитета, т. II, p. 122, 137, 213. Брат Ж. де Тортавила (J. de Tortavilla) не считал за грех и отношения с теми, кто и вовсе не входил в орден. Он называет того, с кем состоял в сожительстве. (См. т. II, p. 286). Один брат из диоцеза Безансона рассказывает, что великий магистер ордена трижды его обманным образом использовал в течение одной ночи на Кипре. (Т. II, p. 290). Другой брат называет того, кто его утащил в сторону и кому он не осмелился противоречить отказом по причине предписания, сделанного ему во время посвящения. (Id., p. 294). Несколько братьев говорили, что они занимались этим в здравом сознании, ибо их статуты имели для них силу закона.

(62) Вследствие толерантности, о которой я говорю, братья могли делать вид поцелуев и плевков: “finxit et sputum non emisit” (Doc. in., t. I, p. 356 et 359). Несколько раз наиболее срамной поцелуй совершался только в пояс или на рубашку: “super braccale, circa zonam, supra camisiam” (Id., t. II, p. 38, 40). Брат Эван Фили (Even Phily) говорит, что подставил свою щеку, но не губы: “ad illam partem inferiorem” (Id., ib., p. 372). Брат Буан (Boin) рассказывает, что живот брата Демара (Demar) был настолько большой, что он без труда изобразил поцелуй in umbilico, чего он коснулся лишь носом: “sed nunquam tetigit nisi de naso”.

(63) Именно это известно о рыцаре Готфриде де Гонавила (Gaufrid de Gonavilla), прецепторе Аквитании и Пуату, посвященном в орден в лондонском Тампле братом Робертом де Тортевилем (Robert de Torteville). Когда последний открыл посвящаемому печальный перечень кошунств, коим ему необходимо было подвергнуться и который разрушил все идеи такого юного благородного человека как Гонавила, бедный брат спросил о том, где были его дядя и другие добрые люди (bone gentes), приведшие его в подобное место. Посвятитель, видя его сопротивление, говорит ему: “Если ты хотел мне клясться на Святых Евангелиях Бога, которые ты признаешь, если братья тебя об этом просят,

то ты делай все, что я от тебя требую, а я окажу тебе в этом полное снисхождение”. “Я клянусь”, - тотчас ответил Гонавилла, и посвяtitель его отпустил после следующей маленькой церемонии: брат Роберт закрыл рукой крест, чтобы профессор плюнул ему на руку, положенную таким образом. Гонавилла объясняет нам причины данной крайней осторожности: он и его дядя, являясь семьярами (близкими друзьями) короля Англии, оказали много услуг брату Роберту: когда последний нуждался в этом, его неоднократно вводили в покои английского короля. Гонавилла признает, что имея обязательство принять последовательно пять рыцарей, он их оберегал равно как и сам был обережен; но однажды он находился в церкви, чтобы слушать мессу некоего брата Бернарда, уже одевшего белый стихарь в ожидании другого брата, чтобы ему исповедаться, и Бернард обратился к Гонавилле со словами: “Господин, знайте, что против Вас замышляются определенные вещи и что ходит какое-то писание, в котором Вы изобличали великого магистра ордена и показывали на других братьев как не соблюдающих статуты” (Doc. in., t. II, p. 398).

(64) “*Saltem dicas hoc ore et non corde*”. (Id., t. I, p. 571).

(65) Doc. in., t. II, p. 265.

(66) Это были братья Матьё де Бовэ (Mathieu de Beauvais), Жан де Безенкур (Jean de Besencourt), Жан де Жувињи (Jean de Jouvignie), Родольф де Гардевилье (Rodolphe de Gardevillier), Жан де Трошинкур (Jean de Trochincourt), Пьер де Созоле (Pierre de Sausaulay), Режиналь д’Арживилла (Reginald d’Argivilla), Бернар де Соммевё (Bernard de Sommeveux) и др. (Doc. in., id., p. 285).

(67) Один из кающихся принял отпущение с условием заявлять об этом на тринадцати мессах Святого Духа (Id., t. I, p. 313). Эмерику де Бюру предписывалось поститься тринадцать пятниц на хлебе и воде (Id., t. I, p. 318). Радульф де Жизи исповедуется брату Жану из Дижона, который совершает крестные знамения и налагает на него пост и вериги: “*Incipit se signare et obstupescere, sed finaliter absolvit cum imposita penitencia quod frequenter acciperet disciplinas fortes et duras secrete, jejunaret, etc.*” (Id., t. I, p. 399)- Один монах из братьев-миноритов (францисканцев) предписывает для покаяния Жану де Сен-Жюсту (Jean de Saint-Just)

самобичевание с чтением псалма “Помилуй мя, Боже...” — “Miserere mei”. (Id., t. I, p. 399).

(68) Посвяtitель Одон де Бюр из диоцеза Лангра говорит ему спустя несколько дней после посвящения: “Quod non curavet, quia pro trufafecerat supradicta” (Doc. in., t. II, p. 110). Итак, известно, что старо-французское слово *truffa* означает насмеяться (см. Lacombe).

Один из братьев-сержантов, принимавший участие в посвящении рыцаря Бертрана Гюаска (Bertrand Guasc), говорит ему спустя некоторое время, что все это делалось как бы в шутку, чтобы его проверить: “ad probandum eundem et causa joci seu truphae”. (Id., t. II, p. 260).

(69) Некоторые братья говорят о почитании креста в их церемониях и протестуют с большим простодушием своих ортодоксальных чувств (Doc. in., t. II, p. 241, 245). Брат Бернард говорит, что тамплиеры почитают крест трижды в год, а именно: в два праздника Святого Креста в мае и сентябре и более торжественно в Страстную Пятницу, которую они проводят без оружия с босыми ногами и покрытыми головами, распростершись на коленях. - И вот на языке того времени сакраментальные слова поклонения:

“Ador te Crist, et benedesc te Crist, qui per sancta tua croi nos resemist!”

“Я тебя почитаю Христос, я тебя благословляю, о Христос, искупивший нас на своем Святом Кресте!” (Doc. in., t. II, p. 503).

(70) См. Histoire de France de M. Michelet, t. III, p. 127.

(71) “Non cures, quia hoc non est nisi quaedam truffa... Quod receptor dixerat et pro trufa”. (Doc. in., t. I, p. 510).

(72) Представляется, что в этом нечто обнаружилось, ведь согласно услышанному братом Ренаром де Бором (Renart de Bort), рыцари госпитальеры Святого Иоанна Иерусалимского, делая намек на простую акколаду их ордена, намеривались высмеять то, что тамплиеры делали на полном серьезе: “Audivit frequenter improperei sibi et aliis fratribus ordinis jocosae ab hospitalariis quod in eorum receptionibus osculabantur tantum in ano”. (Id., t. II, p. 153).

(73) После приведения к присяге братьям внушалось, чтобы ни в коем случае ими не раскрывались секреты ордена, они предупреждались, что

если нарушат свою клятву, то будут помещены в тюрьму, где вскоре и умрут или из которой уже никогда не выйдут: “Quod si revelaret, poneretur in carcere in quo cito moreretur, vel nunquam de eo exiret.”

(74) Брат Гервасий де Бовэ (Gervais de Beauvais) однажды говорит Родольфу де Прелю (Rodolphe de Preles), что в ордене имелся столь существенный для сокрытия пункт, что гораздо лучше не снести головы, чем его разоблачить. (Doc. in., t. I, p. 175).

(75) Т. I, p. 87.

(76) Это были архиепископ Нарбонна и епископы Лиможа, Манда и Лизье.

(77) Среди этих первых были Пьер де Люньи (Pierre de Lugny) и Стефан де Биссей (Etienne de Bissey), бургундские тамплиеры.

(78) Крепость Сафад (Saphad).

(79) Пишется так: ШШхх (См. t. I, p. 170, из Doc. ined.)

(80) Recueil de Bar, ordres religieux et militaires; Paris 1785 (Сборник Бара, Монашеские и военные ордена; Париж 1785).

(81) В 1266 году рыцари Храма, осажденные в Сафаде султаном Египта, сдались после сорокадвухдневной осады. В нарушение условий капитуляции и человеческих прав султан предложил на следующее утро либо переход в магометанство, либо смерть. Приор Сафада провел ночь в увещевании своих братьев умереть; и из шестисот тамплиеров, которые там оставались (это число искажали до трех тысяч), только восемь оказались вероотступниками. Все другие приняли смерть через отсечение головы (Recueil de Bar).

(82) M. Michelet, Histoire de France, t. III, p. 203.

(83) Хотя они и давали клятву ничего не разглашать, я не хочу рассматривать Ж. де Молэ и его товарищей по несчастью как неких упрямых еретиков, предпочитавших скорее терпеть все муки, нежели признавать свои преступления; таковыми являлись присциллиане, правилом которых было: “Jura, perjura, secretum prodere noli”. Клянись, отрекайся, неважно, но не выдавай секрет (см. Бособр). Я думаю гораздо лучше толковать о простодушии, а также лояльной и военной откровенности рыцарей Храма, признавая искренность их свидетельств.

(84) “.....Un pastor senza legge

.....
 Nuovo Jason sara di cui si legge
 Ne' Maccabei: e come a quel su molle
 Suo re, cosi fia a lui chi Francia regge” .

(Il Dante. L'Inferno, canto XIX).

“Пастырь без закона..... это будет новый Ясон, подобный тому, о ком говорит книга Маккавеев; и поскольку его король был слабым по отношению к другому, так будет для всякого самодержца Франции”.

(85) На том, что касается мнения виновности тамплиеров, разумеется; ибо никто не проповедует большего почтения к памяти, трудам и знанию Райнуара; и я рассматриваю как очень достойным для меня осмелиться утяжелить перчатку, брошенную на арену этим прославленным академиком.

(86) Мариньи, передавая королю рассказ о капитуляции Сафада, говорит:

“Им перерезали всем горло; Сир, три тысячи их было”. (Райн. Траг. Тамплиеров, акт I, сцена 5). Если бы поэт посоветовался с историей, то значительно бы снизил число этих благородных жертв. В битве при Тибериаде, которая оказалась гораздо пагубней и которая осыпала цветами рыцарство Храма, потери были намного ниже цифры, принятой поэтом по случаю сдачи Сафада.

(87) См. Мемуары господина де Боссе (les Memoires de M. de Beausset); см. еще на сей счет Дамаз-Инара: Наполеон, его мнения и суждения - Napoleon, ses Opinions et Jugements, par Damas-Hinard, 1838.

(88) День ареста тамплиеров в Париже и во всей Франции.

(89) Recueil de Bar.

(90) Michelet, Histoire de France, t. III, p. 206.

(91) L'abbe Velly, Histoire de France.

РАЗЫСКАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОТРЕЧЕНИЯ, ВЫРАЖЕННОГО В НАДПИСИ НА ШКАТУЛКЕ СЛОВОМ TANKER И ПР.; О ЗНАЧИМОСТИ ЛАТИНСКОГО ЭПИТЕТА GERMINANS

Решение этого тяжелого вопроса *антихристианской метафизики*, если угодно мне позволить рассуждение о ее происхождении, скрыто в тысячах изгибах многочисленных сект *гностицизма* (1). Значит, необходимо, поднявшись к истоку сект, постепенно изучать с моим читателем их родство, пока некоторые из следов нас не выведут на дорогу. Это сложная вещь, ведь нам понадобится пройти настоящий лабиринт сирийского, греческого и восточного эклектизма (2).

Именно еврейская школа Сирии (3) берет на себя пагубную инициативу: Симон Иудей или Волхв, современник апостолов, являлся главой этих *закройщиков христианства*, которые не могли сбросить иго Ветхого Завета, чтобы прилепиться к Новому, и оставались монотеистами в полном смысле этого Ветхого Завета, признавая только проявления или модусы существования Верховного Существа, взятые в его собственных свойствах (4). Первым в этом порядке проявлений, согласно гностикам, была *премудрость*. Все их секты принимали данный принцип, отличаясь друг от друга лишь по *синонимическому ряду*. В действительности, Симон дал этой первой концепции Верховного Существа имя *Елены*, другие ее называли Эннойя (греч.), трети София (греч.) (5) и т. д. По учению симониан, *премудрость* есть мать всего сущего. *Эбион* (6), рожденный первоначально в иудейском вероисповедании, также отрицал божество Христа в этом смысле; для него Спаситель перед своим крещением был простым сыном Иосифа и Марии (7). Затруднение для евреев, преданных Моисееву закону и всему своему материальному достоянию, свободно вступить на путь христианской духовности, создала первых гностиков и увлекла в это ложное знание, даже после истинных обращений в христианство, наиболее умных людей. Это происходило особенно в Сирии, как средоточии между древней и новой мудростью народов; ибо истине между нами не дано торжествовать без распрей: следовательно, евреи

явились первым и никак не меньшим препятствием христианского торжества. По обыкновению *Эбиона* не относят к первым гностикам, поскольку его христианство уже более чем решенное; но я старался показать на примере затруднения, что испытывали первые христиане из еврейского народа в совлечении ветхого человека для нового. Эти первые неофиты определялись достаточно справедливым эпитетом, называясь *иудействующими христианами*.

Секта Симона, истинного отца гностицизма, имела много сторонников; но затмившим всех других был самаритянин *Менандр* (8). Он признавал Верховное Существо, которое, однако, никогда не проявлялось перед людьми; множество *гениев* исходит от этого Верховного Существа, образовавшего мир; творческие ангелы заключили человеческую душу в материальные органы, и добродетельные гении смягчили участь этой узницы-души (9). Менандр обладал чем-то от честолюбия лжепророков, которые позднее отягощали своим игом те же самые страны. Он считал себя посланцем высшей силы Бога и намеревался крестить от своего собственного имени (10).

У Менандра были многочисленные ученики в Антиохии (11), и с первого века истории Церкви *Сирия* стала очагом всех ухищрений разума против чистоты Евангелия. Второе столетие, наиболее плодотворное и пылкое в плане гностического брожения, знало ученика Менандра *Сатурнина Антиохийского* (12), предложившего новым ученикам новый эклектизм, составленный, по словам господина Маттера, *из всего из ряда вон выходящего в окоружавших его верованиях* (13). В действительности, эта система включает в себе признаки *дуализма Зороастра*, и уже идеи Персии спешат смешаться с идеями сирийских филологов.

Вот сущность этой системы: семь ангелов уклонились от господства Высшего Существа, создав мир без его участия и без его ведома; но Высшее Существо, приняв видимую форму, пришло обозреть произведение семи ангелов и увидело существо, ползающее по земле, но имеющее образ, подобный своему. Этой несчастной тварью являлся человек. Бог оказал ему сострадание, и чтобы поднять то, что имело

отношение к его собственному образу, он ниспослал на это существо искру, *луч божественной жизни* (14), и тогда человек выпрямился с благородством и вознес свои взоры к небу (15). Вот, несомненно, великолепный миф; но здесь нужно отметить следующее: физический беспорядок, несовершенство и, наконец, зло признаются происходящими от существ или начал, нижестоящих Богу. Эта еще новая в сирийском гностицизме идея вскоре станет плодотворной в гностических школах по мере того, как они углубятся в исследование *происхождения зла*. Мало было дать человеку душу: стало необходимым покровительствовать ему против тирании семи ангелов! Вот почему Бог послал своего Сына, который благодаря своей божественной сущности не мог быть вовлеченным в материальные органы и *принял смертное тело только внешне, пострадал и умерев за людей тоже внешне*. Таким образом, Сатурнин (16), спасая Бога от приписывания Ему зла, намеревался спасти и божество Иисуса Христа от скверны плотских оболочек.

Одновременно (17) *Василид и Карпократ*, оба представителя александрийской школы, одинаково занимались происхождением зла, фундаментальным вопросом, поставленным впервые намного раньше в Персии Зороастром и возмущившим тогда весь Восток, Сирию и Египет (18).

Согласно *Василиду*, создали мир ангелы, занимавшие последнюю небесную сферу, и нет ничего удивительного в том, что зло здесь царствует наравне с добром (19); но тогда, по крайней мере, Верховное Существо не ответственно за это зло; и все же, чтобы его побороть, не дав ему распространиться, оно послало в низший мир свою *премудрость* (нус — греч.), которая, облачившись в человеческие формы, приняла имя Иисуса. Евреи намеревались ее умертвить на кресте, но она вознеслась на Небо, оставив вместо себя *Симона Кириянина*. Отсюда, как говорит Святой Ириней Лионский, и заключение, что не нужно верить в Того, Кто был распят (20). *Василид* расчленил Верховное Существо на восемь великих проявлений: это *огдоада*, о которой я уже вел разговор с моими читателями (21).

Карпократ, чтобы найти происхождение зла, подогнал иудаизм под христианство, и суждения Востока под греческие философские системы;

этот эклектизм, казалось бы, сделал свою систему почти космополитической. Исходя из воззрений этого сектанта, *Иисус Христос*, сын Иосифа и Марии, был намного более, чем всякий другой смертный, наделен энергичной душой (22). Души, изначально являвшиеся небесными и чистыми, были подчинены телам лишь для того, чтобы забыть Бога. Фатальное забвение снизошло *в телесный мир*, где души подчинялись ангелам-творцам этого телесного мира. Вот почему Иисус Христос, обладая душой сильной закалки, сопротивлявшейся этим ангелам, смог освободиться от телесного мира, чтобы вернуться в свое небесное отечество. Та же милость полагалась душам, которые бы подражали Иисусу Христу (23). Эти идеи приближались к христианскому спиритуализму, но нашлись сторонники Карпократа, искажившие его систему, считая, что нужно было в той же мере почитать и ангелов творцов: они придерживались мнения, будто душа должна платить как бы долг телесным связям, чтобы раньше освободиться от них. Из этого ложного посыла следует, что дела похоти не только позволительны, но и предписаны; отсюда добрые и злые действия безразличны по своему естеству, или скорее нет ни добрых, ни злых деяний (24). Василидиане еще больше усовершенствовали этот мистицизм: они выделяли совершенных, чьи души были настолько возвышены над материальным миром, что чистота никак не могла в них исказиться из-за всякого чувственного сладострастия (25). Стоит ли удивляться наибольшей развращенности нравов среди этих странных сектантов, и становится понятным, почему *Святой Иероним* называет Василида *господином распутств* (26).

К середине II века появился Валентин, иудейского происхождения, рожденный в Александрии (27). Он замкнул круг эклектизма Василида. Находясь в замешательстве, как и последний, производить зло от одного и того же творческого начала, он вообразил поначалу в материи части различного характера: одни — правильные; другие - неправильные и несовместимые между собой. Бог образовал благодаря содействию первых правильные тела; но поскольку он пренебрегал другими, они внесли беспорядок в мироздание (28), который необходимо стало устранить, и именно системой *эманаций* Валентин объясняет это великое

событие сверхъестественного порядка. Согласно этому пестрому сектанту, вобравшему в себя христианский, персидский и греческий эклектизм, *вечность и непостижимость* характеризуют Верховное Существо (29); зоны или эманации того же самого естества, что и Верховное Существо (30), исходят от него как свет исходит от солнца. Для своего проявления, пребывая бесконечные столетия в покое и тишине (31), Верховное Существо использовало свою мысль (32), и первая проистекшая из него эманация была *премудрость* (33); *женский эон или аналог мужского эона* (34), и первый эон или перворожденный эон творения есть *Иисус* (35); однако, не желая делать смертным существо, ишедшее от Бога, поскольку мы все умираем, Валентин признавал *Высшего Христа*, соединившегося с эоном Иисусом во время земной миссии этого Спасителя людей (36).

Два сектанта во многом поспособствовали в распространении валентинианской ереси в различных концах Малой Азии и особенно в Сирии: сначала это был *Татиан* (37), ученик Святого Иустина Философа и впоследствии глава гностиков, называемых целомудренными или энкратитами, ибо чрезмерно обременялись воздержанием; затем был *Кассиан*, сменивший их имя на *докеты* или *кажущиеся*, поскольку они придерживались того, что тело Иисуса Христа являлось лишь *кажущимся или призрачным* (38). *Марк* или *Маркус* (39), происходивший из Палестины ученик Валентина (40), сосредоточил свои усилия на распространении в Сирии доктрины учителя; и чтобы лучше завоевать евреев, он вошел в их доверие благодаря кабалистическим теориям. 24 буквы алфавита, по его мнению, заключают в себе все возможные силы, качества и добродетели, вот почему Иисус Христос говорил о себе самом, что Он — *Альфа и Омега* (41). “*Верховная тетрада*, - добавлял Марк, - снизошла со своих непостижимых высот, чтобы раскрыться в моем уме в образе женщины (42). Когда Верховное Существо произнесло первое слово, это был слог из четырех букв, из которых каждое стало *сущностью*, и эти зоны составили первую *тетраду*; второе слово было еще из четырех букв, и вторая тетрада соединилась с первой, образовав *огдоаду* (43). Одним из наиболее драгоценных слов Бога является Логос (греч.), то есть Иисус Христос (44)”. Под этой кабалистической формой легко заме-

тно смешение систем Василида и Валентина. *Огдоада* первого здесь в большом почете. И в самом деле, по словам де Бособра (45), Святой Ириной (46), а после и Святой Епифаний нам сообщают, что число *восемь* было весьма священным и весьма таинственным среди маркосиан; они его находили в различных местах Ветхого Завета и говорили о *небесной огдоаде*, которая бесконечна, вечна и не имеет ни предела, ни времени, ни места и т. д. (47)

Маркус принялся убеждать женщин, и это средство принесло большую известность сектанту. Размышляя о заблуждениях, которые могли отсюда возникнуть, становится понятным, почему наиболее дискредитировавшие себя секты, подобные офитам, соединились с этой ветвью валентинианства (48).

Сириец по происхождению Кердон, пришедший в Рим около 140 года христианской эры (49), произвел вторжение персидской философии. Он предполагает *два* независимых друг от друга *начала*: одно доброе, другое злое. Согласно Кердону, закон евреев или Ветхий Завет является произведением злобного существа; наоборот, закон христиан или Евангелие есть дело доброго *начала* (50). Эон Христос, посланный к людям *Неизвестным Богом и врагом матери*, никак не смешивался с материальным телом, не был вовсе рожден от женщины и никак не страдал (51). Он *облачился лишь в призраки плоти* (52). Валентин уже прикоснулся, как Кердон спешит это сделать, к доктрине двух начал; но это учение, мощно возмущившее тогда умы, отныне станет для гностиков преобладающей идеей: итак, поспешим увидеть ее разрешение новым сектантом.

Если бы судили о Маркионе по оскорблениям, которые ему адресует Тертуллиан (53), то рисковали бы скорее советоваться со страстью, нежели с историей: к счастью, иные Отцы Церкви более спокойные оценщики (54). Маркион являлся сыном святого епископа и родился в Синопе на восточном побережье *Пафлагонии* в Малой Азии. Греховная связь с девушкой, давшей обет целомудрия, исключила его из Церкви. Говорят, что отверженный в Эфесе учениками Святого Иоанна, он встретил в Риме Святого Поликарпа; и поскольку Маркион спросил последнего за кого он его признает, святой человек ответил: “Да, я тебя

признаю за сына Сатаны”. Добавляют, что по просьбе его собственного отца, он был отлучен от церкви в Риме со времени своего прибытия, как это случилось и в Синопе. Однако Маттер подвергает сомнению этот факт (55). Как бы то ни было, Маркион являет собой один из наиболее грустных примеров последствий первоначальной ошибки. Она его бросила в ересь и навлекла на него в семье и в других местах красноречивые проклятья. Тем не менее, он обрел печальную славу, став главой школы в гностицизме. Снедаемый честолюбием в свою очередь сделаться евангелистом, он нападал на самое известное Евангелие в Малой Азии, то есть на Благовествование Святого Иоанна. Согласно Маркиону, Иисус Христос не рождался от Девы, не имел даже видимости; он не заимствовал тела у материи (56): *это был чистый дух* (57), покинувший небеса и внезапно оказавшийся в синагоге *Капернаума* (58).

Итак, Маркион не принимает ни страданий, ни смерти Иисуса Христа; что касается человека, он полагает, что тот есть произведение *двух противоположных начал* и рассматривает душу как эманацию добродетельной сущности, а тело как труд злобной сущности (59). Одновременно Маркион заботился об устранении из Нового Завета всего того, что могло бы оспаривать его систему двух начал. Он называл Бога *ангелом, который управляет материей*; но был, по его словам, *Высший Бог* (60), являющийся *Истинным Богом, Неизвестным Отцом, Верховным Существом* (Matter, t. II, p. 248). Изложение этой доктрины двух начал заставило высказаться Святого Епифания, что, по его мнению, Маркион принес свою систему из Персии (61). Наш великий Боссюэ идет еще дальше: он охотно смешивает *Маркиона* со знаменитым главой школы дуализма *Манесом*, как видно из следующих слов: “После язычников, казавшимися авторами и учителями благой философии, пришли другие люди, коих называли в Церкви *манихеями и маркионитами* (62)”.

Ученик Маркиона *Апеллес*, питая привязанность к женщине по имени *Филумена* (*Philoutene*), персонифицировал премудрость с тем же самым именем (63). Доктрина этого гностика из сектантов, о которых я говорил, напоминает учение *Валентина* и в особенности *офитов*. Апеллес являлся, вероятно, наиболее безусловным монотеистом, чем все

его предшественники: он принимал только *единое вечное начало*, не заботящееся никак о материи; отсюда видно, что у него встает проблема, существовавшая для всех и состоящая в том, как примирить происхождение зла с добрым началом; следовательно, чтобы избежать этого сомнительного пункта, Апеллес утверждает, что *Высший Бог* сотворил ангелов и между ними ангела огня (64), создавшего наш мир по образу иного высшего и более совершенного мира (65). Апеллес был противником христианской догмы воскресения плоти; он говорил, что нисходя с небес, Иисус Христос обладал небесным и воздушным телом, а восходя на небеса, он возвращал каждому небу то, что у него ранее брал, и, таким образом, лишь один дух возвратился в лоно Божества (66).

Вардессан, рожденный в окрестностях *Эдессы* на границе Сирии и Месопотамии, процветал в эпоху Марка-Аврелия, провозглашенного императором около 161 года (67). Его прозвища *сириец* и *вавилонянин*, а одинаково и его *зороастрийское знание*, если мне позволено так выразиться, заставляют некоторых думать о двух Вардессанах. Помещенный, так сказать, между философией Запада и мировоззрением Востока, дух в своем закаливании должен был сплавить воедино доктрины двух полушарий и приготовить путь, по которому вскоре проследует знаменитый *Манес*. Странная вещь! Вардессан поначалу являлся ревностным христианином и боролся с гностицизмом (68); но воображение увлекло его постепенно к соблазнительной прелести эклектизма, наиболее выпяченного, который только имел место. Он опубликовал несколько произведений (69); однако очень сильно распространил его доктрину сборник из ста пятидесяти гимнов или псалмов, к которым его сын *Гармоний* (*Harmonius*) добавил новые стихи того же жанра (70). Эти песнопения были настолько популярны, что сохранялись в церквах Сирии и после осуждения самого *ересиарха* (71).

Вардессан признавал два начала: *Неизвестного Отца* или *Высшего и Вечного Бога* и *вечную материю* (72). Он рассматривал Сатану как вышедшего из материи и имеющего в ней свое происхождение, что является аналогией с *Белиалом* кабалистов. *Христос* есть первородный или первый *эон* Бога. Святой Дух или пневма (греч.) рассматривался нашим сектантом в качестве *супруги*, соответствуя Софии (греч.) других

гностиков (73). *Вместе с ней* он принимал семь *сизигий* (*syzygie*) или эманаций. Чтобы восполнить *огдоаду* (74), в число этих *сизигий* или эманаций Вардессан помещал солнце и луну: это еще одно сближение с системой *Манеса* (75).

Христос пришел на помощь душе, чтобы соединиться с ней как со своей первоначальной спутницей: Вардессан в одном из своих гимнов или религиозных песнопений представил союз Софии (греч.) и *Христа* в образе мистического брака (76). Душа человеческая происходит от эонов, и она является истинной эманацией Верховного Существа (77). Покрывающее ее тело есть только кожаная *туника*, которой *Творец* окружил чистые духи Адама и Евы после их грехопадения (78). Иисус Христос, облачившись *небесным телом*, претерпел лишь *видимую смерть* (79). Вардессан, будучи главой школы, пришел завершить второе столетие, ставшее торжеством *гнозиса*; именно ему в утонченном эклектизме удалось смешать верования Зороастра с *кабалой* евреев, *эманациями* Валентина и *огдоадой* Василида; его учение — драгоценное кольцо, связавшее всех гностиков Запада с системой *Манеса*, к которой я перехожу.

Альбуфарадж относит появление манихейской ереси ко времени Аврелиана, или около 268 года, патер *Пажи* (*P. Pagi*) дает приблизительно 270 год; другие авторы, среди которых и аббат *де Бери-Бергастель* (*de Berault-Bergastel*), указывают 277 год. Этот последний разделяет мнение папы *Льва I*: его датировка с годичной разницей совпадает с временем, установленным *Александрийской хроникой*, которая определяет публикацию заблуждений *Манеса* 276 годом, то есть в период консулата *Тацита* и *Эмилиана*. Я свободно принимаю последнюю дату, ибо именно в 277 году *Манес* в ходе публичных бесед с *Архелаем*, епископом *Кесарии*, испытал смятение и был вынужден скрыться, чтобы не оказаться побитым камнями народом; вполне основательно предполагать, что *Манес* уже имел представление о своей доктрине, прежде чем получил право прийти с ней на открытые прения с епископом.

Перс *Манес* не является ни первым, ни единственным автором своей системы: это древняя *доктрина дуализма*, учение магов (80), Зороастра (81), Платона (82) и Пифагора (83); вот почему Тертуллиан весьма

остроумно говорил, что Платон давал вкус и приправу всем ересям (84); это была — и мы ее видели в предшествующем быстром анализе — та же самая доктрина, которую находим завуалированной в самых разнообразных системах гностических сект. И в самом деле, почти подавляющая идея сирийской школы, начиная с самого *Менандра*, есть идея двух противоположных начал (85). И если гностики знали доктрину магов и Зороастра, то как сам Манес мог не знать о гностическом учении? Вардессан и сын последнего Гармония достаточно популяризировали гностицизм в Эдессе, Месопотамии и на всем пространстве Сирии, чтобы вольноотпущенник *Кубрикус* или *Корбикус*, взявший в царской столице Персии имя *Манеса* или *Манихея* (86), мог иметь о нем определенное представление (87). Он удаляется из Персии в Месопотамию (88), где тогда торжествовал гнозис *Валентина*, благодаря чему к нему попали писания Вардессана и Гармония. Успех этой гностической секты поначалу парализовал усилия Манеса; но поскольку он обладал великими замыслами и силой духа, то организовал проповедников (89).

Последние вскоре заметили, что не имели более страшных врагов, чем христиане (90); это было тогда, когда Манес, соединив свою доктрину с христианством, смог привлечь в нее сам гнозис, сообщив своей системе влияние, которое стало ослабевать в Азии и Европе только в XIII веке. Манес пришел в эпоху, когда великий вопрос происхождения зла возмущал все христианские секты, в которых семена магизма уже пустили ростки среди гностиков. Вряд ли Манес имел меньшую провинность в своем *христианско-восточном* эклектизме, если позволительно так выразиться, когда даже стал основоположником системы, носящей его имя. Поставив целью одновременное завоевание персов и христиан, ему было необходимо создать сильную и полноценную систему, которая бы примирила в то же самое время многочисленные секты, распространенные в Персии (91). Манес дал своему учению имя *христианской доктрины*, назвав себя *Параклетом* (92). Он определял Бога как *бестелесное Существо*, и это чистое определение с иными подобными из христианской теологии ввело в заблуждение самого Святого Августина (93).

Чтобы сохранить видимость *Святой Троицы*, Манес помещал Бога *Отца* в высшем небе, *Логос* на солнце и на луне, *Святой Дух* в воздухе.

Имелся и чистый свет, единосущный Богу: именно от этого света *исходят* светящиеся существа, расположенные над *подлунной* областью. Что касается материи, то она занимала пространство снизу от этой области (94). Вот *полностью духовная* вселенная, которую, по словам аббата Фуше (Foucher), производит Бог, распространяясь, так сказать, вне себя, заставляя исходить из своей сущности бесконечное множество *эманаций* (95): “Слово, пребывавшее на солнце и на луне, снизошло на землю, *облачилось простой видимостью человеческого тела, внешне претерпело смерть и воскресло*” (96).

Манес, по сведениям де Бособра (97), учил, что прежде творения материального мира Божество жило в своем царстве вместе со своими славными и счастливыми зонами, которых невозможно ни исчислить, ни измерить их протяженность; но поскольку зло, являющееся несовершенством, не могло произойти от самого совершенства, то Манес, как говорит Святой Иероним, ввел злое начало только для того, чтобы уберечь Бога от его авторства (98). Книга *Манеса*, озаглавленная “*О мистериях*”, начиналась так: “От всякой вечности существуют два державно противоположных существа: Бог и материя, свет и тьма (99). Материя или телесный мир является производением не Бога, но *Сатаны*. Отсюда происходит следствие, принесшее печальные нарушения человеческому достоинству.

Тело есть субстанция Сатаны, тогда как душа — божественная субстанция, она никак не ответственна за то, что может производить Сатана в своих собственных членах (100). Иными словами, в этих *двух я естества все различно: одно есть без свободы к добру, другое — без свободы ко злу; значит, больше нет ни морали, ни порока, ни добродетели*. Чувствуете, сколько людей такая система предоставила свободному росту своих порочных инстинктов. Не стоит удивляться словам папы Льва Великого (101), сказавшего, что манихеи имели мистерии столь отвратительные, что он не мог их открыто излагать, не нарушая чувства приличия (102). Как здесь не вспомнить о наиболее развращенных ветвях гностических сект, печальные заблуждения которых я отмечал выше, и станет ясно, какие поразительные сходства существовали в этом смысле между гностиками и манихеями (103).

И вовсе не Манес со всяким иным глава школы намеревались разрешить порок: они лишь утверждали, что подвергаются ему по необходимости своего естества. Скользкий шаг, я согласен; и все же, если нашлись манихеи, злоупотреблявшие этим началом до безобразия, то были и манихеи, противостоявшие ему воздержанием. Некоторые избегали в ужасе вина по причине заблуждений, к каковым оно приводит (104), уподобляясь в этом ветви гностической секты *энкратитов* (105): Манес, поистине, никогда не забывал примирять между собой христианские секты. Кроме того, когда он направил своих главных учеников в самые отдаленные страны, эти послы были приняты с распростертыми объятиями повсюду, где существовали гностики (106), ибо эти секты, крайне разделенные между собой, видели в полноценной и решительной системе Манеса центр объединения. С тех пор имена наиболее известных гностических вождей, среди которых *Менандр*, *Василид*, *Валентин*, *Маркион* и др., растворились в единственном имени *Манеса*. Гностиков больше нет, но суть лишь манихеи (107). Манес, как говорит аббат Фуше, взял за образец Святого Апостола Павла (108): позднее мы увидим сектантов по имени *Павликиане*. Манес не принимал *ни подобий, ни изображений* до такой степени, что защитники образов обвиняли иконоборцев *в манихействе* (109). Взамен манихеи позаимствовали в магии всевозможные виды идолопоклонства и мистические суеверия: например, их иерархия ангелов или эонов столь же совмещает восточные идеи, сколь и христианские (110); и Манес не преминул привить к гнозису одну из самых драгоценных идей магов — *метемпсихоз*, о чем *Турбон* (*Turbon*) недвусмысленно говорит в своем послании к *Архелаю* (111). Это была лукавая смесь идолопоклонства и христианства, что ставил в вину манихеям Святой Августин, дав им имя *схизматиков от язычества* (112).

Я приведу тому поразительные примеры: итак, *евхаристия* была для манихеев только церемонией акции милосердия в память *мистического распятия* Спасителя (113); затем Манес умышленно смешал восточные доктрины с учениями апостолов и гностиков, а также с платоническими идеями, заменив *премудрость* Софию (греч.) (114), которой Бог, отец этой *премудрости* или *разумности*, сообщал росток творения и силу

порождать материальный мир (115), *страждущим Иисусом, который висит на всех деревьях и ползает в растениях* (116). И как совершается эта странная мистерия? Следующим образом.

Пребывающий в воздухе Святой Дух распространяет по земле свои *духовные истечения*, которые находят волокна и корни растений и, проникая в них, поднимаются в ветви, а, проходя по цветам и фруктам, становятся *страждущим Иисусом*, поскольку их срывают, едят, заставляя так страдать от скорби (117).

Согласно манихею *Фавсту*, против которого Святой Августин начал в высшей степени любопытную полемику, именно *страждущий Иисус* является спасением и *жизнью людей* (118); но душа, по одному незапамятному мнению, осквернена или очищена пищей: то, что ее оскверняет, это частицы плоти и крови животных, частицы, *разжигающие вожделение*, и истинные семена пороков у людей; то, что ее очищает, это растения и фрукты, поскольку последнее питание не содержит ни *возбуждающего аппетита, ни вожделеющего*. Отсюда у некоторых манихейских сект аскетическая жизнь и полное воздержание от мяса животных (119). Пифагорейство, как видно, не стало чуждым в этом посыле и для манихейской системы.

Все вышеперечисленное позволяет увидеть, что ловкий вождь манихейства не устанавливал свое учение на непристойности и пороке, о чем говорили некоторые авторы. Я охотно признаю, что сектанты злоупотребляют системой, особенно когда она предоставляет такое преимущество; но никогда не поверю, что глава философской или религиозной школы берет за основу вещь, низводящую людей до скотского уровня. Наоборот, *только мистический спиритуализм*, как мне кажется, составляет основу манихейской доктрины. Манихеи, по словам одного историка (120), обладают благоговением ко всем вещам из-за присутствия в них Иисуса Христа; и замещают повсюду божественную любовь на богобоязненность (121).

И действительно, здесь нечто подобное *квиезму*, призрак которого пробудился одним прекрасным утром XVII века в изголовье знаменитого французского епископа (122). Можно разделять эту искусную мысль, каковой мы обязаны нашему историку господину Франтену (M. Frantin)

(123), высказавшему ее в своей заметке, любезно почтившей первую часть этого произведения.

Как бы то ни было, ИИСУС СТРАЖДУЩИЙ, КОТОРЫЙ ВИСИТ НА ВСЕХ ДЕРЕВЬЯХ И ПОЛЗАЕТ ВО ВСЕХ РАСТЕНИЯХ, имеет поразительную аналогию с **МЕТЕ, КОТОРАЯ ЗАСТАВЛЯЕТ ПРОРАСТАТЬ И ЦВЕСТИ** (124). Я не завершил устанавливать родственную связь гностицизма с доктриной Манеса; но уже, как мне представляется, достаточно прояснил вопрос, чтобы было заметно соответствие двух учений. Теперь постараюсь восполнить это родство, сообразуясь с эпохами.

Гностицизм казался угасшим после III столетия; но это исчезновение было скорее внешним, нежели реальным: передача его стала секретной либо внутри Церкви, либо внутри семейств, как иудаизм, сохраняющийся на протяжении веков и господствующих религий. Более того, гностицизм смог увековечиться, слившись с манихейством и уступив ему шаг (125). Так, разукрашенное и сверкающее богатством заимствований манихейство пустило глубокие корни. Оно обладало, по словам Боссюэ (126), очарованием и неслыханными иллюзиями, чтобы обманывать простодушных, *пусть даже проходили долгие времена без знакомства с ним*. Но понапрасну римское законодательство ополчалось на манихеев с 372 по 428 год (127); понапрасну Валентиниан и Феодосий I их строго наказывали, Гонорий объявил манихейскую доктрину государственным преступлением, а Феодосий II их запретил жесткими законами: они распространялись все больше и больше, как если бы преследование являлось наиболее благоприятным питанием для такого рода пожара.

Они презрительно относились к власти и проводили свои тайные собрания вплоть до понтификата Льва Великого (128). Сильно атакованные сим великим атлетом христианства, они рассеялись после того, как были осуждены синодом и изгнаны сенатом: таким образом, они под разными именами наводнили все провинции империи. В V веке они втираются в доверие к греческому императору Анастасию; в VI веке *Феодора*, актриса, ставшая императрицей и женой Юстиниана, им покровительствует. В VII веке они принимают имя *павликиан* (129), которое им сообщает один из их учителей *Константин Сильван*

(*Силуан*), поскольку сам привязывается к писаниям *Святого Апостола Павла*; после проповеди своей доктрины в окрестностях *Самосаты* (130), они ее распространили до пределов Каппадокии и Понта (131). В VIII веке иконоборец и пылкий поклонник магии Константин Копроним (132) не мог не быть благосклонным к павликианам. Он им позволил обосноваться в Константинополе и во Фракии (133). Это открыло им ворота на Запад, и они обрушились на Европу. В IX веке эти *манихеи* (134) переживали различные периоды: сначала им открыто покровительствовал греческий император Никифор (135); императрица Феодора, вдова Феофила, желала их обратить убеждением, затем, используя строгость, она их толкнула на бунт. Они соединились с арабами или мусульманами, которые были тогда всемогущими в Азии (136), и в течение многих лет оказывали сопротивление Восточной Империи (137). Находившиеся непрестанно в состоянии войны с греческой империей арабы легко принимали в качестве союзников всех, кто становился врагом христианства, каковым бы ни было религиозное несогласие между ними. *Моноотеистическое* основание являлось достаточным, чтобы удовлетворить арабов и привлечь к себе их симпатию, в чем мы больше убедимся, продвигаясь вперед.

Манихейские воины, против которых императоры, шли лично во главе войска, были сначала побеждены. Василий Македонянин их рассеял; но чтобы собраться с силами и продержаться против сильного врага, они построили и укрепили город *Тефрику* (138) в неприступном месте, между *Сирвасом* и *Трапезундом* в Армении. Отсюда они не давали покоя греческим военачальникам и под предводительством *Карбеаса*, человека полного решимости, опустошали земли империи, у которой оспаривали власть, до тех пор, пока Василий, их победитель, не направил к ним *Петра Сицилийского*, чтобы договориться об обмене пленными. Необходимо отметить это обстоятельство, поскольку оно проясняет исторический момент: во время посольства в Тефрику Петр Сицилийский открывает, что на совете *павликиан* было решено послать проповедников их секты в Болгарию (139). Случай благоприятствовал тому из-за смут и разногласий, имевших тогда место между папой и Константинопольским патриархом по поводу верховенства в империи (140). Известно, какие

глубокие корни пустила *павликианская* секта в Болгарии, которую манихейство Запада рассматривало в качестве своей колыбели. При помощи арабов павликиане Тефрики предприняли ужасные репрессии против императора *Михаила*, сына *Феодоры*, которого победили и обратили в бегство под стенами Самосаты (141). Эта победа имела пагубные последствия для империи: вскоре увидели объединенную мусульманско-манихейскую армию, опустошающую Малую Азию. Карбеас имел чудовищного наследника: он звался *Хрисохейром* (*Chrysocheir*). Никея, Никомедия, Анкира и другие города подверглись разграблению; кафедральный собор Святого Иоанна Богослова в Эфесе был превращен в конюшню.

Это торжество, или скорее отмщение остановилось только со смертью Хрисохейра. Павликиане, наконец, были взяты в их грозной крепости Тефрике и скрылись в горах, откуда в течение всего X века совершали частые набеги на земли империи со своими ужасными союзниками мусульманами (142). Нужно отметить, что они были еще очень опасны и добивались уступок со стороны законных властей. И в самом деле, император Иоанн Цимисхий дал им право водвориться в окрестностях *Филиппополя* во внутренней Фракии (143). Отсюда их прозелитизм, продвигаясь все дальше и дальше из-за склонности монахов к аскетическим принципам секты, вскоре наводнил монастыри Востока и Запада. И когда павликианство стало опять гонимым, то возродилось в новых формах: на Востоке в виде *богомил* (144), на Западе — *катар* (145). “Богомилы, - говорит Шмидт, - согласно Евфимию (146), являются только ветвью катарской секты. Они распространились во Фракии с середины XI века и нашли прозелитов в монашеской среде. В начале XII века их основной центр находился в Филиппополе, откуда они в тайне распространились до самой имперской столицы (147). Император Алексей Комнин преследовал секту и казнил их главу Василия. Однако секта продолжала существовать секретно, имея всегда своим центром *Филиппополь* (ныне Пловдив, Болгария — В. Т.-Г.), и вскоре обрела своих сторонников во всех провинциях и всех главных городах империи” (148). Именно из этого центра *манихеи-павликиане* (149) под именем *cathari*, легко проникнув и в Боснию,

распространились в Германии через Венгрию, затем на мгновение остановились в далматинских городах напротив главных портов Италии, чтобы дожидаться кораблей, сумевших перенести их доктрины на юг Европы. Уже с начала XI века (150) эта ересь обнаружилась в Орлеане в период правления короля Роберта. Одна итальянская женщина ее принесла во Францию, и двое каноников из Орлеана (151) были первыми обольщенными. Это стало тогда большой новостью; но в XII столетии манихейство охватило самые различные слои общества в городах Ажан (Agen), Суассон (Soisson) и Периньё (Perignueux) (152). Манихейская ересь явилась как бы интеллектуальной заразой высокого полета.

“Павликиане, - говорит Мосгейм (153), - особенно пустили глубокие корни на территории Альби и в южных провинциях Франции”. И обнаружилось во время Крестового похода, поднятого против них папой Иннокентием III (154), проявление тех же самых симптомов, что и в период преследования этих сектантов *Феодорой*, императрицей Востока. Казалось бы еретики рассеялись: на самом деле они пошли извилистыми и подземными путями, скрываясь при свете дня в монастырях и продолжая в основном внутри Церкви разворачивать преследование против нее самой. У тайной силы, направлявшей устремления секты, хватало возможностей, чтобы оставаться невидимой: ее единоначалие осуществлялось главой или примасом, пребывавшим в самом сердце манихейской веры — в Болгарии (155). Именно оттуда он руководил при помощи своих викариев многочисленными конгрегациями, приобретенными манихейством в Италии, Франции и Германии.

Теперь о доктринальной основе этих манихеев или *катаров-альбигойцев*. Она любопытна в том, что полностью подводит итог дуализма Манеса. Чтобы придать своему тезису больший вес, я позаимствую высказывание у господина Маттера (156): “*Катары-альбигойцы* признают двух творцов: одного - *доброто*, создателя невидимых вещей; другого - *злого*, создателя видимых вещей; два противоположных кодекса: Ветхий Завет и Новый Завет; двух Христов: одного - *злого*, земного и видимого, бывшего другом Магдалины, родившегося в Вифлееме и умершего на кресте в Иерусалиме; другого - *доброто*, который ни облачался материальной плотью, ни ел и ни пил,

являясь видимым в нашем мире лишь духовно в образе *Святого Павла*. Он родился и был одинаково распят, но это происходило в другом невидимом для нас мире”.

Нет никакого сомнения, что катары являлись павликианами, равно как и древними гностиками, ибо многие катары, сожженные в Кёльне, исповедовали, что их доктрина восходила к первым мученикам, утвердившись изначально в Греции (157).

Что касается богомилов или манихеев-павликиан (158) Востока, то можно точно проследить периоды их существования: в 1118 году их глава Василий предан смерти повелением Алексея Комнина; в 1140 году имевший место в Константинополе синод осудил к сожжению книги Константина Хрисомала, которые преследовались и жадно перечитывались в еретических сообществах, поскольку содержали доктрины секты (159). К 1180 году для богомилов устанавливается период наибольшей терпимости: их оставляют в покое в столице и других областях империи, и они смело поднимают голову во многих провинциях Азии. Когда в 1226 году Константинопольский патриарх Герман переносит свою резиденцию в Никею, то встречает там многочисленную и решительную партию богомилов, против которых по недостатку сил произносит лишь пылкие проповеди (160).

Сравнив между собой доктрины богомилов и катаров, приходишь к выводу об их совершенной идентичности: итак, то же самое различие доброго начала от злого; то же самое осуждение Ветхого Завета как произведения Сатаны (161); то же самое воззрение, что Иисус Христос облачался лишь видимым телом (162); то же самое отвержение водного крещения для крещения духом (163); то же самое презрение к браку (164); то же самое отвращение к животной пище (165); тот самый же отказ верить в реальное присутствие в Евхаристии Тела Крови Христовых (166); наконец, то же самое презрение к иконам и кресту (167).

Мне остается теперь изучить последний вопрос: узнать, что произошло с манихейскими доктринами Востока и Запада по истечению времени, в которое мы их оставляем.

Преследования манихейства во Франции имели самый ожесточенный характер, нежели повсюду в иных местах (168): мы являемся *учитивой*

нацией, у которой добро и зло всегда выражалось слишком экспансивно! Костры, куда бросали катаров, пылали еще в XIV столетии; но сострадание и цивилизованность уже начинали играть свою роль в общественных настроениях: Климент V (169) ознаменовал свое восшествие на престол понтифика приведением инквизиции в умеренные рамки (170). Однако ошибка была совершена, сделавшись присущей эпохе: она заключалась в унижении всех возвращавшихся в лоно Церкви либо поражением в общественных правах, либо клеймением *желтыми крестами* на одеждах (171). Что означало держать их вне закона, оставляя мишенью для народной глупости; но манихейское население было скорее подавлено, чем покорено, и этим объясняется рвение, с которым оно приняло реформу (172), предоставившую ему определенные точки взаимного соприкосновения (173); подобным образом же предлагается маленькая ветка несчастному в опасности - он хватается ее и сжимает с жаром упования и спасения. Никогда больше, начиная с *Симона Мага*, враждебное единство так не ополчалось против апостольского единства: все было сосредоточено, чтобы навредить последнему. Этот новый огонь разгорелся из долгих искр манихейских костров - и расплескалась ненависть против Церкви, по словам Боссюэ (174), и Сатана больше уже не нуждался в *манихействе*.

Манихейство растворилось в XV столетии в Европе в Реформации. Посмотрим его фазы на Востоке. В XII веке *манихеи-богомилы* должны были существовать там преследуемыми, как и катары на Западе. В действительности, что мы видим и как им противостоит патриарх? Только проповедью (175), и это все. Но больше того, если какие-нибудь оболыщенные этой ересью епископы и лишались своих кафедр (176), то к чему был приговорен упорствующий в ереси монах? *К сбриванию бороды*. И еще: один более милосердный патриарх дал свободу этому монаху и позволил ему проповедовать свою доктрину (177). Все это доказывает одно или другое из двух вещей: либо крайнее безразличие в религиозных вопросах, либо чуть ли не всеобщую тенденцию к манихейству в этих краях. Я весьма охотно останавливаюсь на последней гипотезе, ибо секта тогда сильно распространилась как в Вифинии, так и в Каппадокии (178) и, придя оттуда в Сирию, обрела благосклонность

мусульман, которые в принципе терпимо относятся ко всяким *манихейским* сектам (179); впрочем, арабы в лице манихеев имели союзников против греческих императоров. Между доктринами Манеса и ислама существует как бы чувство общего происхождения, пусть отдаленного и скрытого (180). Магомет, который с тринадцатилетнего возраста сделался заметным благодаря своему наблюдательному рассудку (181), бывал с караванами в Сирии, Египте и Палестине: повсюду он изучал нравы и религию, вел беседы с несторианским монахом Сергием, а по другим данным, и с сиро-яковитом *Батиром* (*Batyras*). Возвратившись из своих долгих странствий, во время досуга от мистической и созерцательной жизни, Магомет предавался размышлениям в пещере горы *Хира* (*Hera*), находящейся в одном лье от Мекки; он вызывал в своей памяти то, что наблюдал в бесконечном количестве сект, в которых сирийский гностицизм играл главную роль; горя желанием привести арабов к изначальной религии, он встречался с самими гностиками в своих собственных концепциях. Так, господин де Сегюр (182) говорит: “В Алькоране находишь странное смешение еврейских и христианских доктрин. Следуя этой книге, существовало только шесть великих пророков: Адам, Ной, Авраам, Моисей, *Иисус* и Магомет; последний самый выдающийся из всех. Сверх того, эта книга утверждает, что евреи, *думая, что убивали Иисуса Христа, поражали только призрак, тогда как Его тело вознеслось в небеса*”. По одним цитатам можно судить, что я сделал и в примечаниях, об определенном виде гностического синкретизма, на котором замешан ислам.

Любопытно, что с начала развития и распространения этой религии наблюдается ослабление *богомильской* секты в восточных странах, но если немного присмотреться к сути вещей, то встречаешь то же самое богомильское манихейство, пусть не господствующее, но побежденное, или скорее слившееся с исламом, и даже видно, что две доктрины поглотили одна другую, подобно тому, как и Реформа поглотила манихеев-катаров; однако старый гностицизм, сменив личину, не оставляя своих посягательств как на само магометанство, так и на христианство там, где его встречал. Изучим немного данную проблему — она стоит того труда, *ведь Маттер ее предполагает, не приступая к ней* (183), а

Вильке, один из самых просвещенных историков Германии, написавший сочинение о *рыцарях Храма*, осторожно внушает, что тайной доктриной ордена являлся *магометанский гностицизм* (184). Это слово пока не более, чем остроумное: надеюсь, придать ему позитивную значимость.

Магометанский гностицизм (какое хорошее слово!) может делиться на три большие секты: *друзы*, *гашишисы* или *ассасины*, и *тамплиеры*.

В XI веке *друзы* или *дерузы* проживали в горах *Ливана* между *Триполи* и *Птолемаидой*: эти важные места занимал позднее знаменитый орден тамплиеров (185). К 1040 году глава племени, называемый *Хакемом*, отделился от ислама (186) и увлек в свое верование *друзов*. Вот несколько слов о том, что из себя представляло новое исповедание.

Бог *един* (187), и он единственное существо, которому должно поклоняться. Он несколько раз проявлялся в людях в подобном им образе. Последняя его персонификация есть *Хакем*. Его главные посланники (188) суть: премудрость (*Хамза*), душа (*Исмаил*) (189), слово (*Мохаммад*), предыдущий (*Селама*) и последующий (*Али*) (190).

Взгляните на оригинальную реминисценцию из *валентинианского гностицизма*: последние четыре силы именуются также *четырьмя женами*, поскольку *Хамза* по отношению к ним занимает место мужа из-за их более низкого положения и подчиненности. Мы не ожидали такого *андрогинизма*, и потому необходимо, чтобы *Хамза* был великой эманацией, весьма привилегированным эоном, поскольку его скромные посланники определены *солнцами и лунами* религии (191). В действительности, *Хамза* сам назывался *последним пределом чисел*, что является другой оригинальной реминисценцией из гностицизма *Маркуса*. *Премудрость*, как добавляет книга *друзов*, представляется первым произведением Творца и даже *единственным непосредственным произведением его всемогущества*. Творец ее образовал из собственного света, отчего все другие творения получили существование (192); и гораздо больше того: истинным мессией есть тот, который *Хамза* или *Премудрость* (193); ложным мессией был тот, который рожден от *Марии* и *Иосифа*; Евангелие верно, ибо содержит слово истинного мессии (194).

По существу магизм является первоначальным источником религии *друзов* (195), ведь как говорится о премудрости или *Хамзе*, “не было

никогда эпохи, в которую я не смог бы призвать творения к исповеданию единства *Нашего Господа*” (196). На самом деле, несмотря на ореол, которым секта друзов пытается окружить *истинного Мессию*, в их глазах он не кто иной, как пророк: верные в этом пункте исламу друзы признают тех же самых великих пророков — Адама, Ноя, Авраама, *друга Божия*, Моисея, Иисуса и т. д. (197).

По словам Сильвестра де Саси, система двух начал отнюдь не чужда религии друзов, поскольку в ней повсюду присутствует враждебная сильная противоположность *вселенской премудрости* (198).

В мистериях этой секты присутствуют девять степеней посвящения, и *даисы*, являющиеся распространителями *хакемитской* доктрины, заботятся о незаметном приведении своих неопитов к отказу от всякой религии, основанной на божественном откровении или на так называемой пророческой миссии, и это содержит в себе то, чему учат философы; таким образом, как излагает де Саси (199), “после девяти испытаний адепт разделяет либо мнения Манеса, либо мнения Вардессана; иногда принимает систему магов (200), иногда систему Аристотеля или Платона; чаще всего он заимствует из этих систем определенные идеи, которые вместе смешивает и т. д.” Секта друзов разделилась на несколько ветвей с тех пор, как распространилась в Сирии, Египте и других сопредельных странах.

К одной из вышеупомянутых ветвей принадлежат *нозаири* (201). Они признают переселение душ и уверяют, что, вне всякого сомнения, *духовные сущности могут появляться в материальном теле* (202). Секта *нозаири* существует вместе с сектой друзов в Ливане, но отличается от последней тем, что не признает ни *Хакема*, ни *Хамзу*; кроме того, *нозаири* почитают наиболее постыдные позывы естества, что навлекло на них со стороны *друзов* проклятие, предназначенное для свиней. *Нозаири*, наконец, являются истинными *офитами* или *каинитами магометанского гностицизма*, и этим все сказано. Скорее всего эти мнимые секты представляли собой ответвления тайных обществ, где только внешне соблюдались обязанности *материнской религии*. Посвященные высшей категории от них полностью освобождались. Политика, честолюбие и пылкость в удовольствиях являлись сущностью большей части восточных сект (203).

Среди 72 сект ислама (204) одна произошла от слияния честолюбия и фанатизма: это секта *исмаилитов Востока*, чаще называемых *ассасинами* (205). Учрежденная *Хакемом*, главой религии друзов, *Каирская ложа* наводнила Азию своими *даисами* или миссионерами: один из них стал основателем этого слишком печально знаменитого ордена, имя которого *ассасины* достаточно раскрывает свой смысл. Он звался *Хассаном-Бен-Сабахом-Хомаири*: его имя в дальнейшем я охотно сокращаю до его первой части. *Хассан* спекулировал на преданности, в чем убеждаются, вселяя в слабые и малограмотные души суеверные страхи; его девизом было, что все позволено для достижения поставленной перед людьми цели или будущего счастья. Умело использовались различные степени посвящения для подавления сознания и получения клятвы слепого послушания и нерушимого молчания. Вменялось в обязанность сообщать только своему вышестоящему брату сомнения, которые могли возникнуть относительно мистерий (206). Если степень подготовки професса представлялась допустимой это позволить, его посвящали во внутренний культ, и он становился *Батени* (207). С тех пор он стремился рассматривать в качестве существенного только практику, но никак не вероисповедание внутреннего культа, безразлично относясь к соблюдению и нарушению законов религии и морали. После этого посвящения он должен был браться только за кинжал для устранения препятствий в политике или в честолюбивых замыслах. Таковым был *принцип* организации, и этого хватало, чтобы масса профанов, посвященных в первые степени, находилась под его игом посредством своей клятвы. В конце XI столетия (208) Хассан устанавливает центр своего ужасного господства в крепости *Аламут* (209). Отсюда как гриф в своем неприступном гнезде он обозначал киванием головы свои многочисленные жертвы, над которыми непрестанно парил.

В его планы входило овладеть крепостями и замками соседних стран, чтобы держать в устрашении народы. Сирия являлась главным театром господства и влияния секты *ассасинов* (210). Они окружили своими многочисленными крепостями (211) сирийское население со всех сторон.

Между *ассасинами* и *тамплиерами*, двумя могущественными орденами, владения которых в Сирии соседствовали друг с другом,

безусловно, имелись определенные точки соприкосновения; к тому же, *ассасины* платили *тамплиерам* дань в две тысячи дукатов (212). Это была исмаилитская политика: остерегаться сильных, чтобы с полной свободой поражать слабых.

В части, касающейся догмы *пассивного послушания* (213) и принятия *окультных статут*ов, тамплиеры не имели никаких заимствований у секты *ассасинов* (214), за исключением своего иерархического устройства и облачения.

И в самом деле, тамплиеры подразделялись на рыцарей, оруженосцев и братьев - степени, соответствующие иерархии *ассасинов*: *рефик* (товарищи), *федави* (помощники) и *лассик* (миряне); великий магистр соответствует *шейху горы*, великие приоры *даилькебирам*, а приоры *даусам*. Рыцари Храма носили белые плащи, на которых были нашиты кресты из красной материи; *рефики* носили белые облачения с красными поясами (215).

И пускай даже принципы тамплиеров были далеки от исмаилитских принципов, у обеих сторон преобладала опасная тенденция пренебрежения к общественному культу.

В период своего пребывания в Сирии тамплиеры по своему честолюбию не раз натыкались на подводные камни: этот бедный и смиренный по своему происхождению орден быстро обогащается. Когда торжественно доверялась благородная и суровая миссия покровительствовать народам своей отвагой, редко кто не хотел бы потом господствовать над этими народами своим влиянием. Для достижения этой цели потребовалось создать сильную и единую корпорацию, обладающую собственными статутами, посвящениями и даже мистериями и повинующуюся единой воле. В таком положении тамплиерам было сложно избежать дерзких сектантов, орудовавших тогда в Сирии: значит, храмовники представляли собой добычу для ухищрений этого сектантского сообщества, ставшую предметом его алчности. Напомним, что в 1118 году (216), а это год основания ордена Храма в *Иерусалиме*, в Константинополе на костре сгорел глава *манхеев-богомил*ов: преследование секты в центре греческой империи отбросили ее в Каппадокию и Сирию, где, как мы уже видели, она весьма

хорошо сохранилась, поскольку *мусульмане* были благосклонно настроены к манихейским идеям.

Богомилы в целом описаны как изворотливые и коварные (217). Они внедрялись повсюду даже в одеянии монахов (218). И разве могли оказаться бесплодными их притязания на военный и монашеский орден, организованный по образцу сектантов *Хассана* и желающий иметь собственный свод посвящений и мистерий? И разве не у манихейской по происхождению секты (219) наши рыцари обрели эту формулу *духа, мудрости и премудрости, которая заставляет прорасти и цвести* (220)?..

Необходимо напомнить, что, подвергнув подробному рассмотрению весь восточный эклектизм, эту странную формулу мы обнаружили только в *манихействе*. Более того, богомилы, которых мы видели, являлись манихеями, скрывавшимися под иным именем и *представлявшими Бога Отца в образе старца с длинной бородой* (221). Не естественно ли тогда предположить, что это и был таинственный идол, внушавший столько ужаса отдельным посвященным из рыцарей Храма. Посредством этой головы представлялся и почитался в великой мистерии *Высший Бог*, признававшийся сектой *монотеистов* за *единого Бога*. Это могло происходить независимо от *эона-андрогина*, олицетворявшего *мысль, дух, мудрость и премудрость*, важнейшего *эона*, почитавшегося всеми гностическими сектами под различными именами (222). И здесь нет никакой сложности.

Богомилы, проповедуя внутренний культ в ущерб внешнему культу и отказываясь почитать крест под предлогом, что он служил орудием смерти для Иисуса Христа (223), прямо вели храмовников к монотеизму под обманчивой наружностью. Кроме того, есть многие основания верить, что и само мусульманство не обошло влиянием чёткий *деизм* тамплиеров, поскольку большое число свидетельских показаний признает, что братья отрекались от Иисуса Христа *как от лжепророка* (224). Значит, они почерпнули эту формулу никак не в чисто манихейской секте, и мы находим здесь бросающийся в глаза вид *магометанского гностицизма*, который только сумели предположить Вильке и Маттер.

Вот некоторые свидетельства сношений тамплиеров с мусульманами. Так, брат *де Палюд* (*de Palud*) говорит о магистре ордена, находившемся в плену у султана и отпущенном на свободу за обещание ввести в статуты ордена все заблуждения или их часть, в чем сейчас орден обвиняют. Он добавляет, что благодаря этому соглашению, султан и его преемники были неоднократно полезны для Ордена Храма (225). Брат *Гуго де Нарсак* (*Hugues de Narsac*) считает, что эти заблуждения существовали в ордене в течение долгого времени и появились в заморских странах, где установились тесные отношения с арабами и где великий магистр *Вильгельм де Боже* (*Guillaume de Beaujeu*) и рыцарь *Матьё ле Собаж* (*Mathieu le Sauvage*) заключили договор о широком взаимодействии с султаном и саррацинами. Брат Матьё часто отправлялся к ним на переговоры, а великий магистр Вильгельм, когда это ему казалось необходимым, брал к себе саррацинов на службу за денежное содержание. Оба признавали, что действовали так для большей безопасности братьев; *но говоря это*, их никто не одобрял (226).

Оруженосец *Пьер де Нобильяк* (*Pierre de Nobiliac*) рассказывает, что великий магистр Вильгельм де Боже многократно изъявлял свидетельства своей дружбы с султаном и саррацинами, чтобы *орден* мог удержаться в своих заморских владениях (227).

Когда у брата Готтфрида Гонавиллы спросили, откуда произошел обычай отречения от Иисуса Христа и плевков на крест, он ответил, что он был введен великим магистром, находившимся в пленниках у султана (228): одни обвиняли в этом великого магистра *Ронселена* (*Roncelin*); другие — великого магистра *Берапа* (*Berard*) и т. д. (229)

Королевский канцлер *Вильгельм де Ножан* (*Guillaume de Nogent*) рассказал Ж. де Молэ, что во времена вавилонского султана Саладина великий магистр, тогда служивший, и другие военачальники ордена оказывали почтение султану; последний публично огласил, что тамплиеры заслужили свое поражение (они только что проиграли сражение) по причине своего разложения и испорченности (230). Ж. де Молэ, пребывая в оцепенении, ответил, что не знает об этом и ему известно только, как во времена Вильгельма де Боже юные тамплиеры роптали против великого магистра, поскольку во время перемирия он подписал договор о тайном взаимодействии с султаном (231).

“Аутентичные хроники, - говорит Н. де Бонневиль (232), - подтверждают тесные связи крестоносцев и *саррацин*. Легкая милиция *тюркополис* у саррацин состояла из мусульман и христиан; крестоносцы имели милицию, называвшуюся *пулланы* и одинаково формировавшуюся из магометан и христиан. Во время перемирий саррацины и крестоносцы устраивали турниры и воинские игры, чтобы по-братски соревноваться в воинском ремесле. Христиане в Малой Азии чеканили монету *во имя и с изображением Магомета*, и общеизвестная история Крестовых Походов нам сообщает, что *тамплиеры* позволяли на своих землях *религиозный культ, установленный Магометом*. Император Фридрих II, король Англии Ричард Львиное Сердце и тамплиеры образовывали множественные союзы с саррацинами. Последнее перемирие между Саладином и Ричардом, подписанное на три года, три месяца, три дня и три часа (оно считается *кабалистическим*, поскольку дает в итоге число двенадцать) значительно повысило степень близости тамплиеров и саррацин (233). Хорошо обращались с пленниками с той и другой стороны. Вся армия замечала, что саррацины, которых пытались выдавать за чудовища, были по отношению к своему культу людьми просвещенными и добродетельными. Жизнь без родины, тяготы и лишения войны охладили рыцарей к державным понтификам. Саладином восхищались, его чтили и ценили даже христиане. Его завещание является большим уроком терпимости и человечности: он завещает милостыни бедным — евреям, христианам и мусульманам без различия — с мыслью, что все люди братья и чтобы им помочь необходимо знать не то, во что они веруют, но то, от чего они страдают. Отметим, что у тамплиеров существовало тайное предание, будто Саладин был принят в их орден рыцарем *Гуго де Тибериасом* (*Hugues de Tiberias*), удовлетворив все орденские церемонии, за исключением публичного принятия”.

“Все возвращавшиеся из Сирии крестоносцы, - говорит Мишле (234), - твердили только об измене тамплиеров и их связях с неверными. Они явно поддерживали отношение с сирийскими ассассинами, и народ с ужасом отмечал подобие их одеяния с облачением сектантов *Старца горы*; в своих домах тамплиеры собирали мавров и позволяли отправление магометанского культа и пр.”

Естественно также предположить, что перед необходимостью удалиться на остров Кипр в 1291 году тамплиеры, осторожно сообщаясь с саррацинами, искали пути спасения своих владений в Палестине. Исходя из вышеизложенного, не возникает никаких сомнений в существовании отношений между тамплиерами и мусульманами, но тогда появляется одна презумпция влияния мусульманских доктрин на тамплиеров. Гностическая школа, признавая Иисуса Христа, считала, что Он страдал и претерпел смерть только внешне (235): гностицизм, в целом, не отрицал Иисуса Христа; тамплиеры же от Него категорически и безоговорочно отрекаются. Итак, верование в одного Бога, как известно, являлось фундаментальной доктриной мусульман. “В то мгновение, - говорит Николаи, - когда тамплиер отвергал божество Иисуса Христа, попирая ногами крест, он был обязан торжественно исповедать одного всемогущего Бога, творца неба и земли”. Следовательно, истинной целью *этой церемонии* было исповедание единого Бога.

Вот, в действительности, сущность мистерии *чистого деизма*; и если большинство тамплиеров не желало ее ни понимать, ни принимать; деизм не становился от этого меньшим в глубине их тайной доктрины, скрываемой под *палладиумом* ордена. Что касается арабских надписей на шкатулке из Эссаруа, в них, с одной стороны, усматриваются те же самые принципы и определения манихейства (236); с другой, - мы видим выражение абсолютного деизма; и когда бы мне было позволено что-то поменять в формулировке *Вильке*, то, думаю, дал бы секте или тайному посвящению тамплиеров наименование *магометанского манихейства*.

Тягостной вещью, не оставляющей никакого сомнения в реальном значении *отречения*, является указание со стороны посвятителей пропускать священные слова (евхаристической молитвы — В. Т. - Г.) бескровного жертвоприношения. Свидетельств тому предостаточно: так, брат *Жерар де Созель* (*Gerard de Sauzel*), посвящая в мистерии ордена *Бертрана де Виллера* (*Bertrand de Villers*), желавшего стать капелланом ордена, и давая ему *дозволение* на это, рекомендует неопиту воздерживаться во время совершения им мессы от слов: “*Nos est enim corpus meum*” (237). Брат Стефан из Дижона, священник диоцеза Лангра, посвящавшийся в праздник Вознесения Господня Пьером де Сивреем в

часовне Храма в *Фовернее* (238), заявил, что его посвяtitель предписал ему пропускать четыре слова *канона* всякий раз, когда бы он служил мессу. Брат Вильгельм добавил, что эти слова начинаются: “*hoc est...*” Стефан пообещал, что будет их пропускать, но никогда этого не делал (239). Одно подобное указание было сделано *Эудесу де Дампьеру* (*Eudes de Dampierre*) (240), но он вовсе не ответил посвяtitелю, поскольку категорически намеревался не подписываться под тем, что от него требовалось (241). Такие же признания и чувство отвращения со стороны брата Симона (242) и пр.

Мне не составило бы труда продолжить этот перечень; но полагаю, что достаточно документально осветил различные пункты таинственной ереси тамплиеров, которые, на мой взгляд, особенно подкрепляет запрет на произнесение священных слов в Евхаристии, слишком согласующийся с *отречением*, требовавшимся от посвященных, хотя и встречавший справедливое отвращение со стороны капелланов ордена.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Было более 50 гностических сект (См. каталог Святого Иринея и Святого Епифания. См. также Гиббона - Gibbon, *Decline and Fall*, с. 25).

(2) По словам Маттера, гностицизм являлся эклектическим во всех своих ответвлениях. Верование в то, что Божество проявлялось в религиозных установлениях всех народов позволяло это заимствование (*Hist. du Gnost.*, t. I, p. 44).

(3) Симон, именуемый Магом, происходил из поселка Гиттон в Самарии. Он был учеником мага Досифея, утверждавшего, что он Мессия, предсказанный пророками. Симон Маг проповедовал свою доктрину с 41 года христианской эры (См. Pluquet).

(4) Эти проявления или модусы становились эманациями в системе валентиниан.

(5) В надписи на нашей шкатулке премудрость имеет имя МЕТЕ. В других местах я достаточно доказал синонимичность этого слова с теми словами, которые цитировал.

(6) Он родился в поселке Каката вблизи Пеллы по соседству с Иерусалимом и проповедовал к 72 году от Рождества Христова.

(7) Matter, t. III, p. 16; de Beausobre, t. I, p. 377.

(8) Рожденный в поселке Капартайже в Самарии. Он являлся современником Эбиона и проповедовал свою доктрину около 74 года от Рождества Христова (De Berault-Bergastel, Histoire de l'Eglise).

(9) См. Pluquet.

(10) Matter, t. I, p. 294.

(11) Pluquet.

(12) Около 107 года от Рождества Христова.

(13) Matter, t. I, p. 332.

(14) Matter, t. I, p. 336.

(15) "Os homini dedit".

(16) Он был вместе с Менандром из симонианской школы.

(17) Василид, 110 год н.э., и Карпократ, 120 год н.э. (De Berault-Bergastel, Histoire de l'Eglise).

(18) По Маттеру, основываясь на актах диспута Манеса с Архелаем, Василид был происхождением из Персии.

(19) Pluquet, в статье "Василид".

(20) "Non oportere confiteri eum qui sit cricifixus".

"Не верьте в распятого, в того, кто не является мертвым и не умрет никогда" и пр. Это формулы, возвращающиеся часто в устах посвятителей во время принятия в рыцари Храма. Не правда ли, потрясающая аналогия?

(21) Та же самая система огдоады явно исходит из нескольких расположений фигур или букв алфавита надписи на шкатулке из Эссаруа, что я уже показал в первой части этого произведения: второе обстоятельство весьма решающее, чтобы признать гностический характер шкатулки.

(22) Matter, t. II, p. 189.

(23) Pluquet.

(24) История Церкви аббата де Бери-Бергастеля, т. I, стр. 339 сокращенного издания в 24 томах.

(25) Matter, t. II, p. 32.

(26) "Basilides magister luxuriae et turpissimorum complexuum" (Hier. cont. Jov., lib. II, cap. 16).

Святой Иринея (глава 23) говорит, что Василид полагал в разряд

безразличных вещей наиболее грязный разврат; и Святой Епифаний (Наег. 24, параграф 3, р. 71) сообщал, что нет такого порока, такого бесстыдства, которого бы не позволял Василид своим ученикам.

(27) Matter.

(28) Pluquet.

(29) Matter, t. II, p. 48.

(30) Matter, t. II, p. 50.

(31) Id., lib., p. 54.

(32) Эннойя, Харис, Сиги (греч.), как угодно. (Стр. 53)

(33) Чтобы определить эту премудрость, можно выбрать между София (греч.), МЕТЕ, или еще другими словами. Это всегда душа или Елена Симона, или мать жизни: *mytyr tys zoys* (греч.) манихеев (см. Matter, t. II, p. 80). Симон говорил, что его Елена, которая не что иное, как душа, была заблудшей овечкой, которая вернулась искать и спасать (Ерпф., Наегес., 21, № 3, р. 58). Какая кощунственная пародия на великолепную параболу доброго пастыря! Симон дал душе не только имя Елены, но еще Энной (греч.) и Пруникос (Prounikos) или Прюнице, божественной добродетели, посланной небом в материю, чтобы ею править и ее укротить. Святой Епифаний говорит, что это та же самая добродетель или небесный эон, который другие ереси называют Барберо или Барбело, светлая мать или мать живущих (Ерпф., Наегес., 26, № 10, р. 92; et Наегес., 37, р. 270). (Стр. 53)

Это слово, как говорит Бособр (Histoire critique du Manich., t. II, p. 327), есть искажение сирийского Bar-Bahal, то есть сын Господа.

(34) Id., ib., p. 55.

(35) Id., ib., p. 71.

(36) Id., ib., p. 90.

(37) Около 171 года н.э. Он родился в Сирии (Pluquet).

(38) Де Бери-Бергастель, История Церкви, краткое изложение, т. I, стр. 346.

(39) 151 год от Рождества Христова.

(40) Matter, t. II, p. 106.

(41) Pluquet.

(42) Matter, t. II, p. 107.

(43) *Id., ib.*, p. 108.

(44) *Id., ib.*, p. 109.

(45) *Hist. Crit. Du Manich.*, t. I, p. 422.

(46) *Haeres.*, p. 251.

(47) Если читатель напомним себе, в каких формах я отмечал огдоаду на изображении и на всех аксессуарах шкатулки из Эссаруа, то совсем не удивится, почему в этом отношении я обозначаю ему здесь и там совпадение различных гностических систем.

У Климента Александрийского читаешь замечательный фрагмент по поводу этих восточных доктрин:

греч. текст (*Apud Clem. Alex.*, p. 800). (Стр. 55)

Перевод: “Тот, кого мать рождает миру, идет одновременно в мир и смерть; но тот, кого возрождает Иисус Христос идет в жизнь и в огдоаду”.

(48) Так поступали позднее офиты, каиниты и пр. Святой Епифаний приподнял только край вуали, говоря о маркосианах: “Их бабы и мужики проводят дни и ночи в услаждении своих тел: они мажутся благовониями и упиваются на пирах, и от пиров переходят к другим удовольствиям”.

Без труда поверишь большим безобразиям, когда захочешь поразмышлять над тем, что главные гностические школы, а в особенности офиты, имели тайные доктрины и мистерии (*Matter*, t. II, p. 368), где посвященные преодолевали многие степени и где наиболее достойные доходили до последних передач. Здесь существовали, как раньше в Греции, великие и малые мистерии (*Id., ib.*, p. 380).

(49) *Matter*, t. II, p. 221.

(50) *Pluquet*.

(51) *Matter*, t. II, p. 223.

(52) *Pluquet*.

(53) *Tertullien adv. Marc.*, lib. I, c. 1.

(54) Святой Иринея, Климент Александрийский, Ориген, Святой Епифаний и пр.

(55) *Matter*, t. II, p. 231.

(56) *Tertull. Adv. Marc.*, IV, 19.

(57) “*Pneuma monon*” (греч.) (*Epiph.*, XLII. *Tert.*, I, 19). (Стр. 57)

(58) “*Et relicta civitate Nazareth, venit et habitavit Capharnaum maritima in finibus Zabulon et Nephtali*” (*Matth.* IV, 13).

(59) Pluquet.

(60) См. Евсевия — Eusebius, lib. IV, 11. Эта доктрина Высшего Бога; ее находят и в свидетельских показаниях тамплиеров. Посвятитель Фулька де Труа (Foulques de Troyes) говорит ему верить только в одного Высшего Бога (Doc. in., t. II, p. 384). Посвятитель Жана де Шуна (Jean de Choignes) указывает ему верить лишь в небесного Бога (id., ib.). Посвятитель Бертрана де Монтиньяка (Bertrand de Montigniac) говорит ему верить только в Высшего Небесного Бога, который один мог его спасти (id., ib., p. 404). Есть множество свидетельских показаний подобного рода, которые доказывают, что мистерии посвящения у тамплиеров имели целью внушить им чистый монотеизм. Есть также очень большое разнообразие в этих свидетельских показаниях, но они все доказывают презрение, которое связывалось с божественностью Христа. Другой говорил, что если Иисус Христос и страдал, то не за наши грехи, но за свои собственные. А этими словами профессор упрекал своего дядю, являвшегося его посвятителем и заставившего его принять такую религию: “quare posuerat eum in tali religione” (id., ib., p. 242).

(61) Justin, Apolog. Eriph., Haeres., 42.

(62) Боссюэ. Панегирик Святого Франциска Ассизского.

(63) Matter, 3, p. 309.

(64) Вот поразительные аналогии: в изложении доктрины манихеев есть вопрос об области огня среди пяти элементов, из которых образуется господство тьмы; в сабеянской системе злые духи называются ангелами огня (Matter, 2, p. 396).

(65) Pluquet.

(66) De Berault-Bergastel, loc. cit., t. I, p. 385.

(67) Matter, t. I, p. 353.

(68) Id., ib., p. 352.

(69) Комментарии об Индии, диалоги о судьбе, апологии, гимны и др. (Theodoret, Haeret. Fab., lib. I, p. 209. - Eusebius, Hist. eccl., lib. IV, c. 30).

(70) Аббат Фуше. Мемуары о Надписях и изящной словесности, т. XXXI, стр. 449.

(71) Matter, t. I, p. 361.

(72) Matter, t. I, p. 365.

(73) Id., p. 369.

(74) В число этих сизигий или эманаций Вардессан помещал солнце и луну (Matter, t. I, p. 371): это еще один пункт соответствия с нашей шкатулкой, которая с каждой стороны изображения или МЕТЕ заставляет видеть солнце и луну в числе эманаций, образующих огдоаду.

(75) Святой Августин, de Haer., 46, сказал о манихеях: “Solem et lunam adorant”. В действительности, как говорит де Бособр, манихеи поклонялись только солнцу и луне как частям добра и презирали все другие светила как части зла. Папа Лев I (Sermo 7 In natal. Dom.) сообщает, что есть христиане, которые, прежде чем войти в базилику Святого Петра, останавливались на возвышенных местах и поклонялись солнцу. Очевидно, культ этих христиан был искажен манихейством.

(76) Matter, t. I, p. 378.

(77) Id., ib., p. 381.

(78) Euseb., Prep. evangel., p. 834.

(79) Matter, t. I, p. 388.

(80) Маги говорили: “От вечности существует настолько злой дух, насколько Бог является добрым. Бог есть свет; Ариман есть тьма” (Аббат Фуше. Мемуары о Надписях и изящной словесности, т. XXXI, стр. 210).

(81) Аббат Фуше, loc. cit., p. 108 et 172, различает двух Зороастров: первый, по его словам, учредил тайные мистерии, цель которых была в познании истинного Бога. По первому Зороастру, есть два со-вечных начала, независимых и суверенных в своем порядке: Оромаз, творец добра; Ариман, автор зла.

Второй Зороастр ставил в зависимость от суверенного и независимого существа двух ангелов: одного света и источника всякого добра; другого — тьмы и источника всякого зла.

(82) Вот аксиома из Республики Платона (de Rep. II): “Бог является единственной причиной всякого блага; но для зла, Он не может быть причиной, и необходимо зло отнести к совсем другому, нежели Он”.

По свидетельству Плиния (lib. XXX, cap. 1), философ Хостанес (Hostanes), приведший Ксеркса в Грецию, распространил там восточные доктрины, которые греки со своей природной любознательностью жадно восприняли: “Nec maxime Hostanes, ad rabiem non aviditatem modo scientiae ejus Graecorum populos egit”.

(83) Пифагор, как говорит аббат Фуше (loc., cit., p. 217), соглашался с магами в том, что зло не могло происходить от Бога: необходимо было искать его порождение в не сотворенной субстанции. Если мы доверяем Святому Епифанию, то Скифиан, первый учитель Манеса, по крайней мере, в своих писаниях был обязан догмой о двух началах самому Пифагору (S. Epiaph. advers. Haeres., p. 619). Более того, философия Пифагора для многих являлась заимствованной у халдеев: не стоит удивляться, когда доктрины Манеса встречаются со своими же учениями.

(84) “Doleo bona fide Platonem omnium haereticorum condimentum factum” (De anim., cap. 23).

(85) Разве не могли евреи принести эти доктрины с Востока после своего пленения?

(86) De Beausobre, loc. cit., p. 15.

(87) Гегемоний (Hegemonius) свидетельствует, что Василид сам ходил проповедовать свой гнозис у персов: “fuisse praedicatorum apud Persas etiam Basilidem” (Hegem., Act., p. 101).

(88) De Berault-Bergastel, loc. cit., t. II, p. 215.

(89) Трое из его учеников — Фома, Будда и Ерм (Hermas) — пошли проповедовать манихейство в Египет и Индию (Pluquet).

(90) Id. Христианство, как говорит аббат Фуше (Mem. des Inscriptions et Belles-Lettres, t. XXXI, p. 145), распространялось в Персии со времени Вардессана во II столетии Церкви. Тогда христиане были даже в Бактриане; еще большее их число проживало в Абиадене, соответствующей древней Ассирии. Вера сюда была принесена Святым Фомой.

Христиане имели большой перевес в Персии к середине IV века, пока не испытали преследования со стороны царя Сапора II, пышные звания которого таковы: “Rex regum Sapor, particeps siderum, frater solis et lunae” и пр. Я не говорю просто так об этих роскошных званиях, поскольку они напоминают о культе солнца и луны у персов, о котором я был обязан говорить по поводу изображений звезд на крышке шкатулки из Эссаруа.

(91) Шеристани (Sheristani) доводит число этих сект до 70 (Аббат Фуше, loc. cit., 7-е воспоминание).

(92) De Beausobre, loc. cit., p. 15.

(93) В возрасте 20 лет Святой Августин был манихеем. Тиллемон (Tillemont) относит отпадение в манихейство Святого Августина к 374 году; следовательно, этот великий святой родился в 354 году. Тот же Тиллемон датирует обращение Августина приблизительно 386 годом, то есть в течение 12 лет этот знаменитый атлет христианства оставался увлеченным заблуждением.

(94) Аббат Фуше, *op. cit.*, p. 470.

(95) *Id., ib.*, p. 456.

(96) *Id., ib.*, p. 458.

“Манихеи, - говорит Святой Августин (*de Fide*, cap. 28), - утверждали, что князь демонов был распят вместо Господа”. “Они не хотели верить, - добавляет он, - что Иисус Христос мог испытывать голод, пить, есть, спасать, страдать и, наконец, умирать: “*omnes humanae conditionis simulavit affectus*” (*Faust. ap. S. Aug., l. XXVI, 2*).

(97) *Loc. cit.*, t. I, p. 569.

(98) “*Ut Deum a conditione malorum liberet, alienum mali induxit auctorem*” (*Hieron., cap. 5*).

(99) *Eriph., Haeres., 66*; и Тит де Бостр (*Tite de Bostre*) в своей книге против манихеев.

(100) Аббат Фуше, *loc. cit.*, p. 460. Я цитирую его собственные слова, дабы верно изложить опасную доктрину манихейства.

(101) Это папа Лев I, избранный в 440 году. Он раскрыл ересь в Риме в 443 году и изгнал оттуда большое число манихеев, которых преследование, имевшее место в Восточно-Римской империи, привело в Италию (Искусство сверять даты).

(102) *Sermon IV, ep. 11, ad episc. per Ital.*

(103) Греки, как говорит де Бособр (*loc. cit.*, t. II, p. 742), обвиняли манихеев в преступлении слишком известном на Востоке и в Италии. Толлиус (*Tollius*) и Котелье (*Cotelier*): в формуле отречения, под которой греки заставляли подписываться всех обращавшихся манихеев, прозелит должен был сказать: “Я анафематствую всех, кто совершает противоестественный грех”.

(104) *De Beausobre, loc. cit.*, t. II, p. 721.

(105) Энkratиты или воздерживающиеся рассматривали вино как

смертельный яд для целомудрия; также Север, один из самых знаменитых в этой секте изобразил этот странный миф: дьявол породил змею, которая, ощущая в себе колкость вожделения, смешалась с землей как муж с женой; и земля, отяжелев от семени змеи, породила виноградную лозу. Именно по этой причине ветви винограда повторяют складки и изгибы змеи (S. Eriph., Haeres., XLV, p. 388).

(106) Евтихий говорит, что Иеракс (Hierax), один из двенадцати миссионеров Манеса, имел такой успех в Египте, что большая часть монахов этой страны стали манихеями (De Beausobre, loc. cit., t. II, p. 742).

(107) См. аббата Фуше, op. cit., p. 468.

(108) Аббат Фуше, loc. cit., p. 473.

(109) De Beausobre, t. II, p. 704.

(110) Id., ib., p. 623.

(111) Id., ib., p. 491.

(112) Id., ib., p. 629.

(113) De Beausobre, loc. cit., p. 704.

(114) Sophia, Ennoia, nous (греч.), МЕТЕ, как угодно. (Стр. 67)

(115) Вот, как известно, сущность гностицизма.

(116) См. Святого Августина de Morib. Manich., cap. 15 et 16, et contra Faustum, lib. VI. - Как здесь не вспомнить надпись на нашей шкатулке.

(117) Де Бособр (loc. cit., t. II, p. 558) дает здесь только перевод самого Святого Августина.

Метемпсихоз манихеев доходил вплоть до придания душ семенам цветов, фруктов и овощей, если правильно перевести следующее:

(греч.) (S. Eriph., p. 649) (Стр. 67)

Манихеи учили, что дерево плачет, когда срывают с него плод, и что сам этот плод чувствует скорбь: “Ne aliquid inde sine cruciatu eorum quenquam posse vellere aut carpere” (S. Aug., loc. cit).

(118) Известно какое неммыслимое заблуждение Манес или его сектанты возводили своей ересью на возвышенное таинство освящения хлеба в Евхаристии. Именно так они искажали большую часть верований, чтобы произвести свое печальное систематическое единство.

(119) См. де Бособр, loc. cit., p. 557

“Есть манихейские верующие, которые до того исказили свое представление, что занимаются выращиванием только инжира и дынь,

как плодов наиболее мясистых и исполненных сокровищами Бога, страждущего Иисуса” (S. Aug., de Morib. Manich, cap. 16).

(120) De Beausobre, loc. cit., p. 591.

(121) Nom. de Clement XVI, № 11, p. 735.

(122) Фенелон.

(123) Автор Анналов Средневековья и пр., член академии Дижона.

(124) См. в этом произведении пояснительную таблицу изображения на шкатулке из Эссаруа.

(125) Рискую повториться, но вот пример этого слияния: Фауст, так называемый епископ манихеев, великий ревнитель секты, против которого Святой Августин составил знаменитый трактат, признавал Отца, живущего в непреступном свете (здесь я предоставляю говорить Боссюэ); Сына, пребывающего во втором видимом свете; но двойном, согласно апостолу, который нам говорит о добродетели и мудрости Иисуса Христа, чья добродетель пребывала на солнце, а мудрость на луне. Обитель Святого Духа была в окружающем нас воздухе (Bossuet, Hist. des Var., liv. XI).

(126) Id., ibid.

(127) См. Matter, 2 edit., t. III, p. 213; и Schmidt, Hist. des Cathari, t. I, p. 17.

(128) Около 440 года н.э.

(129) Маттер, т. III, стр. 215, говорит, что эта секта является воскресением гностиков-маркионитов; и Шмидт, т. II, стр. 262, сообщает, что павликиане идут от гностической группы из Сирии.

(130) Столица Комагены, находившаяся на крайнем севере Сирии и на границах с Арменией.

См. Matter, t. III, p. 215; и Bossuet, Hist. des Var., liv. XI. Последний считает, что имя павликиан пришло к сектантам Манеса от их главы Павла; но многие весомые авторитеты мешают мне разделить это мнение.

(131) По соседству с Неокесарией в центре Понтийского царства (Gibbon, chap. 54, Dec. de l'Emp. rom.)

(132) Segur, loc. cit., t. II, p. 410 и следующие.

(133) Gibbon, loc. cit., ch. 54.

(134) Патриарх Фотий считает, что павликиане не что иное, как манихеи (Photius adv. Paulicinistas seu recentiores Manichaeos, lib. XIV Bib. Coisl., p. 349). того же самого мнения придерживается и Феофан:

“Манихеи, - говорит он, - теперь называются павликианами” (Joan. Ozniensis adv. Paulic., p. 87). Петр Сицилийский, написавший об этих сектантах больше всего обзоров и знавший их намного лучше, поскольку был отправлен к ним с посольством императором Василием (Matter, t. III, p. 215 и 218; и Bossuet, loc. cit.), не сомневается в том, что имел дело с манихеями. Так же, как эти последние, павликиане, предпочитают Святого Павла всем священным писателям (Matter, t. III, p. 217); они борются с культом икон (id., ib., p. 222); они рассматривают Ветхий Завет как произведение злого начала, отвергают воплощение, считая Иисуса Христа как бы призраком; они воздерживаются от мяса животных (Bossuet, loc. cit.); они не проповедают уважение к кресту (Matter, ib., p. 237) и совершают всякие виды бесчестий (id., ib., p. 242) и пр.

Мнение, что павликиане не что иное, как манихеи, разделяет Ламбер Дано (Lambert Daneau, Notae in Augustinum, cap. 46, fol. M. 119), а также Томассен (Thomassin, de l'Unite de l'Eglise, t. I, part. II, ch. 9, p. 378).

(135) Cedrenus, t. II, p. 480 et 541. - Bossuet, loc. cit.

(136) С 741 года саррацины господствовали в Сирии, Персии, Палестине, Африке и в Испании (Segur, loc. cit., p. 410); и без воинского гения Карла Мартела франки могли бы сделаться их данниками.

(137) С 845 по 880 год. См. Bossuet, loc. cit.; и Gibbon, loc. cit., t. IX, chap. 54, p. 15 и следующие.

(138) Кедрен (Cedrenus) называет эту цитадель Тефрикой, а Боссюэ ей дает имя Тибрики.

(139) Соседняя с Фракией провинция, которая уже была заражена этой ересью (Bossuet, loc. cit.)

(140) Schmidt, t. I, p. 2.

(141) Gibbon, loc. cit., p. 16.

(142) Gibbon, loc. cit., p. 19.

(143) Zouare (t. II, l. XVII, p. 209), Anna Comnena (Alexias, l. XIV, p. 450 и следующие).

Эта страна, безусловно, Болгария, откуда как из центра сектанты распространяли свое влияние на Европу и Азию.

(144) Согласно Евфимию, это имя болгарского происхождения (Narratio de Bogomil, p. 5). Оно сложено из славянских слов бог, означающего Бога, и милуй, то есть имей жалость; таким образом, богомил является

человеком, умоляющим о милосердии Бога. Гизелер (Gieseler) (edit. D'Euthymius, p. 5, note 2) говорит, что богомил обозначает человека, любящего Бога, или возлюбленного Бога: это делает слово *bogomil* или *bohomił* настоящим синонимом греческого *Theophilos* (греч.), что переводится как друг Бога.

(145) Имя *cathari* происходит от *catharoi* (греч.), чистые или совершенные. Это просто имя, взятое среди степеней манихейского посвящения: ведь манихеи, как говорит Боссюэ (loc. cit.), имели своего папу, слушателей и избранных. Деление катаров на совершенных и верующих, сообщает Шмидт (loc. cit., t. II, p. 256), напоминает деление манихеев на избранных и слушателей. (Стр. 73)

В Германии катары стали хазарами (*chazares*) и кетцер (*ketzer*), в Италии — катарини и т. д. Эти еретики носили различные имена: иногда по местностям, где проповедовали свои доктрины (как тулузцы, альбигойцы и пр.); иногда по достаточно часто вульгарно искажаемым именам, как патарены (*patariens*) вместо катарены (*cathariens*) или катары (*cathari*), попеликаны (*popelicaïns*) или публиканы (*publicains*) вместо павликиан. От страны их происхождения их называют также Булгары (*Bulgares*) (Matter, t. III, p. 273), Булгры (*Bulgres*), Бугры (*Bugres*) и одним именем, от написания которого я воздерживаюсь.

Если постараться поразмышлять над этим в поиске источников, то можно увидеть, что не стоит бояться имен; но, к несчастью, они достаточно часто в истории оказывают большое влияние, чтобы сбить с толку истину: значит, будет лучше для темы, которая нас занимает, привязаться к родовому названию манихеи, которое и является верным.

(146) Этот последний вполне осведомлен, потому что отдельно исследовал секту богомилов.

(147) Константинополь.

(148) Schmidt, loc. cit, t. I, p. 13.

(149) В XI столетии катары назывались манихеями монахом Адемаром де Шабанэ (*Adhemar de Chabanais*) (p. 159), епископом Роже де Шалон (*Roger de Chalon*) (*Gesta Episcop. Leodiens.*, 899); так же, как и в XII веке Раулем Пылким (*Raoul Ardent*), проповедником герцога Аквитании (p. 9), аббатом Гибертом де Ножаном (*Guibert de Nogent*)

(р. 520), монахом Генрихом, автором Летописи Корби (*Fastes de Corbie*) (р. 77), прелатами, собранными на Реймский собор в 1157 году (*Mansi*, XXI, 843) и т. д.

Монах Ренье (*Renier*), писавший от 1250 до 1254 года, говорит о манихейских церквях Болгарии, откуда происходят все другие в секте. Винье (*Vignier*) подтверждает то же самое. Итак, о манихействе катар можно доверять монаху Ренье, проведшему 17 лет среди этих еретиков, который в своей книге *de Haereticis* именуется братом Ренье, бывшим ересиархом и теперь священником. “Повсюду очень ясно видны в этой книге, - говорит нам Боссюэ, - принципы, нечестивости и всякий дух манихейства. Среди них, кроме чистых, были верующие, не допускавшие во все мистерии. Ренье делает точное перечисление церквей катаров и завершает словами: “Я не вижу, как можно было сомневаться в манихействе Альбигойцев, которые произошли от манихеев Болгарии” (*Bossuet*, loc. cit.)

Фюслин (*Fueslin*), опытный учетчик сект Средневековья, говорит, что манихеи распространились в IX веке в Болгарии, в X веке в Италии и в XI веке во Франции и Германии. Иоанн Лами (*Jean Lami*), итальянский ученый, опубликовавший любопытные документы о катарах, полагает, что есть основание верить, что в X веке существовали манихейские учреждения в Болгарии и именно оттуда ересь распространилась по остальной Европе (t. II, p. 479). Добросовестный историк Крестовых Походов Мишо (*Michaud*) принимает то же самое мнение.

(150) В 1017 году (См. *Bossuet*, loc. cit.)

В середине XI века император Генрих IV раскрывает манихеев в Госларе в Швабии. Экберт (*Ecbert*) их отмечает вокруг Кельна (*Ecbert*, serm. 13, adv. Cathar.) Они избегали обычая употребления мяса под предлогом, что дьявол, как они утверждали, его создатель (*id.*, sermo 6).

(151) Гериберт (*Heribert*) и Лизойюс (*Lisoius*).

(152) *Nobiles, clerici, presbyteri, monachi et monachae* (*Mabillon*, *Analect.*, t. III, p. 483, edit. Nov.)

(153) Страницы 477, 481.

(154) Избранный папой в 1198 году.

(155) В это время (а именно в 1223 году), как говорит Матвей

Парижский, еретики альбигойцы имели своего антипапу Варфоломея в пределах Болгарии, Хорватии и Далмации (Matth. Paris, ann. 1223, p. 317, in Henr. III).

(156) Т. III, p. 275.

(157) “Hanc haeresim usque ad haec tempora occultatam fuisse a temporibus martyrum et permansisse in Graecia et quibusdam aliis terris” (Evervinus, 457 – Schmidt, t. I, p. 2).

(158) Евфимий Зигабен (р. 486) говорит, что эта секта богомилов является манихейством в гностической форме павликианства (см. Matter, t. III, p. 294). Потребовалось много исследований, чтобы сказать, что богомилы суть манихеи, которые имеют в своих предшественниках гностиков.

(159) Schmidt, t. I, p. 14.

(160) Id., ibid.

(161) Катары Реймса, Арраса, Ажана (Schmidt, t. II, p. 273).

(162) Катары Реймса, Орлеана, Суассона (Id., ib.)

В общем, неизвестно, что определенный ответ, который дается чересчур любопытным детям, скрывает свое происхождение в манихейской догме. “Христос, - говорят богомилы, - пришел свыше, войдя в Деву Марию через правое ухо, облачился материальной плотью, подобной видимому телу, но фактически нематериальной и достойной Бога; после вышел так же, как и вошел, и Дева Мария, не ведая ни его вхождения, ни его выхода, нашла его спящим в вертепе” (Matter, t. III, p. 302). После исполнения своей миссии Христос был вновь поглощен в лоне Творца, откуда он вышел как эманация: _____ (греч.) (Euthymius, sect. 8). (Стр. 78)

(163) Катары Орлеана, Арраса, Ажана, Суассона (Schmidt, t. II, p. 273).

(164) Катары Реймса, Орлеана, Арраса, Шалона, Ажана, Суассона, Монтефорта (Id., ib.)

(165) Катары Реймса, Шалона, Ажана, Суассона, Монтефорта, Гослара (Id., ib.)

(166) Катары Орлеана, Арраса (Id., ib.)

(167) Катары Арраса, в частности (Id., ib.)

(168) В Тулузе в 1310 году были сожжены тридцать четыре трупа

после их эксгумации; сносились дома, которые занимались манихеями (Schmidt, loc. cit., t. I, p. 356 и следующие).

(169) Избранный в 1305 году.

(170) Schmidt, loc. cit., p. 354.

(171) Id., ib., p. 360.

(172) Вот прекрасно и глубоко прочувствованная фраза Боссюэ: “Мир, наполнившись желчью, порождает Лютера и Кальвина, которые разделяют христианство по округам (кантонам)” (Hist. des Variations, liv. XI).

(173) Иконоборчество, презрение к папской власти, принцип упорядочивать все со Священным Писанием, как каждый сам его понимает и т. д.

(174) Bossuet, loc. cit.

(175) Schmidt, loc. cit., t. 1, p. 14.

(176) Id., ib.

(177) Id., ib.

(178) Id., ib.

(179) Аббат Фуше — L'abbé Foucher, loc. cit., p. 480.

“Существует, - говорит де Бособр (loc. cit., p. 603), - одна христианская секта, которую арабы называли саби; секта еще известна под именем христиан Святого Иоанна Крестителя; именно ее обвиняли в манихействе. Сам Магомет ей оказывал большие снисхождения”.

Эта секта, по утверждению Маттера (t. I, p. 326), имеет в своем учении паразитические аналогии с такими знаменитыми гностическими системами как Валентина и, главным образом, офитов, живучей секты из-за своих развращенных нравов. В общем, как добавляет тот же автор (t. III, p. 204), Магомет знал многих схизматических христиан.

(180) Оба мировоззрения. магизм и магометанство, предполагают верховного Бога, бесконечного по силе и мудрости (это высший Бог гностиков). Ариман, или злое начало у магов, мало чем отличается от Эблиса магометан и Сатаны евреев. Догма о бессмертии души и ее посмертном воздаянии является общей для магов и магометан. Одни и другие полагали, что их религия была создана неким привилегированным существом, обладавшим своей небесной миссией. Маги и магометане

одинаково отвергали идолопоклонство. Главный культ магов и магометан заключается в установленных молитвах (см. Воспоминание Фрере о персах — aux Inscriptions et belles-lettres, Memoire de Freret sur les Perses, t. XVI, p. 247).

(181) Id., t. XXXII, p. 413, Brecquigny.

(182) История Византийской Империи — Histoire du Bas-Empire, in 8, t. II, p. 290.

(183) “Вопрос, который, мне кажется, достоин исследования, касается внутренней доктрины ордена тамплиеров, их смыкания с определенными мнениями магометанства и определенными тенденциями современных сект” (Matter, t. III, p. 321).

(184) Вильке. История тамплиеров согласно новым источникам — Wilcke. Histoire des Templiers d'apres des sources nouvelles. Leipsick, 1826, t. I, p. 354.

(185) Это обстоятельство удачно для констатации по причине влияния идей и примеров. Тамплиеры еще занимали в Сирии Сайетт или Сидон и несколько укрепленных замков в окрестностях горной гряды Ливана.

(186) Год 441 хиджры.

(187) Откуда имя унитариян, которое дали сторонникам этой доктрины.

(188) Всего их 46.

(189) Видно, что персонифицированы даже свойства Хакема, к примеру, второе — душа благодаря Исмаилу. Отсюда друзы также носят имя исмаилитов, хотя оно больше относится к гашишинам.

(190) “Изложение религии друзов” Сильвестра де Саси, 2 том, стр. 90.

(191) De Sacy, ib., p. 83.

(192) Id., ib., p. 105.

(193) Одним из самых драгоценных слов Бога является Логос (греч.), то есть Иисус Христос: так гласила доктрина Маркуса.

(194) De Sacy, ib., p. 146 et 553.

(195) Id., t. I, p. 26.

(196) Id., t. II, p. 3.

Хамза говорит еще выпенненным языком Востока следующее: “Если бы все деревья земли превратились в перья, а море обратилось бы в

чернила, а после него стало бы еще семь подобных морей, то даже этого оказалось бы недостаточно, чтобы описать все слова Бога” (Id., ib., p. 159).

(197) Id., t. I, p. 87.

(198) De Sacy, t. I, p. 27.

(199) Id., ib., p. 127.

(200) Среди всех народов, говорит один даис, маги и сабеяне являются теми, чья доктрина наиболее приближена к учению друзов (Id., ib., p. 149).

(201) Пакоцке (Pascocke) в Истории арабов и Марасей (Marasei) в Отвержении Алькорана познакомили с этой сектой нозаири.

(202) Silv. De Sacy, loc. cit., t. II, p. 559.

(203) “Вот, - говорит Бейль, - обыкновенная энергия, вот подводный камень всех этих сект, желавших отличиться моральными парадоксами. Вникнете глубже, и вы увидите, что если и есть определенная вещь, способная их разоблачить, так это отношение к чувственным удовольствиям; вот слабое место крепости, и через него враг идет на приступ; это червь, который никогда не умирает, и огонь, который никогда не угасает” (Бейль, в статье “Злой шутник”).

(204) Фон Гаммер, История ордена ассасинов - De Hammer, Histoire de l'ordre des Assassins, trad. par Hellert, p. 23.

(205) Это имя им давали сирийцы от арабского слова *hassa*, что означает убивать. То же самое слово было взято и нашим французским языком (Memoires des Insc., t. XVI, p. 155).

(206) De Hammer, loc. cit., p. 95.

(207) То есть посвященный в аллегорическом смысле.

(208) 483 год хиджры, 1090 от Рождества Христова.

(209) По ту сторону Багдада в персидской провинции, носящей имя Джебаль (Dschebal) или Ираки-Аджеми (Iraki-Adschemi).

Он имел титул Сидна-Сидней (Sidna-Sidney), то есть наш господин, или Шейх-аль-Джебаль — старец горы.

(210) De Hammer, loc. cit., p. 182. Сведения в отношении числа этих сектантов несколько варьируются. Вильгельм, епископ Тира, ее исчисляет в шестьдесят тысяч; Иаков, епископ Акки, в сорок тысяч. Как бы то ни было, эта секта распространяла террор вокруг себя, и потребовалась страшная сила египетского султана Бибарса, чтобы ей нанести около 1165 года непоправимый удар.

(211) Крепости Кадмус, Калаф, Масзиат, Аккас, Хосзналекиад, Сафита, Алика, Хосзналькарнин, Сихихун, Сарним и пр.

(212) De Hammer, loc. cit., p. 201 et 314.

Вот сам перевод: “ассасины платили тамплиерам, своим наиболее близким соседям в горах, дань две тысячи дукатов”.

(213) Таковое было и у ассасинов: по знаку великого магистра его рефики с усердием низвергались вниз с высоты их крепостей.

Вот поразительный пример, приведенный господином фон Гаммером (*Histoire de l'ordre des Assassins, trad. de Hellert et de La Nourais, p. 210*).

“Генрих, граф Шампанский, направляясь в Армению, проезжал вблизи территорий ассасинов; великий приор, преемник Синана, отправил к нему посольство, чтобы выразить приветствие графу и пригласить его посетить свой замок. Граф принял приглашение; великий приор вышел к нему навстречу и принял своего гостя с великими почестями. Затем он его заставил посетить множество замков и крепостей, приведя его в одну, башни которой были потрясающей высоты: на каждом зубце этих башен было по два часовых, одетых в белое, и, следовательно, посвященных в тайную доктрину. Великий приор говорит графу: “Нет сомнения, что Вы никогда не увидите слуг более послушных, нежели мои”. В то же время он сделал знак: двое из этих людей низверглись с высоты и в мгновение испустили дух, ужасно искалечившись. Великий приор добавил, повернувшись к графу, оцепеневшему от удивления: “Если Вы пожелаете, то по малейшему знаку с моей стороны все эти одетые в белое люди одинаково низвергнутся вниз с высоты зубцов”. Генрих его поблагодарил, согласившись, что ни один из христианских князей не мог бы рассчитывать на подобную преданность со стороны своих подданных”.

(214) Секта существовала, как мы видели, перед 1090 годом, а орден тамплиеров был основан только в 1118 году.

(215) De Hammer, loc. cit., p. 128.

(216) Вот то, что сказано об этом Маттером, т. III, стр. 313:

“Василия сожгли в том же самом 118 году, когда был основан орден тамплиеров, которых мы рассматриваем, по меньшей мере, как сообщников богомилов”.

(217) Характер этих еретиков, как пишет Боссюэ, направлял их на смешение с верными и укрывательство под видом исповедания кафолической веры (Hist. des Var., l. XI).

Эти манихеи представлялись католиками, посредством лжи изменяя своим суждениям (Петр Сицилийский, в начале Истории манихеев).

Кедрен отмечает ту же самую основную черту у павликиан.

“Раса богомила, - говорит Анна Комнин, - является по сути вещей наиболее лицемерной. Вы не увидели бы ни одного его волоса при свете дня. Богомил скрывает зло под самой плотной одеждой и как будто в шёлковом коконе; он суровой наружности: с покрытой головой вплоть до носа, ходит согбенно и весьма кротко разговаривает; но это волк, которого нельзя остановить” (Alex. XV, p. 186).

(218) Matter, t. III, p. 313.

(219) И гностики одновременно нас заставляют ее увидеть.

(220) См. таблицу напротив изображения и то, что я говорил в этом произведении по поводу страждущего Иисуса.

(221) Euthymius, sect. XIV. - Matter, t. III, p. 305.

(222) На нашей шкатулке Суверенная Премудрость обозначена именем МЕТЕ.

(223) Euthymius, sect. 23. - Matter, t. III, p. 305.

(224) Посвятитель хочет заставить сказать брата Адама де Волленкура (Adam de Vollencourt), что Иисус Христос есть лжепророк, и посвященный говорит это “non cum intencione, non cum corde” (Doc. in., t. I, p. 409). Посвятитель брата Жана де Пон-л’Эвека (Jean de Pont-l’Eveque) говорит ему, показывая распятие, не верить этому изображению, которое воспроизводит не Бога, но лжепророка (Id., ib., p. 136). То же самое говорилось и брату Жану де Сено (Jean de Senaud) (Id., ib., p. 136). Брат Раймон д’Альмавен (Raymond d’Almavin) отрекся от пророка, но только устами, когда его посвячитель ему сказал: “quod abnegaret la propheta” (sic) [Id., ib., p. 196]. Брат Готтфрид де Шарней (Gaufrid de Charney) исполнил приказание отречься от лжепророка (Id., ib., p. 295). См. еще id., ib., p. 383, 384, 404, etc.

(225) Doc. in., t. II, p. 196.

(226) “Sed de hoc obloquebantur” (Doc. in., t. II, p. 209).

(227) Id., ib., p. 215.

(228) *Id., ib., p. 400.*

(229) *Id., ib.*

(230) *Quia vicio sodomitico laborabant et quia fidem suam et legem prevaricati fuerant (Id., t. I, p. 44).*

(231) “*Serviebat soldano*” (*Id., ib.*)

(232) Шотландское масонство, 1788, стр. 101 и следующие.

(233) Немногим позднее рыцари Храма отказались соединить свои силы с Имперскими войсками, поскольку это перемирие не истекло (Сборник Бара). Это соблюдение, основанное на клятвенном слове, должно было сделать их выдающимися и вызвать к ним уважение и почтение среди мусульман.

(234) *Histoire de France, t. III, p. 136.*

(235) Василид утверждает, что Иисус Христос не умер на кресте. Валентин говорит, что есть Высший Христос, который никогда не умирал. Кассиан и Кердон рассматривают тело Иисуса Христа как видимое и призрачное. Маркион говорит, что Иисус Христос является чистым духом, который никогда не умирал и никогда не страдал. Вардессан придерживается того, что Иисус Христос претерпел лишь внешнюю смерть и т. д.

(236) **ДА БУДЕТ ПРОСЛАВЛЕН ДУХ, КОТОРЫЙ ЗАСТАВЛЯЕТ ПРОРАСТАТЬ И ЦВЕСТИ!** Вот точное выражение нашей арабской надписи. Значит, не стоит упускать из вида поразительную аналогию этого духа с Иисусом манихея Фавста, **СТРАЖДУЩЕГО ИИСУСА, ВИСЯЩЕГО НА ВСЕХ ДЕРЕВЬЯХ И ПОЛЗАЮЩЕГО В РАСТЕНИЯХ.**

В религии друзов, первоначальным источником которой является магизм, заметны эти непрестанно повторяющиеся слова: “Господь, чья сила да прославится, чье имя да прославится и т. д.” (Де Саси, Изложение религии друзов, т. I, стр. 26, 160, 168).

Что касается срамных поцелуев, то они — еще одни печальные символы манихейства. Наш учитель, как говорили ученики Манеса (См. Ritter, *Hist. de la Phil. Chret.*, p. 143, trad. de Trullard), учил нас началу, середине и концу. Эта формула далеко заводит в философии Востока и, кажется, чем более идея является незапамятной у людей, тем более они ее разнообразно переводят и зачастую самыми непристойными знаками. Пифагор этому научился в своих путешествиях, ибо он признавал три

души, представленных тремя частями тела: nous (греч.), или божественный дух, размещавшийся в голове; грубая душа, располагавшаяся в животе; и тонкая душа, занимавшая середину между двумя другими. Последнюю он помещал в груди, рассматривая ее как подчиненную двум другим (Аббат Фуше. Мемуары о Надписях и изящной словесности, т. XXXI, стр. 218). Когда человек у друзей отказывался от многобожия, говорили, что он отказался от культа азас (задницы, заднего прохода), чтобы обозначить то, что он отказался от всего самого грубого (De Sacy, loc. cit., t. I, p. 104).

(237) Doc. in., t. II, p. 122.

(238) Писалось Таверниако (Taverniaco) вместо Фаверниако (Faverniaco).

(239) Doc. in., t. I, p. 303.

“Respondit quod in receptione sua fuit sibi dictum per predictum preceptorem quod, quando celebraret missam obmitteret IIIor (sic) verba canonis; et frater Guillelmus de Belna predictus, qui sciebat aliquantulum de litteris, dixit ipsi testi quod ista erant illa verba que debebat obmittere videlicet que incipiunt hoc est, et ipse testis respondit quod ea obmitteret, verumtamen nunquam obmisit ea celebrando, ut dixit” (Id., ib.). Латинский текст воспроизведен здесь, как и в других местах, со своей орфографией.

(240) Id., ib., p. 307.

(241) Id., ib., p. 313.

(242) Id., ibid.

ОБЪЯСНЕНИЕ СЛОВА ZONAR, КОТОРОЕ ЗАВЕРШАЕТ АРАБСКУЮ НАДПИСЬ НА ШКАТУЛКЕ

Пояс, *zonar*, являлся символом посвящения у *магов* и *брахманов* на разных степенях их священных орденов; и *Ид* (*Nude*) (1) замечает, что магометане называют *zonati*, то есть опоясанные, сектантов древних магов. Согласно Сад-деру (2), священной книге, содержащей краткое изложение наставлений Зороастра, именно Бог предписал людям носить пояса в знак должного послушания Творцу. Все христиане Леванта — сирийцы, арабы, египтяне и копты — думали, что совершили бы грех, если бы пришли в церковь без пояса (3). Они основываются на фрагменте из Святого Луки: “*Sint lumbi vestri praecincti*” - “*Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи*” (От Луки Святое Благовествование, Глава 12, стих 35). Пояс играет столь важную роль на Востоке, что если епископ, к примеру, желает кого-нибудь отлучить, то разрезает или раздирает его пояс (4). Следующий факт, взятый у *Ида* (5), рассказан Бособром следующим образом: “В IX столетии (6) ловкий врачеватель по имени *Хонаин* (*Honain*), видя у одного христианина из *Багдада* картину, на которой Иисус Христос был изображен со своими учениками и перед которой горел светильник, говорит хозяину дома: “Зачем бесполезно расточаете ваше масло? Ведь это ни Иисус Христос и ни его апостолы: *это лишь их изображения*”. Здесь присутствовал другой христианин по имени *Тифарий* (*Tipharius*), питавший зависть к фортуне врачевателя и сказавший ему: “Если это изображение недостойно благоговения, *то плюньте поверх него*”. Хонаин так и сделал, а Тифарий изобличил его перед *католикосом Персии*. Этот прелат отлучил врачевателя от церкви, *разрезав его пояс* (7)”.

Этот факт очень ценен для нас, поскольку подтверждает две важные вещи: восточный обычай ношения поясов и вид оскорбления, которым выражалось презрение к изображениям. Со всей очевидностью тамплиеры заимствовали у сирийцев символ, выражаемый поясом, и больше того — копирование *кощунственных плевков*. Что касается природы упомянутого мной символа, то рыцари Храма достаточно открывают ее в своих свидетельских показаниях: большинство говорит,

что носили веревку или пояс в знак принесенного обета целомудрия (8). Один из братьев заявил, что носил этот пояс по написанному в Евангелии от Святого Луки (9).

Прежде чем завершить часть, где был исследован поставленный нами вопрос, как представляется, во всех его аспектах, в двух словах необходимо подвести итог. Справляясь в истории Франции *Отца Даниэля* (10), меня поразило следующее изречение: “Нельзя без неосторожности не верить приведенным против тамплиеров доказательствам”. Однако *Отцу Грифффе* (*P. Griffet*), его комментатор, совершенно иного мнения: он желал, чтобы ему вместе с обвиняемыми предъявили *идол*, которому поклонялись в капитулах, и завершает выражение своего мнения словами: “Итак, мы не видим ни в актах, оставшихся для нас, ни в буллах папы, ни в письмах короля, чтобы приводились против тамплиеров эти немые свидетельства, показание которых сильнее и решительнее, чем признания говорящих свидетелей”.

“Можно разрешить эти сложности, - добавляет затем добрый отец, - лишь сказав, что тамплиеры ожидали долгое время расследования, и *один страх перед ним заставлял уничтожать столь убедительные доказательства, когда рыцари были еще свободны и имели возможность их уничтожить* (11)”.

Со своей стороны, ожидая от себя полного объяснения барельефов шкатулки господина герцога де Блакаса в этом несколько проблематичном труде, я на мгновение перевожу дыхание и оставляю решать читателю, смог ли я привести к согласию отцов Даниэля и Грифффе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Anc. Relig. Des Perses, ch XXX, p. 371.
- (2) L. 11, c. 4.
- (3) “Ad ecclesiam absque zona accedere” (Hyde, *ibid.*)
- (4) De Beausobre, Hist. du Manich., t. I, p. 198.
- (5) *Ibid.*

(6) 247 год хиджры, 861 год от Рождества Христова.

(7) De Beausobre, loc. cit., t. I, p. 199.

(8) “Quas quidem cordulas debent portare omni tempore supra camisias ad designandam castitatem quam se serveturos in ingressus sui ordinis promiserant” (Doc. in., t. II, p. 504). См. также id., t. I, p. 618; t. II, p. 46, 102, 503 etc., etc.

(9) Id., ib., p. 431.

(10) In-4; t. V, ann. 1307.

(11) Hist. de France du P. Daniel, in-4 t. V, p. 202, № 34 des Notes du P. Griffet (№ 34 заметок отца Гриффе).

NB

Фрагменты и слова на древнегреческом с указанием стр. текста оригинала:

1. с. 9

2. с. 53

3. с. 53

4. с. 55

5. с. 57

6. с. 67

7. с. 67

8. с. 78

Объяснение изображения (таблица гностического изображения)

1. Правая рука и правая сторона гностического персонажа.

2. Голова изображения.

3. О Бог Господь наш!

4. Левая сторона гностического персонажа.

5. Пойте.

6. Соединение слов двух линий правой и левой сторон в их логическом порядке с переводом.

7. Он, дух или мудрость,

8. который заставляет прорасти и цвести.

9. Будь прославлен!

10. Наше происхождение было и меня с семью.

11. Отвергая,
12. будучи противоположным ортодоксии (правоверию) гетеродокс (иноверец).
13. Удовольствие
14. тебя окружает.

Примечания к таблице гностического изображения

1. Текст дает объяснение этой изолированной буквы
2. Гностический эон был андрогином.
3. Постыдное слово, которое я объясняю в тексте как могу.
4. Zonag по-арабски означает пояс. Это слово произошло от подобного же греческого слова Ζωνη (греч.)
5. Эти буквы верхнего подчеркивания не что иное, как слово ΜΕΤΕ, усеченное и переставленное таким же образом, как и буква Ν верхнего подчеркивания переставлена от слова κία. Я говорил о ее смысле в первой части этого произведения.

Houe METE zonar sebaa B.⁽¹⁾

Соединение слов двух линий правой и левой сторон
в их логическом порядке и перевод:

Да будет	{ он, дух или мудрость ⁽²⁾	который заставляет произрастать и цвести (germinans)
	Houe METE	nach
	Tanker	mouunkir
	отрекающийся	и противопоставляющийся, гетеродокс (еретик)

N̄ neslna k̄ia tanker

- (1) Текст дает объяснение этой изолированной букве.
- (2) Гностический эон являлся *андрогином*.
- (3) Отвратительное слово, которое я объяснил в тексте как смог (см. 1 часть).
- (4) Zonar по-арабски означает пояс. Слово соответствует тому же греческому Ζτ<ζ.
- (5) Эти сверху подчеркнутые буквы ничто иное, как разделенное и переставленное слово METE. Подобным же образом подчеркнутая сверху буква N̄, была переставлена от слова k̄ia, смысл чего я объяснял в 1 части.

mouunkir teaala tiz.

Правая рука
и правая сторона
гностического
персонажа

прославлен
или прославлена!

Наше происхождение
и меня было с семьёю

teaala kiane neslna fiana sebaa

tiz⁽³⁾
удовольствие

zonar⁽⁴⁾
тебя
опоясывает

fiana nach $\overline{\text{TE}} \overline{\text{M}}$ ⁽⁵⁾

Левая сторона

Голова изображения
Jah la la Sidna
О Бог, наш господин!

**ПРОДОЛЖЕНИЕ МОНОГРАФИИ
О ШКАТУЛКЕ
ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА
ИЛИ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА МАНИХЕЙСТВА
ОРДЕНА ХРАМА**

**Томас Жоашен Александр Проспер МИНЬЯР,
КОРРЕСПОНДЕНТ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО
ПРОСВЕЩЕНИЯ И НЕСКОЛЬКИХ АКАДЕМИЙ**

**ПАРИЖ,
ДЕМУЛЕН, НАБЕРЕЖНАЯ АВГУСТИНЦЕВ, 13
1853**

КРАТКИЙ ОБЗОР

Символизм гностических сект и то, чем они обязаны Александрийской школе: например, семь символических персонажей, связанных с мифом о ПРЕМУДРОСТИ; система эманаций и андрогинизма и пр. Опасные неоплатонические доктрины, переходящие в гнозис. Широкое толкование и синкретизм символа или мифа о ПРЕМУДРОСТИ. Объяснение семи мистических персонажей, упоминаемых в надписи на шкатулке из Эссаруа, и о роли, которую играет восьмой персонаж; происхождение этого мифа и пентаграммы, изображенной на крышке шкатулки. Секты, составившие основания манихейского синкретизма. Доктрина и символизм Манеса, а также соотношение этого символизма с барельефом шкатулки. Шествие и развитие манихейства. Его идентичность с катарством и посвящением в рыцарство Храма. Эта идентичность не могла избежать инквизиции Римской курии, и поскольку предыдущие Папы выступили против катаров Франции, тамплиеры не должны были больше рассчитывать на покровительство Климента V после того, как тайна их сообщества оказалась разоблаченной.

ПРОДОЛЖЕНИЕ МОНОГРАФИИ О ШКАТУЛКЕ ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА

БАРЕЛЬЕФЫ

Прежде чем перейти к рассуждению о барельефах шкатулки из Эссаруа, которых четыре (два больших и два маленьких) по сторонам или частям нашей шкатулки, я должен возвратиться к *бафометической*

надписи на ее крышке, помещенной мной на таблицу напротив изображения **МЕТЕ**, надписи, тщательный анализ которой мной дан в предыдущей части *Монографии о шкатулке герцога де Блакаса* (1). Необходимо надеяться, что по ходу произведения, я буду опираться на этот я буду опираться на этот важнейший миф.

Все гностические секты воспринимали ПРЕМУДРОСТЬ как первое проявление или эманацию Верховного Существа, о чем я уже говорил: рассмотрим же то, что они отличались между собой только названиями, но не сущностью; и я советовал бы желавшим углубиться в этой теме обратиться к философии Александрии, истинному отголоску умозрения Платона. Разные гностические школы имеют ключ своего знания в словах Филона, украсившего неоплатоническую школу в I веке Церкви (2): “Один Бог мудр. Можно называть Его премудрость матерью творения, отец которого - Бог. Он соединился с Софией (греч.) или знанием (3); Он ей сообщил начало творения, и она породила материальный мир” (4).

Символизм являлся душой всякой восточной философии; и поскольку нет ничего более заразительного и эклектичного, чем символизм, гнозис существовал очень долго, им не пользуясь; однако в итоге он растворился в откровенном эклектизме, сумевшим стать единым в своем мощном распространении (5).

Как бы то ни было, Платон здесь главный законодатель, написавший кодекс, на который могут опираться все адвокаты гнозиса. Прекрасная фантазия этого философа, поместившая на каждой из планет по сирене и утверждавшая, что *они все поют* (6), дала место изобретению семи аллегорических персонажей (7), в стольких разнообразных формах вплетенных в гнозис и связанных с ПРЕМУДРОСТЬЮ, дочерью Бога (8).

В действительности, следуя гностику Симону Волхву, ПРЕМУДРОСТЬ под именем *эннойи* является матерью *семи небес* (9). Семь ангелов или семь звездных духов Сатурнина имели врагом Иисуса Христа, посланного против них *Высшим Богом* (10). Василид одинаково располагает семью ангелами, и его ПРЕМУДРОСТЬ, нус (греч.), облачается в человеческий образ и берет имя *Иисуса*, посланного Верховным Богом для борьбы со злом (11). В своей борьбе эон *Христос* терпит неудачу, однако страдает и умирает только внешне. Эту последнюю догму разделяет большинство гностических школ, и Манес не преминул ее утвердить.

Уже во II веке христианской эры в гнозис проник зороастрийский дуализм, поскольку валентинианин *Вардессан* (12), со времени Марка Аврелия связавший мощными узами гностицизм Запада с зороастризмом Востока, признал, наряду с семью парными эманациями (13), в число которых включает *солнце и луну* (14), два начала: *Высшего Бога* и вечную материю. В этой системе Святой Дух или пневма (греч.) рассматривается как *супруга*, соответствуя *Софии* других гностиков. Христос является первым эоном Высшего Бога. Он пришел, чтобы побороть злое начало, но как Христос Сатурнина, Василида и пр., он *страдал и умер только внешним образом*.

Вардессан был обязан своему персидскому эклектизму большей глубиной, или, если позволите, большим мистицизмом, чем гнозису своих предшественников, ведь *София* в его подходе бралась сразу как премудрость и мужское физическое или активное начало.

Этот особенный андрогинизм был еще догмой александрийского неоплатонизма (15) и, по примеру египтян, представлявших божественное естество как *мужское и женское* (16), а также Пифагора, воспринимавшего его как *единство и различие*, гностики воображали об *эонах-андрогинах*, имевших в себе самих и в одной монаде активную и пассивную причину, поскольку *исходят одни от других* (17).

Валентин, школа которого имела столь долгое звучание и который является, по крайней мере, дуалистом как и Вардессан, признавал две ПРЕМУДРОСТИ или *Софии*: из них первая, следуя Цельсу, носит имя *Пруникос* (*Prounikos*) или *Прюниция* (*Prunice*), а другая просто *София*, являющаяся *добродетелью*, излучаемой от первой (18). Считается, что в этом мистическом разделении Валентин признавал небесную душу и земную душу (*vivens anima*) (19); именно это меня удерживает от сомнения в том, что в системе гностиков и, главным образом, у Валентина эоны двойственные: высшие идут от божественной плеромы, а низшие, отлученные от пребывания там, составляют только отражение образа высших эонов, от которых, тем не менее, исходят (20). Эта доктрина породила множество скандалов, которые гораздо больше, чем нам может показаться, коснулись и самого посвящения рыцарей Храма, отрекавшихся от низшего подлунного Христа в противоположность

Высшему Богу, который и есть истинный Бог, отец неведомый, верховное существо (21).

Другая доктрина, порожденная неоплатонической школой, столь же разрушительная для морали, сколь первая для христианского культа, это учение о том, что *душа всегда прекрасна в своей сущности и остается прекрасной, несмотря на телесные скверны (22)*. К несчастью, эта доктрина принесла слишком много своих плодов среди различных сект, и сам Манес в своем эклектизме позаботился о том, чтобы не запрещать догму, привлекающую к его предшественникам столько прозелитов. В действительности, валентиниане назывались *духовными* и придерживались мнения, что могли предаваться всем порокам, воздавая телу принадлежащее ему (23); *карпократиане*, именуемые отдельными авторами *гностиками в высшей степени*, рассматривали наиболее постыдные удовольствия как дань, которую душа должна была платить *ангелам, сотворившим материю (24)*. Осталось привести только знаменитые мрачные секты, совершавшие в своем религиозном порыве и в ясном сознании самые отвратительные мерзости.

Нет тайного общества древнего или современного, которое бы не обладало определенной общностью: люди исключительно крепко связываются только благодаря добропорядочности или одиозности и странности деяний. Первая тайна посвящений заключается в том, что есть внутренний культ и культ внешний: это самый опасный шаг, который заставляют сделать, ведь именно отсюда неизбежно рождается презрение к общественному культу и фатальный нерасторжимый союз преступных адептов тайного культа. Прежде я показал (25), что этот дух овладевал друзьями, гашишинами и тамплиерами. Тогда почему с точки зрения подобной политики нам хотелось бы считать тамплиеров более невиновными, нежели иные сектанты? Да потому, что упорно пытаемся увидеть в них неустрашимых воинов; но однажды поколебавшись и презрев историю, это благородное *французское* чувство, уже не захочет больше изо всех сил рассматривать тамплиеров в качестве обычного сообщества. Что значит вернуться в порочный круг, откуда основная мысль бежит под натиском воображения. Я обращаюсь, в частности, к усердным людям, готовым не доверять систематическим мнениям, даже если бы благородство составляло их сущность. Я не говорю об иных

кастовых условностях или о слепом и неловком поклонении. В любом случае, наука с ними не согласится как с мало искренними.

Не намереваясь навязывать свое мнение, проистекающее из фактов, я желаю быть только беспристрастно прочтенным в надежде, что это мнение будет признано истинным в глубоко изученной мной теме. Несмотря на определенный антагонизм (26), я счастлив быть обязан своими исследованиями открытию бедного каменного предмета, изучение которого долгое время питало мой ум и добавилось к скромным историческим познаниям, благодаря чему я мог принести пользу науке.

Возвращаясь к влиянию неоплатонической школы на гностические секты, достаточно привести по отношению к мифу о ПРЕМУДРОСТИ отдельные из образов или имен, в которые она облачалась, начиная от *Логоса* Платона и *Софии* Филона, *ее первого гностического рождения*, до *Энсофа* кабалы и *Ормузда* Зороастра, обновленных посредством **МЕТЕ** на шкатулке из Эссаруа.

Божество ПРЕМУДРОСТЬ, если кто-то хочет передать мне это слово, является, как и Церера у греков, богиней тысячи имен, или, пользуясь усвоенным стилем, *эоном мирионимом*.

Одни ее называли *София*, *Харис*, *Эннойя*, *Сиге*; другие протестировали этот образ, давая ему имена некоторых пылких в своем прозелитизме женщин (27); валентиниане ее нарекали Ахамот, утверждая, что дождь идет из ее слез, а ее улыбка порождает свет (28). У них она сразу предстает как *Матерь жизни*, *Огдаода*, *Премудрость*, *Иерусалим*, *Святой Дух* и *мужской эон* (29).

Семь духов, постоянно фигурирующих в различных гностических системах, являются концепцией, принадлежащей настолько же зороастрийской, насколько и платонической школе, о чем свидетельствуют семь духов или семь *амшаспанд* парсизма; это заставляет говорить Маттера, что гностики брали свое добро повсюду, где его находили (30). Архонтики называли ПРЕМУДРОСТЬ *Фотиной* (31), соединяя ее с семью зонами или *архонтами*, из которых седьмой *Саваоф*; *Фибииониты* обозначали ее под именем *Барбело*, определяя ей седьмой разряд в небесной плероме; *Сетиане* или *Офиты* ее именовали *Прюнице* (32).

Евреи, являясь в основном путешественниками и космополитами,

приносили постоянно из Персии в Александрию и вывозили из Александрии в Грецию, Сирию и Персию разные элементы гнозиса или высшего знания (33), и дерево разрасталось каждый день множеством ветвей, предназначенных затемнить все больше и больше свет, исходящий от чистого христианства. Среди такого количества разных распространителей гнозиса и различных племен он устремился своим естеством к синкретизму. К примеру, Элксай, один из этих *иудействующих христиан*, о которых говорю, сделался во II веке главой могущественной секты.

Независимо от семи духов, он признавал двух Христов: низшего или *человека-Иисуса*, и высшего — небесного Христа, который у него сливался с Пневмой или ПРЕМУДРОСТЬЮ. Его адепты проповедовали принцип, что во время преследования можно было отречься внешне от Христа, но не сердцем (34). Такая прекрасно изобретенная идейная дерзость позволяла переживать в различные эпохи христианские преследования и непрерывно продолжаться повсюду, где господствовали либо римская власть, либо какой-нибудь деспотизм. Известно, и это достаточно мной установлено, что тамплиеры отрекались от Иисуса Христа устами, но не сердцем (35): однако я готов относить поставленное им в вину отречение к самой манихейской доктрине, нежели приписывать его подлому правилу со стороны смелых воинов, никогда не торговавших своей кровью.

Другие иудействующие христиане давали ПРЕМУДРОСТИ имя *Иоиль* (36), хотя Блаженный Феодорит вменяет авторство мифа об этой *муже-деве* и дочери света самому Манеса. Итак, посмотрим, не принадлежало ли имя **МЕТЕ**, данное премудрости (37) в надписи на нашей шкатулке из Эссаруа, временам, когда манихейский синкретизм растворял в себе разнообразные доктрины гностицизма.

Этот миф не является новым, ведь, согласно Святому Епифанию (38), фибониты, карпократианская секта, идущая от валентиниан (39), о нем знала; но, вследствие идей своей нечестивой доктрины, они в него добавили, касаясь **МЕТЕ**, одну омерзительную аллюзию (40).

Во VI веке миф о **МЕТЕ** преподавался в Афинах эклектиком *Дамаскием* (*Damascius*) (41). И стоит поискать этот синкретизм в египетской

теогонии, где *Исида*, по словам Плутарха, неоднократно именуется *Мут* (*Mouth*) и МЕТВЕР (ΜΕΤΗΒΕΡ) (42).

Египтяне называли Исиду *матерью мира* и, сливая в одну личность Осириса и ее по причине их брачного союза, они делали их существом-андрогином (43). Здесь хорошо виден источник этого вечного гермафродитизма, который не преминули принять все гностические секты; но христианский спиритуализм, соединенный заботой гностиков с грубостью этих сказок, их смягчил, и с начала гнозиса речь идет уже не о небесном светиле (44), а о мистическом существе двойного естества. Со времени апостолов Эннойя, первая мысль Бога, *матерь всего сущего, верховная ПРЕМУДРОСТЬ*, наконец, лишает престола египетскую Исиду. Однажды этот спиритуализм был введен в старые материальные мифы – и возникло почти столько же имен ПРЕМУДРОСТИ, сколько существовало сект.

Такая же роль отводилась и *Святому Духу*, что дало возможность Святому Епифанию сказать, что иудействующие секты сделали из Святого Духа женщину (45). Согласно тому же учителю, доходило до именованя Святого Духа матерью семи домов, и ему сообщалось два пола, он призывался под именем творца или сотворившей *семь домов*, чтобы он или она предоставили бы отдых, который есть в *восьмом доме* (46).

Итак, семь домов олицетворяют собой семь планетарных небес, а восьмой дом является верховным небом, обителью очищенных душ.

Как не увидеть в этом универсальном и многообразном гностическом мифе *небесную, бесконечную и вечную Огдоаду, без границ времени и пространства*, если перевести здесь слова самого Святого Епифания (47).

Каковым бы ни было объяснение, даваемое главному зону-андрогину **МЕТЕ** и семи безымянным зонам, образующим огдоаду в надписи на шкатулке из Эссаруа (48), постараемся установить происхождение первого в египетском мифе, видоизмененном иудействующими сектами, о которых говорит Святой Епифаний. В ожидании более точного изучения того, что эклектизм Манеса получил от гнозиса, мы сразу же можем увидеть в фигуре тройного треугольника, вырезанного на крышке шкатулки, египетское или пифагорейское заимствование. Иными словами, египтяне уподобляли естество вселенной *треугольнику*. Они

рассматривали в качестве мужского или активного начала одну из линий, упирающихся в основание и говорили, что основание является женским или пассивным началом, *соединенная с ними линия*, если сохранять стиль Амио, представляла то, что рождается от двух начал (49). С другой стороны, *Осирис* является *разумной* причиной, а *Исида* причиной материальной: и из их совместного действия происходит третье существо — *Гор* или мир (50).

Мы видим, как в этой *разумной причине* пробивается столь присущий всем гностикам миф о ПРЕМУДРОСТИ, который на нашей шкатулке раскрывается под именем **МЕТЕ**.

Рейно определенно утверждает, что гностики взяли в качестве своего символа фигуру, образующую сразу три треугольника и пентаграмму (51). Пифагорейцы, по его словам, рассматривали эту фигуру как символ здоровья (52): здесь идет речь, безусловно, о здоровье души; что касается знака, воспроизведенного в гнозисе, я настолько не сомневаюсь, что он обозначает здоровье или отдохновение души, насколько фигура в пентаграмме и в треугольниках завершает Огдоаду, во владении которой находилось высшее счастье (53). Сам Платон связывал с *простым треугольником* отношения, образующие единое целое из различных частей вселенной, и давал этому треугольнику имя гармонии. Согласно Платону, одна из сторон этого треугольника порождает восьмерку или огдоаду посредством парных чисел (54).

Когда обращаешься к Отцам Церкви, истории манихейства де Бособра и ученой критике гностицизма Маттера, становится очевидно, что Манес почерпнул у валентиниан большую часть своей доктрины. В действительности, эта секта была наиболее многочисленной, наиболее преобладающей и наиболее фанатичной из всех сект гностицизма (55), и каковыми бы разнообразными ни были прозвища, взятые адептами Валентина, она должна рассматриваться как гидра в сто голов со всеми безобразиями, безумствами и непристойностями, которыми кишит ее история. Итак, *архонтики* II века, вновь появившиеся в XI веке (56), чтобы предаваться всем видам бесчестья, являлись ветвью валентинианского происхождения (57). *Гераклиониты*, с другой стороны, предприняли великие усилия, чтобы подогнать евангельские тексты к системе главы их школы Валентина (58).

Маркиониты, которых Бейль и Боссюэ, столь противоположные в суждениях во всяком ином месте, считают одной и той же сектой с манихеями (59), были в сущности валентинианами; *офиты* помещены Оригеном (60) в один и тот же разряд, что и маркиониты, василидиане и валентиниане (61).

Наконец, Адамиты, ветвь карпократиан (62), находились в одном шаге от валентиниан одинаково как *фибиониты* или *вавилониты* и приверженцы *Николая*.

Поскольку Египет был источником теорий Валентина, Манес нашел в таинственных знаках этого гнозиса некую вещь, которую стремился соединить с другим мистицизмом, принесенным с Востока Маркионом, истинным предшественником Манеса, рожденным в Синопе в Пафлагонии и, как следствие, пропитанным доктринами Зороастра. Вместе с их изучением Манес собрал элементы двух крайностей: он должен был, по крайней мере, составить контракт между ними, чтобы заключить в себя и содержать в себе все другие промежуточные доктрины.

Отсюда и родилось *манихейство*. Итак, необходимо бросить хотя бы один взгляд на синкретизм и символы основателя этой, к несчастью, слишком знаменитой школы. Успех ереси Манеса начался после бесед *Каскара* против ученого епископа Архелая и последней беседы *Диодорида* во второй половине III столетия. Манес согласовал главные догмы зороастризма с догмами гнозиса; но, идя вслед за Маркионом, являвшегося наиболее привязанным к христианству, в отличие от других гностиков эпохи, Манес объединил маркионитское христианство с самым дерзновенным умозрением.

С другой стороны, своим тайным пантеизмом он пленил чисто философские умы, задержавшиеся в старой философии прошлого.

Маркион смутно говорил, что Иисус Христос не заимствовал тела у материи, поскольку Он — чистый дух, который не мог ни страдать, ни умирать (63). Но Манес, принеся весьма решительный дуализм, придерживался того, что небесный Иисус не мог войти в настоящую плоть, ибо эта плоть происходит от злого начала и, следовательно, Христос не мог на самом деле ни страдать, ни умирать (64).

И все же Манес принимал мнение маркионитов, даже не изменив его: оно заключается в рассмотрении зла как реальной субстанции (65); это был старый осознанный *реализм* школы Аристотеля, который никогда не оставлялся философами и позднее вновь зазвучал в наших школах. В действительности, согласно Маркиону и Манесу (66), согрешающее в нас начало является не свободной волей, но вражеской сущностью, смешанной с нашей плотью, сотворенной злым и со-вечным Богу духом. Вожделение, наконец, не человеческая слабость, а субстанция, присущая нам самим.

Так, с каждым новым шагом находишь сближение между Манесом и валентинианами; хотя великая тайна манихейского посвящения — это *скрытый под двойственностью пантеизм*. Манес признавал двух Христов, как он признавал два со-вечных начала, свет и тьму, как он признавал две души (67) и два мира, высший и низший и т. д. Эта система *двойственности* была брошена столь далеко, что ее находишь даже в элементах: например, бури и ураганы рассматривались в ней как исходящие от злого начала, тогда как умеренные ветры происходили от доброго начала (68). Таким же образом Манес устанавливал в человеке два естества: *ангельское* и *звериное* (69). Для них не было ни провидения, ни заслуги, ни свободы: они безгрешны (70).

Ангельское естество не может грешить, потому что Бог создал его в свое услаждение, и оно участвует в этом вечном законе, поскольку внутри Бога не существует никакого искушения; с другой стороны, звериное естество вовсе не грешит, потому что не делает ничего против другого вечного закона, которому оно настолько подчинено, что является даже его рабом, но не соучастником (71).

Принося в жертву свободу воли, составляющую всякое человеческое достоинство, заранее ясно, сколько добычи оставяла манихейская секта для самых разрушительных страстей. Отрицание свободной воли является очевидной причиной беззакония всех сект, различающихся между собой по названию *распутных сект*; и если даже Манес изобрел чистые доктрины, что всегда входит в намерение основателя секты, то, отвергая существование человеческой воли, открыл дверь всем безобразиям. Карпократиане (72) и николаиты одинаково рассматривали

человека как не подверженного порче посреди удовольствий, поскольку в них они видели фатальную зависимость от материи, проповедуя даже, что тело должно предаваться всем видам сладострастия, чтобы освободить душу от законов и пут телесного мира (73). Доктрина манихеев, разоблаченная папой Львом I, доказывает, что они в этом ничем не уступали своим предшественникам (74).

Я постараюсь сделать понятной доктрину Манеса относительно тайного пантеизма, о котором уже говорил. Чем больше постепенно изучаешь древних и современных авторов, тем больше приходишь к убеждению, что вне христианства философы и вожди секты не могли ступить и шага в сторону от изначального следа, оставленного первым философом или первым сектантом. Часто приводили эту истину словами: *ничто не ново под луной*. Манес подтверждает эту поговорку; но, принимая пантеизм из рук своих предшественников, перед ним стояла более сложная задача, чем у них всех: нужно было его облечь христианскими красками, устранив всякие обольщения гнозиса. Нужно было понравиться *гуликам* (*Hyliques*) и *психикам* (*Psychiques*) (75): эти слова вполне соответствуют материалистам и сенсуалистам наших дней.

Греки называли *гиле* всякую способную к форме материю; но Манес, вместо того, чтобы принять этот чистый и простой миф о материи, персонифицировал ее под тем же самым именем *Гиле*, уча, что этот дух тьмы пребывает с частью высшего Бога (76).

Итак, известно, что Манес делал единым только высшего Бога света (77). Эти две персонификации тождественны смешению света и тьмы, в чем и состоит вся сущность доктрины Манеса (78).

“Это правда, что мы исповедуем два начала, - так сказал Фавст Святому Августину (79), - но лишь одно мы называем Богом”. Не будет лишним изучить, с помощью какой аллегории Манес намеревался скрыть эту великую тайну, и как он рассматривал одно из этих двух начал, соединение которых дает только одно. “К одной части и к одной стороне этой славной и святой земли, - говорит один из его адептов (80), - примыкала иная глубокая земля огромной протяженности, на которой обитали пламенные тела и расы, несущие в себе моровые начала. Там

есть бесконечная тьма, исходящая от того же самого естества, которую невозможно определить, даже имея ее собственные ростки. По ту сторону существуют тревожные и мутные воды со своими обитателями, и там внутри этих самых вод пребывают ужасные и палящие ветры со своим первым началом, и все исходящее оттуда и из области огня совершенно губительно со своими князьями и подданными, которые составляют нацию. Гораздо ближе еще существует нация, покрытая дымом и плотной тенью. Там правит верховный глава, пользующийся исключительной властью над всеми вещами и имеющий вокруг себя бесчисленные легионы князей, для которых он есть единственный дух и источник. Вся эта нация образует пять чумных земель” (81).

Мильтон, сумевший найти столь сильные средства для описания Сатаны и его империи, мог бы вдохновиться еще и этой манихейской картиной.

Когда ступишь за пределы аллегории в поисках духа под буквой, то не преминешь признать, что *в этой двойственности, образующей лишь одного Бога*, все искусное заключено в выражении Отцов Церкви: (греч.) Бог и материя (82).

“Что стало бы с нацией тьмы, - восклицает иронично Святой Августин (83), - если бы бессмертный, незримый и нетленный Бог не пожелал бы вступать с ней в бой?” В действительности, согласно теологии Манеса, Высший Бог, обитающий в неприступном свете, посылает первого небесного человека с пятью элементами (84), чтобы бороться против пяти злых элементов своего врага *Гиле*. Вследствие этой войны мир становится смешением противоположных элементов, и, значит, фатальным и неизбежным, Христос был связан, обьят и скован не только на звездах, но и в земле и в том, что она производит (85): в деревьях, плодах, семенах, во всей пище и даже в плоти и крови и всем, что способна производить эта плоть и эта кровь.

Как не увидеть в этом Иисусе, присутствующем после противостояния повсюду во всяком месте и во всякой форме, элементы князей тьмы, то есть материи; как не заметить у Манеса, с другой стороны, реминисценцию битвы гигантов против Юпитера и другую

реминисценцию сказки о Протее? Эта манихейская космогония включала в себя целиком новую метафизику, в которой христианство было отвратительно опошлено. Таким образом, вследствие войны, в которую вступил Христос против нации тьмы, первый небесный человек остается так тонко скованным и объятым всей материей, что с того времени он уже не спаситель людей, но должен скорее быть спасенным ими (86). Манес идет еще дальше и, кажется, пытается пародировать все великолепные догмы христианства, воспользовавшись гнозисом. А вот, что Манес делает с ПРЕМУДРОСТЬЮ, *матерью жизни*, небесной Софией, которая в тайне манихейской космогонии является *душой мира*. Он вспоминает об эоне-андрогине Ахамот валентиниан, включая в него следующие мистические качества: Мать, Огдоада, Мудрость, Земля, Иерусалим, Святой Дух со всяким достоинством *мужского Существова, masculino genere dominum* (87); но не имея возможности все объять, он плотно связывает их в единственном андрогинном персонаже — *Земле и Святом Духе*; в то же самое время, оставаясь всегда верным своему дуализму, он выделяет видимый свет или Христа, чтобы его поместить под именем *добродетели Божией* одной частью на солнце, а другой — под именем *премудрости Божией* на луне (88). Святой Дух, являющийся третьим величеством, пребывает в воздухе; и, наконец, земля в этом индивидуальном анализе завершает *священную Тетраду*, позаимствованную у валентинианства (89).

Святой Августин замечает, что, в действительности, никак не *Троица*, но *Четверица*, составляет догму манихеев (90). Верные пантеизму, своей самой дорогой и самой глубокой идее, они находят средство пародировать высший образ распятого и страдающего во спасение людей Христа: итак, воздух или Святой Дух, что одно и то же, благодаря духовному распространению сил Земли, Мудрости, ПРЕМУДРОСТИ, Софии, Матери жизни, представляющим одним целым, зачал и породил *страдающего Иисуса* (91), являющегося жизнью и спасением людей и страдающего от скорбного пленения в травах всех видов, частях человеческого тела и даже телах животных. Этот Христос повсюду и во всяком месте, смешанный с материей, на небесах, на земле, во всех сухих и влажных телах, во всех семенах растительного или животного мира

(92). Одним словом, нет ничего более скверного, чем члены манихейского Бога; и хотя наука была целомудренной сама по себе, историк слишком счастлив возможности прибегнуть к греческому языку или к латыни (93).

“Каким образом, - восклицает Святой Августин, - земля могла зачать посредством Святого Духа *страждущего Иисуса*, а Дева Мария не могла? Сравните, если вы на это осмеливаетесь, столь святую девичью утробу со всякими местами земли, производящими деревья и растения. Вы испытываете стыд за тело Марии и не стыдитесь порождать Иисуса Христа благодаря водам клоак всяких городских садов” (94).

Манихеи говорят, что зачатый от Святого Духа (воздуха) порождается *страждущий Иисус, висящий на всех плодах деревьев* (95), и там, уже оскверненному материей, ему предназначено существовать, много раз проходя в тела животных, которые ими питаются. Осмелившись пародировать рождение истинного Христа, они осмеливаются пополнять свою кошунственную аллегорию страданиями, утверждая, что Бог был вынужден передать субстанции зла часть своей собственной сущности, чтобы *быть распятым* (96). На самом деле манихеи давали деревьям наименование *креста Иисуса Христа*, и это заставляло самого Фавста говорить, что Иисус *висит на всех деревьях* (97). Нельзя ничего упускать в этих омерзительных мистериях, ведь в преступной мысли сопоставления ими пародируется даже небесная пища, которую Иисус Христос пришел принести людям.

Таким образом, согласно системе Манеса, нет ничего чистого, а все, наоборот, осквернено смешением начал тьмы вместе с самим Христом, который повсюду находится связанным в питании, как и во всякой вещи. Тем не менее, он может, когда проходит в желудок *избранных*, быть освобожден и очищен от своих печальных пут благодаря особой добродетели, присущей святым секты (98). И поскольку души, согласно Манесу, той же самой субстанции, что и Бог (99), они могут в своем большем или меньшем очищении эволюционировать в порядке метемпсихоза либо в животных, либо в овощи и фрукты всякого вида (100). Избранные настолько более чутки к своей миссии освобождения, что если и остаются какие-нибудь частицы божественной субстанции, которых они не могут достичь, то только в последнем огне, когда спорит

мир, эти частицы будут очищены. Долгое и ужасное чистилище, в действительности, является суровым последствием пантеизма Манеса.

После всех исторических деталей, в которые я входил, а одинаково и необходимых следующих за ними подробностей для понимания барельефов, невозможно, обращаясь к **МЕТЕ**, андрогину нашей шкатулки, видеть там иную вещь, нежели двуполоую ПРЕМУДРОСТЬ *гнозиса* или *страдающего Иисуса* манихеев (101). И действительно, в этом Иисусе, *висящем на всяком дереве*, в этом Иисусе, *который ползает в растениях*, как говорит страшный враг Святого Августина Фавст (102), разве можно в угоду тщетным и нелепым спорам признавать нечто отличное от **МЕТЕ**, *заставляющей прорасти и цвести*, как выражается надпись на шкатулке?

Какое странное совпадение с тайным идолом тамплиеров, признанным большинством из них (103), идолом, который не только заставляет прорасти землю, но и цвести деревья, идолом, являющимся предметом официального обвинения, в соответствии с буллой Римского понтифика (104); идолом, как известно, настолько же манихейским, насколько возможно себе это представить! Разве я не основывался на реальном совпадении подобного характера, отныне обращаясь с вопросом о манихействе ордена Храма? Но немного терпения: сопоставления нас не заставят долго ждать, и я на доказательной основе свяжу тамплиеров с катарами.

Ни в одной из сект мы не видим другого, чем у манихеев мифа о ПРЕМУДРОСТИ с признаками, которые ей сообщает эпитет *germinans* нашей надписи на крышке шкатулки; и, вычисляя гнозис, находим в этом мифе о *премудрости* все виды имен, эквивалентных **МЕТЕ** (105), совершенно известных, за исключением самого последнего имени. Значит, можно, не будучи безрассудным, сделать ответственными за это самих манихеев с тем большим основанием, что когда мы перейдем к барельефам шкатулки, то увидим, что они представляют собой наиболее полные мистерии манихейского посвящения.

Известно, что Манес называл себя *Параклетом* или *Святым Духом* (106); я не удивлюсь, если ему или его приверженцам пришла идея чтить его память в изображении **МЕТЕ**, являющемся, как мы уже видели,

одновременно и мифом о Святом Духе и ПРЕМУДРОСТИ. Нам дают повод думать именно так слова ученика Манеса Тирбона, когда тот раскрывает святому епископу Архелаю доктрину своего учителя: “Манес повелевает своим *избранным*, которых только *семь*, молиться в конце их трапез, ублажая головы заклинательным елеем, призывая многие имена, дабы хорошо укрепиться в вере. Он мне не раскрывал этих имен, ибо только его *семь избранных* их знали и употребляли” (107). Следовательно, здесь раскрытие **МЕТЕ** в надписи на шкатулке: “*Я есть начало семи других*” (108). Не соответствует ли это семи избранным Манеса, или семи планетам, или тому же числу эонов валентинианских сект, с которыми система Манеса имеет самые тесные связи: таковы валентинианские ветви *маркионитов*, *маркосиан*, *гераклеонитов* (109), *архонтиков* (110), а также карпократианская ветвь *фибионитов* (111)?

Этим здесь и ограничивается мистерия; но, если не ошибаюсь, когда начнем изучать барельефы, нужно будет взять в качестве семи аллегорических персонажей, сопровождающих **МЕТЕ**, лишь тех, которые в сектантской теософии больше приближаются ко второму естеству или материальному порядку, на что, впрочем, достаточно указывает *страждущий Иисус*. Более того, Святой Епифаний может с нами согласиться, когда говорит по поводу манихейской ереси, что мать жизни сотворила с первым человеком пять элементов: ветер, свет, воду, огонь и материю (112). Итак, эти пять элементов с солнцем и луной вполне образуют семь, началом которых называется **МЕТЕ**. Однако персонаж *Саклас* или *Саваоф*, которого мы видим изображенным на барельефе, заставляет меня обратиться к номенклатуре архонтиков или фибионитов. И все же солнце и луна, представленные на шкатулке с каждой стороны от **МЕТЕ**, являются очень важными фигурами в манихейской космогонии, поскольку в ней утверждается: все, что есть свет может возвращаться Царству Божию посредством солнца и луны (113). Именно там души, рассматриваемые Манесом как светлые (114) и одного естества с Богом (115), очищаются в присутствии сил или добродетелей Бога (116) от остатка скверны, доставшегося от их смешения с темными началами, то есть с материей; одинаково манихеи говорили, что луна составлена из доброй воды, а солнце из доброго огня

(117), чтобы их различать со злой водой и злым огнем нации тьмы; и в то же самое время они персонифицируют оба светила в образе сосудов, составленных из чистой субстанции Бога (118). Эта идея, как хорошо видно, заимствована не только по сути, но и по форме у очистительных ритуалов посредством воды и огня (119), постоянно имевших место у разных народов. Отметим три вида освобождения *Христа* либо *света*, либо *частицы Бога*, используя вкратце манихейский лексикон: земное очищение избранными или святыми секты, очищение в переходе на луну (120), очищение в переходе на солнце (121) и, наконец, очищение в присутствии сил и добродетелей, исходящих от Бога.

Несмотря на все ресурсы, несмотря на мощное действие сил или добродетелей Высшего Бога, материя уже настолько неотделима от божественной субстанции, что оставляет в ней довлеющую и не уменьшающуюся часть, избегающую даже очищения Бога. Этот осадок, благодаря своему весу, мало-помалу нисходит сквозь области бурь и приводит к разным температурам, смешиваясь с деревьями, растениями и урожаями (122). Здесь, конечно, вариант *страждущего Иисуса*, который я не мог обойти молчанием, поскольку он доказывает верование манихеев в то, что господство зла прекратится только когда субстанция Бога будет полностью извлечена из материи (123). Читатель должен хорошо теперь понимать, почему практики очищения в мистериях манихейства доводились мной до определенной грани, где я прошу его мне перейти на латынь (124).

Очищение божественного начала или божественной субстанции у манихеев настолько составляло сущность их мистерий, что между их *двенадцатью управляющими* (125), приставленными к двенадцати ведрам, в которых предназначено было переносить души в прекрасном светлом корабле (126), наиболее почитался сияющий ангел *Splenditenens*, изображавшийся держащим остатки членов *их бога* и плачущим от того, чего еще недостает, пребывая в пленении, угнетении и осквернении материей (127).

Очистить часть, происходящую от Бога посредством отделения ее от своего антагониста материи, и поспешить искать эту божественную часть в срамных испражнениях тел мужчины и женщины вплоть до самых

тайных мистерий зачатия (128): таковым было последствие, к которому приводила печальная доктрина Манеса всех разделявших ее. Святой Августин дал манихеям их истинное имя, назвав *катаристами* (*Catharistes*), то есть *чистильщиками* (129). Экберт (130) и другие делали сопоставление с этим, и я не знаю, как можно было пойти против естественного суждения, ссылаясь на этимологии, к которым никак не применяется здравый смысл (131). Немцы, в целом, были убеждены, и я соглашаюсь с ними, что имя *Cathari* является названием, первоначально данным манихейской сектой себе самой (132).

Всеми мистериями этого *катарства* дышат барельефы шкатулки, что станет видно из анализа, который я собираюсь им дать. Итак, на IV изображении самой маленькой части двух барельефов представлен один из этих *двенадцати управляющих*, очевидно тот самый, что в формуле отречения, о которой говорит Бособр (133), назван *венценосным* (134); поскольку *Splenditenens* готовится его короновать одной рукой, тогда как другой держит остатки бога или *страдающего Иисуса*: не попавшие в плен к материи следы этого бога и содержатся в *позвоночном столбе*, что нельзя, как бы не хотелось, смешивать с пальмовой ветвью. *Венценосный* эон, кажется, выполняет здесь миссию установления контакта с *добродетелями или силами, преображенными волей Отца*: он принимает одного из нагих детей, о которых я уже сообщал читателю; и поскольку этого ребенка несет крокодил, животное, преданное Тифону, или гению зла (135), нужно признать в этом знаке того же самого ребенка как преобразование народа тьмы (136), предназначенного воодушевиться средствами другой преображающей силы в самой империи света, представленной мальчиком или нагой девочкой (137), которую небесный Эон в воинском одеянии держит за руку. Это облачение, а также топор, поднятый перед собой ангелом света, характеризуют власть *Стефанофора* или небесного Эона, о котором я говорю. Своей другой рукой, вооруженной веслом, ангел света достаточно указывает, что готов перенести на большом корабле (138) в державную обитель чистый свет, проявления которого ожидает (139).

На том же самом IV изображении самая большая его часть представляет собой одно из омовений, столь часто совершаемых во всех

ветвях валентиниан, от которых Манес принял доктрины (140). Итак, согласно догме о переселении душ, души животных столь же божественны (141), сколь и человеческие души, ибо последние пребывали в телах животных (142). Манихеи благодаря этой доктрине переселения практиковали свои омовения как над людьми, так над определенными животными, которые, по их представлениям, должны по-особенному содержать человеческие души. Именно это происходит здесь с животным, напоминающим овцу. Известно, что валентиниане пользовались евангельской притчей, касающейся *заблудшей овцы*, говоря, что овца является человеческой душой, которую Симон пришел разыскать и спасти под именем *Елены*, ибо эта душа, врасплох захваченная князьями тьмы, творцами плоти, ангелами зла или злого начала, которые, однажды став ее хозяевами и связав ее материей, удерживали у себя в плену, и чтобы помешать душе возвратиться на небо, они заставляли ее переходить из одного тела в другое (143).

Но на барельефе перед нашими глазами посвященные, наоборот, ставят целью освободить плененную душу от посягательств враждебных князей. Для этого было средство, использовавшееся валентинианскими сектами, уже неоднократно мной упомянутыми и удочеренными Манесом. Оно состояло в возлиянии смеси елея и воды на головы их умирающих и даже умерших. Таким омовением они полагали сделать невидимыми души, предохранив их в переходе сквозь пространства от козней высших сил, имеющих только одну пищу для существования — души, восходящие на небо (144).

У Святого Иринейя Лионского есть фрагмент, сообщающий, что помазание елеем делает мертвых невидимыми для князей и высших сил, чтобы внутренний человек вышел бы за свои пределы, не оглядываясь на своем непрерывном пути, и чтобы тело было отодвинуто к скрытым вещам (145).

Все рассказанное мной происходит буквально на одной из двух половин большой части изображения IV. Здесь есть все, даже мертвая голова — необходимый символ совершавшейся мистерии. Вид атлета, унесенного к скрытым вещам; тело животного, подвергнувшегося

священному испытанию несомненно, является одной из этих *управляющих и сохраняющих премудростей*, которым Бособр дает еще имя *Омофоров, Атлантов* или *неустанно несущих*: они представляют собой род сил, привнесенных Манесом в свою теогонию с Востока (146).

Вся эта сцена происходит в присутствии посвященного, подвергающегося в тот же самый момент испытанию огнем на печи, где он, кажется, удерживается насильно.

Вполне очевидно, здесь мы имеем дело с *адамианами* или *адамитами* (147), о которых Святой Епифаний (148) говорит, что они по природе своей *кроты и устанавливают свои конвентиккулы* (так называются их церкви или собрания) *в пещерах или около подземных печей, чтобы согреть тех, кто собирается в такого рода помещениях нагими, как если бы только что вышли из утробы их матерей* (149).

Это те же самые адамиты, о которых говорит Анастасий: “Манихейские мужчины и женщины присутствуют нагими в своих церквях, где собираются в подражание Адаму и Еве” (150).

Теперь мы подошли к самым отвратительным мистериям манихейства, к чему мои латинские цитирования в предыдущих сносках уже должны были подготовить читателя.

В самой маленькой части барельефа, расположенной на V иллюстрации, видно посвященного, держащего телицу, в то время как другой, действие которого скрыто легким сукном, идет искать субстанцию *своего Бога* туда, где она в таком дерьме (151), из которого ее могут освободить только большая заслуга и непомерное милосердие избранных (152).

Избранные или совершенные у манихеев воображали, будто у них имеются божественные добродетели, очищающие милосердием, молитвами и святостью их персон божественные части, скрываемые в посевах всех вещей. Даже когда они употребляли определенные продукты питания, то верили, что, усваивая их, очищают их от материальной примеси (153), после чего *частицы их Бога* возвращались в свою небесную отчизну посредством луны и солнца, *высшего убежища*, где завершали свое очищение тем способом, о котором излагал выше.

По правде сказать, я затрудняюсь в выборе Отцов Церкви, чтобы разъяснить сцену, представленную взору и суждению моих читателей и, согласимся, очень сложную для описания, с чем нужно согласиться, и для того, чтобы все мои усилия пребывали в истине, постараемся говорить только о необходимом. Папа Лев I был прав, квалифицируя их религию как культ дьявола, а их мистерии как мерзости (154).

Что держит в одной руке посвященный, в то время как его другая рука скрывается в отвратительном деянии?

Акты Архелая, предшествовавшие по времени *Катехизису* и самому Святому Кириллу Иерусалимскому, Отцу греческой церкви IV века, а также Петру Сицилийскому, предпринявшему в IX веке миссию в стан грозных тогда манихеев (155), и в наши дни некоторые авторы, подобные де Бособру, потрудились нам об этом рассказать. Посвященный держит *ишас* (*ischas*) (156), который собирается бросить в ужасную чашу, поспешив смешать его с тестом (157) в горящем сосуде, чтобы затем предоставить этот хлеб избранному, сидящему на камне и обязанному совершить жертвоприношение. Избранный предается плачу, чем подтверждает слова Отцов, описывающих совершенных, как собиравшихся в глубокой скорби, поскольку не освободили их пленного бога, скованного в материи (158): они опечалены еще и тем, что, несмотря на их милосердие, в них самих остается еще часть, посвященная тьме.

Все, что мы видим прекрасно подтверждает выражение Святого Кирилла, называющего инжир *евхаристией* манихеев (159); хотя это лишь бледное отражение того, о чем повествуют Святые Отцы; и барельефы нашей шкатулки, показывая совершение мистерий над животными (160), сумели, насколько возможно, уберечь глаза, оставаясь, тем не менее, в рамках истории и в русле отвратительной манихейской доктрины.

Вид кувшина или сосуда для толчения с выбегающим из него пламенем, помещенного среди четырех посвященных манихейской евхаристической сцены, напоминает обвинение, ответственность за которое предоставляю Святому Епифанию, отсылая к тексту самого Отца Церкви, чтобы не быть в занимающем нас вопросе слишком некомпетентным историком (161).

И все же, на барельефе запечатлен вполне заурядный сюжет манихейского действия: смешение теста с отвратительной субстанцией, собранной у телицы.

Еще более чудовищные мерзости такого рода мистерий, по словам Святого Августина, были раскрыты в Карфагене по запросу трибуна *Урса* (162). Среди препровожденных к нему обвиняемых находилась и девочка по имени *Маргарита*, разоблачившая эти омерзительные нечестивости. Ей вряд ли было 12 лет, и она рассказала, как ее развращали для исполнения преступной мистерии. Она с трудом заставила согласиться на такие же признания одну манихейскую монахиню по имени *Евсевия*, претерпевшую с той же целью такие же оскорбления. Поскольку присутствующие на мистериях посвященные были обоего пола, Евсевия и Маргарита, допрошенные раздельно, указали в своих совершенно тождественных свидетельских показаниях весь процесс этих постыдных действий вплоть до способа, при помощи которого тесто помещалось под тело *жертвы* (163). Один из осквернителей, назвавшийся *Виатором* (164), признался, что совершавшие подобные вещи обозначались особым именем *катаристов*; манихейская секта, как он подтвердил, делилась еще на другие ветви, имевшие собственные наименования: маттариане, маттэры или наттиеры (165).

На самой большей части барельефа (иллюстрация V) у бородатого идола, у ног которого находятся двое нагих обожателей, имелась определенная взаимосвязь с **МЕТЕ**, изображенной на крышке шкатулки, хотя отличие последней от идола существенное. **МЕТЕ** обладает женской фигурой и признаками, уподобляющими ее античной Церере. Идол барельефа, наоборот, имеет мужскую фигуру с гораздо более длинной бородой: его мужской пол несет явно утрированные черты. Более того, у идола на голове остаются заметными либо *два луча* для пародии на Моисея, считавшегося манихеями вдохновленным злым началом (166), либо *два рога* для обозначения главного князя нации тьмы. На самом деле, персонажем барельефа является Саваоф (167) или Саклас (168), князь вождения, отец Адама и, значит, человеческого рода (169); но кем бы ни был Саваоф или Саклас, последнее божество более характерно для *архонтиков*, что доказывает одно: несмотря на презрение Манеса к

этому суеверию, его сторонники имели менее пронизательный разум и более приземленные идеи, что признает его ученик *Тирбон* в словах, обращенных к святому епископу Архелаю: “*Простые* почитают вожделение, воображая, будто оно есть Бог” (170). *Гераклиониты*, по словам Святого Епифания, поклоняются *Саваофу* как божеству *страстей* (171).

Бородатые изображения василидиан (172), рисованные или чеканные на металле картины карпократиан (173), идолы с длинной бородой тамплиеров (174): все это имеет такие большие сходства с *Сакласом* или *Саваофом* манихеев, что совсем непозволительно видеть в этих идолах различное происхождение.

Два поклонника или скорее две поклонницы, преклонившие колена у подножия идола *Сакласа* в позе с недвусмысленными жестами для такого рода культа, принимают, в соответствии с практикой маркосиан (175) или манихеев, одно (176) единственное омовение из елея смешанного с водой и изливаемого на их головы руками женщины (177). В продолжение этой сцены омовения, можно увидеть в нагом мужчине и нагой женщине, несущих сосуд, лишь посвященных *манихеев-николаитов*, о которых Святой Епифаний говорит определениями, характеризующими высшую степень изнеженности этих сектантов, занимавшихся день и ночь услаждением благовониями своих нагих телес (178).

Что касается остальных мистерий, появляющихся перед нашими глазами на второй половине большой части барельефа (на той же иллюстрации V), то здесь имеем верное доказательство неизменного рассказа Святых Отцов. Трое *посвященных* или *слушателей* подносят блюда (179) избранному или совершенному с огдоадической валентинианской короной на голове в восемь зубцов, из которых видно только половину, то есть *священную Тетраду*. Стол убран предметами, указывающими на то же самое освященное число. Один из *слушателей* преклонил колено, чтобы совершить дарение (180), тогда как другой, приготовившись убить животное, предназначенное для части жертвоприношения, кажется, ожидает из уст избранного отпущение грехов за будущее убийство (181).

Поскольку нельзя ничего упустить в изложении мистерий, постараемся дать *избранному* все характеризующие его символы и свойства: он носит три котомки, чтобы постоянно указывать на свое *очистительное* руководство и всегда быть готовым принять продукты питания, которыми его торопят снабдить слушатели или катехумены (182); и еще в качестве пагубного последствия оснований доктрины, к которому она приводит: рука посвященного совершает в тот же самый момент над соседним к нему слушателем одну из наиболее отвратительных мистерий посвящения (183): “*ut liberata fugiat ab eo quae captivata tenebatur in eo divina substantia*” (St Aug., de Haer., 46).

Теперь, когда я завершил описание барельефов шкатулки, являющихся живой историей манихейства, взглянем поближе на развитие этой секты и ее родство с *катарством*. После быстрого обзора проблематики, нам будет несложно обнаружить связи, соединяющие катарство с мистериями, отправлявшимися в сообществе тамплиеров.

Шум от бесед Каскара в Месопотамии против ученого епископа Архелая и отголоски споров Диодорида положили начало успеху ереси Манеса во второй половине III столетия. Пылкие ученики продолжили его пагубную работу (184), и преследования завершили ее преходящее торжество, ибо тщетным было поначалу даже вмешательство законов (185): возникло некое непреодолимое влечение, соблазнявшее мистические и все еще языческие воображения восточных стран. Распространение манихейства было таковым, что Диоклетиан и Максимиан, чтобы поставить ему преграду, повелели рескриптом, данным в Александрии (186), сжечь манихейских вождей вместе с их отвратительными писаниями, знатных людей лишить имущества и приговорить к работе на рудниках, а других наказать отсечением головы. В 381 году Феодосий объявил манихеев нечестивцами, лишив их права завещания (187); восемь лет спустя Валентиниан II повторил ту же декларацию. Вскоре папы были вынуждены строго наказывать самих себя (188). В течение почти двух столетий манихейская ересь направляла свои посягательства против Церкви, уже весьма разделенной гностическими сектами, ставшими пособницами Манеса, пока не пришел в 443 году Папа Лев I, изгнавший из Рима эту порочную секту

(189). В Риме манихеи присутствовали в 383 году со времени папы Дамаса, когда туда прибыл Святой Августин, как говорит отец Маймбург (190), целиком зараженный ересью, прививку которой получил в Карфагене, но после взятия Карфагена Гензериком в 439 году, все находившиеся там католики и манихеи нашли убежище в Италии и, главным образом, в Риме.

Самое большое завоевание манихейства в IV столетии это, конечно, овладение юным патрицием, впоследствии Святым Августином, одним из орлов христианской веры. Он сам, объясняя свое отпадение в манихейское заблуждение, делает нам понятными опасную наклонность этой ереси и лукавство сектантов.

Легкие удовольствия Карфагена, как повествует сам святой, его увлекли прежде возраста 18 лет, и он в них находился, окруженный со всех сторон пылом постыдной любви (191). *Hortensius* Цицерона (192), писателя, которым все восхищаются больше языком, нежели сердцем (193), пробудил вкус юного патриция к философии; но ничего устойчивого и глубокого с религиозной точки зрения не могло в юные годы проникнуть в его ум из-за разногласий в его воспитании между отцом-язычником и матерью-христианкой (194). Следовательно, он должен был пройти через увлечения века, прежде чем позднее быть вырванным оттуда примером своей святой матери. Он не мог поначалу понять ни Ветхого, ни Нового Завета из-за смятения своих страстей и, взывая только к своему разуму, разыскивал новые суждения. Манихейство правило тогда в Карфагене с таким воодушевлением, что даже думали разьяснять физическую и моральную проблему мира при помощи двух противоположных начал — добра и зла (195).

Красноречивые профессора без труда облачали пустоту доктрин утонченностью мыслей, и Фавст, один из наиболее ловких вождей манихеев, угадал важную победу, когда смог увлечь двадцатилетнего (196) юного патриция, уставшего и не нашедшего нигде истины, а потому впавшего в суровый и унылый скептицизм. Тогда, по словам Августина, кипение юности зажигало в нем огонь тяжкого вожделения и уносило слабость его возраста в неистовой разнузданности страстей как будто через скалы и бездны, и бросало его в пропасть позорных преступлений

(197); еще, как добавляет он с глубокой интонацией души, возвращенной к действительности, пребывает в самих пороках темная картинка или скорее тень больших благ, которая сбивает с толку людей видимостью красоты (198). Как в этом пылу и избытке безумной и страстной жизни избежать сети, расставленной для него сектой спесивых людей, *очень чувственных и прекрасных говорунов* (199)? Здесь источник любопытных наблюдений того, как дух элиты в течение длительного времени становится игрушкой этих ложных доктрин, в которых рождаются теории, готовые поощрять самые отвратительные мерзости. В этом юный патриций дошел до пароксизма безропотности, поскольку он, по его признаниям, продолжал мало-помалу впадать в чудесные бредни вплоть до воображения: например, когда собирают инжир, он плачет *молочными слезами*, равно как и дерево, его произведшее, и что если святой секты, то есть избранный, собирается съесть этот инжир, взяв его у другого, и сам не принимал участия в преступлении отрывания плода от дерева, тогда этот святой пускает наружу, открыв рот или вздыхая в молитве, *маленьких ангелов*, или скорее маленькие части самого Бога, истинного и суверенного, части, которые должны были всегда оставаться связанными с этим плодом, если бы зубы избранного или жар его желудка не пришли им на помощь (200). Итак, в течение девяти лет от девятнадцати до двадцати восьми бедный патриций пребывал в заблуждении и вводил в него других: гордыня, суеверие и тщеславие его сбивали с толку во всех вещах; он искал народных похвал вплоть до растворения в сладострастии, и когда чувствовал даже сквозь эти ложные и смешные суеверия иглу раскаяния, то надеялся очиститься от своей скверны, принеся пищу тем, кого манихеи называют святыми или избранными, чтобы в их желудке они бы ее переплавили как в мастерской в богов и ангелов, которые его самого сделали бы чистым от собственного развращения (201).

Он не прекращал советоваться со звездами, представлял себе крест как фантастический и воображаемый, и насмехался над крещением (202). Он привязался к удобной догме, заключающейся в вере, что грешим не мы, но определенное существующее в нас естество (203); и принимая на самом деле только телесные и чувственные существа, он

вообразил себе некую *полностью телесную субстанцию зла, имевшую безобразную и плотную форму* (204).

Однако, думая завоевать, манихеи, наоборот, потерпели неудачу: они рекомендовали своего подопечного *Симмаху* (205), предоставившему ему кафедру красноречия в Риме, и со следующего года Августин достиг более высокого положения в Медиолане (Милане), где манихеи мечтали с помощью этого мощного атлета продвинуть свои дела; но патрицию уже было тридцать лет, и он принялся читать Платона, подготовившего его к возвышенным верованиям христианства (206); тогда сомнения другого характера начали возмущать ум молодого сектанта, и он стал тяготиться доктринами своих учителей, без труда признав, что Фавст был невеждой в науках, в которых он рассчитывал отличиться (207). Манихейская догма о том, что *не мы грешим, но определенное чуждое естество в нас самих*, начала ему казаться экстраординарной. Он взялся тогда жадно исследовать происхождение зла и греха и обнаружил, что это никакая не субстанция, но скорее разнузданность воли (208). С тех пор почувствовал отвращение к суждению манихеев о происхождении зла, предпочитавшему скорее смешивать зло с божественной субстанцией, нежели признавать человеческое естество в качестве слабого и ничтожного и единственно способного его совершать (209). С этого момента настолько бурная реакция, насколько можно себе ее представить в душе такой закалки, волновала Святого Августина. “Ни один человек в мире, - говорил он себе сам (210), - не знает как я страдаю; но все усилия и все сетования были как бы рыданиями моего сердца, поднимавшегося к Богу”. Посреди этих невыразимых смятений Святой Августин спешил с большим усердием внимать святым словам Амвросия, епископа Медиолана; он радовался кротости его рассуждений, находя их более цельными и учеными, нежели речи Фавста, хотя и менее наполненными прелестями выражения и некоей изящностью, привычной для последнего (211).

Подобно Святому Павлу, атлет был сражен, чтобы возродиться более крепким и усердным; и на протяжении этой ужасной борьбы с самим собой, Святая Моника, самая достойная из матерей, непрестанно приносила в жертву Богу *кровь своего сердца, которое день и ночь*

источало слезы, и молила, чтобы Иисус Христос сказал сыну вдовы: “Поднимись, молодой человек, я это тебе повелеваю” (212). И действительно: непреодолимая симпатия влекла патриция к Посланиям Святого Апостола Павла, и в возрасте 33 лет, после девяти лет мрака и теней, он увидел, наконец, сияющий свет истины. Тогда он возродился в таинстве крещения, совершенном над ним Святым Амвросием, архиепископом Медиоланским (213). Секта, ошеломленная тем, как от нее уходит самая богатая добыча, предприняла все возможное, чтобы ей опять овладеть. Секундин (*Secundinus*), по изворотливости второй Фавст, использовал в своих письмах самую слащавую и льстивую речь, характеризуя Святого Августина как *бога всякого рода красноречия* (214); он его называл *золотым сердцем*, которое должно обновить Святого Павла, *если он согласится больше не делать из двух природ одну* (215).

И вот Секундин исчерпал все формулы, чувствительность и изворотливость манихейской ласковой лести, чтобы вновь схватить добычу, только что совершившую побег из секты; но тщетные усилия: Святой Августин, победитель в героической борьбе, отвечает с нескрываемым презрением, заключенным в словах: “Вы мне известны немало (216)! - Я удалился после печального эксперимента, которого никогда не должен был вынести (217); и теперь только по милосердию Божию, я разорвал цепи, связывавшие меня с манихеями, и мне позволено оплакивать свое ничтожество (218). Но какое богатство, наоборот! Орел избежал сетей, расставленных человеком, и устремился к солнцу сияющими и расправленными крыльями!”

Мы видели, как сам Святой Августин дал манихеям, доктрину которых некогда разделял, имя *катаристов* (219), являющееся тем же самым, что *Cathari* или *катары*, наименование, ставшее общим для всего Востока и принесенное затем на Запад, где заменяло иногда название населения, у которого секта имела большое число приверженцев, как *альбигойцы* во Франции. Святой Августин, делая аллюзию на своих бывших единоверцев, восклицал: “Всемогущий Боже, сжался над людьми, верующих в столь отвратительные вещи (220).” Святой Иоанн Дамаскин был менее щедр и желал, чтобы перебили или сожгли на кострах всех этих *катаров*... Что явилось пророчеством!

После своего изгнания из Рима в V веке Cathari бросились по всем римским провинциям, пытаясь вернуть себе в столице Восточно-Римской империи все потерянное в Западно-Римской империи; некоторое время спустя после применения суровых мер Папой Львом, мы видим их вкравшимися в доверие к греческому императору Анастасию и использовавших его ненависть по отношению к католикам. Предварительно мы проследили путь этих Cathari Святого Августина (221) и обратили внимание, что *павликиане*, *богомилы* (222), *акваниты* (223) являются той же самой манихейской сектой, и констатировали их родство или даже идентичность с катарами.

Изгнание манихеев из Рима в V веке рассеяло их в Азии, второе их преследование наступит в конце XI века, когда они бросятся толпой на Запад и в наши южные пределы. Их волнения беспокоили самодержцев Византийской Империи, и в X веке они сделались столь грозными, что с ними велись переговоры: свидетельством тому выступает толерантность Иоанна Цимисхия, от которого они получили право водвориться во внутренней Фракии, стране, совпадающей с *Болгарией* (224). Оттуда, после суровых мер Алексея Комнина, Cathari распространились через *Венгрию* в Германии и остальной Европе.

Доктрина Манеса не представляла собой изменчивости учения гностиков: ее крепкое единство сохранялось преемниками учителя, называвшимися апостолами, из которых нам наиболее известны: *Константин*, *Генезий*, *Захария*, *Афронит*, *Баханес* и, наконец, в IX столетии *Сергий* (225). Достоверный историк Петр Сицилийский трактует Сергия как противника Христа, врага Церкви и нечестивого осквернителя, попирающего ногами образ Христов, а еще называющего себя Параклетом и позволяющего своим ученикам почитать себя как Святого Духа (226). Этот Сергий с юных лет был игрушкой одной женщины-манихейки, и мы слишком часто наблюдаем у этих ересиархов влияние женщин большой энергии или, скажем точнее, глубокой безнравственности.

Она заставила его взять имя *Тихика*, знаменитого по Посланиям Святого Апостола Павла (227), и в течение тридцати лет, начиная с правления Ирины и до царствования Феофила, он распространял во

множестве стран свою вредоносную ересь (228). С содроганием слышишь в словах красноречивого Петра Сицилийского обо всем зле, причиненном нечестивцами, ведомыми Сергием. Он раскалывал семьи, увлекал наиболее достойных молодых людей, отрывал единственных дочерей от их родителей, их единственной надежды, разделял братьев и сестер и уводил их в дальние страны, делал отступниками священников и левитов, оставлял в кандалах умирать тех, кем он был недоволен, и обращал в ничтожество и нужду богатство многих своих жертв (229).

Еще в течение двух столетий после Сергия ересь имела такое распространение, пока, наконец, Алексей Комнин (230) не использовал всю свою мощь против нее.

Число этих манихеев росло в ужасающих пропорциях (231). Василий (232), монах *Богомил*, желая подражать Манесу и Сергию, взяли себе в помощники двенадцать учеников под именем апостолов и увлекли за собой толпу безнравственных женщин (233). Скандал сделался столь громким, что Алексей Комнин приказал провести расследование, результаты которого были таковы, что интересная и августейшая хронистка того времени царица Анна, дочь императора Алексея, на нем останавливается вкратце и передает назначенному императором *историографу* монаху Зигабену право рассказывать о вящей природе тех, о ком уже излагали в своих сочинениях Святой Епифаний, другие Отцы Церкви и особенно Святой Августин, касаясь *катаристов* своего времени. Язык царицы благородный и корректный, о чем свидетельствуют слова: “Всякого подобного мне историка остановила бы стыдливость: я — не грубая женщина, но принцесса крови *Порфирогенетов* и дочь Алексея. Рассказы, к которым эта отвратительная секта имеет отношение, таковы, что принцессе царской крови их надлежит обойти молчанием, нежели испытывать трудности их передачи” (234). Как бахвалились ересиархи, будто ангелы их освобождали от костров, хотя сначала поджигали, чтобы попытаться заставить отречься этих фанатиков, вызвав в них робость. Василия подвели к пламени и сняли его облачение, говоря: “Нужно сначала подвергнуть твою мантию как и тебя испытанию огнем”. Но тут же увидев ее горящей, Василий, прикинувшись воодушевленным, вскричал:

“Прекрасно! Разве не видите вы мою мантию, поднявшуюся нетронутой в воздух?” (235). Такую одержимость нельзя никак наказывать наполовину: изгнание было повсеместным, и отсюда следует дата великого распространения *Cathari* из Болгарии и увеличения их числа в Европе, в частности, во Франции, куда они пришли пополнить ряды тех, кто из западно-римских провинций мог приникнуть сюда ранее XII столетия (236).

Но именно в эту эпоху *Cathari*, известные под прозвищем народа *булгар*, осуществили свое нашествие по всей Европе. Те, кого разоблачили в 1144 году в Льеже, уверяли, что ересь имела приверженцев во всех городах Бельгии и Франции (237). В действительности, они проникли вплоть до сердца Бургундии (238), и в 1154 году в Везелэ (*Vezelay*) жил один чужеземец, носивший имя Гуго де Сен-Пьера (*Hugues de St-Pierre*), возмущивший всю область и пытавшийся внедрить в ней манихейскую ересь (239); около Шалона в Шампани крепость Монвимер (*Montwimer*) служила прибежищем сообществу *Cathari* (240); в Нивернэ (*Nivernais*) один энтузиаст по имени *Террик* (*Terric*) жил в подземной пещере по соседству с Корбиньи (*Corbigny*) (241) и управлял с глубины своего пристанища мнимой новой церковью. Большое число городов юга Франции уже находилось под пятой ереси (242) и сопротивлялось усилиям Святого Бернарда вернуть их в лоно Церкви (243).

Любопытно прочесть у одного стародавнего историка (244) о печальных эпизодах нашей истории следующий рассказ:

“Иннокентий Третий (III) направил в провинцию Нарбонны аббата Сито (*Cisteaux*) и с ним двух монахов, чтобы проповедовать против этих вероломных *бугров* (*bougres, булгар*). Когда они прошли часть страны, проповедуя, то возвратились в Монпелье и нашли там мужественного человека, являвшегося епископом Сетра (*Cestre*). Этот благоразумный клирик спросил аббата Сито, что он делал там. Последний ответил, что Папа его послал против *бугров* (245), но он не смог их обратить. Епископ ему сказал, что пока не пытался проповедовать им, хотя теперь дело Нашего Господа крепко встало на ногу, чтобы дать добрый пример другим людям, и он сам жил и шел в ногу с ним. Затем аббат вернулся на генеральный капитул, а в то время епископ с монахами ходили и долго

проповедовали в стране. Они обратили незначительное число людей, но и из них страшно мало, кто возвратился к правоверию”.

В то время как катары пребывали на Юге Франции, где вдохновленные Иннокентием III крестоносцы объявили им войну на уничтожение, *Босния* собрала их печальные остатки и направила к своим братьям во Францию легата, чтобы поддержать их мужество и предоставить им убежище (246). На самом деле Босния была центром и рассадником этих несчастных еретиков, и она приняла то, что сама изрыгнула на западные страны. Зло поднялось к своим истокам, впрочем, оно чувствовало себя непринужденно в Сирии и среди арабов, всегда готовых терпеть монотеистические секты и, в частности, манихеев. В другом месте я говорил об отношениях секты с мусульманами (247), и здесь не стану возвращаться к этой теме. Избежавшие погрома французские катары возвратились к своим единоверцам павликианам и богомилам Болгарии, или катаристам Святого Августина, как хотелось бы их назвать, или, наконец, манихеям, когда желательно использовать общее определение.

“Почти вся совокупность средневековых авторов, - говорит Шмидт, - видят в *Cathari* только манихеев, и эта позиция имеет многочисленных сторонников среди современных историков и теологов” (248). Шмидт, несмотря на несколько разногласий со своей стороны по определенным пунктам (249), безусловно, состоит в хорошем обществе по проблеме идентичности манихеев и катар, и в нем мы встречаем: Баура (250), Гизелера (251), ученого монаха Экберта (252), Фюслина (253), Муратори (254), Мосгейма (255), Боссюэ, Гиббона, Гана, Майтланда, Гуртера (256) и пр. (257); все они связывают катар с павликианами, а последних с манихеями.

Итак, тождественность между манихеями и катарами сегодня больше не является никаким вопросом; но до сих пор никто еще не подозревал о существующем знаке равенства одновременно между манихеями, катарами и тамплиерами. По ходу этого утомительного труда я установил множество точек соприкосновения, и читатель должен ожидать моего заключения; и все же я хочу, завершая, привлечь несколько больше внимания на главные факты и доктрину этих трех сектантских орденов, которые, по-моему, образуют лишь один орден по существу своей

доктрины: у тамплиеров был орден, рассматривавшийся как моральный субъект, но запятнавший себя манихейством, и его в большинстве своем здоровые члены слепо повиновались тайному импульсу, являвшемуся манихейским по происхождению.

Манес представлял Высшего Бога в неприступном свете, откуда Он управляет миром и работает во спасение душ посредством руководства Сына или *Высшего* Христа, Святого Духа и ангелов, зависимых от Бога (258). Следовательно, вовсе не Высший Христос, о котором говорил Манес, связан и пленен в материи, а это *достоинство* намного низшего порядка, называвшееся им *страждущим Иисусом* (259); тем не менее, в противоположность *земному Иисусу*, скованному в материи, секта дала имя *небесного Иисуса* первой эманации Бога, который живет как и Отец в небесной славе; он, по сути, и есть истинный Бог, а земной или страждущий Иисус только материя, в которой, в соответствии с верованиями Манеса, всегда существовал божественный луч, или, говоря точнее, присутствовала примесь божественной субстанции.

Итак, очевидно, что манихейский дуализм признавал двух Христов: одного *высшего*, обитающего в верховных областях света; другого — *низшего*, племенного и распятого в материи (260).

Катарский дуализм признавал одинаково двух Христов (261), но разрушал предположение Манеса, что был распят *злой* Христос, рожденный в Вифлееме; дуализм катаров распинал доброго и высшего Христа в невидимом мире, и это никак не меньше, чем аллюзия на крест света манихеев, желавших выразить подобной аллегорией присутствие материи даже внутри чистого света.

Манес учил, что земля под воздействием *Духа* (262) заставляет *прорасти и цвести растения*. Мы исследовали этот миф и знаем, что речь здесь идет о **МЕТЕ**, **ВЫСШЕЙ ПРЕМУДРОСТИ** или вселенской душе, присущей семи небесам или планетам в потенциях или эманациях, изученных нами по различным данным о представлениях валентиниан. Значит, катары-альбигойцы, несомненно, верили в некую таинственную концепцию земли, определяя ее в тех же самых терминах (263); но под тем предлогом, что *добрый Бог* не принимает никакого участия в происходящем на земле, они присваивали злomu Богу, а вовсе не Святому

Духу, как это делал Манес, власть *заставлять прорасти и цвести даже самые полезные растения* (264).

Мы увидим, полнее познакомившись с приписываемым тамплиерам в актах папской инквизиции идолом (265), что он скорее образ злого Бога *катаров*, нежели **МЕТЕ**, в том числе и у Манеса.

Манихеи, катары и тамплиеры желали признавать только доброе начало смешанным со злым началом и, следовательно, Иисус Христос, воплотившись, мог осквернить свое божественное естество. Гностики и Манес повторяются в пресыщенности этим *докетизмом*, более завершенным у катаров и тамплиеров, нежели у их древних предшественников.

И на самом деле, Манихей Фавст утверждал, что все человеческие деяния Христа не что иное, как видимость (266); альбигойцы Пьера де Сернэ (Pierre de Cernai) повторяли с некоторыми гностиками, что высший Христос никогда ни пил, ни ел и ни воплощался: он проявился только духовно в личности Святого Апостола Павла (267).

Катары у *Бонакурса* (Cathari de Bonacursus) говорили ту же самую вещь (268). Известно, посредством какой формулировки и каких деяний тамплиеры отрекались от Иисуса Христа (269)... Единственная непоследовательность с их стороны, или скорее светлое раскрытие тайны их доктрины! С открытым миссалом они клялись на образе Того, Кого спешили оскорбить, они клялись, повторюсь, послушанию и неразглашению тайн Тампля (270); и в Страстную Пятницу они шли босыми ногами поклоняться кресту (271); они исповедовались священникам ордена и причащались трижды в год (272). Эти бедные благородные рыцари, отважные и великодушные, но легковерные и неграмотные, становились благодаря первой клятве *рабами ордена*, в который вступали (273); посредством же самой сатанинской из концепций, начальники и могущественные сановники ордена от его основания оказывались игрушками в отвратительной махинации манихейских доктрин, и самое суровое испытание, которое они навязывали неопфитам во время посвящения, это сокрушение их веры и моральных норм; но к чести человечества и самих рыцарей, склонявших

головы перед послушанием и приносивших мучительную жертву смирения, в них продолжали биться сердца и существовать воли (274); и какими бы ни были наивные сцены борьбы и безропотности, приведенные в неизданных документах, меня задел за живое характер правдивости этой блестящей публикации (275).

Истинный смысл всего заключается в том, что не от Иисуса Христа их заставляли отречься: их, наоборот, заставляли признавать Его как Бога, но отречься от Него как от человека. *Манихейство орденового сообщества*, пускай и не являлось манихейством бедных братьев, освящало таинственную идею, что *обыкновенный Иисус*, страждущий Иисус, Иисус, соединенный с материей, не имел права посягать на культ *высшего Христа*, Сына Божия.

И все же, отрицая воплощенного Христа, посвящение не ставило иной цели, как повязать страхом (276) и тайной боязнью оглашения кощунства. Ведь в полноте веры своих молодых лет и в благородном религиозно-воинском наставлении, к которому устремлялись братья, они не могли за несколько минут посвящения и пассивного послушания предать идею Христа, ставшего плотью, иными словами, самую возвышенную идею из всех идей жертвоприношений, милосердия и любви. Не таков ход человеческого сердца, пусть даже его пытаются нарушить в посвящениях и тайных обществах, где, в целях испытания преданности и сил, при помощи большой и неожиданной махинации стараются потрясти и ошеломить дух, мужество и волю адептов (277).

Доктрина высшего Христа была абсолютной у манихеев, катаров (278) и тамплиеров (279). Может показаться, что у последних отречение скорее являлось испытанием, нежели отречением на самом деле, ведь часто посвяtitель говорил профессу: “Отрекайся и ты исповедуешься” (280). Заседание капитулов завершалось общим отпущением грехов, где всякий из братьев, председательствующий на собрании, почтительно раскрывался и, повернувшись к присутствующим, распростершись на земле, говорил простым языком: “Дорогие господа и братья, все вещи, о которых вы меня заставили сказать для стыда плоти или правосудия дома, прощение, о котором я вас просил, все сделано мной от чистого

сердца и по доброй воле; и Господь, простивший Марию Магдалину за ее грехи, простит их и вам, и вы молитесь своими молитвами Богу, чтобы и мне были прощены мои грехи; пусть встанет наш брат капеллан и совершит отпущение, что Бог отпускает ему и нам". После этих слов вставал брат капеллан и, произнося *Confiteor*, совершал общее отпущение грехов (281). Те, у кого совесть была слишком отягощенной, подвергались бичеванию по голому телу (282).

Манихейская доктрина высшего и низшего Христа отражена целиком в арабской надписи на шкатулке из Эссаруа. Значит, "*Пойте Богу и нашему Господу*" является поклонением этому высшему Богу, поклонением, сопровождаемым почтением, которое Манес и его приверженцы, следуя своей ереси, воздавали в то же самое время **ПРЕМУДРОСТИ** или **МЕТЕ**. Затем в надписи идет упоминание, смысл которого может относиться лишь к низшему Христу, к страждущему Иисусу, связанному в материи; и последствия этой гетеродоксии должны были быть, как выражает надпись, источником радости и счастья. Необходимо отметить, что эти преимущества вместе с другими, как посулы *спасения и богатства*, обещались тамплиерам, готовым поклоняться определенному идолу или бородатой голове, которую им показывали только таинственным образом (283). Когда во время допроса Пьер де Монкад (Pierre de Moncade) заявил своим энергичным языком, что думал, будто этот идол сам *дьявол из ада* (284), то мог оказаться и прав; ибо, умея различать два противоположных и сильных начала, сектанты должны были обладать и бессмысленной тенденцией обожествления зла. Вот и приходишь к мысли, что, в отличие от всех остальных, определенное число братьев из наиболее ревностных подражателей манихейских практик признавали культ Бога материи. Думается, пример здесь уместен. Так, манихеи рассматривали андрогинное существо *Сакласа* или *Саваофа* как князя материи и бога вожделения. Я говорил о нем выше по поводу непристойного изображения на одном из барельефов шкатулки. После отречения от *Иисуса Христа как человека*, отречения, заимствованного тамплиерами у манихеев как и катаров, что стоило рыцарям позаимствовать у них еще и культ князя материи? В действительности, у альбигойцев люди из

народа обожествляли злое начало (285), считая, что оно создало как все видимые и материальные вещи, так и их элементы, небо, светила, животных, наши тела и ведает их сохранением (286). В XI веке славянские дуалисты учили, что демон один должен быть почитаем и призываем между людей (287). На Востоке этих сектантов называли *сатанианами* (288), а на Западе *люциферианами*. Последние распространились особенно в австрийских провинциях: Штирии, Тироле и в XII столетии в Чехии (289). Быстро размножившись среди катаров диоцезов Пассау, Вены и Штирии (290), люцифериане были обнаружены усердием доминиканцев.

В другом месте (291) я говорил, что идол тамплиеров мог быть идолом *богомиллов*, которые представляли Бога Отца в виде старика с длинной бородой, но я не имел понятия о фрагменте из Фавста (292), подтверждающем, что манихеи признавали по отношению к Всемогущему определение Святого Апостола Павла: “...блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в *непреступном свете*, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь” (Первое послание к Тимофею Святого Апостола Павла, Глава 6, стих 15, 16) (293). Следовательно, возвышенная концепция, взятая самими манихеями, здесь не причем: конечно, она могла быть пародирована либо манихеями, либо их подражателями. Но гораздо более естественно предположить, что эта ужасная фигура, причинившая столько ужаса тамплиерам, является изображением князя тьмы, *Сакласа* манихеев или Люцифера *катаров*. Сопоставления мной уже сделаны, и те из них, которыми завершаю труд, не смогут, как представляется, оставить и тени сомнения на манихействе или катарстве Ордена Храма.

Сергий, глава манихеев в провинциях Византийской Империи в IX веке, показывает свою явную ненависть по отношению к Иисусу Христу, попирая ногами крест, несущий образ Спасителя (294). Манихеи из сирийского города Самосаты, ересиархи, жизнь которых была наполнена невоздержанностью и преступлениями, одинаково попирали символ спасения (295). Эти плачевные сцены часто совершались в

посвящениях тамплиеров; но бедные рыцари в исполнении этого акта послушания вносили те же самые оговорки, что и в требовавшиеся от них гнусности иного характера: так, одни из них желают попирать только подножие креста (296); другие попирают свои плащи со стороны, где находился и алел орденский крест (297); некоторые из них, наконец, слабо прикасаются к подножию Христа на распятии (298); но сердца всех рыцарей далеки от демонстраций проистекающего от клятвы слепого послушания.

Манихеи, как известно, ненавидели брак, потому что он увлекал их Бога в узы плоти: *избранные* не могли ничем владеть *на правах собственности* и не могли жениться. *Cathari* давали клятву не прикасаться к женщине (299), и в их секте *совершенные* не имели права жениться или владеть чем-то (300). Тамплиеры одинаково давали обеты целомудрия, послушания и бедности (им воспрещалось обладание имуществом) (301), а в их посвящениях было столько проклятий против женщин, что причину их можно разглядеть только в инфильтрации манихейских доктрин (302). Тамплиера, обнаруженного вместе с женщиной, лишали плаща и помещали в *тюрьму строгого режима* (*carcere duro*); тот тамплиер, кто сохранял что-то на правах собственности, подобным образом терял свой плащ и после смерти мог быть лишен погребения (303).

Очевидный мотив вызывал анафемы против женщин у манихеев и тамплиеров (304). Но почему случилось, что какая-то, по словам Святого Августина, *извращенная доктрина* стала причиной позорной репутации (*inter se vivere carnaliter*), от которой Орден Храма *морально* никогда не избавится, но от которой необходимо избавить тамплиеров *как индивидов*, поскольку неизданные документы доносят, что именно *в моральном плане* большинство бедных рыцарей выражало наивысшее непослушание и чувство отвращения (305)?

Союз и братство являлись одним из главных условий существования катарского сообщества, а также составлявшей Орден Храма братской организации. Одной из статей клятвы катаров в посвящении *Consolamentum* был запрет на путешествие, проведение какой-нибудь части ночи и прием пищи в отсутствие товарища (306). Орденские

статуты предписывали храмовникам делить с братьями свои постели (307); иногда во время посвящений тамплиеры пели определенные стихи псалмов, в которых находили аллюзию на дух братства (308).

Печать, выгравированная у *Перара (Perard)* в продолжение акта от 1190 года (309), представляет двух всадников верхом на одном коне и несет подпись: **SIGILLUM MILITUM XRISTI**. Итак, для воинов, посвятивших себя защите и покровительству паломников или странников и преследованию грабителей, нужны были хорошие верховые лошади (310); и это настолько верно, что с самого времени Гуго де Пайена (*Hugues de Payens*), сила и стремительность лошадей соответствовали миссии, поставленной перед орденом со своего рождения (311).

Следовательно, идея одной лошади для двоих всадников являлась только символом братства: исходя из этого смысла, тамплиеры рассаживались двое надвое и в своих столовых (312).

Среди рыцарей бытовала одна любопытная легенда, относящаяся к вышеуказанному мной символу; хотя она, на мой взгляд, имеет больше отношения к *отречению* от Христа (313). Я могу цитировать лишь в примечаниях, чтобы не прерывать изложение о взаимосвязях тамплиеров с катарами. У последних принимаемый в сообщество клялся никогда не спать, не будучи одетым (314); то же самое рекомендовалось и тамплиерам, чтобы быть всегда наготове (315). У катаров посвященный или утешенный получал льняное или шерстяное вервие, символично называвшееся одеянием, которым он должен был опоясывать свое тело (316). Известно, что все посвященные в тамплиеры получали льняной пояс или веревку, не имея права впредь с ним расставаться (317). Поцелуй мира, даваемый утешенному катаров (318) мало чем отличался от поцелуя, передававшегося посвятителем посвященному, и целования свидетелей среди братьев Храма.

Для манихеев, катаров и тамплиеров были общими следующие обычаи: вместо любой молитвы манихеи произносили только *Pater noster (Отче наш)* (319); мессалиане, эухиты, валентиниане, богомилы, болгары делали то же самое и называли *батмологией* использование других молитв (320); альбигойцы грешили с уверенностью сознания до тех пор, пока имели возможность при

смерти прочитать один раз *Pater noster* и принять возложение рук их учителей или совершенных (321); наконец, *Pater noster* является единственной молитвой, предписанной посвятившими; и часто число молитвы *Pater*, которую должен был ежедневно читать посвященный, определялось *самим его наставником* (322).

Три нечестивых поцелуя, требовавшихся от посвящаемых в тамплиеры, имели свое происхождение в *трех печатях* манихеев: *начало*, *середина* и *конец* (323). Действительно, *избранные секты* делились на три печати. *Первой* была печать уст, в которые не должно входить никакой воспреищенной пищи и откуда не должна выходить никакая ложь. *Вторая* — печать рук, показывающая, что они должны быть чистыми от насилия. *Третья* — печать груди, указывающая, что сердце должно быть закрытым от злых мыслей (324). Существовало несколько вариантов: так, манихеи признавали еще *печать головы*, чтобы обуздать гнев; *печать сердца*, чтобы предостеречь себя от бурных страстей; *печать печени*, чтобы охранить чресла от вожделения (325). Как не признать здесь соответствие моральной идеи печатей с поцелуями, принятыми у тамплиеров: акты постыдные по своей форме, особенно в глазах людей, не проникшихся их духом (326).

Я завершил с главными сопоставлениями. Много другое, если бы я захотел, могло бы занять здесь свое место, чтобы подтвердить полное подобие манихеев и катар (327). Остановлюсь только на последней характерной черте: уединенность и таинственность окружали посвящение у манихеев (328), катар (329) и тамплиеров. Почти все допрошенные храмовники указали, что прием в орден совершался ночью и в удаленных местах (330). Крупное приорство *Вулена*, в окрестности которого обнаружили великолепную шкатулку господина герцога де Блакаса (331), было окружено таинственными прибежищами, в высшей степени подходящими для тайных собраний.

Одним из них является маленькая подземная часовня, остатки которой еще видны в лесу, находившаяся менее, чем в 2 километрах от Вулена (332). Там каменные колонны, расписанные красноватым цветом, еще поддерживают землю; но с таким обветшанием сегодня пробраться в нее можно только ползком, преодолевая в этой темной обители корни

деревьев. Вход в нее готической архитектуры и соответствует внутреннему стилю, не позволяя усомниться, что она принадлежала во времена расцвета великому приорству Вулена.

Другое прибежище — маленький храм, расположенный приблизительно на одинаковом расстоянии от картезианского монастыря Люньи (Lugny) и этого места (333), возвышающийся в прохладном и живописном уединении и возведенный в прошлом рыцарями, жившими в приорстве Вулена, о чем свидетельствует крестом их ордена. Они отказались от храма позднее в пользу монахов из Люньи, и последние, таким образом, приобрели место для духовных упражнений и прогулок, почему и дали ему имя *Куррери* (*Courrierie*) в подражание монахам из великого Шартрёза Дофинэ, в котором *Куррери* это маленькая часовня, построенная на некотором удалении от монастыря на дороге из *Сапея* (*Sapey*) в Гренобль (334). Под этим маленьким храмом вблизи Люньи находится крипта или подземная церковь, предназначавшаяся для потаенных посвящений.

Мне остается немного рассказать о других важных местах.

Неподалеку от Эссаруа (335), в западном направлении от поселка и на расстоянии менее 2 километров, встречается, вверх по течению небольшого ручья, нечто подобное цирку (336), эллипс которого занимает прекрасный источник с падающей каскадами водой (337). Это уединенное и одичавшее урочище, столь подходящее для мистерий и суеверий всех эпох (338), несомненно, в Средневековье было свидетелем каких-то собраний или посвящений рыцарей из Вулена: таково влияние мест, дававших приют уже античным верованиям и суевериям и обладавших притягательной силой для ведомых к тайне людей. Как бы то ни было, оно расположено в непосредственной близости от родника *Кав* (*de la Cave*) и принадлежит господину графу де Шастенэ: отсюда совсем недалеко до места, где обнаружили при определенных обстоятельствах шкатулку (339).

Недалеко от места обнаружения шкатулки некогда стояла часовня, называвшаяся *Капеллой Святого Сира* (*Chapelle de St-Cyr*). Следы от нее еще видны на возвышенности около Шателлено (*Chatellenot*), деревни, находящейся на небольшом удалении от Эссаруа (340); между

прочим, скульптурный образ Святого Сира до сих пор в большом почтении в этом крае. Спорная часовня была отдана тамплиерам из Бюра Бенселеном д'Апреем (Bencelin d'Arpey) в 1189 году (341). Это место таинственных источников ла Кава (342) является как бы срединной точкой между *Бюром*, где с 1120 года основывается первое учреждение тамплиеров Франции (343), и Вуленом, штаб-квартирой одного из могущественнейших приорств ордена. Именно по причине важности вышеупомянутого великого приорства, я прилагаю в продолжение своего труда статистические данные о всех главных домах или прецепториях Франции, восходящих к Вулену. Думаю, что региональная историография мне будет за это благодарна.

К тому же, уединенное место, где обнаружили находку, было благоприятнее всякого другого для сокрытия от народного недоверия или от направленных против ордена ожесточенных преследований и дознаний столь обвиняющего свидетельства, каковым являлась шкатулка. Прецептории и главные командорства, в которых проводились великие капитулы, несомненно, позаботились укрыть в тайных местах поставленные в вину тамплиерам идолы и даже их уничтожить; находка оказалась своевременной: в Неизданных документах есть доказательство, что было известно о пятидесяти восьми головах или идолах (344).

Разве удивительно, что крупное приорство Вулена обладало одной из этих голов или *манихейских идолов*, хранившейся в шкатулке того же самого происхождения? Из свидетельских показаний рыцарей видно, что идолы были, в общем, небольшими, чтобы их можно было легче спрятать из виду (345). Тем не менее, вопрос об идоле приорства не составляет проблемы, поскольку сам идол мы видим на одном из барельефов шкатулки.

Разве удивительно то, что в первые годы XIII века, когда крестоносцы, после взятия Константинополя в 1204 году, привезли в Европу разные виды рукописей, произведений искусства и археологических раритетов (346), тамплиеры могли передать для одного из изначальных приорств Франции предмет, являвшийся драгоценным не только по своему исполнению, но и благодаря тайным доктринам сообщества Храма? Вещь настолько очевидная, что в глубине своего сознания я ее

рассматриваю намного выше простой гипотезы. По всему Востоку в XII веке правил чувственный и самый извращенный мистицизм (347). С другой стороны, расколы всех видов, жаркие распри о двух естествах Иисуса Христа, распространение манихейства, пример друзов и гашишинов, множество причин, наконец, неизбежно воздействовали на воображение наших рыцарей (348); и всякий приходит к мысли, что как только проявились их могущество и влияние, они, как и два вышеупомянутых мной сообщества, пожелали иметь собственные посвящения и мистерии, и тогда манихейство, естественным образом, преподнесло им себя, составив их сущность.

Но древность шкатулки доказывает никак не смягченное западной примесью манихейство, представленное здесь, а чистое манихейство или катарство Святого Августина; на это, как мне представляется, читатель должен обратить особое внимание без всякой задней мысли, если он читал меня смело и терпеливо. Другой знак определенной древности шкатулки и всех ее аналогов это присутствие креста Ансаты, гностического ключа или креста из трех ветвей и, в высшей степени, античного, египетского, гностического и александрийского символа (349), о котором никто не знал на Западе и после XII столетия. Этот символ представлен в избытке на другой шкатулке, найденной в Вольтерре (Volterra) в Тоскане: ее соответствие со шкатулкой из Эссаруа поразительна как по мистериям, так и по арабской надписи, являющейся той же самой, только с определенной перестановкой слов. Тосканская шкатулка также составляет часть кабинета господина герцога де Блакаса.

Наконец, последний признак установленного древнего символизма нашей шкатулки из Эссаруа - ее гностический характер благодаря валентинианской огдоаде, проявляющейся во всех лицах (350). Итак, насколько известно, проблема о подобном характере памятников периода, последующего за Крестовыми Походами, не стоит.

Какой бы ни была рука, создавшая шкатулку из Эссаруа (351), можно утверждать, что концепция предмета полностью восточная и отмечает время торжества и вольности ереси, мистиерию и живые догмы которой он представляет. Это эпоха XII и XIII веков (352), когда у манихейства были развязаны руки на Востоке и, в частности, в Сирии, о чем я говорил

по ходу своего произведения. Тогда корпорации художников, архитекторов и рабочих, являвшихся великими декораторами XIII века, начали приходить к нам с Востока; тогда они сообщали камню (353) сатирическую и гримасничающую жизнь, смотрящуюся на наших христианских базиликах как сарказм побежденного язычества. Конечно, художники с Востока приносили и воспроизводили в своем труде определенные вещи из символизма манихейского гнозиса, властвовавшего над всеми умами эпохи как в Европе, так и в Азии.

И хотя ветхость обломала углы и не обошла фигуры нашей шкатулки, но гармония ансамбля, движение персонажей, строгая форма христианского алтаря (354), впечатление которого она производит, все в этом маленьком историческом памятнике дышит греческим искусством, предшествующим эпохе Крестовых Походов (355). Однако еще неловкие европейские копиисты, вдохновившиеся порывом XII столетия, не могли в совершенстве исполнить детали и слепки фигур, движущихся на барельефах. Если исследовать эти фигуры, то обнаружишь, что их характер, безусловно, отражает начало XIII столетия (356). Я сам был поражен аналогией изображений шкатулки с фигурами, отображенными на самых древних сюжетах старой базилики Везелэ; и господин фон Гаммер отмечает подобную тождественность со скульптурами самых древних церквей Франции — Монморийона и Святого Креста в Бордо (357). Наконец, совершенные аналогии, встречаемые мной в коллекции Дюзоммерара, развеяли все мои сомнения (358).

Завершая эту долгую и кропотливую работу, я не могу не выразить своего почтения к ученой и справедливой точке зрения знаменитого востоковеда господина фон Гаммера на бафометические идолы и поблагодарить его за сведения, которые он пожелал мне передать в своей благосклонной корреспонденции. Насколько фон Гаммер не смог бы устоять, если бы ему как мне стало известно место обнаружения шкатулки, чтобы придать поначалу кратко изложенной гипотезе всю силу, которую она сумела бы, бесспорно, почерпнуть в новой ситуации и в развитии, куда ее могли бы привести ученые исследования. Вне всякого сомнения, поставленная мной задача несоразмерна моим способностям,

но убеждения вдохновляют смелость и благодаря им я продолжал двигаться дальше. Первая истина для меня проистекала из собственных исследований: если можно говорить, что шкатулка разоблачает мистерии посвящения Ордена Храма, то можно и сказать, что эти самые мистерии разъясняют смысл фигур и арабской надписи шкатулки. Более важная истина родилась для меня в продолжении моих исследований о родстве сект, доктрин и сообществ: она о манихействе Ордена Храма. Я смог доказать, что эти разнообразные элементы связываются и согласуются с неизданными документами по истории Франции; и я постарался изложить происхождение и развитие отмеченных элементов.

Больше речь не идет о смутной нерешенной виновности и неразъясненных мерзостях, как утверждает повсюду: дело касается великой и глубокой ереси, существовавшей только в сердце сообщества, пусть в тайне и в омерзительных обязанностях его членов. Надеюсь, что справедливостью воздастся моей беспристрастности в этом великом и тяжелом вопросе, поставленном мной на абсолютно новую почву. Я настолько питал почтение к обвиняемым, следуя твердым шагом к истине, что, вероятно, меньше им навредил, чем многие апологеты тамплиеров.

Господин Ленорман в одном из своих произведений дал мне и другим наставление в необходимых для развития исторической науки любознательности и упорстве (359); в совсем недавнем обстоятельстве он показал столь редкий союз уважения и справедливости к доктрине, противоположной своей; в то же время он мог научить меня страшиться его красноречия (360) и чувствовать свою ущербность даже тогда, когда мои убеждения настолько же живы и глубоки, насколько и его.

И все же справедливость Ленормана подвигло его оставить вопрос нерешенным. Я доказал (361), что власть никоим образом не обогатилась от трофеев Ордена Храма; и действительно, по признанию самого Ленормана, современников Филиппа Красивого вряд ли поразил бы такой род обвинения. Знаменитый академик еще признался, что выводы, сделанные мной о фигурах и арабской надписи на шкатулке из Эссаруа, достигли одобрения серьезных умов. Я люблю говорить, что просвещенная и лояльная критика для меня ценнее всякой похвалы:

слишком мало чести предпринимать новые усилия для борьбы в столь выдающемся споре.

На протяжении этого долгого и тернистого труда, вместо того, чтобы примкнуть к одной из партий историков, я пошел по свободному и независимому пути. С тех пор не доверяю обвинителям пап или королей, укорявших и меня в пристрастности. И действительно, до настоящего времени вопрос решался на их разногласии: одни писатели представляются устаревшими отголосками лиги, образовавшейся против Филиппа Красивого в 1314 году, тогда как другие ядовито пишут теми же самыми чернилами, которыми писали флорентийские перья по случаю переноса Святого Престола в Авиньон (362). С моральной точки зрения первая вещь противоречит моему здравому смыслу: это означало бы рассматривать короля, папу, множество свидетелей и триста епископов Вьенского собора исключительно как палачей.

Климент V возбудил дело и, если по-человечески взглянуть на вещи, в его интересах было поддержать могущественный орден, находившийся в ведении католического суверенитета и способный уравновесить королевскую власть. Последний великий магистр Ж. де Моле об этом хорошо знал и категорично взывал к папе перед королевскими комиссарами (363). Какое же препятствие остановило Климента V, когда обвиняемые ходатайствовали перед ним, как перед своим естественным судьей. Какое препятствие? Я скажу вам. Тождественность посвящений тамплиеров с тем, что знали о *катарах*, должно было привлечь внимание Святого Престола. Неужели, в действительности, бывшее тайной для несведущих оставалась ей и для Римской курии, менее столетия назад поднявшей Крестовый Поход против тех же самых совершаемых альбигойцами практик (364)? По моему убеждению, когда в 1307 году папа покинул тамплиеров, речь еще об этом не шла: впоследствии благодаря допросам и многочисленным обвинениям раскрывается очевидность того, что орден запятнал себя манихейством. Страшная тайна, однажды открытая Климентом V, не могла отменить решений его предшественников - пап Александра, Луки и Иннокентия; более того, Вьенский собор в Дофине 1312 года, провозгласивший упразднение тамплиеров, не смог отменить решений Латеранского собора от 1179

года, Веронского собора от 1184 года и, наконец, собора в Монпелье от 1215 года (365). Своими совершенно понятными предосторожностями Римская курия не хотела предавать огласке собственные подозрения; но их для истории подтверждает внезапное безразличие папы после того, как особое расследование, производившееся папскими легатами и независимое от расследования агентов Филиппа Красивого, было завершено. Известно, что Рим не отменяет своих решений: сие составляло, составляет и будет во все времена составлять силу католицизма.

Бедный каменный скульптурный предмет меня научил многим тайнам, о которых я не имел ни малейшего представления, когда с радостью читал более или менее пылких историков и особенно прекрасную трагедию Райнуара, пленившую мое воображение и мою юность. Я исследовал самый темный и самый сложный вопрос нашей истории в холодной и мирной компании этого камня: быть может, он - сфинкс, обязанный говорить истину проходящим.

КОНЕЦ МОНОГРАФИИ

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Первая часть моего труда о тамплиерах, на которую я ссылаюсь в начале своей Монографии о шкатулке, должна рассматриваться как независимая от этой монографии, пусть, впрочем, она и является ее сжатым изложением, опубликованным мной в мемуарах комиссии древностей Кот-д'Ора в 1850-1851 гг. Следовательно, читатель может рассматривать в качестве единого целого только два последних опубликованных мной произведения: Монография о шкатулке герцога де Блакаса и Продолжение монографии...

(2) Он жил во времена Калигулы, поскольку около 40 года от Рождества Христова он был послан в Рим александрийскими евреями, чтобы ходатайствовать перед императором о римском гражданском праве в пользу своего народа.

(3) Филон уже внес изменение. Эта София (греч.) соответствует Логосу (греч.) Платона.

(4) Philon., de Temulentia, p. 244.

(5) Именно гению Манеса было обязано своим происхождением это событие.

(6) Плутарх, de Procreatione animae.

(7) Гармония рассматривалась как дочь небес, ибо планеты, вращаясь в своих сферах, издают гармоничные звуки. В их числе даже находили семь тонов музыки; материя, напротив, рассматривалась в качестве нестройной, поскольку Филон ее называет *asymphonias mesti* (греч.), полной какофонии (*de Opificio mundi*, p. 4).

Плутарх в трактате о музыке (с. 68) выражает то же самое благодаря перу переводчика Амио: “Пифагор, Архит, Платон и все другие древние мудрецы считали, что движения небес и обращение светил не происходят без музыки, ведь они говорили, что Бог создал все вещи в созвучии и гармонии”.

(8) Plotin, *Enneades*, V, IV, 2; et VI, VIII, 17.

(9) Matter, первое издание, t. I, p. 198.

(10) Id., p. 278.

(11) См. Монографию, ч. I. ***

(12) См. там же и Matter, *ib.* p. 310, 315. - Pluquet. ***

(13) Этим выражением Маттер, несомненно, хотел сказать, что эоны или эманации были мужскими и женскими, то есть в них заключались сами по себе активное и пассивное начала.

Доктрина Плотина по отношению к эманациям, по словам одного писателя, представляет собой изображение солнца, излучающего свои лучи, но ничего не теряющего в своей субстанции, или сосуд, который течет в переполненном состоянии, оставаясь, тем не менее, всегда наполненным. Бог Отец сообщает свою собственную субстанцию, ничего не теряя в своей личности (*Histoire de l'ec. D'Alex. par Simon*, t. 1, p. 373).

(14) Любопытно заметить, что изображение светящихся солнца и луны присутствуют на каждой из сторон МЕТЕ на шкатулке из Эссаруа.

(15) Необходимо, по словам Плотина (*Enneade V, II, 2*) представлять

себе универсальную жизнь как линию огромной протяженности, на которой каждое существо занимает точку, порождающую существо, порожденное предшествующим существом, и всегда различное, но не отделимое от производящего существа.

Другой атлет неоплатонической александрийской школы Прока говорил, что интеллигибельный мир образует непрерывную цепь существ, иерархически расположенных, и в этой цепи всякое предшествующее существо порождает всегда существо, которое непосредственно следует за ним (Vacherot, *Hist. crit. De l'ec. D'Alex.*, t. II, p. 278).

(16) Древние язычники, как говорит аббат Миньо (Mignot) (*Memoire des inscr.*, t. XXXIV, p. 127) никогда не уточняли род или пол своих божеств: они рассматривали их как бы общего рода, они их наделяли безразлично мужскими или женскими чертами.

В Амафонте признаки незапамятной древности оставляют проявляться изначально андрогинному характеру Венеры. Изображение из Амафонта предстает перед глазами бородатой женщиной со всеми чертами гермафродитизма (*Biog. univ., partie myth., art. Venus*).

Дальше мы увидим, что Саклас или Неброт у манихеев соединял в одном и том же андрогинном персонаже активное и пассивное начала.

Эти идеи овладевали даже ревностными христианами вплоть до епископов. Так, епископ Птолемаиды Синезий, уступая в V столетии египетским философским идеям, воскликнул в поэтическом воодушевлении, обращаясь к Богу:

“Ты — корень и начало всех вещей прошлых, настоящих и будущих; Ты — корень всего сущего; Ты — отец; Ты — мать; Ты — мужское и женское”.

Synes., *hymne II*, v. 90 – *Memoires des inscr.*, t. XXXI, p. 235; *Beausobre*, t. I, p. 582.

(17) Эта эманация или излучение (именно последнее слово мы находим в Эннеадах) является еще и концепцией александрийской школы:

“Премудрость, - говорит Филон, - пребывает выше неба и оттуда, не выходя из своего покоя, она излучается в чувственный мир посредством души, которая принимает впечатление идеи и передает ее всему тому, что за ней следует” (Vacherot, *loc. cit.*, p. 476).

(18) “Virtus ex quadam Prunica virgine manans” .

(19) Origene, I, с. 34. Плотин в совершенно поэтическом изображении представляет эту вторую душу, эту человеческую душу, падающей на землю со сломанными крыльями, потому что она больше не может удержаться в небе (Enneades, IV, III, 7).

(20) См. Matter, второе издание, t. II, p. 130.

(21) Здесь собственные выражения маркионитов, сектантов, согласно которым Иисус Христос является чистым духом и его деяния по отношению к человечеству были только видимостью. См. прим. 60 к главе “РАЗЫСКАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОТРЕЧЕНИЯ, ВЫРАЖЕННОГО В НАДПИСИ НА ШКАТУЛКЕ СЛОВOM TANKER И ПР.; О ЗНАЧИМОСТИ ЛАТИНСКОГО ЭПИТЕТА GERMINANS” части I Монографии.

(22) Плотин, *peri kallous* (греч.) Vacherot, loc. cit., p. 93. (Стр. 6)

(23) Matter. *Hist. du Gnost.*, 1828, t. II, p. 177, 179, 212, 231, 425.

(24) Среди этих первых сект нужно выделить офитов, каинитов, николаитов и адамитов, которые отличались друг от друга только по названию.

(25) См. об ассасинах. Монография, часть I, глава “РАЗЫСКАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОТРЕЧЕНИЯ, ВЫРАЖЕННОГО В НАДПИСИ НА ШКАТУЛКЕ СЛОВOM TANKER И ПР.; О ЗНАЧИМОСТИ ЛАТИНСКОГО ЭПИТЕТА GERMINANS”.

(26) Это неприятие возникало в разных формах, и как мне досадно от него. Один говорил с уверенным авторитетом: “Да, эта шкатулка, очевидно, из эпохи Генриха IV”. И многие ему аплодировали, что всегда делается по отношению к книгам и произведениям другого. “Впрочем, господин совершенно прав, - добавлял умный человек из меньшинства слушателей, - ибо вот на крышке шкатулки портрет Марии Медичи”.

(27) Агапиты — секта, произошедшая от Карпократа — называли душу или премудрость Агапэ. Представляется, что одна образованная испанка с таким именем, основала эту школу под влиянием Маркуса Египтянина (См. *Sulpice Severe, Hist. sac., lib. II, с. 46*). Тот же историк добавляет, что Маркус являлся учеником Манеса. Агапэ увлекла с собой ритора Гельпидия и позднее знаменитого Присциллия: “In Hispania Agare

Helpidium mulier virum caecum caeca duxit in foveam, successoremque sui habuit Priscillianum” (Hieronym. Epist. Ad Ctesiph).

Апеллес, ученик Маркиона, давал душе или ПРЕМУДРОСТИ имя Филомены, поскольку так звалась его избранница, разделявшая его ложную доктрину. Женщины преобладали в манихейских мистериях и посвящениях. Так, около 404 года одна манихейка из Антиохии по имени Юлия пришла с несколькими другими в Газу, где совратила разных людей своими рассуждениями и, как добавляет Тиллемон, еще больше своими деньгами (Till., Memoires eccl., t. IV, p. 405; Bolland., 26 feb., p. 658).

(28) Феодорит, Haeret. fab., lib. I, c. 7.

(29) Святой Епифаний, Haeres., 31, c. 18.

(30) Matter, первое издание, t. I, p. 171.

(31) Феодорит, Haeret., lib. I, c. 7.

(32) Прюницея спустилась в воды, которые укрыли ее массой материи, но когда она пожелала подняться на небо, то не смогла этого сделать из-за тяжести материи, остановившей ее взлет (Beausobre, t. II, p. 326). Вот уж точно очень удачное заимствование в греческой мифологии.

(33) Гностики, по словам Маттера, имели три своих главных средоточия: Сирия, Египет и Малая Азия (первое издание, t. I, p. 323).

(34) Святой Епифаний, Haeret., 29, c. 1; Matter, 1re division, t. II, p. 327.

(35) “Ore sed non corde”, как говорят все свидетельские показания неизданных документов.

(36) Тот, который желает (Dict. De la Bible). Премудрость проявлялась также под одним из собственных свойств, к примеру воля. “Masculam vero virginem quam lucis filiam dicunt et Joel nominant” (Theodoret, Haeret. fab., c. 26).

(37) В греческом языке metis (греч.) или metos (греч.) обозначает премудрость, мудрость, благоразумие и пр. (Стр. 10)

(38) Haeres. XXVI, c. 16.

(39) Matter, первое издание, t. II, p. 281.

(40) По греческой мифологии METIS, самая благоразумная из богинь, была первой женой Юпитера; но этот бог, изучив судьбу, что сын METIS его однажды низложит, пожрал ее. После чего он сам породил Минерву, вышедшую из его мозга (см. Шюмпре и Миллен на слово METIS). Это

карпократианский миф, о котором говорят Святой Епифаний и Святой Климент Александрийский. Вот текст первого из них в переводе отца Пето:

“Nam et a poetis Metin (МНТИН) (quam prudentiam appellare possis) filiam suam absorbens introductus est Jupiter. Nemo porro infantem absorbeat; quemadmodum sanctus Clemens, cum deorum qui a Graecis turpitudinem deridet. Quod enim devorasse Metin dicitur, non de infante ullo, sed de proprio semine par est intelligi”.

(41) Он учил, что чистый хаос может рассматриваться как первое начало; что из хаоса выходит Эреб и ночь, то есть монада и диада, или конечное и бесконечное; что Эреб и ночь порождают в своем союзе эфир, любовь и METIS, означающую разумную триаду (Vacherot, Hist. crit. De l'esc. D'Alex., t. II, p. 393). Поистине, в этих сопоставлениях любопытно наблюдать, в сколь экстравагантные трансформации философы разных времен втягивали свою метафизику.

(42) Плутарх, de Isi et Osiri, с. 56.

(43) Плутарх, De Isi et Osiri, с. 37. Вот фрагмент в переводе Амие: “Египтяне говорят, что Изис, которая не что иное, как зарождение, возлежит с Озирисом; тем не менее, они называют луну матерью мира и говорят, что она двойной природы, мужской и женской. Женской, поскольку она наполнена и беременна светом солнца; мужской, поскольку она вбрасывает в воздух и распространяет в нем начала зарождения”.

В главе 31 того же самого трактата Плутарх говорит: “Всякое начало зарождения умножается в самом себе”.

Две вещи проистекают из этих фрагментов: с одной стороны, комплексный союз активной и пассивной силы в едином божественном существе; с другой, - вся система эманаций, заимствованная валентинианской школой в Египте.

(44) На самом деле имя Изиды было дано египтянами луне. Озирис сделал земледелие почетным в Эфиопии, и во время его великих цивилизаторских завоеваний в сообществе Пана и Триптолема, вопросами управления мудро распоряжалась Изиды с их советником Гермесом. И для того, чтобы почитать память

Озириса и Изида, египтяне дали эти знаменитые имена солнцу и луне (см. Диодор Сицилийский, книга I).

(45) “Achamot eamdem insuper Matrem et Ogdoadem vocant, et Sapientiam, et TERRAM et Hierusalem, et Spiritum Sanctum, et masculo genere Dominum” (St Epiph., Haeres., 31, c. 18).

(46) St Epiph., Haeres., 34, c. 7; Beausobre, t. I, p. 422.

(47) Tys ano ogdoados to aperanton, kai aionion, kai aoriston, kai achroion (греч.) (St. Epiph., loc. cit.) (Стр. 12)

(48) Смотреть таблицу рядом с изображением крышки шкатулки. Совершенно обоснованно в самом начале монографии я вменил художнику-иллюстратору упущение бороды в литографиях Воспоминания от 1832 года, представляющих андрогинный эон МЕТЕ: исходя из признания, которое оказал честь довести до меня сам барон фон Гаммер, знаменитый ориенталист не принимал ни малейшего участия в этих литографиях.

“Я не имею никакого отношения к упущению бороды в литографиях господина герцога де Блакаса, - сообщает мне барон фон Гаммер в письме из Дублинца под Веной, датированном 2 июля 1852 года, - я не знаю, что его заставило это сделать, ведь я получил Воспоминание с литографиями из рук господина герцога в Милане”.

В действительности, абсолютно очевидно, что господин фон Гаммер, прекрасно воспроизведший в своих Каменоломнях Востока андрогинизм фигур, совершенно идентичных изображениям на нашей шкатулке, никак не смог бы упустить ту же самую черту в литографиях Воспоминания от 1832 года, если бы руководил этим делом.

(49) Плутарх, de Isi et Osiri, c. 55.

(50) Аббат Батто (История первоначальных причин) — L'abbe Batteux (Histoire des Cause premieres, p. 76).

(51) Описание мусульманских памятников кабинета господина герцога де Блакаса, т. II, стр. 241. См. также Montfaucon, Antiq. expl., t. II, part. II, pl. 160, 169.

(52) См. Lucien, edit. de Hemsterhuis, t. I, p. 729, 730.

(53) На шкатулке из Эссаруа три соединенных треугольника и 5 сторон пентаграммы образуют Огдоаду.

(54) Плутарх, О сотворении вселенской души, согласно Тимею Платона (с. 19).

(55) Tertullien, adv. Valent., I, с. 1; Феодорит, Еретические басни, в главе об архонтиках (Theodoret, Haeret. fab., de Archonticis). Эта секта, по словам, Плюке появилась около 160 года при императоре Антонине Пие.

(56) Эти еретики конца XI столетия, по сообщению Словаря начал (Dictionnaire des origines), приписывали творение мира разумным силам, подчиненным Богу, которых они называли архонтами. Сверх того, они отвергали исповедь и причастие, другие таинства, воскресение тел и предавались всяким наслаждениям. Та же самая секта под более общим именем николаитов возродилась около 852 года и к началу XI столетия при понтификате папы Урбана II. Собор в Пьяченце в Ломбардии, проводившийся в чистом поле под руководством папы в 1095 году, на котором присутствовало двести епископов, более четыре тысячи клириков и тридцать тысяч мирян, осудил эту секту (Искусство сверять даты).

(57) St Aug., de Haeres., 20; St Eriph., Haeres., 40.

(58) См. Плюке на слово Гераклеон; St Eriph., Haeres., 36.

Гераклеон (Гераклион), как говорит Маттер (второе издание, т. II, стр. 113), жил при Марке Аврелии и являлся одним из учеников Валентина, приобретшего наибольшую славу в Александрии.

(59) Бособр (т. II, стр. 125) устанавливает те же самые взаимосвязи.

(60) Нельзя смешивать этого Оригена, названного Адамантием, Адамантином (значит, естества или твердости алмаза) с Оригеном Нечестивым или Адамитом, который завещал своим бесчестным ученикам имя оригениан или оригенинов. Ориген Адамантий был назван так в честь своей неутомимой усидчивости в работе, как юные однокашники Боссюэ пародировали имя последнего: *Bos suetus aratro* (Вол, привыкший к плугу).

(61) Origene, lib. 6, с. 28, р. 294, edit. Spencer.

Василидиане показывали свою большую распущенность уже во времена Порфирия и Епифания (см. St. Eriph., Haeres., 25; Porphyre, de Abst. Carn., I, с. 40).

(62) Daneum in Aug. de Haeres., с. 31; Bayle, на слово Адамиты.

(63) См. Моног., часть I, о маркионитах.

(64) St Aug., de Haeres., 46.

(65) Memoire eccl. De Tillemont, t. IV, p. 367; St Aug., loc. cit.

(66) Поскольку секта маркионитов не так важна, то стоит опасаться заблуждения распространенности имен, нужно четко различать маркосиан от маркионитов.

Было два ересиарха по имени Маркус: первый во II столетии, о котором говорят Святой Иринея (*Contra Haeres.*, edition de 1710, p. 51, paragraphe 73), Сульпиций Север (*lib. 2 de Hist. sac.*, с. 60) и Исидор (*lib. De Script. eccl.*); второй происходил из Египта и в IV веке пришел в Испанию основать секту агапитов или присциллиан (Matter, второе издание, t. II, p. 295; Святой Иринея, *op. cit.*) Святой Иероним их путал (*Comm. ad Isaiam*, 44). Другие, и Маттер в числе этих последних, указывали на третьего Маркуса, который вместе с Луканом и Апеллесом являлся одним из наиболее замечательных сторонников Маркиона, сектанта самого большого влияния во II веке. Этот третий Маркус, согласно Маттеру, был учеником Валентина и наиболее достоин внимания. Плюке и некоторые видные исследователи ересей признавали только двух Маркусов: одного, которого они называют валентинианином, и другого — Мага, чтобы, несомненно, подчеркнуть тесные отношения его доктрины с учением Манеса. Таким образом, Святой Иринея признавал лишь двух Маркусов, с которыми он связывает гераклеонитов, сектантов, зависевших, по его мнению, от валентиниан. Я согласен с этой точкой зрения и рассматриваю Маркуса Валентинианина как того же самого Маркуса Маркионита.

Школа Маркиона, будучи наименее удаленной от христианства, смутила больше всего христиан, ибо, вместо того, чтобы дополнять христианство при помощи доктрин Египта, Греции и Персии, Маркион выставлял напоказ преимущество христианства; он говорил, что иудаизм был образом, а христианство является вещью (Matter, второе издание, t. II, p. 234, 289). По ходу этого труда, по словам Бособра (t. I, p. 125), становится видно, как теология манихеев согласовывалась с учением Маркиона.

(67) Манихеи признавали две души в одном индивидуе: одну добрую, другую — злую, которая, тем не менее, со-вечна Богу, хотя и произведена началом тьмы (St. Augustin, de duabus Animabus, contr. Manich). Валентиниане также говорили, что есть добрые и злые души; однако они добавляли, что добрые души были способны на семя, тогда как злые всегда его лишены (St Irenaeus, contr. Haeres., dissert. Praev., ed. de 1710, p. 45, с. 73). Позже мы увидим как манихеи превзошли валентиниан.

(68) Beaus., t. II, p. 394.

(69) St Aug., cont. Faust., lib. 21, с. 28.

(70) St Aug., de duab. Anim.

(71) Id., cont. Faust., loc. cit.

(72) См. Плюке на слово Карпократ. См. также Маттера.

(73) Николаиты заходили здесь насколько возможно далеко, как видно из следующего фрагмента: “Sunt qui, inter Nicolaitas, publicam venerem pronuntiant mysticam communionem” (Clement d’Alex., Stromates, lib. 3, p. 436).

(74) См. Maimbourg, Hist. du Pontificat de St Leon le Grand, p. 18.

(75) Василидиане разделяли своих приверженцев на психиков и гиликов. Matter, первое издание, t. 2, p. 97.

(76) St Aug., contra Faustum, lib. 20.

(77) В системе Манеса, по словам Маттера, добрый Бог имеет в качестве символа свет, а злой Бог — тьму. Первое издание, t. 2, p. 358.

(78) Итак, этот дуализм образует лишь одно, и Отцы в нем изобретательно названы _____ (греч.) Богом и материей (Theodoret, Haeretic. Fabul.; Epiph., Haeres., 16, с. 14). (Стр. 19)

(79) Aug., contr. Faust., lib. 21.

(80) Contra Epistolam Manichaei quam vocant Fundamenti, lib. Unus, 19, XV. St Aug., edition Gaume, pars prior, p. 280.

(81) Эти пять чумных земель являются только аллегорией пяти элементов, которых признавал Манес.

(82) Theodoret, Haeretic. Fab.; St Epiph., Haeres., 46, с. 14.

(83) Contra Faustum, lib. 13, с. 6.

(84) Манихеи представляли первого человека, вооруженным пятью элементами: воздухом, светом, огнем, водой и ветром; с которыми он

вместе борется против пяти других элементов: дыма, тьмы, злого огня, злой воды и злого ветра. В этой борьбе воздух смешивается с дымом, свет с тьмой, а другие добрые элементы смешиваются с другими злыми (St Aug., de Haeres., 46).

“Ad gentem tenebrarum debellandum, de lucis gente descendit armatum aquis suis contra inimicorum aquas, et igne suo contra inimicorum ignem, et ventis suis contra inimicorum ventos” (Id., contra Faust., lib. 2, c. 3).

(85) Id., ib.

(86) “Unde et ista sacrilega deliramenta vos cogunt in coelo atque in omnibus stellis, sed etiam in terra atque in omnibus quae nascuntur in ea confixum et colligatum atque concretum Christum dicere non jam salvator vestrum, sed a vobis salvandum, etc.” (id., lib. 2, c. 5).

(87) Святой Епифаний, Haeres., 31, с. 18, фрагмент, уже неоднократно цитировавшийся в этом произведении.

(88) “Virtutem quidem Christi in sole habitare credimus, sapientiam vero in luna” (St Aug., contra Faust., lib. 20, c. 2).

(89) Id., ibid. Во II столетии гностик Марк подменил Троицу Кватернером (Dict. de Bouillet). Плюке был прав, говоря, что валентиниане раньше Манеса попытались искусно примирить господствующие принципы пифагорейства или другие с христианством, ибо, как замечает Святой Ириней (lib. 3, p. 191, edition de 1710), Бог четырежды торжественно общался с людьми: впервые с Адамом, во второй раз с Ноем, в третий — с Моисеем, чтобы вдохновить своим возвышенным законодательством, и в четвертый раз со Христом, чтобы в Нем самом подвести итог и возродить человека, подняв его к царству небесному. Более того, есть четыре евангелиста; четыре освященных Писанием животных (Откровение Святого Иоанна Богослова, Глава IV, стих 7): первое, подобное льву, есть изображение благородного достоинства и господства; второе, подобное волу, есть изображение жертвоприношений и рукоположения в священнический сан; третье, подобное человеку, есть природное изображение человечества; и, наконец, четвертое, подобное орлу, есть дух, устремляющийся к Церкви.

(90) St Aug., loc. cit., ch. 7. Маркус называл Иисуса Христа Верховной Тетрадой (см. Морография, первая часть, о Маркусе и маркосианах).

(91) В мистериях манихейства страждущий Христос это жизнь или материальная организация.

(92) Нужно хорошо обратить внимание на этот фрагмент Святого Августина (*de Natura boni, contra Manich.*, с. 44): “*In omnibus seminibus arborum, herbarum, hominum, animalium*”.

(93) “*Ubique turpi conditione permixtus, in capro inflammatur, in capro seminatur, in hoede generatur. - In omnibus meretricibus prostituatur, in omnibus denique maribus ac feminis late varieque fornicantibus et sese corrumpentibus volutatur, solvitur, illigatur, rursus in eorum fetibus volutandus, solvendus, ligandus, donec ad ultimum globum pars immundissima Dei vestri tanquam inexpiabilis meretrix perducatur*” (*St Aug., cont. Faust., lib. 22, с. 98*).

(94) *St Aug., cont. Faust., lib. 20, cap. XI*.

В другом месте он говорит еще Фавсту, своему манихейскому сопернику:

“*Vos autem cum carnem Christi virginale utero committere horretis, ipsam divinitatem Dei non tantum hominum, sed et canum porcorumque uteris commisistis! etc. Et ipsam Dei partem, divinamque naturam, in omnium hominum ac bestiarum masculis seminibus et femine uteris, in omnibus conceptibus, per omnes terras et per omnes aquas, et per omnes auras ligari, opprimi, coinquinari, et nec totam postea liberari posse praedicatis!*” (*St Aug., cont. Faust, 20, с. XI*).

(95) “*Concipientem de Spiritu sancto dicitis terram gignere Patibilem Jesum, quem tamen ita contaminatum, omni ex ligno pendere perhibetis in frugibus et pomis, ut innumerabilis animalibus, animalium vescentium carnibus amplius contaminetur*” (*St Aug., cont. Faust, 20, с. XI*).

(96) “*Illi dicunt esse naturam mali cui Deus coactus est naturae suae partem dare cruciandam*” (*id., de Genesi, cont. Manich., lib. 2, с. 29*).

(97) “*Deinde, cum omnes arbores crucem ipsius esse dicatis, unde a Fausto praedicatur: “Omni suspensus ex ligno”* (*Id., cont. Faust., lib. 20, с. XI*).

(98) “*Ita ligatum pollutumque constituunt, ut ex magna, non tamen ex tota parte solvi purgarique non possit nisi et ab hominibus electis videlicet Manichaeorum in porris radiculisque ructetur*” (*St Aug., cont. Faust., lib. 2, с. 5*).

Этот фрагмент произвольно напоминает о происхождении следующих определенных поговорок и присловий: сделать бога из своей утробы; Бог в помощь и т. д. Есть среди нас особый обычай, который не всегда является признаком дружбы и, быть может, его бы отклонили как неверный и банальный, если бы знали, что он манихейского происхождения. В действительности, когда эти сектанты сходились, то пожимали друг другу руки в знак их избавления от тьмы: “*Manichaei quoties invicem occurrunt, hujus rei significande gratia mutuo sibi dexteras porrigunt, tanquam a tenebris erepti*”(St Epiph., *Haeres.*, 66, с. 25, trad. du P. Petau).

(99) “*Ausi sunt dicere quod natura Dei sit aniva*” (St Aug., *de Genesi, cont. Manich.*, lib. 2, с. XI; Id., *de Haeres.*, с. 46, ad princip).

(100) “Особое упование, - восклицает Святой Августин, - заключается в одном или нескольких преобразованиях в арбузах, огурцах или другой пище, которую вы, господа избранные, съедите: *ut vestris ructatibus cito purgentur*”. Святой Августин шутливо добавляет: “Не должен ли был сказать Господь: “*Esurivi, et dedisti mihi manducare*”; или скорее: “*Esuristis et manducastis me*”. (St Aug., *cont Faust.*, lib. 5, с. 9).

(101) Как не вспомнить фрагмент из Святого Иринейя, который здесь я намеренно цитирую: “София это Матерь жизни, это Отдоада, Земля, Иерусалим, Святой Дух, это - Господь” (“*Sophia, hanc autem Matrem et Ogdoadem vocant, et Sophiam, et Terram, et Hierusalem, et Spiritum sanctum, et Dominum masculiniter*”) (St Irenaeus, lib. I, с. 5, paragraphe 3).

На эзотерическом языке, по словам Маттера (первое издание, т. 2, стр. 194, № 1), Христос носил также имена Мужа и Правой стороны; его подруга обозначалась Человеком-Женой,левой стороной, Софией-Ахамот и Прунеикос (греч.) или Пруникос (греч.); Маттер не раскрывает значение последнего слова, которое можно растолковать как посланник, что хорошо соответствует страждущему Иисусу, посланному в материю.

(102) *Beaus.*, t. 2, p. 557.

(103) Это я полностью доказал в другом месте.

(104) “*Item quod illud idolum adhorabant et specialiter in eorum magnis capitulis et congregationibus. - Item quod venerabantur. Item quod ut Deum. Item quod ut salvatorem suum. - Item quod aliqui eorum, item quod major pars illorum qui erat in capitulis, item quod dicebant quod illud capud poterat*

eos salvare. - Item quod divites facere. - Item quod omnes divicias ordinis dabat eis. - Item quod facit arbores florere. - Item quod terram germinare, etc” (Collection des doc. in., t. 1, p. 92).

(105) Metis или metos (греч.) по-гречески означает мудрость, премудрость. Известно, как видоизменялся этот миф в своем простом названии, ибо, если верить Бособру, сам Митра, согласно толкованию Пселла, является высшей ПРЕМУДРОСТЬЮ, названной в прорицаниях nous (греч.), mens, в высшей степени дух, который пребывает во главе бессмертных духов как их князь и глава (Beaus., t. 1, p. 563). (Стр. 27)

(106) Вот фрагмент, который я перевел из Святого Августина (de Haeres., 46):

“Они говорят, что обетование Нашего Господа Иисуса Христа, касающееся Святого Духа Утешителя (Параклет), было исполнено в личности их ересиарха Манеса. Также этот последний в своих письмах называется апостолом Христа, поскольку Иисус Христос обещал его послать и поместил в нем Святой Дух”.

(107) Рассказ Тирбона, переданный у Бособра, t. 1, p. 247.

(108) Буквально по-арабски: Наше рождение было и меня с семью.

(109) Дальше мы увидим какие отношения имеют эти и следующие секты с мистериями, воспроизведенными на барельефах.

(110) Эта секта признавала семь небес, каждым из которых ведал один архонт. Матерь жизни или верховная мать, господствовавшая в этой Огдоаде, у них называлась Фотиной. Архонтом седьмого неба был Саваоф (Theodoret, Haeret. fab, lib. I, c. XI, de Archonticis).

(111) Фибииониты в своих отвратительных мистериях, как говорит Святой Епифаний (Haeres., 26, с. 9), призывают 365 имен князей, из которых семь главных: 1-й Йао, 2-й Саклас, князь постыдных страстей, 3-й Сет, 4-й Дад, 5-й Адонай, 6-й Йалдабаоф и 7-й Саваоф. 8-й Барбело является создателем и создательницей неба и земли.

(112) “Age nunc Matrem illam vitae videamus quam ab virtute productam affirmat, eamdemque cum primo homine quinque elementa procreasse, quae sunt ex illius opinione ventus, lux, aqua, ignis et materia” (St Epiaph., Haeres., 66, cap. 45).

(113) St Aug., de Haeres., 46; St Epiaph., Haeres., 66; Theodoret, Haeret. fab., c. 26.

(114) St Epiaph., Haeres., 66. Поскольку Манес был убежден, что души

являются частицами света, он полагал, что бесконечность маленьких звезд, собранных в Млечном пути, являлась бесконечностью чистых душ, образующих, как он называл, совершенный воздушный столп (Beaus., t. 2, p. 513).

(115) “*Scripsi adhuc presbyter contra Manichaeos de duabus animis quarum dicunt unam partem Dei esse, alteram de gente tenebrarum, etc*” (St Aug., de duab. Anim., contra Manich).

(116) Небесный Иисус, как они называют счастливого отца, Высшего Бога, распространяет сверху со своих больших и великолепных кораблей (солнце и луна) сияющий свет в помощь и для освобождения божественной субстанции от нечистых пут, которые ее удерживают. Там он постоянно преображает своей невидимой силой воли свои эманации, достоинства и добродетели (*virtutes luci*) в прекрасных мужей или нагих мальчиков, чтобы их противопоставить соблазнительным девушкам нации тьмы: “*ut per pulchritudinem suam infamment spurcissimam libidinem principum tenebrarum, et eo modo vitalis substantia, hoc est Deo natura quam dicunt in eorum corporibus ligatam teneri, ex eorum membris per ipsam concupiscentiam relaxatis soluta fugiat, et suscepta vel purgata liberetur*” (St Aug., de Natura bini, cont. Manich., с. 44).

Вот, как сказал Святой Августин, начиная свою главу, что эти несчастные в 7 книге их Сокровища или Страшного писания разумеют и во что они верят.

В другом месте (de Haeres., с. 46) тот же Святой Августин именует божественные эманации святыми достоинствами, и необходимо процитировать этот фрагмент, чтобы он дополнил предыдущий:

“*Esse autem in eis navibus sanctas virtutes quae se in masculos transfigurant ut illiciant feminas gentis adversae, et rursus in feminas ut illiciant masculos ejusdem gentis adversae; et, per hanc illecebram, commota eorum concupiscentia, fugiat de illis lumen, quod membris suis permixtum tenebant, et purgandum suscipiatur ab angelis lucis, purgatumque illis navibus imponatur ad regna propria reportandum*”.

(117) St Aug., de Haeres., 46.

(118) “*Quidquid vero undique purgatur luminis per quasdam naves quas esse lunam et solem volunt, regno Dei tanquam propriis sedibus reddi,*

quas itidem naves de substantia Dei pura perhibent fabricatas” (St Aug., de Haeres., 46).

(119) Заимствование, сделанное здесь Манесом у античной космогонии, вполне очевидно. Мы читаем у Плутарха в переводе Амио (“О другой стороне луны”, с. 77, Oeuv. mel.): “Луна является элементом душ, поскольку души расщепляются на ней, как и тела преставившихся расщепляются в земле: Touton de Seleny to stoicheion esti, etc (греч.)

(Стр. 30) “Самые ученые из египетских жрецов, - добавляет Плутарх (de Isi et Osiri), - говорили, что солнце и луна пребывают никак не внутри колесниц или повозок, но скорее внутри судов, с помощью которых они плывут вокруг всего мира, давая этим скрыто понять, что они рождены и вскормлены влажностью; считается, что Гомер, наравне с Фалесом, узнал от египтян, что вода была началом всех вещей и представлял ее так: Озирис - это Океан; а Изида — Тетис, питающая и кормящая своей грудью весь мир”.

Гераклит, по свидетельству того же Плутарха, думал, что солнце и луна представляли в форме и образе определенной лодки: “Гераклит говорит, что луна как и солнце, обладая формой и образом одной лодки и получая влажные испарения, освещали наш взор: солнце более ясно, поскольку его свет проходит через воздух более чистым и светлым; луна немного смутно, отчего она и кажется более темной” (Plutarque, des Opinions des philosophes, lib. 2, с. 28).

(120) Возвращающиеся на небо души делают остановку сначала на луне как на самом близком светиле. После довольно короткого пребывания здесь, они уходят на солнце. Согласно манихеям, луна является как бы местом склада для душ, плывущих с земли на небо (de Beaus., t. I, p. 565).

(121) Луна никак не переполняется душами, поскольку, приближаясь к солнцу, спешит их ему передать. Эти души покидают маленький корабль, чтобы взойти на большой.

греч. текст *** (Стр. 31)

Когда луна лишена его света, это признак того, что души, природа которых от светлого существа, были выброшены на солнце. На что Святой Афанасий забавно вопрошает: как могло случиться, что луна имела свои

фазы роста и убывания в течение 930 лет жизни Адама, но последний, несомненно, умер бы в манихеях только в новолуние? (St Epiph., de Manich. Haeres., 66).

(122) St Aug., de Haeres., с. 46.

(123) Григорий Бар Еврей (Bar Haebreus), по-другому называемый Альбуфарадж (Dunast., p. 82), излагая доктрину Манеса, говорит: “Этот ересиарх учил, что материя будет мало-помалу лишена всей благой субстанции, что не останется даже ее малейшего следа, и тогда господство зла прекратится”.

(124) “Divinas enim virtutes quantum possunt imitari se putant ut purgent Dei sui partem: quam profecto sicut in omnibus corporibus coelestibus et terrestribus atque in omnium rerum seminibus ita et in hominis semine teneri existimant inquinatum. Ac per hoc sequitur eos ut sic eam etiam de semine humano quemadmodum de aliis seminibus quae in alimentis sumunt, debeant manducando purgare.

Qua occasione, vel potius execrabilis superstitionis quadam necessitate coguntur electi eorum velut Eucharistiam conspersam cum semine humano sumere ut etiam inde sicut de aliis cibis quos accipiunt, substantia purgetur” (St Aug., de Haeresibus, 46).

(125) Oi dodoka kisenitai (греч.), как их называет Святой Епифаний. (Стр. 32)

Эти двенадцать правителей являются теми же самыми, что и двенадцать членов света Отца, о котором говорит Манес в Послании об Основании (См. de Beaus., t. I, p. 509).

Представляется, что Манес взял у валентиниан идею двенадцати правителей или управляющих, поскольку в восточной доктрине, изложенной в конце произведений Святого Климента Александрийского, валентинианин Феодот говорит: “Двенадцать апостолов занимают в Церкви место, которое двенадцать знаков зодиака занимают в природе: как двенадцать созвездий управляют подлунными существами и руководят порождением этих существ, так двенадцать апостолов председательствуют над духовным возрождением”.

греч. текст *** (Стр. 32) (Eclog. Theod. Cap. 26).

(126) Следующий фрагмент, взятый из рассказа Тирбона епископу Архелаю, очень любопытен, потому что раскрывает священную

астрономию манихеев, где колесо, приведенное в движение, является символом обращения сферы, и где двенадцать ведер и двенадцать правителей обозначают, с одной стороны, символы зодиака, а с другой — небесные духи, ими руководящие и распределяющие разнообразные события, которым подвластен мир.

“Когда сущий Отец заметил, что душа была огорчена и угнетена в теле, то исполнился сочувствием и милосердием, послав своего дорогого сына, чтобы ее спасти. Сын явился, приняв вид человека, и казался подлинным человеком, хотя им совсем не был в действительности, и это заставило поверить, будто он был рожден. Он установил определенную машину для переноса душ: это колесо, к которому прикреплены двенадцать ведер и которое сфера заставляет вращаться. Оно черпает души мертвых, когда солнце берется своими лучами их очистить и доставить на луну, диск которой они наполняют. Манес рассматривает солнце и луну как корабли, служащие для транспортировки душ, и говорит, что когда вся луна наполнена, то это судно плывет к равноденственному востоку. Последовательное отправление душ является причиной ущерба луны, которая пребывает в своем апокризе или в полном затмении, когда на ней не остается ни одной души. Затем она наполняется новыми душами посредством ведер, которые их черпают и пересаживают, как я уже говорил. Впрочем, Манес утверждает, что всякие души, в том числе и всех животных, участвуют в субстанции Отца”.

(Acta disput. Archel., paragraphe VIII; St Epiph., Haeres., 66; Beaus., t. 1, p. 243, 248 et t. 2, p. 504, 577).

(127) “Et Splenditenentem reliquias eorumdem membrorum Dei vestri habentem in manu, et caetera omnia capta, oppressa, inquinata plangentem” (St Aug., cont. Faust, 20, c. 9).

(128) “Si per coitum masculorum et feminarum ligata pars Dei, quam se manducando salvare et purgare profitentur, cogit eos tam nefandi erroris necessitas, ut non solum de pane et oleribus et pomis, quae sola videntur in manifesto accipere, sed inde etiam solvent et purgent partem Dei, unde per concubitus potest, si feminae utero concepta fuerit, colligari” (St Aug., de Haeres., c. 46).

(129) “Unde etiam Catharistae appellantur quasi purgatores, tanta eam (Dei partem) purgantes dilligentia, ut se nec ab hac tam horrenda cibi (semine humano) turpitudine abstineant” (Id., ib.)

(130) “Omnium error a Manichaeo originem habuit. Ipsi vero qui Catharistae dicebantur omnibus caeteris turpiores habebantur propter quasdam secretas spurcitas quas specialiter ipsi exercebant. Inde Catharistae, id est purgatores, primo vocati sunt. Alio loco dicere statui, ne principium libri hujus aliquis abominetur, si statim omnes pravitates eorum enarrarem, ut intelligant quoniam haec haeresis omnium haeresum sentina est. - Hinc et hoc nomen sibi assumpserunt primi magistri vestri, ut se vocarent Catharistas, id est purgatores, et Catharos, id est mundos” (Eckberti Presbyteri adversus Catharos sermo II, Bibl. Patrum Lugdunensis, t. 23, p. 603).

Тот же Экберт (Проповесть против катаров) утверждает, что эти сектанты сами признавали свое происхождение от манихеев и даже обвиняли Августина, изменившего их секте: “Produnt autem semetipsos quod sint de errore Manichaei, in eo quod dicere solent quod Augustinus prodiderit secreta eorum”.

(131) Осмеливались даже говорить, и магистр Алэн, к примеру, что имя катары происходит от кота: “Vel Cathari dicuntur a catto, quia osculantur posteriora catti, in cujus specie, ut dicunt, apparet Lucifer”.

Баварский францисканец Бертгольд (Berthold) производит слово Ketzer от Katze, кота, поскольку на примере этих животных еретики проникались лаской, чтобы лучше захватить тех, кого они желали погубить.

Преподобный отец Гейшен (Heuschen) (Acta, 55, 18 avril, p. 595) говорит, что имя катары идет от немецкого Kater, темная личность, которое было дано еретикам по причине их ночных собраний: “Credibilis est a vulgo Germanico propter nocturnas coitiones contumeliae causa dictos Katers, id est feles seu lemures”.

Чтобы показать, до чего можно прийти в пристрастии объяснять то, что изучено недостаточно, я должен был привести по Шмидту (Hist. des cath. Et albig., t. 2. p. 276, в примечаниях) эти случайные и беспочвенные этимологии.

(132) “Nos nostra Germania Catharos appellat” (Eckbert).

В действительности, легко заметить слово Katharoi (греч.) в более или

менее извращенных наименованиях патаренов, попликан, хезер и т. д. (Стр. 34)

(133) Т. 2, р. 617.

(134) Stephanophoros (греч.) (Стр. 35)

(135) Египтяне представляли гения зла Тифона верхом на двух крокодилах, чтобы выразить, что его господство начинается, когда Нил идет на убыль (Ленуар, Франк-масонство, данное в своем истинном происхождении, стр. 149).

(136) “Masculos vel feminas gentis adversae”, - так говорит Святой Августин, de Haeres., 46.

(137) “Illud est intolerabiliter sceleratum, quod de ipsa navi puellas pulchras et pueros proponi dicitis quorum formosissimis corporibus inardescunt principes tenebrarum ad feminas masculi et ad masculos feminae, ut in ipsa flagranti libidine et inhianti concupiscentia de membris eorum tanquam de terreis sordidisque compedibus Dei vestri membra solvantur” (St Aug., cont. Faust., 20, с. 6).

(138) Солнце.

(139) “Ut fugiat de illis lumen quod membris suis permixtum tenebant et purgandum ab angelis lucis purgatumque illis navibus imponatur ad regna propria reportandum” (St Aug., de Haeresibus, 46).

(140) Гераклеониты, николаиты, маркосиане, маркиониты, архонтики и фибиониты.

(141) Святой Августин (cont. Faust., lib. 6, с. 6) говорит, ведя речь о душах животных: “Animae illae quas non solum putatis humanas, sed ita divinas ut ipsa Dei membra esse credatis”.

Читаем у Святого Епифания (Haeres., 66) в переводе патера Пето: “Iste vero barbarus Persa (Manes) asserit aequales omnes animas esse et in omnibus unicum reperiri tam hominibus scilicet quam pecudibus”.

(142) Манес, позаимствовав язык гностиков, говорил, что его Елена (душа) пронизывает разные тела человеческого естества и даже тела животных (Beaus., t. 2, р. 325) и, в частности, мясо стадного скота (St Aug., cont. Faust., lib. 20, с. 17).

Души, как добавлял Манес, лишь немного очищаются в человеческом теле; после этого они идут в тело определено иного животного и, в

частности, того, которого убили: “*Avem, qui occiderit avis fiet*”. Итак, в этих абсурдных восточных концепциях присутствует нечто и от высокой морали: “Душа человека, который был богатым в мире и не смог сделать добра, будет, после его смерти, брошена в тело бедняка, вымаливающего отовсюду милостыню” (Рассказ Тирбона Архелаю — *St Eriph., Haeres., 66*).

(143) *Beaus., t. 1, p. 36*.

(144) Вот и Феодорит, епископ Кира в Сирии, родившийся в Антиохии в 387 и умерший 458 году, сказал об архонтиках (*Haeretic. Fab., lib. 1, c. XI*: “*Principum autem alimentum esse animas et sine hoc vivere non posse. Alii quidam post mortem oleum et aquam mortuorum capitibus injiciunt, sic fore dicentes ut ipsi invisibiles sint, superioresque evadant interjectis dominationibus ac potestatibus*”.

Феодорит (*lib. 1, c. 2*) говорит практически то же самое и о гераклеонитах; но есть разница: последние изливали елей и воду на головы умирающих, но не на мертвых, как это делали архонтики.

(греч.) *** (Стр. 37)

Святой Иринея (*cont. Haeres., lib. 1, c. 21, paragraphe 5, p. 97, edition de 1770, et Haeres., 36*) говорит о гераклеонитах, что они спасают своих умирающих от посягательств высших сил, заботливо изливая на голову елей и воду и сопровождая это омовение определенными призывами. Более того, вот текст Святого Иринея:

(греч.) *** (Стр. 37)

Согласно Святому Епифанию (*Haeres., 26*), фибиониты, призывавшие 365 имен князей высших господств, говорили, что души должны проходить через этих различных князей.

Маркиониты и маркосиане обладали теми же самыми верованиями и использовали такие же практики, которые я привел. По отношению к ним я еще вернусь на другой части барельефа.

(145) Я стремлюсь лишь повторить и восполнить греческий фрагмент Святого Иринея, данный мной в предыдущем примечании; однако здесь я его даю в наиболее свежем из двух латинских переводов издания 1770 года:

“*Sunt alii qui jam jamque ex hac vita excessuros redimant oleum aquae immixtum in eorum capita injicientes, una cum iis invocationibus quas superius commemoravimus. Quod quidem eo faciunt ut a*

superioribus principatibus et potestatibus apprehendi et teneri nequeant, atque ut internus eorum homo invisibili modo ulterius ascendat, perinde nimirum ac corpora eorum inter res conditas reliquantur”.

(146) Beausobre, t. 2, p. 375. Psellus cosmogogos, Stanley sustentatores vocat has Potentias. См. этих авторов.

(147) Различные секты ссылались на прозвище адамитов как оскорбление. Одни говорят, что имя это давалось определенным сектантам, поскольку те намеревались привести человека в свое естественное состояние; другие, что извергали из среды своих собраний того, кто, как новый Адам, переставал бы стремиться к сладострастию; третьи, наконец, уверяют, что адамиты имели тысячу способов быть целомудренными или сластолюбивыми и что их нравы поначалу были безупречными (Евагрий, т. 4 перевода Кузена, гл. 21; Климент Александрийский, Строматы, книга 3; Дамаскин, гл. 51): таким образом, их пороки или их добродетели были почти загадкой. С другой стороны, эта двусмысленность могла произойти от того, что смешали нечестивого Оригена, главу оригениан или оригенистов, с другим Оригеном, называемым Адамантием или Адамантином из-за его неутомимой усидчивости в работе. Я уже сам в своем произведении был вынужден искать истину среди путаницы собственных имен; и эта всегда досадная путаница приводит здесь весьма солидных авторов даже к оспариванию существования адамитов. Так делает де Бособр (Bibl. Germ., t. 2, an 1731), а господин Маттер полагает, что подлинное имя этой секты нам неизвестно (первое издание, т. 2, стр. 215). И все же эти мнения идут вразрез с весомым авторитетом Отцов Церкви; приведем, к примеру, слова по этому поводу Святого Августина: “Nudi itaque mares feminaeque conveniunt, nudi lectiones audiunt, nudi orant, nudi celebrant sacramenta, et ex hoc paradisum suam arbitrantur ecclesiam”. Их правильно называть адамианами, но никак не адамитами или адамистами, и сам Святой Епифаний дает им название адамиан. Некоторые авторы их путали с карпократианами, николаитами, собственно гностиками и фибионитами. Евсевий в статье Николаиты определенно говорит, что имя адамитов они получили из-за своей наготы; Тертуллиан обобщает все эти

секты с другими под названием валентиниан. Это мнение и позиции других авторов, которые делают ту же секту адамитов и всякие самые непристойные ветви имеющими право на убежище в синкретизме Манеса, настолько обоснованы, что мистерии наших барельефов их удостоверяют сполна. См. Tertullien, de Praesc., с. 33; Eusebe, Hist. eccl., III, 29; Clem. D'Alex., Strom., lib. II, 411, lib. III, 436; St Epiph., Haeres., XXV, 2; Tillemont, Hist. eccl., t. 2, p. 277.

(148) Haeres., 52.

(149) “Ad eos vaporandos et fovendos”.

(150) “Manichaei nudi viri et mulieres in ecclesiis suis congregatur ad imitationem Adami et Hevae” (Anast., Sin. Contempl. In Henaem., l. VII; Beaus., t. 2, p. 733).

(151) “Inquinatissima esse ista membra Dei vestri et ob hoc magna purgatione indigere fatemini” (St Aug., cont. Faust., lib. 23, с. 98).

(152) “Tanta eam purgantes diligentia ut se nec ab hac tam horrenda cibi turpitudine abstineant” (id., de Haeres., 46).

Святой Епифаний, латинский перевод которого я здесь даю, так заставляет себя говорить об избранных или совершенных среди манихеев:

“Vim illam quae in menstruis ac semine, animam esse quam collectam comedimus, unde cum carnibus oleribus aut pane aut alio quopiam vescimur, bene de creatis rebus meremur, dum ex his omnibus animam corrogamus ac nobiscum in coelum evehimus. Caeterum eamdem inesse putant animalibus et bestiis et piscibus et serpentibus animam quae hominibus insit, nec non et oleribus et arboribus ac germinibus infusam” (St Epiph., Haeres., 26, II).

(153) St Aug., de Haeres., 46; id. de Natura boni, contr. Manich., с. 45; Beaus., t. 2, p. 747.

(154) “In quae haeresi Manichaeorum lex mendacium, diabolus religio, sacrificium turpido” (Leo, sermo V).

Святой Филастр пошел дальше в написании портретов, как мог бы выразиться Монтень:

“Manichaei daemonia colentes, elementa adorantes, Deorum Dearumque nomina ut Pagani invocantes, et masculos foeminas quasdam esse dicentes et utriusque naturae participes et nefandae turpitudini servientes” (Philastri Episcopi Brixenensis liber Haeresibus), 14, BB. Pat.

(155) “Tibricae igitur ad Armeniam legationis obeunde causa apud Paulicianos diu moratus, saepe disputando cum illis sum congressus, illorumque arcana omnia per catholicos etiam ibi degentes curiose investigavi, etc” (Petri Siculi Hist. de Manich. BB. Pat., p. 754).

(156) Ischas (греч.), инжир (Dict. de Planche); Страбон (liv. XIII) говорит, что есть в Антиохии на Меандре вид инжира, который называется ишас.

Среди фруктов манихеи особое значение придавали инжиру (фиге). Они считали, что в его сочности, приятном аромате и блистании цвета содержалось большее изобилие частей небесной субстанции, чем в других фруктах: “Ex ipso coloris nitore, inquit, et odoris jucunditate et saporis suavitate manifestum est” (St Aug., de Morib. Manich., cap. 16). Таким же образом и арбузы, как они утверждали, полны божественных сокровищ (Beaus., t. 2, p. 727).

Много комментариев было сделано филологами относительно выражения показать кому-нибудь фигу. Любопытно, не было ли благодаря аллюзии происхождение этого выражения манихейским?

(157) То, что выходит из тела, манихеи рассматривали только как существующее для приготовления муки, чтобы не умирать: “Et oportet hoc solum vivat ex carne quod farina, ne moriatur, excipitur” (St Aug., de Haeres., 46).

(158) “Quomodo lugentem nisi Deum suum captum et ligatum donec solvatur et evadat, ex quandam tamen parte decurtatus, quae in globo tenebrarum a patre ligabitur et non lugebitur”.

“Perversa lex Manichaeorum, - добавляет по поводу этих слез Святой Августин (cont. Faust., lib. 22. c. 30), - ne Deo eorum, quem, ligatum in omnibus seminibus plangunt, etc”.

(159) Вольф, перевод книг Фотия, стр. 42.

(160) Можно приводить только по-гречески или на латыни определенные фрагменты, касающиеся наиболее эксцентрических мистерий.

Так, Святой Кирилл добавляет: “Я боюсь говорить, в чем они смачивают инжир, который затем предлагают несчастным, всегда готовым осквернить этим свой язык и свои уста”.

Текст греч. *** (Стр. 43)

Вот версия Петра Сицилийского: “Balneas illorum et lavationes nec apud viros nec foeminas audeo prodere: nec audeo fari in quo mariscam (figue) intingant miserisque praebeant: per communia tantum signa res ostendatur: viri quasi quae per insomnia eveniant, foeminae per menses... vere enim ora inquinamus dum haec pronunciamus. Non Graeci his sunt foediores, non sunt tam impii Judaei, non scortatores tam impuri. Scortator enim una hora libidinem explet, factique mox poenitens, tanquam pollutus, balneas optat et flagitii turpitudinem agnoscit. Manichaeus autem haec palam velut in altari, ut existimat, facit, et linguam simul et os conspureat” (Peter de Sic., loc. jam cit.)

(161) Фрагмент Святого Епифания начинается так:

Текст греч. *** (Стр. 43)

(St Epiph., Haeres., 26, p. 87 de l'ed. De H. Valois, Cologne, 1782)

Тем не менее, то же самое обвинение было воспроизведено против катаров-альбигойцев. Вот его несколько характерных черт: “Spurcissimo concubitu infans generatus in medio eorum in igne cremabatur; cujus cinis tanta veneratione colligebatur atque custodiebatur ut christiana religiositas corpus Christi custodire solet... Inerat enim tanta vis diabolicae fraudis in ipso cinere, ut quicumque de praefata haeresi imbutus fuisset, et de eodem cinere, quamquis sumendo parum praelibavisset, vix unquam postea de eadem haeresi gressum mentis ad vitam veritatis dirigere valeret” (Gesta Synod. Aurelian., 605; Ademari Chronicon 159, chez D. Boquet, Rec. des Hist. de France, t. X).

Пселл (de Operatione daemonum) рассказывает тот же факт и добавляет, что такое же обвинение существовало против богомилов; но, по словам Пселла, казалось, что этот отвратительный хлеб представлял собой прелесть, оценивавшуюся непреодолимой, чтобы привлечь к их доктрине тех, кого они называли еретиками.

Я не хочу завершить это примечание, не дав фрагмент из Святого Епифания, где этот отец описывает омерзительную Пасху так называемых чистых гностиков (та же самая секта, что и николаиты). Данный фрагмент подтверждает то, что я сказал с самого начала этого труда о родстве гностицизма и манихейства.

Текст греч. (Стр. 44)

(162) St Aug., de Haeres., 46.

(163) Ubi ad excipiendum et commiscendum concumbentium semen farina substernitur (St Aug., de Haeres., 46).

(164) Id., ib.

(165) St Aug., de Haeres., 46. По словам Тиллемона (Memoires eccl., t. 4, p. 396), Святой Епифаний, кажется, отмечает секту маттариев или наттериев, когда говорит, что манихеи укладывались спать на тростниках или камышах в память смерти Манеса. Эти маттарии приписывали самые большие преступления ветви своей секты, называвшейся катаристами.

(166) Solent Manichaei scripturas Veteris Testamenti irridere (St Aug., de Genesi, cont. Manich., lib. 1, c. 2).

Они отвергали весь Ветхий Завет и одну часть Нового Завета: они считали, что посредством пророков, говорил один из князей тьмы (Hist. du pontif. De St Leon, par le P. Maimbourg).

“Ветхий Завет, - говорил Фавст, - мной не рассматривается. Он мне не обещал земли Ханаанской; и когда бы даже хотели дать мне это наследство, я его не пожелаю после счастливого обетования царства небесного и вечной жизни, данного мне Иисусом Христом в Новом Завете” (St Aug., cont. Faust., lib. 4, 1; de Beaus., t. 1, p. 275).

(167) Тирбон в своем откровении к Архелаю признался святому епископу:

“Манес мне не раскрыл имен, которые призывают только семь избранных; но что касается Саваофа, который великий и почитаемый среди вас, то имя ему - презрение, ибо учитель говорит, что это естество человека (physis) (греч.) и отец вожделения”. Итак, слово physis (греч.) означает здесь и у авторов естественные части двух полов” (Acta disput. Archel. - De Beaus., t. 1, p. 247).

Святой Епифаний скажет, ведя речь о герклеонитах: “Sacrum illud ac venerandum apud vos Sabaoth nomen, ipsam esse dicunt hominis naturam cupiditatisque patrem” (St Epiph., Haeres., 66, c. 30, et edition de Cologne, 1682, trad. du Petau, t. I, p. 229).

(168) Saklan archonta tys pardeias (греч.) (St Epiph., Haeres., 26, 10, p. 91). Саклас являлся активным началом, тогда как Неброд (Немврод) пассивным началом у манихеев (Beaus., t. 2, p. 406). (Стр. 46)

(169) Tollius Anath. - Cotelier, PP. - Beausobre, t. 2, p. 405.

“Hominem non a Deo formatum esse dicunt sed a principe materiae, quem

Saclam nominant. Evam similiter a Sacla et Nembrod factam esse” (Theodoret, Haeret. fab., lib. 5, c. 9, et lib. 1, c. 26).

“Adamum et Evam ex parentibus fumi asserunt natos: pater eorum nomine Saclas” (St Aug., de Haeres., 46).

Чтобы поддерживать то, что человек пребывает под владычеством злого начала манихеи противопоставляют своим оппонентам слова Святого Иоанна (VIII, 44): “Vos ex patre diabolo estis, et desideria patris vestri facere vultis”. Они утверждают, что эти слова Святого Иоанна сокрушают слова Книги Бытия (1, 26): “Faciamus hominem ad imaginem et similitudinem nostram”. Следовательно, манихеи всегда имели фрагмент из Священного Писания для противопоставления христианам, что и сделало эту секту столь опасной и, порой, привлекательной для самих христиан.

Святой Епифаний говорит (Haeres., 26, 10, p. 91), что гностики помещали в первое небо Йао (греч.) и на второе Сакласа (греч.), князя блуда. Последние слова, по мнению Бособра, заставляют считать вместе с де Круа, что Саклас произошел от Zaccoth Eloha: “id est rerum Venerearum Deus” (Croij Specim., Observ. Ad quaed. Loc. orig., p. 10, ed. Grab ad calc. Iraen.); de Beaus., t. 2, p. 406. (Стр. 46)

(170) Act. disput. Archel., loc. cit.; de Beaus., id.

(171) “Sabaoth, etc, quapropter aglarioi (греч.) (de hac voce videriunt eruditi) cupiditatem adorantet esse numen arbitrantur” (St Epiph., loc. cit.) (Стр. 46)

(172) “Василидиане имели два изображения: одно мужское; другое — женское” (Николя Бонневиль, Шотландское масонство, т. 1, стр. 114).

“Василидиане, карпократиане и все гностические секты обладали одним изображением, где было выгравировано слово Авгахас, анализ которого посредством счисления букв алфавита дает число 365, каковым хотели обозначить годовое обращение солнца” (id., ib., p. 116). Здесь я вовсе не разделяю мнения Бонневилья. Число 365, на мой взгляд, означало 365 эонов архонтиков, семь главных имен которых я дал в другом месте.

(173) Вот, что читаем у Святого Епифания (Haeres., 27, c. 6; перевод патера Пето): “Habent carprocratiani depictas coloribus imagines, quidam autem aureas aut argenteas, vel ex alia materia factas, quas esse Jesu effigies affirmat: easdemque Pontio Pilato ad Christi similitudinem effectas quo tempore inter homines degebat”. Они их хранили в тайниках и украшали

цветами (см. также St Iraeneus, lib. 1, c. 24: Tillemont, Hist. eccl., t. 2, p. 277).

Эти секты могли с присущей им скрытностью выдавать свои идолы за изображение Иисуса Христа, поскольку многие из них считали низшего Христа за сына Саваофа, или по-другому за страждущего Иисуса, материю, как бы созданную князем демонов.

(174) В предыдущей части, к которой можно обратиться, будут видны все доказательства, данные мной в отношении тайного культа этого самого идола у тамплиеров.

(175) Маркосиане, согласно Святому Епифанию, смешивают вместе воду и елей и совершают возлияние этой смеси на головы тех, кого они посвящают, произнося призывы (Beas., t. I, p. 423).

(176) Вот то, что говорит Святой Епифаний (Haeres., 66): “Quin etiam solis id electis suis, qui non plures quam septem fuerunt, hoc mandatum dedit: Ubi cibum sumpseritis, orate et oleum multorum invocatione nominum consecratum in caput inspergite, ut haec in vobis fides corroboretur”.

В праздник, называемый Бема, самый торжественный, являющийся как бы Пасхой манихеев, эти сектанты, приняв пищу и освятив масло, призывают божество под разными именами, изливая это масло себе на голову (Baron de Ste-Croix, Rech. sur les mysteres du paganisme, t. 2, p. 191; см. также Beaus., t. 1, p. 247).

Блаженный Феодорит (Haeret. fab.) и Святой Кирилл (Catecheses 6, ch. 30) свидетельствуют, что манихейские мерзости сопровождались магическими инвокациями, обычными среди них; более того, когда они ели, то читали молитву и изливали на голову елей, околдованный призывом нескольких тайных имен за других, как и за своих избранных. См. также Tillemont, loco cit., p. 367 et suiv., Heresie des Manich.

(177) Все богатые, красивые и знаменитые женщины, как говорит Плюке, привязались к Марку. Эта секта имела удивительное распространение в Азии и в долине Роны, где она была еще намного значительнее во время Святого Иринея и Святого Епифания. Вот почему, по словам Плюке, Святой Иринея, епископ Лиона, рассуждал о ереси валентиниан столь пространно.

(См. Pluquet, l'article Marc; St Epiph., Haeres. 39; St Iraeneus cont. Marcum).

Сульпиций Север (Hist. sacr., liv. 2, с. 46), касаясь Марка, говорит: “Mulieres novarum rerum cupide, fluxa fide et ad omnia curioso ingenio catervatim ad eum (Marcum) confluebant”.

Известно содействие женщин в валентинианских посвящениях Марка. Он заставлял благословлять пророчицу чаши, наполненные водой и вином (179) Кушанья, приносимые слушателями избранным, чтобы эти последние, съедая их, освободили бы божественную субстанцию, которая смешана в них (St Aug., cont. Faust., 46).

Можно судить об усердии катехуменов в обеспечении этими кушаньями по вере, в которой пребывают те же катехумены или слушатели, что их души окажутся однажды в пище, предназначенной избранным, и освобожденные последними они больше не вернутся ни в одно тело.

“Animas auditorum suorum in electos revolvi arbitrantur, aut feliciore compendio in escas electorum suorum ut jam inde purgatae in nulla corpora revertantur” (Id.,ib.)

Святой Августин так окликнул избранных секты: “Seducitis auditores vestros ut vobis cibos offerant, quo possit ligato in eis Christo subveniri per vestros dentes et ventres” (Id., cont. Faust., lib. 2, cap. 5).

(180) “Sed et ipsi auditores ante electos genua figunt” (St Aug., Epist. 74; Beaus., t. 2, p. 765).

(181) Манихеи были убеждены, что только демоны требуют кровавых жертвоприношений (Spencer, Dissert.), и они рассматривали как преступление убийство животного; тем не менее, они признавали невиновными слушателей, которые приготавливали им пищу (“suis auditoribus ideo haec arbitrantur ignosci quia praebent inde alimenta electis suis” - St Aug., de Haeres., 46); считая кровь как бы душой животных, они полагали, что, оставляя ее течь как воду и не питаясь ей никак, были согласны с текстом самого Священного Писания: “De eo quod scriptum est non esse manducandum sanguinem quod anima sit carnis sanguis” (St Aug., cont. Adam., Manich., с. XII).

Несомненно, что фрагмент, на который они делают аллюзию и соответствующий их доктрине - “huic sententiae veteris Manichaei” - взят из Второзакония (Глава 12, стих 23-25):

“только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа: не ешь души вместе с мясом; не ешь ее: выливай на землю, как воду; не ешь ее, дабы хорошо было тебе и детям твоим после тебя (во веки), если будешь делать (доброе и) справедливое пред очами Господа (Бога твоего)”.

(182) В доктрине Манеса, изложенной Тирбоном, видно, что всякого, кто не смог обеспечить избранных необходимой пищей, ожидает наказание на протяжении нескольких поколений: его душа будет переселяться из катехумена в катехумена до тех пор, пока не совершит большое число жертвоприношений. Именно по этой причине, как добавляет ученик Манеса, манихеи предоставляют своим избранным все, что у них есть лучшего из еды (*Acta disput. Archel. - Beaus., t. 1, p. 245*).

(183) Эта мистерия имеет целью осуждение брака. “*Vestra lege metuentes ne particulam Dei sui sordibus carnis afficiant*” (*St Aug., cont. Faust., lib. 15, c. 7; Tillemont, loc. cit., p. 367*).

Фрагмент из Святого Августина (*cont. Faust., lib. 22, c. 30*) показательный для темы, о которой идет речь: “*Perversa lex Manichaeorum, ne Deus eorum, quem ligatum in omnibus seminibus plangunt, in conceptu feminae arctius colligetur, prolem ante omnia devitari a concumbentibus jubet, ut Deus eorum turpi lapsu potius effundatur, quam crudeli nexu vinciat*”.

Я завершаю отрывком из Святого Епифания еще более показательным о подобных практиках оригениан или оригенистов, которых Святой Епифаний именовал учителями порочности:

Текст греч. *** (Стр. 51)

(*St Eriph., Haeres., 63*).

(184) Ададас в Сирии и Фома в Иудее. Первый был назван Буддой Святым Кириллом Иерусалимским (*Catech., 6*) и Альдасом Блаженным Феодоритом. Тем не менее, в Фоме предполагали автора деяний, составленных Леонтием или Левком, и апокрифических Евангелий (*Tillemont, Mem eccl., t. 1, p. 399*).

(185) Эта секта, по словам законодателя, не меньший враг общественного приличия, чем христианской веры (*Code theodosien, t. 6, p. 114, 2*).

(186) Около 290 года (Леонтий Византийский - *Leonce de Byzance, ВВ. Р., t. 4*).

- (187) Code Theodos, 16, t. 5. 1.7, p. 120, 121.
- (188) Папа Гонорий в 399, 405 и 407 годах усилил суровые меры и предпринял розыск манихеев за их омерзительные сборища (Leonce de Byzance, loc. cit.)
- (189) Le P. Maimbourg, Hist. du pontificat de Leon le Grand, p. 10.
- (190) Id., ib.
- (191) St Aug., Conf., liv. 1.
- (192) Сегодня утраченное произведение.
- (193) St Aug., Conf., liv. 3, с. 4.
- (194) Патрикий, отец Святого Августина, был язычником, а Моника, его мать, была христианкой.
- (195) St Aug., Conf., liv. 1.
- (196) Это было в 374 году, а Святой Августин родился в 354 году.
- (197) St Aug., Conf., liv. 2, с. 2.
- (198) Id., ib., с. 6.
- (199) Id., liv. 3, с. 6.
- (200) St Aug., Conf., liv. 3, с. 10.
- (201) Id., ib., liv. 4, с. 1.
- (202) St Aug., Conf., liv. 5, с. 9.
- (203) Id., ib., с. 10.
- (204) Id., ib.
- (205) Губернатор Рима в 383 году.
- (206) St Aug., Conf., liv. 1.
- (207) Id., ib., liv. 5, с. 7.
- (208) St Aug., Conf., liv. 7, с. 16.
- (209) Id., ib., liv. 7, с. 3.
- (210) Id., ib., с. 7.
- (211) Id., liv. 9, с. 13.
- (212) St Aug., Conf., liv. 5, с. 7, et liv. 6, с. 2.
- (213) Это событие имело место в 387 году.
- (214) “Summum inveni ubique oratorem et Deum pene totius eloquente” (Epist. Secund. Ad Aug.)
- (215) Ibid.
- (216) “Non parum mihi cogniti estis” (de Morib. Eccl. Cath., XVII, 30).

(217) “Expertus fugi quod experiri non debui” (Cont. Faust., lib. 15, c. 3).

(218) “De duabus Animabus” (contr. Manich., I, c. 10).

(219) “Unde etiam Manichaei Catharistae appellatur, quasi purgatores” ю,

(220) St Aug., de Fide, XVII.

(221) См. Монография, часть 1, о павликианах.

(222) Павел Диакон (Historia miscella Basiliae, I, 24); Петр Сицилийский (Historia de Manich.); Зонара (t. 3, p. 100); Анна Комнин (Annales, liv. 15); Зигабен (Zygadeni Panopliae, В Pat., t. 19, p. 204); Alberti Fabricii Bibliothecae Graec., t. 5, part. 1, p. 280-286.

(223) В Палестине манихеи назывались акванитами, потому что доктрина сюда была принесена неким Акуой (Асуа) (St. Epirh., Haeres., 66; Nicetas, IV, 33).

(224) Средневековые авторы часто дают катарам имя болгар. Я прошу читателя обратить внимание на следующий фрагмент из Константина Арменопула (de Opinionibus haeticorum, В Pat., t. 19, p. 959), поскольку он подытоживает несколько предшествующих вещей, давая нам сведение о молитве Pater Noster, которое вскоре обретет свое применение относительно тамплиеров:

“Manichai, seu Massaliani, sive Euchitae, sive Valentiniani, sive Bogomoli, qui est Bulgari sunt, somno plerique dediti, solam vocant precationem Pater Noster; caetera repudiant, battologiam nominant, de Testamento veteri sacrilegi loquuntur, etc., matrimonia solvunt, etc.”

Анна Комнин (Annales, liv. XV, p. 486 et suiv., Paris, 1651) использует те же названия манихеев и массалиан, объединяя с ними павликиан и богомилов.

Отметим этот альянс имен и, в особенности, манихеев, валентиниан, богомилов, болгар и т. д.

(225) Именно в 810 году Сергей осуществил свои коварства (См. Петр Сицилийский, История манихеев, В. Р. (Библиотека патрологии), anno 745, p. 759).

(226) “Sergius Christi apostolorum adversarius, qui et prophetas odio habuit, Sergius Christi osor, Ecclesiae perduellis, qui Dei Filium conculcavit, et qui pro Paraclete se gessit, qui se a discipulis suis ut Spiritum sanctum

passus est adorari. - Juvenilibus adhuc annis manicheae cuidam foeminae adhaerens, in fraudem ab illa perroremque erductus, praecursor factus est Antichristi”.

(227) “А дабы и вы знали о моих обстоятельствах и делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель” (Послание к Ефесянам Святого Апостола Павла, Глава 6, стих 21).

(228) Петр Сицилийский, loco cit.

(229) Id., ib.

(230) Конец XI и начало XII века.

(231) “Nubes haereticorum ingens sese extulit” (Annales d’Anne Comnene, liv. 15).

(232) Это тот самый Василий, который столь часто служил театральным персонажем. Посмотрите, как Анна Комнин описывает его в нескольких чертах: “Basilius, veste monachus, exterminata facie, barba rara, homo in strigosa macie praelongus at mille instructus artibus, etc.” (Anna Comn., liv. 15, trad. du P. Possin).

(233) Id., ib.

(234) Anna Comnene, loc. cit.

(235) “Esequid, videtis mantellum meum evolare inviolatum in aera” (Id., ib.)

(236) Уже в XI столетии катары появились в Перигоре, в епископстве Лимож, в маркграфстве Пуатье и даже в Орлеане (M. Mignet, Journal des savants, avril 1852).

(237) Epist. eccles., chez Martin et Durand, ampl. coll., 1776.

(238) Schmidt, Hist. et Doct. De la secte des Cath., t. 1, p. 89.

(239) Id., ib., p. 87.

(240) Id., ib., p. 41.

(241) Id., ib., p. 302.

(242) Это были города: Тулуза, Апами, Монтобан, Виллемор, Сент-Антуан, Пюш-Лоран, Кастр, Каркассон, Безье, Нарбонн, Бокэр, Авиньон, Тараскон и пр. Сторонники катаров находились у графа Тулузы, графа де Фуа, виконта Безье, Гастона де Беарна, графа де Кармэна, графа де Бигорра, госпожи де Лавор и у короля Арагона.

(243) В 1147 году кардинал Альберик, легат папы Евгения III, был направлен на юг Франции со Святым Бернардом (M. Mignet, Journal des savants, avril 1852).

(244) Компилятор Сокровища историй в 1206 году; *Hist. des Albigeois, par Jean Paul Perrin, Lionnais (Geneve, 1618)*.

(245) Чтобы прийти к этому слову необходимы были следующие переходы: *Bulgari, Bugars, Bugres, Bougres*.

(246) Schmidt, t. 1, p. 108; *Farlati, t. III, 253*.

(247) Монография, часть первая, о друзьях.

(248) Schmidt, t. 2, p. 253, в примечаниях.

(249) Шмидт в своем ученом труде, озаглавленном История и доктрина секты катаров или альбигойцев, определяет с немислимым чувством меры точки совпадения или расхождения между главными манихейскими сектами, павликианами и богомилами, и показывает точно либо нюансы, различающие абсолютных дуалистов от умеренных дуалистов, либо даже видоизменения, привнесенные катарами в систему Манеса. Так, у последнего, согласно Шмидту, творение есть результат союза души с материей и смешение добра со злом, тогда как у катаров создание материи является совершенно делом злого начала. Одним словом, катары являются более последовательными дуалистами, чем манихеи и большинство гностиков. Первые, по мере того, как более не встречали развития христианства, основывались больше на библейских текстах и их основного обряда *consolamentum* недостает манихейству и пр.

(250) Согласно Бауру из Тюбингена (*des Relig. manich.*), вся разница между катарами и манихеями именно в том, что первые смягчали определенные доктрины Манеса, чтобы их христианизировать в самой высшей степени.

(251) По Гизелеру из Гёттингена (*Untersuch ueber die Geschichte der Paulicianer, p. 102 et suiv.*), одного из наиболее солидных историков Церкви, манихейская ересь, как говорит Мине, непрерывно продержалась в Италии вплоть до XI века, и катары видоизменили определенные точки первоначальной доктрины (M. Mignet, *Journal des savants, avril 1852*). - Гизелер утверждает, что павликиане происходят от одной гностической партии Сирии.

(252) Экберт (Проповедь против катаров) полагает, как передает Шмидт (t. 2, p. 138), что катары являются тем же самым, что и древние манихеи.

(253) Фюслин, швейцарский писатель, говорит, что манихеи распространились в IX веке Болгарии, в X веке в Италии и в XI веке во Франции и Германии.

(254) Муратори (*Antiq. Ital. med. Aevi*, v. 83) производит катаров прямо от павликиан.

(255) Мосгейм (*Institut. Hist. eccl.*, 379; *Versuch einer Ketzergeschichte*, 369), один из наиболее ученых теологов Германии в XVIII веке, разделяет, что катары были павликианами, которые, придя из Болгарии и Фракии, распространили свои доктрины в Италии и на остальном Западе.

(256) Согласно Гуртеру (*Жизнеописание Иннокентия III*), ростки манихейства снова были пробуждены к жизни павликианами, которые с конца XI столетия оказались в Италии либо в связи с интересами коммерции, либо из-за Крестовых Походов (II, 221 et suiv.)

(257) В этот перечень можно также включить Ричини (*Ricchini*), ученого издателя Монеты, и нескольких историков Крестовых Походов против альбигойцев, к примеру, Бенуа (*Hist. des Albigeois et de Vaudois*, Paris, 1691) и Ланглау (*Hist. des croisades contre les Albigeois*, Paris, 1703, in-12). Этот последний, наряду с двумя более современными писателями Роже и Компаyre, определенно подтверждает, что Пьер де Брюи (*Pierre de Bruis*) и его ученик Анри (*Henry*) возродили ересь Манеса. Капефиг (*Hist. de Philippe-Auguste*, t. 3, p. 21) говорит, что система Манеса легко раскрывается в учении катаров. См. *Schmidt*, t. 1, p. 563.

(258) *Beaus.*, t. 1, p. 563.

(259) *Beaus.*, t. 2, p. 591, 555.

(260) Мы уже видели несколько раз это выражение, данное манихеем Фавстом страждущему Иисусу.

(261) “*Christus qui natus est in Bethleem malus. Bonus Christus natus fuit et crucifixus in aliam terram novam et invisibilem*” (*Pierre de Cernai, Historia Albigensium*, apud *Histor. Franc. Script. Duchesne*, t. 5, p. 554).

(262) “*Motu meretriciae conceptionis*”.

(263) *Gervasius Tilberiensis*, 886. *Otia Imperialia*; Leibnitz, *Script. rer. Brunsvic, Hanovre*, 1707, in-f, t. I. - Гервасий (Жерве) де Тильбери, о котором здесь идет речь, в первые годы XIII столетия являлся сенешалем королевства Арль (*Arles*) (*Schmidt*, t. 2, p. 14).

(264) Actes de l'inq. de Carcasson, 1305; Doat, XXXIV, f 96; Liber sentent. Inquis. Tolos., 132, 138, 149; Schmidt, loc. cit.; Жан де Доат являлся председателем палаты графов Наварры: ему были сделаны в 1669 году копии по реестрам инквизиции, 346 f 95 (Schmidt, t. 2, p. 12).

(265) Doc. in., t. I, p. 92.

(266) "Omnes humanae conditionis simulavit effectus" (St Aug., cont. Faust., lib. 26, c. 2).

(267) "Bonus enim Christus (sicut dicebant Albigensis) nunquam comedit vel bibit, nec veram carnem assumpsit, nec unquam fuit in hoc mundo nisi spiritualiter in corpore Pauli" (Pierre de Cernai, Hist. Albig., ap. Duch., t. 5, p. 554).

(268) "De Christo dicunt quod non habuit animatum corpus, non manducavit neque bibit, sed videbatur homo, nec resurrexisse, nec in coelum assumptum fuisse" (Bonacurs., Cathar. Haeres., ap. Spicil d'Achery, t. 1, p. 208).

Бонакурс из Милана, обращенный из катаров, епископ и совершенный секты, стал католиком около 1190 года. Это современный Святой Августин, если учитывать соответствие истории последнего с биографией отца Бонакурса: дабы его отречение было столько же громким, сколь и у Святого Августина, он обратился к народу Милана с трактатом о ереси Cathari.

(269) В инициациях обращались к посвящаемому, представляя ему крест: "Это лишь кусок дерева, а Господь на небесах" (Doc. in., t. 1, p. 215). В большинстве случаев посвященным приказывали отречься от Иисуса без упоминания Христа и Бога (id., ib., p. 631): "Praecipit receptor quod abnegaret Ihesum, nullam aliam faciendo mencionem de Christo nec de Deo" (id., ib., p. 633; id., t. 2, p. 266, etc.) В других местах обозначение низшего Христа было еще более определенным: свидетельство тому показания брата Гиллерма де Бисея (Guillaume de Bisey) из диоцеза Лангра: "Dixit eciam per juramentum suum quod dictus recepiens precepit sibi quod abnegaret Ihesum Christum et ter spueret supra crucem despiciendo Dominum Ihesum Christum qui passus fuit in ea" (id., t. 2, p. 297).

Вот речь другого посвятителю: "Et petiit ab eo utrum crederet in eum qui passus fuerat in ea" (id., ib., p. 387). Брат Теобальд (Тибо) де Фоверней получил такое приказание: "Abnega illum qui representatur per effigiem illam existantem in cruce" (id., t. I, 323).

(270) “Fecit eum jurare super quoddam missale apertum in quo erat imago Crucifixi quod esset obediens praeceptis superiorum dicti ordinis, etc.” (Doc. in., t. 1, p. 312) - “Jurare super missale apertum quoddam ubi erat imago Crucifixi quod viveret sine proprio, servaret castitatem, obedientiam omnibus preceptoribus suis, etc.” (id., ib., p. 7).

(271) “Item dixit (frater Andreas) quod in die veneris sancta devote et reverenter adorabant crucem, et quod ipse bene credebat ecclesiasticis sacramentis et credit quod alii fratres ordinis eodem modo crederent” (id., t. 2, p. 222, 227, 235, 249).

(272) “Et confitebantur sacerdotibus ordinis et communicabant ter in anno” (id., ib., p. 230).

(273) “Quod esset servus esclavus Templi” (Doc. in., t. 1, p. 242).

Матвей (Матъё) де Тиллей (Mathieu de Tilley) из диоцеза Амьена, когда хотели его заставить отречься от Христа, воскликнул: “Ха, сир! Спасибо за Бога! Как это сделать?” И посвяtitель ему ответил, что он должен слушаться, поскольку ему подвластен: “oportebat eum facere praedicta, quia erat subjectus suus” (Doc. in., t. 1, p. 360) - “Petere panem et aquam Templi et esse servus et sclavus ordinis” (id., t. 1, p. 371).

(274) Необходимо сказать к вящей чести рыцарей Храма, что на процессе не встречается ни одного среди них, кто не подтвердил бы отречение только устами - “ore sed non corde” - и плевки в сторону, но не на крест: “spuit prope, spuit juxta ipsam crucem et non supra, spuit juxta, fingens se spuere super eam, spuit in terram” (Doc. in., t. 1, p. 250, 255, 270, 321; id., t. 2, p. 333); и “ipse hoc fecit, exerto quod de spuicione nichil cecedit supra quod posset” (id., ib., p. 376).

(275) Я уже неоднократно приводил эти сцены в монографии, но я никак не хочу обходить молчанием полные простодушия свидетельские показания Я. де Молэ, отважная и благородная фигура которого запечатлелась на всех воспоминаниях.

Брат Яков де Молэ, великий магистр милиции Храма, допрошенный 24 октября 1307 года, показал, что в возрасте 42 лет он был посвящен в доме Тампля Бона братом Имбером де Пара (Imbert de Parad) в присутствии Эмери де Рупа (Aimery de Rup) и нескольких других рыцарей, имена которых от него скрывались. Он говорил, что после

клятвы и обещания соблюдать статуты ордена, ему на шею надели плащ и положили перед ним медный крест с изображением распятого Иисуса, приказав ему отречься от Христа, образ которого ему представили (*cujus figura erat ibi*): Молэ послушался против своего сердца (*invitus fecit*) и, получив еще указание плевать на крест, он плюнул на землю. Спрошенный сколько раз плевал, он ответил, что плюнул только один раз и помнит об этом хорошо. Потом добавил, что, принося обет целомудрия, ему вовсе не говорили о свободе плотской близости с братьями. На поставленный вопрос, все ли рыцари принимались таким же образом, он признался, что не верит, будто к нему применялась другая вещь, нежели практиковавшаяся по отношению ко всем другим братьям. Наконец, он сознался, что редко исполнял роль посвятителем, и лишь когда он принимал эту миссию на себя, то обязывал других свидетелей отводить посвященного в сторону и делать то, что было предписано (*Doc.in. t. 2, p. 305*).

(276) Попыток противодействия этому всегда хватало: любопытно наблюдать в книге Неизданных документов все аспекты, в которых проявлялись этот ужас и протесты братьев. Вкратце достаточно процитировать следующие определения: *stupefactus; turbatus; magna cordis amaritudo*. - “*Magis doluit quam si fuisset ductus ad patibulum*” (*Doc. in., p. 291, 307, 335, etc., etc.*)

(277) Брат Вильгельм де Форкалькье (*Guillaume de Forcalquier*) рассматривал испытание отречения как опыт над его смелостью: “*Credebant quod hanc fecissent abnegationem ad temptandum si contingeret eum capi ultra mare a Saracenis et abnegaret Deum*” (*Doc. in., t. 1, p. 405*). Эта догадка брата Форкалькье естественно перенесет ум читателя к сказанному мной уже прежде относительно иудействующей секты Эльксаитов (Элькасаитов), принимавшей в принципе, что во время гонений можно было внешне отречься от Христа, не отрекаясь от Него сердцем; и все же, это отречение относилось к низшему Христу, человеку Иисусу, но никак не к небесному Христу. Заметим хорошо это различие (см. *St Epiph., Haeres., 29, c. 1; Matter, второе издание, t. 3, p. 21*).

(278) Катары рассматривали Иисуса Христа как самого возвышенного из ангелов доброго Бога. Согласно этим сектантам, Иисус Христос не

воплощался, поскольку осквернил бы свое божественное естество: его образ, рождение, чудеса и смерть, считали они, являлись только видимостью (Mignet, *Journal des savants*, avril 1852).

(279) В первой части Монографии я достаточно приводил примеров доктрины высшего Бога у тамплиеров; здесь я добавляю только следующий факт: посвяtitель брата Иоанна де Шуна (Jehan de Chounes), спросил его, верует ли он в Того, Чье изображение было на кресте; последний ответил, что “да”. “Не верьте в Него, - продолжил посвяtitель, - ибо это лишь лжепророк; верьте только в Бога на небесах, и в знак презрения к этому другому плюньте на крест” (Doc. in., t. 2, p. 384).

(280) Эта замечательная фраза была произнесена во время принятия братьев Стефана д’Эпэйи и Петра де Шатийона (ad Sequanam): “Cum testis refrageretur, dictus receptor dixit ei quod abnegaret secure, quia capellanus praedictus poterit eum absolvere” (id., t. 2, p. 266). Посвяtitель говорит профессу: “Действуй смело, потому что ничего не остается” — “Facietatis audacter, quia nihil de hoc constat” (id., t. 2, p. 152).

(281) Doc. in., t. 1, p. 398; Id., ib., p. 411.

(282) Id., t. 1, p. 398.

(283) Брат Яков де Труа говорит, что во время проведения капитулов в парижском Тампле им показывали к середине ночи некую голову, которой они оказывали глубокое почтение. Тот же рыцарь с тех пор как он в ордене слышал разговор, что брат Рудольф имел частного демона, благодаря советам которого стал одновременно мудрым и богатым (Doc. in., t. 1, p. 257). Чтобы не повторяться, я ограничусь здесь напоминанием читателю, что в начале монографии я посвятил целую главу свидетельствам существования идола или бородатой головы, и было видно, что все свидетельские показания братьев, чье посвящение имело место на великих капитулах ордена, указывают на бородатый идол ужасающего вида.

(284) “Credid quod ydolum nil sit aliud nisi diabolus infernalis” (Doc. in., t. 2, p. 462).

(285) “Adorant Luciferum et credunt eum esse Dei fratrem injuriose de coelo detrusum” (Annales noves, 582, fragm. в продолжение Пилихдорфа).

(286) Moneta, 3, Eckbert, 899.

(287) Psellus, IV; Schmidt, t. 1, p. 138.

(288) Nicetas, Chron. Thes. Orthod. Fidei, 572.

(289) Schmidt, p. 138.

(290) Annales noves, 581.

(291) Монография, часть первая, о богомилах.

(292) “Patrem quidem ipsum lucem incolere credimus summam ac principalem quam Paulus alias inaccessibleem vocat, etc.” (St Aug., cont. Faust., lib. 20, c. 2).

(293) “Beatus et solus potens, Rex Regum, et Dominus Dominantium. - Qui solus habet immortalitatem et lucem inhabitat inaccessibleem; quem nullus hominum vidit, sed nec videre potest; cui honor et imperium sempiternum” (Paul ad Timoth., I, c. IV, v. 15, 16).

(294) “Sergius Christi osor, etc., Dei Filium conculcavit, etc.” (Petri Siculi Historia de Manichaeis. B Pat., anno Christi 845, p. 759).

(295) “Crucem ex ligno confectam perfringunt, aut conculcant et abjiciunt” (Panopliae Euthym., Monach. Zigabeni, titulus IX, adv. Manetem et Manichaeos. B. Pat/, t. 19, p. 205).

(296) “Gerard de Passage noluit conculcare nisi pedem crucis, propter ejus reverentiam” (Doc. in., t. 1, p. 215).

(297) Raymond de Vassiniac calcavit dictum mantellum, sed non crucem (id., ib., p. 234).

(298) Jacob de Troyes ter conculcavit crucem super pedes Crucifixi (Id., ib., p. 254).

(299) Dom Vaissette, t. III, preuves, № 224, p. 387.

“Albigenses matrimonium meretricium esse reputabant” (Pierre de Cernay, t. 5, p. 554, Franc. Script. Hist.)

“Cathari nullum credunt in conjugio salvari posse” (Bonacartus, apud Spicil. d’Achery, p. 208).

(300) M. Mignet, loc. jam. cit.

(301) “Receptor foci vovere et jurare castitatem, obedientiam, et quod viveret sine proprio, et insuper quod esset servus esclavus Templi, etc.” (Doc. in., t. 1, p. 242).

(302) Желательно, чтобы читатель припомнил фрагмент из Святого Августина, уже мной приводившийся в этом произведении в другом месте: “Perversa lex jubet ut Deus eorum turpi lapsu potius effundatur quam

crudeli nexu vinciatur”. И немного поразмыслив, поймешь злую сущность доктрины, позволявшей в посвящениях постыдные мерзости. Чтобы объяснить данное тамплиерам позволение промискуитета, историки приводили всякие основания, за исключением, как представляется, найденного мной в их манихействе. “Причины этих пороков, - считает Пьер Дюфур (История проституции у всех народов мира, т. 4, стр. 64), - раскрываются в долгом пребывании тамплиеров на Востоке, где противоестественные пороки почти привычны на местном уровне и где боязнь проказы, зла горящих и различных кожных или органических заболеваний была всегда связана с торговлей женщинами. Тамплиеры из страха оказаться прокаженными или заразиться слоновьей болезнью оскверняли свои души и тела, принимая и одобряя самую постыдную из всякого вида проституции”.

Это более замысловато, нежели основательно. Представляя истоки позволения на промискуитет, было видно, и я это показываю, что он не занимал места ни в душах, ни в нравах большей части рыцарей Храма.

(303) Doc. in., t. 1, p. 212.

(304) Два фрагмента, один из Святого Епифания и другой из неизданных документов, мне представляются очень примечательными и решающими в их сопоставлении.

В первом Святой Епифаний (Haeres, 26, с. XI) недвусмысленно говорит, что манихейские левиты занимались содомией в своей среде. Вот латинский перевод патера Пето: “Atque ut de illorum Levitis, etc. Isti non cum mulieribus, sed secum invicem miscentur; ut scilicet praecipua inter illos dignitate ac laude commendantur”.

В другом фрагменте из Неизданных документов (t. 2, p. 404) посвяtitель брата Николая де Месниля ему говорит: “Si calor naturalis urgeret eum ad incontinentiam, quod ipse et alii fratres ordinis refrigerescent se unus cum alio, ne ordo diffamaretur pro mulieribus”.

Следующие цитаты еще более определенные.

“Rem prohibent cum mulieribus, sed non prohibent de hominibus” (Doc. in., t. 2, p. 290).

“Recipiens praecipit sibi quod omnino abstineret a mulieribus, sed dabat sibi licenciam commiscendi se carnaliter cum fratribus suis et quod pateretur de sociis suis hoc” (id., ib., p. 317).

“Quod omnino abstineret a mulieribus, et si caro urgeret eum, quod

commisceret se carnaliter cum aliis fratribus dicti ordinis” (id., ib., p. 381).

“Poterat carnaliter commisceri cum fratribus ordinis, et ipsi poterant cum eo, et ipse debebat hoc pati secundum puncta ordinis” (id., ib., p. 57).

(305) Я мог бы привести большое число примеров, взятых в самих Неизданных документах, из которых видно, что эта данная братьям постыдная свобода не была благосклонно воспринята ими; к тому же, почти все они выражают на допросах сомнение, что эта свобода обрела между ними большое действие. Из разнообразных примеров я выбрал следующий.

Брат Боно из Тампля Вулена и Альберт из Турского диоцеза принимались в орден вместе. Когда им приказали, в соответствии с орденскими пунктами, плюнуть на крест, они долго рыдали и плевали в сторону. Затем им приказали отречься от Иисуса, не упоминая ни Христа, ни Бога. Тогда брат Боно из Вулена отрекся устами, но не сердцем, полностью полагая, что Альберт сделал то же самое. Их восприимчик брат Иоанн де Марсиис (Jean de Marciis) добавил, что они могли бы между собой иметь плотскую близость, но, поскольку принесли обет целомудрия, то не должны никак приближаться к женщинам. Брат Боно заявил, что не совершит этого греха, как бы от него этого не домогались другие, и что, по его мысли, подобный обычай не имеет места среди братьев ордена. Посвящения были тайными, и это, по его мнению, явилось основанием для подозрений.

(306) Inquis. De Carcass., 1244; Doat, XXIII, f 272. - “Nec ibis solus dum possis socium habere, nec solus comedes” (de Summa fratris Renerii de Catharis et Leonistis).

(307) “Fuit dictum per receptorem quod quando probi homines veniret et carerent lectis, quod recipiret eos bene et curaliter in lecto suo” (Doc. in., t. 1, p. 354).

(308) “Et decantaverunt recipiens et alii fratres psalmum Ecce quam bonum et quam jucundum habitare fratres in unum!” (Doc. in., t. 2, p. 279).

(309) Сборник произведений по истории Бургундии.

(310) “Et ipsos equitantes magnos equos”, говорят сами Неизданные документы, т. 1, стр. 359.

(311) “Equos habere cupiunt fortes et veloces” (St Bernard, t. 1, col. 1260, de Laude novae militiae ad milites Christi).

(312) “Duos et duos manducare generaliter oportet” (Art. II de la regle. Labbe, t. X, col. 926; Mansi, t. 31, col. 362).

(313) Петру де Палюду из Лионского диоцеза доводилось слышать рассказ о том, что от основания Ордена Храма в заморской битве участвовали двое рыцарей верхом на одном коне. Первый, расположившийся впереди, вверил себя Иисусу Христу и был ранен в сражении; другой, разместившийся сзади — и свидетель не сомневается, что это был дьявол в человеческом обличье — вверил себя тому, кто ему мог лучше оказать помощь (“ipse recommandabat se illi qui melius juvare poterat”) и не получил никакого ранения во время боя и стал упрекать своего товарища, предавшегося Иисусу Христу: больше того, он сказал, что если Орден Храма захотел бы довериться второму всаднику, то он бы вырос и обогатился. Петр де Палюд слышал еще неизвестно от каких братьев разговор, что раненый остался соблазненным словами дьявола, сидевшего на крупе лошади в человеческом обличье, и с тех пор в сообществе Тампля возникли заблуждения, которые ему поставлены в вину. Свидетель добавляет, что часто видел изображения, представляющие двух бородатых персонажей верхом на одном скакуне, и он совсем не сомневается, что эти персонажи никак не представляли двух рыцарей, о которых идет речь (Doc. in., t. 2, p. 195).

(314) M. Mignet, Journal des savants, avril 1852: “Nec jacebit sine camisia et bracis, etc.” (Renerii Summa de Catharis).

(315) “Quod jaceret in camisia et femoralibus (braies), cinctus quadam cordula et in caligis, etc.” (Doc. in., t. 1, p. 266). - “Receptor dixit quod debebat jacere cum caligis et pannis lineis” (id., ib., p. 425). - “Instruxit quod jaceret cum camisia et braccis et caligis lineis et cinctus cordula” (id., ib., p. 539). Посвятитель Ж. де Ромпрея ему рекомендовал ложиться не разуваясь, чтобы быть всегда наготове (Doc. in., t. 1, p. 506).

(316) Liber Sentent. Inquis. Tolos., 249; Inquis. de Toulouse, 1273; Doat XXV, f 60; Schmidt, loc. cit.

(317) “Cordulam de filo albo” (Doc. in., t. 1, p. 193). - “In signo castitatis” (Doc. in., p. 453, et passim).

(318) Этот поцелуй мира давался дважды в уста совершенным

утешенному и передавался постепенно всем присутствующим лицам: “Bis in ore ex transverso” (Arch. de l'inquis. de Carcass., 1243. Doat, XXII, f 112, 6).

(319) Константин Арменопуло - Constant Armenopule, de Opin. Haeretic., В Pat., t. 19, p. 959.

(320) Id., ib.

(321) Pierre de Cernai, loc. jam. cit.

(322) “Instruxit eum quot Pater noster debebat dici in die” (Doc. in., t. 1, p. 365; id., ib., 391, 404, 492, 504, 510, 521, 612, 633; id., p. 11). - “Instruxit eum quot Pater noster diceret pro singulis horis” (id., ib., p. 78).

(323) “Когда я вас тревожил по тому или иному вопросу, - говорил Святой Августин избранным секты, - вы мне отвечали, что Манес учит вас началу, середине и концу, ходу солнца и луны и другим таким же вещам, которые, как я доказал, чужды христианской доктрине, но о которых, как вы утверждали, будто бы сам Святой Апостол Павел вам говорил” (St Aug., de Actis cum Felice Manichaeo, lib. 1).

(324) Tollius insign. Itiner. Ital., p. 129.

(325) Julius Firmicus Maternus de Errore profanarum religionum. ВВ. Pat., t. IV, с. 1, p. 86, 87.

(326) Есть несколько вариантов этих нечестивых актов: печать или поцелуй в губы, печать или поцелуй в пупок посередине тела, печать или поцелуй в копчик или окончание спины; все это совершенно буквально выражает смысл, о котором я говорю в тексте, и родовую идею начала, середины и конца.

Посвятитель появлялся нагим, но часто договаривался с посвящаемым, чтобы поцелуи были менее постыдными: “Receptor expoliavit se totum nudum in prasentia sua et aliorum fratrum adstantium, et praecepit ei quod oscularetur eum in ano; sed ipse renuit, et asculatus in humero” (Doc. in., t. 1, p. 255). Другой целует “in ore, in pectore en inter scapulas in carne nuda” (id., ib., p. 193; id., ib., p. 312).

(327) По преступлениям, которые вменяют тем и другим, я охотно отсылаю к Святому Епифанию (Haeres., 26), Пселлу (de Oper. Daem., с. 4, p. 62), Адемеру (Chronic., 159, etc.). Идеи метемпсихоза были соответствующими, а одинаково и отвращение к некоторым продуктам

питания (см. M. Mignet, *Journal des savants*, avril 1852). В Крестовом Походе против альбигойцев католические солдаты распознавали катара по его отказу зарезать курицу или иную птицу (Etienne de Bellaville, 90). Наконец, известно благодаря Экберту, что праздник катаров назывался Малилозой (Malilosa): подобно манихейскому празднику Бема, это было чествование памяти мученика Манеса (см. Schmidt, t. 2, p. 138).

(328) Манихеи под именем адамитов в голом состоянии совершали свои мистерии в пещерах, где устанавливали банные печи (см. на одной из сторон шкатулки).

(329) Катары-славяне, по примеру манихеев-адамитов, проводили свои собрания в подземельях, которым они давали имена пещер покаяния (*Annales noves*, 582). Катары, по словам Шмидта (t. 2, p. 111), проводили свои религиозные ассамблеи безразлично в каких местах: в замках или хижинах, посреди лесов или полей, в долинах, погребках, пещерах или специальных домах.

(330) Именно это заставило сказать брата Боно из Вулена: “Посвящения были тайными, что, на мой взгляд, было основанием возникших против нас подозрений” (*Doc. in.*, t. 1, p. 631).

(331) Мемуары комиссии древностей Кот-д’Ора, 1850-1851, 2 книга, т. 3, стр. 113, 162 и сл.; Мэйар де Шамбюр (Maillard de Chambure), Устав и тайные статуты тамплиеров, стр. 30 Введения, примечание 2.

В преданиях замка Эссаруа уже немного отдаленных, но очень живучих, великолепной шкатулке дается еще имя кабалистической шкатулки. Я слышал разговор, что господа де Саси и Рейно-отец, оба востоковеды и члены Института, в одном из своих визитов к благородным хозяевам замка присвоили это название шкатулке, о которой идет речь.

(332) Около фермы, называемой Шапель-дю-Буа (Chapelle-du-Bois) и в направлении дороги, которая ведет в Валь-де-Шу (Val-des-Choux) или Валь-Сен-Лье (Val-St-Lieu). Это место называлось ла Кав: хорошо заметим совпадение этого имени с названием местности, где нашли шкатулку.

(333) Не более чем в трех километрах от Вулена.

(334) Господин Джеймс Ландель де Люньи (M. James Landel de Lugny), мой однокашник и друг, сам мне сообщил эту подробность, чтобы изменить мое противоположное мнение, высказанное мной в другом

месте в соответствии с Куртепе (см. Мемуары комиссии древностей Кот-д'Ора, 1850-1851, 2 книга, т. 3, стр. 166).

(335) Село в 6 или 7 километрах от великого приорства Вулена, где тамплиеры имели свои владения (см. там же, стр. 111).

(336) Эта местность и источник также носят имя ла Кава. Совсем недавно я отмечал, что место подземной часовни в шаге ходьбы от деревни Вулен на пути из Валь-Сен-Льё одинаково имеет имя ла Кав.

(337) См. иллюстрацию с изображением водопада.

(338) Если судить по гальским и галло-римским следам, которые здесь нашли и о которых я опубликовал очерк в Мемуарах комиссии древностей Кот-д'Ора, loc. cit.

(339) Монография, часть первая, глава первая, примечание 33.

(340) Около трех километров.

(341) Куртепе, второе издание, т. 4, стр. 255.

(342) См. иллюстрацию с изображением водопада.

(343) См. Статистические данные, которые даются в продолжение этой публикации.

(344) Doc. in., t. 2, p. 218.

(345) Это подтверждает фрагмент из Неизданных документов (t. 2, p. 190), где речь идет о посвятителе, борющемся с посвящаемым или профессором: “*Extrahens de sinu suo quamdam parvam imaginem de leone vel de auro*” - “достав со своей груди маленькую медную или золотую фигуру”.

В письмах, которыми мне оказал честь знаменитый господин фон Гаммер, он рассматривает шкатулки, имевшими предназначение скорее для хранения льняных веревок, необходимых для посвящений.

(346) Reghellini, t. 2, p. 53.

(347) Все изложенное мной прежде, меня избавляет от иных доказательств. Что касается нравов, принесенных с Востока в продолжение Крестовых Походов, историки нам их описывают в печальных тонах. Вильгельм де Нанжис (Guillaume de Nangis), повествуя в своей хронике о трагической смерти двух сыновей и одной дочери английского короля Генриха I, которые в XII столетии погибли с многими английскими сеньорами во время кораблекрушения, рассматривает это

бедствие как наказание небес и не боится сказать: “*Omnes fere sodomitica tabe dicebantur et erant irretiti*”.

Пьер Дюфур (История проституции у всех народов мира, т. 3, стр. 397), у которого я позаимствовал эту цитату, добавляет, что моральное разложение являлось тайной связью различных еретических сект. Известны повеления Святого Людовика против этих безобразий, размножившихся до предела, когда легальная проституция, будучи поощряемой, удаивалась считаться как бы лечебным средством, или, по крайней мере, мерой временного облегчения от подобной мерзости (там же, т. 4, стр. 58).

(348) Бонневиль, Шотландское масонство, стр. 97.

(349) См. гравюру МЕТЕ, где между другими фигурами, по краям размещенными под главным изображением, находится египетский эон, держащий крест Ансата или гностический ключ. В нем легко узнается египетский эон из-за возвышающейся прически из двух змей вместо зубчатой короны, украшающей головы двух иных персонажей.

Офиты имели своей эмблемой усеченный крест или фаллос. Крест Ансата никак не является христианским символом: это просто мера из одной, двух или трех поперечин, называющихся *phal*, *diphall*, *triphall*. К этому меряющему жезлу (*phallus*) прибавлялось кольцо, служившее для его скрепления (Reghellini, p. 294, 357). Крест Ансата или гностический ключ, ястреб и ветвь акации, по словам Крейцера (Kreutzer), играют большую роль в египетских иероглифах. И действительно, эти два последних символа видны на той же самой части шкатулки из Вольтерры. Более того, на ней в противоположной части мы замечаем символ, называвшийся египтянами жезлом солнца. Послушаем на сей счет Плутарха (*de Isi. et Osiri.*, с. 50): “Египтяне чествуют другой праздник, называющийся жезлом солнца, который после осеннего равноденствия дает понять, что солнце нуждается в поддержке, опоре и упрочении, поскольку его тепло начинает уменьшаться, а его свет уклоняться и удаляться вкось от нас”. Остальные мистерии, изваянные на второй шкатулке, полностью манихейские с резкой и характерной азиатской чертой: так, вместо водного и огненного крещения, виден культ тельца друзов или быка Митры. Одним словом, всякая манихейская доктрина,

отраженная в этих камнях, датируется скорее всего эпохами слияния гностицизма и манихейства.

(350) Так, на крышке присутствуют семь знаков и среди них: солнце, луна, две цепи эонов, две звезды и мертвая голова; эон андрогин МЕТЕ завершает огдоаду. Наиболее выступающая звезда с семью лучами направляется к своей главной эманации эону МЕТЕ, образуя вторую огдоаду. И так до пределов двух арабских линий, расположенных с определенным замыслом: восемь слов в линии с правой стороны и столько же слов с левой стороны, чтобы прийти в итоге к слову МЕТЕ, повторенному в конце левой линии, и благодаря этому лишнему для смысла; получалось Т. МЕ, что переставлялось в начале самой линии буквы N, относящейся к основной части слова KIA. С той же самой целью буква В, сокращение от BARBELO, оказалась там только для того, чтобы завершить число необходимых слов и знаков в этом необходимом проявлении и повторении Огдоады (см. таблицу с толкованием гравюры МЕТЕ и арабской надписи рядом с этой таблицей). - Примечание, которое только что прочли, взято из 3 тома, 2 выпуска Мемуаров комиссии древностей Кот-д'Ора, стр. 196. Я воспроизвел этот фрагмент, чтобы можно было лучше понять и таблицу, о которой идет речь, и примечания, ее сопровождающие. - Арабское слово *tiz* соответствует греческому *praktos* (греч.) и латинскому *rodex*: все это срамные слова.

(351) Крестоносцы и тамплиеры должны были принести из Азии только оригинальные памятники. Легко об этом думать, исходя из арабских букв надписи, которые довольно обыкновенно извращены и неопределенны, что тем самым подтверждает имитацию со стороны европейских художников, о чем мне оказал честь сказать и барон фон Гаммер: "Лучшие граверы не идут до конца в гравировке восточного написания, чтобы можно было бы за ним признать его первоначальный облик". Нужно, конечно, не так много для искажения смысла по причине важности, которую играют точки в арабском написании; вот почему всегда боятся делать новые копии или рисунки этих надписей.

(352) Припомним, что процесс тамплиеров начался лишь в XIV веке 13 октября 1307 года.

(353) Найденная в Эссаруа шкатулка сделана из оолитного камня, но если бы даже в нашем краю существовал известняк, подобный материалу

шкатулки, это еще не повод для признания, что она была произведена здесь. Известно, что большая часть галло-римских изваяний и надгробных камней из оолитного известняка имеется и в странах, наиболее лишенных этой породы. Основание предпочтения оолитного камня над мрамором и всяким другим известняком это сопротивление ломкости и большая послушность резцу для получения возможных форм. Этим объясняется, почему использование данного мягкого камня приобрело повсеместность в Средневековье.

(354) Эта форма является всегда указанием первоначального влияния христианства на греческое искусство.

(355) Один из главных персонажей барельефа шкатулки одет как одевались военнослужащие Византийской Империи.

(356) Женщина одета в такой плащ с рукавами, который замечаешь на самых древних витражах двенадцатого и тринадцатого веков.

(357) Исходя из мнений знатоков, шкатулка из Эссаруа тринадцатого века: это категорическое и обоснованное мнение господина фон Гаммера, столь авторитетного в данном вопросе; совершенно того же придерживается господин Арне (Arnetts), хранитель кабинета древностей.

(358) Среди памятников двенадцатого столетия (Album Dusommerard, 1 serie, p. 31) мы видим шкатулку шестнадцатого века, нарочно помещенную сюда в качестве предмета сравнения. Итак, на последней шкатулке отделка обладает полнотой: на ней заметна бросающаяся в глаза обнаженность, господство кариатид здесь в полной силе; простая шкатулка или сундучок удлиняется и уже не представляет собой форму христианского алтаря или саркофага, которую скульптурные композиции обретали в предшествующие столетия. Следовательно, шкатулка из Эссаруа по отношению к последней характеризуется элегантною суровостью: платья с капюшонами в бороздках, одеяния без полноты, персонажи коренастые и коротковатые как на памятниках двенадцатого столетия.

В том же альбоме (1 serie, ch. 21, p. 12) мы видим шкатулку тринадцатого столетия венецианской работы. Над ней много

постарался резец, а платья персонажей в складках с капюшонами. Сюжет барельефа взят из романа двенадцатого века, озаглавленного Лебединый рыцарь. Форма этого предмета имеет большое сходство с формой шкатулки из Эссаруа.

Здесь же нам представлена и другая шкатулка тринадцатого столетия. Внешне она — восьмиугольник из слоновой кости, а резьба на ней столь же богата, сколь и на шкатулке из Эссаруа. Сюжет взят из романа о Крестовых Походах.

(359) “Люди, которые возгораются идеей и делают ее самоценной всеми возможными средствами, оказывают науке намного больше услуг, чем тот, кто не пытается в это даже поверить” (Lenormant, Cours d’Hist. Ancienne, p. 178).

(360) Рапорт в Институт, 12 ноября 1852 года, стр. 31.

(361) Мемуары комиссии древностей Кот-д’Ора, 1850-1851, т. 3, 2 выпуск, стр. 197 и сл.

(362) Я сличал все мнения: Мемуары комиссии древностей Кот-д’Ора, 1850-1851, т. 3, 2 выпуск, т. 3, стр. 200.

(363) “Respondit quod Dominus Papa reservaverat dictum ordinem sibi” (Doc. in., t. I, p. 87).

(364) В 1204 году Крестовый Поход против альбигойцев и катаров Юга Франции проповедовался папой Иннокентием III, и в 1219 году другой Крестовый Поход против тех же самых еретиков возглавил Людовик VIII.

(365) Все противодействующие манихеям Соборы объявляли анафему этим еретикам.

NB

Фрагменты и слова на древнегреческом с указанием стр. текста оригинала:

1. с. 6

2. с. 10

3. с. 12

4. с. 19

5. с. 27

6. с. 30

- 7. с. 31
- 8. с. 34
- 9. с. 35
- 10. с. 37
- 11. с. 37
- 12. с. 43
- 13. с. 43
- 14. с. 44
- 15. с. 46
- 16. с. 46
- 17. с. 46
- 18. с. 51

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
ПО МИЛИЦИИ ХРАМА,
НАХОДИВШЕЙСЯ В ВЕДЕНИИ ВЕЛИКОГО ПРИОРСТВА
ВУЛЕНА,
ИНАЧЕ НАЗЫВАЕМОГО ВЕЛИКИМ ПРИОРСТВОМ
ШАМПАНИ**

ОБЩИЙ ОБЗОР

Великие приорства зависели непосредственно от великого магистра ордена. Они объединялись в *ланги* (*языки*) благодаря народам, говорившим на том или ином наречии. *Первый ланг назывался Провансальским* и подразделялся на два приорства даже при рыцарях Мальты, наследовавших владения тамплиеров: *приорство Святого Жюлья (St-Gilles)* и *Тулузское приорство* (1), которым подчинялось 54 командорства.

Второй ланг именовался Овернским и включал в себя 77 командорств. От него зависели *Доль (Dole)* и несколько других местностей Бургундии (2).

Третий ланг назывался Французским, от которого зависели *Оксерр (Auxerre)* в Бургундии, а также *Тампль Труа* в Шампани и *Тампль Реймса* (3).

Тампль Оксерра был основан в 1199 году на приходе Святого Евсевия (4). Пристройку к этому дому заложил в 1216 году Вильгельм де Мелло (Guillaume de Mello), сеньор *Сен-Бри (St-Bry)*, у часовни *Сольс (Saulce)* около Эколива (Ecolives), *vicus Ecolivae* или *Scolivae* (5). Дом Оксерра являлся одной из главных резиденций великого приора Франции.

Имелось семь других домов в диоцезе Сан. И только после того, как Орден Храма был замещен Орденом Мальты, все эти дома объединились

с домом Оксерра в 1419 году (6), входившем в ведение великого приорства Франции, резиденция которого находилась в парижском Тампле (7).

Во Французском ланге было еще два крупных великих приорства. Это великое приорство Аквитании, которому подчинялось 63 командорства: в их число входили командорства Мулена, Анжера, Ла Рошели и пр. (8) Другим являлось великое приорство Шампани, включавшее в себя 24 командорства (9). Великие приоры носили все почетные титулы, связывавшие их с духом универсальности этого сильного и единого воинства, каким бы ни было удаление друг от друга и разнообразие занимаемых им мест. Вот почему великий приор Шампани обладал званием казначея и хранителя печатей (10).

Четвертым лангом считался Итальянский, где мы видим великие приорства Рима, Ломбардии, Венеции, Пизы, Мессины, Капуи, Сицилии, Пьемонта и Милана и т.д.

Пятым лангом был Арагонский, куда входили Наварра, Каталония, Руссильон, Сардиния и т. д. Приоры носили звание *великих консерваторов ордена*.

Шестой ланг — Английский. Великие приоры были *полковниками кавалерии* и имели в своем подчинении великие приорства Шотландии, Ирландии и 32 командорства.

Седьмым лангом значился Немецкий, где приоры имели звания *великих балов* ордена. К этому лангу принадлежали великие приорства Венгрии, Чехии, Польши, Дании, Швеции. Командорства подразделялись таким образом: 27 в Верхней Германии и 40 в Нижней Германии.

Наконец, *восьмой Кастильский ланг*, в котором великие приоры обладали достоинством *великих канцлеров*. В его ведении находились великие приорства Кастилии, Леона и Португалии, Алгарви, Гренады, Толедо, Галисии, Андалусии и т. д. (11)

За приорами ордена по иерархии шли прецепторы (12), викарии (13) последних или субпрецепторы, так как после приорств шли прецептории или прецепториальные дома, затем простые командорства (14), отделения или придатки которых назывались *членами (membres)*, а сельские угодья или фермы *ригами (granges)*.

После общего обзора я представляю здесь сведения по диоцезам и бальяжам, прецепториям и их подразделениям, которые входили в ведение великого приорства Вулена, неправильно называемого великим приорством Шампани, поскольку дома милиции Храма в этой провинции подчинялись парижскому Тамплю; однако я объясню происхождение этого названия.

ВЕЛИКОЕ ПРИОРСТВО ШАМПАНИ. ДИОЦЕЗ ЛАНГРА

ПЕРВЫЕ ДОМА, ЗАВИСЕВШИЕ ОТ ДРЕВНЕГО БАЛЛЯЖА МОНТАНЬ ИЛИ ШАВИЙОВ (CHAVILLOU)

В подчинении великого приорства Шампани, штаб-квартира которого находилась в *Вулен-ле-Тампль (Voulaine-lez-Temple)*, было 24 прецептории с зависящими от них отделениями, сельскими угодьями и фермами, называвшимися *ригами* или аграрными владениями. Эта одна из наиболее значимых во Франции и в других странах Европы военная и религиозная юрисдикция включала в себя не только всю Бургундию с диоцезами Лангра, Отюна (Autun) и Шалона (Chalon), но простиралась своими ответвлениями и до других стран, где епископы являлись суффраганами (викариями) прелата Трира, ибо Тампль Меца принадлежал к приорству Вулена равно как и Тампль Нанси (15).

Вулен-ле-Тампль (Кот-д'Ор) в 6 километрах от Эссаруа и в 14 километрах от Шатийон-сюр-Сен (Chatillon-sur-Seine) являлся резиденцией великого приора Шампани (16).

Орден тамплиеров, который уже 36 лет как был основан в Бюре, стал быстро расти. В 1163 году он получил от епископа Лангра *Готтфрида (Geoffroi)* в дар от церкви Вулена и Лёглея (Leugley) две прилегающие друг к другу деревни, хотя и принадлежавшие двум разным провинциям. И только в 1175 году по великодушию герцога Бургундского Гуго III (Hugues III), недавно вышедшего из-под опеки своей матери Марии Шампанской, старшей дочери Теобальда VI (Thibault VI), графа Блуа и

Шампани (17), тамплиеры начали владеть землями и сеньорией Вулена. Эта сеньория возросла еще в пользу тамплиеров в результате дарения епископов Лангра в 1206 и в 1237 годах (18).

Важность сеньории Лёглей (место очень старое, по словам Куртепе, и называвшееся когда-то Ситэ Лёглей), зависимой от провинции Шампани, было таково, что великое приорство Вулена, находившееся в селении, принадлежащем Бургундии, взяло наименование великого приорства Шампани после объединения двух земель. Первые земельные фонды были подарены тамплиерам сеньором Жаном де Лёглеем в 1164 году. Другие богатые дарители еще увеличили владения воинства Храма в тех же самых местах в 1202 и 1260 годах (19).

Вскоре поднялся в Вулене великолепный замок, сады и дуга которого орошались живыми водами, венчаемые приятной для глаз плодородной местностью и прекрасными богатыми дичью лесами. Замок был укреплен; зал капитула был просторен и в богатом убранстве: его украшали портреты великих магистров ордена. Несколько часовен высились в округе. Одна из них находилась посреди живописной уединенной местности между *Фруаваном* (*Froidvent*) и Люньи (20), а другая, называвшаяся *Шанель-дю-Буа* (*Chapelle-du-Bois*), около нынешней дороги из Вулена в Валь-де-Шу (*Val-des-Choux*). Все в окрестности великого приорства Вулена несет на себе еще явные черты присутствия рыцарей Храма. Так, в лесах Эссаруа и Вулена часто встречаются каменные межевые столбы, несущие отпечаток орденского креста. Именно в самом лесу Эссаруа в религиозном одиночестве, освященном многими историческими воспоминаниями, обнаружили в 1789 году по соседству с прекрасным источником, прозванным *ла Каб* (*la Cave*) ценную шкатулку, очевидно, принадлежавшую тамплиерам Вулена, которой сегодня владеет господин герцог де Блакас.

Тем же тамплиерам принадлежала в *Шателлено* (*Castrum Novum*) вблизи с Эссаруа часовня, называвшаяся *Шанель-Сен-Сур* с несколькими пристройками, которые им были подарены здешним сеньором Бенселеном д'Апреем в 1189 году (21). От этой часовни до *Шатуабо* или *Шатобо* (*Chatoibot, Chatobo: Belli Castrum*) лишь небольшое расстояние. Там заметен с гребня одного из холмов в шестиста или

семиста метрах от второстепенной *римской* дороги, как я описывал в другом месте (22), любопытный план лагерного городка, построенного из перенесенных скал в основании грозной крепостной стены. Куртепе говорит, что тамплиеры обладали в этом месте *небольшим укрепленным замком (castel)* (23). Мое единственное разногласие с этим бургундским историком заключается в том, что я отношу основание данного замка римлянам; но, оставаясь при своем уже выраженном мнении (24), я никак не отрицаю возможности, что тамплиеры из округа нашли тут готовое укрепление и для своей пользы выставили здесь посты с поспешностью, очень понятной со стороны военного ордена. Вещь, казалось бы неоспоримая, что тамплиеры располагали свои владения в определенном эшелонированном порядке в местности между Вуленом, Эсаруа и Бюром.

Сеньория Вулена была составлена из прецепториальных домов *Мормана, Эпэйи и Бюра*.

Прецептория Мормана между Ришбуром (Richebourg) и Лангром и на окраине бальяжа Монтань (Montagne). Эта прецептория (25) образовывала с прецепториями Эпэйи и Бюра три приоральных палаты, покровителем и сеньором которых являлся великий приор Шампани (26); она имела *член* или придаток в поселке *Бошмен (Vaeuichemin)* между Морманом и Лангром.

Прецептория Эпэйи (27) между общинами *Биссей (Bissey)* и *Курбан (Courban)* на протяжении большого римского пути из Оксерра в Лангр. Около 1230 года Эргард (Egard) *де Шастенэ* продал тамплиерам земли, которыми владел в Курбане. От 1210 до 1238 года несколько сеньоров и сам герцог Гуго IV уступили принадлежавшие им земельные угодья в крае тамплиерам (28), сеньором которых стал великий приор Шампани.

В Тампле Эпэйи, наряду с прекрасными садами, была большая и красивая часовня: сохранившиеся руины ее хорошо видны посреди плодородной равнины, которой она теперь служит, увы, для уборки урожая. Здесь же заметны следы подземного помещения. Это была важная резиденция, и в ней проводилось несколько капитулов (29). Ее главными угодьями являлись: Луэзм (Louesme), Биссей (Bissey) и Туар (Toires) (30).

Прецептория Бюра (31) между Вуленом и Бенёвром (Beneuvre) в Кот-д'Оре. Она была *первой приоральной палатой* и началом всех других домов и даже дома Вулена, поскольку тамплиеры водворились в Бюре с 1120 года и, следовательно, с основания ордена (32); Эудес де Грансей (Eudes de Grancey) взял этих монахов под свою защиту в 1127 году, и десятина им была предоставлена сеньором места в 1203 году. Право старшинства прецептории Бюра над великим приорством Вулена стоило определенных привилегий: так, Тампль Шатийона, называвшийся *маленьким Тамплем*, где проводились капитулы ордена (33), несмотря на свою значимость, являлся лишь *членом* дома Бюра (34); да и Храм *Магдалины* в Дижоне, одинаково именовавшийся *маленьким Тамплем*, зависел как таковой от Тампля Бюра (35).

Прецептория Шатийона (36). Строения этой резиденции еще видны на одной из окраин города вблизи бульвара, называемого *ла Шарм (la Charme)*. Эти строения, принадлежавшие Мальтийскому ордену после упразднения Ордена Храма, стояли напротив Дижонских ворот, сегодня разрушенных, и их местоположение частично включено в прекрасную собственность господина де Фрамери. Тамплиеры владели также в Шатийоне часовней - ныне часовня *Святого Теобальда* в нескольких шагах от мельницы на Сене и при въезде на дорогу из Монбара.

Гранж де Маньи-Ламбер (Grange de Magny-Lambert), Villa Manelli Lamberti между Бэньё (Vaigneux) и Шатийоном. Тамплиеры имели там дом, ставший приютом рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского, их преемников (37). У тамплиеров были также владения в Бремюре (Bremur).

Дом Монморо (Montmorot), расположенный в поселке Монморо между Саливом (Salive) и Бюром на римском пути из *Лангра в Ализ (Alise)*: последний был *членом* или *придатком* прецептории Бюра.

Прецептория Валёра (Valeure) (38), основанная в 1172 году Манассией, епископом Лангра и графом Бара (de Bar) в двух километрах от Бар-сюр-Сен. Как анклав Бургундии она подчинялась великому приорству Вулена. Членами этой прецептории были *Арель (Arelles)* в Бургундии и половина *Бюсьера (Buxieres) (39)*, поскольку другая половина принадлежала Шампани.

Тамплиеры имели еще одно командорство в *Maranne* (*Maratte*) или *Maro* (*Marault*) в Бассиньи (*Bassigny*) у Шомона (*Chaumont*) и один дом в Ришбуре того же самого диоцеза.

ВТОРЫЕ ДОМА, РАСПОЛОЖЕННЫЕ В БАЛЬЯЖЕ ДИЖОНА

Прецептория Дижона (40). Она располагалась в предместье Святого Петра между строением, занимавшимся этой церковью около современной решетки ворот Святого Петра, и бастионом, к которому примыкает по крепостной стене улица Шеньо (*Chaignot*). Я снабдил доказательствами это утверждение на одной из страниц Монографии о шкатулке господина герцога де Блакаса.

В названиях от 1260, 1284, 1343 годов улица Мулен (*la rue de Moulins*) в предместье Святого Петра носила имя *vicus Templi*: она же являлась улицей Тампля в 1418 и была переименована в улицу Мулен в 1579 году (41).

Хотя прецептория Дижона и ее члены или отделения подчинялись великому приорству Шампани (42), маленький Тампль Дижона, в частности, наравне с маленьким Тамплем Шатийона, находились в ведении дома Бюра. За этим домом сохранялась честь как родоначальника ордена и приорства Вулена. Маленький Тампль Дижона располагался в самом *каструме* возле башни, называвшейся часовней *шатра* (*chatre*) или тюрьмы Святого Бенigna, которая в нее был заключен и здесь отдал свою жизнь за Иисуса Христа (43). Остатки этой башни можно увидеть в доме, находящемся напротив гостиницы Мимёр (*Mimeure*) и соприкасающемся со строениями Магдалины на улице Правовой школы (*rue de l'École-de-Droit*).

Члены или отделения прецептории Дижона были многочисленны.

Она имела дом в *Талане* (*Talant*), опиравшийся на стену крепостной стены напротив сада нынешнего курорта (44).

Другой дом ей принадлежал в *Фовернее*, *Фовернеюме*, *Фоверниакуме* или *Фаберниакуме* (*Fauverney*, *Fauverneium*, *Fauverniacum*, *Faberniacum*), который Неизданные документы по истории Франции исказили словом *Таверниакум* (*Taverniacum*). На запад от этого селения находилась

маленькая часовня, поставленная по просьбе Богородицы и называемая *Тампль*: часовня была присоединена к командорству *маленького Тампля* Магдалины Дижонской (45).

Командорство Святого Филиберта или *Вель-су-Жеврей* (*Commanderie de St-Philibert, Vele-sous-Gevrey, Villa sub Givraeio*). Великий приор Шампани являлся его бенефициаром (46). Тамплиеры здесь имели дом с двенадцатого столетия. Церковь *Фиксея* (*Fixey*) вполне могла быть придатком этого командорства, ибо орденский крест римской формы виден на надвратном фронтоне храма. Дом Вель-су-Жеврей, тем не менее, обладал еще более важными членами или отделениями: таковым было отделение в *Рюффее* (*Ruffey, Rufiacum, Ruffeim*) в 6 километрах от Дижона между *Оржэ* (*Orgeux*) и *Беллефоном* (*Bellefond*) вблизи римской дороги из Шалона в Лангр. Дом тамплиеров в Рюффее являлся колонией дома Веля; вот почему Тампль Рюффее назывался маленьким Тамплом Святого Филиберта и подчинялся напрямую как и материнский дом великому приорству Шампани (47).

Дом Святого Юлиана около Рюффее был еще членом или придатком того же самого командорства вместе с домом *Ис-сюр-Тиль* (*Is-sur-Tille; Lisium, Izium ad Tilam*). В этом месте еще в 1585 году стоял дом тамплиеров, расположенный в пригороде Тура, на участке, называемом и поныне Рига Тампля (48).

Дом или рига Куртиль (*Curtill; villa de Curtis или Curtile*) (Doc. in., t. 1, p. 333) в 6 или 8 километрах от Ис-сюр-Тиль. Великий приор Шампани являлся сеньором этого места. Тамплиеры имели здесь дом и часовню, долгое время служившей приходской церковью. Герцог Роберт позволил командору Куртиля Гуго Перро (*Hugues Perrault*) *установить правосудие в межевании Куртиля* в 1295 году (49).

Предположительно тамплиерам принадлежало еще одно командорство в Сомберноне (*Sombernon*).

ТРЕТЬИ ДОМА, РАСПОЛОЖЕННЫЕ В БАЛЬЯЖЕ БОНА

Прецептория Бона (*Beaune, Belna, Belnum, Belno-Castrum*). Ее дом возник в городском предместье Святого Иоанна, где имелась одна

часовня, предназначенная для погребения командоров (50): в ней же принимался в Орден Храма Яков де Моле.

Дом Дезиза (*Desize, Dizeseia*) между Отюном и Боном и в 16 километрах от этого города. Госпитальеры Святого Иоанна Иерусалимского, затем мальтийские рыцари, имели здесь приют с двенадцатого столетия (51), что заставляет меня рассматривать этот дом в качестве независимого от милиции Храма, о чем я и говорю, выражая свое сомнение.

ДИОЦЕЗ ОТЮНА ПЕРВЫЕ ДОМА, ЗАВИСЯЩИЕ ОТ БАЛЬЯЖА СЕМЮРА

Дом Нормье (*Normier*) в 12 километрах от Семюра. Это была ферма, принадлежавшая тамплиерам (52) и, вероятно, придаток *Семарея* (*Semarey*) или прецептории *Туази-ле-Дезер* (*Thoisyl-le-Desert*), располагавшейся от нее на небольшом расстоянии (53).

ВТОРЫЕ ДОМА, РАСПОЛОЖЕННЫЕ В БАЛЬЯЖЕ АВАЛЛОНА

Прецептория Аваллона (*Avallon*). Этот дом находился на небольшом расстоянии от города в Понт-Обере (*Pont-Aubert; Pons Alberti*). Я не нашел у Куртепе уточнения ни в вопросе происхождения этой резиденции, ни в вопросе о топографии Понт-Обера (54). Отец де Гуссанкур (*P. de Goussancourt*) делает его зависимым от великого приорства Шампани; и это наиболее правдоподобно, ведь и прецептория Ньюи-су-Равьер (*Nuits-sous-Raviere*), принадлежавшая к тому же самому диоцезу и бальяжу, подчинялась великому приорству Шампани.

Командорство Святого Марка около Ньюи-су-Равьер, или на Армансоне. Этот дом существовал в XII веке, поскольку по хартиям видно доказательство даров, сделанных братьям Святого Марка в 1186 году. Он зависел от великого приорства Шампани и являлся вторым для рыцарей-сержантов, тогда как Магалина или маленький Тампль Бюра в Дижоне был для них первым (55). Членами этого командорства были: *Ла Вевр* (*La Vevre*) близ Леня (*Laignes*); *Марусуаф* (*Marchesoif*) у Тоннера (*Tonnere*), *Фонтенэ* (*Fontenay*) около Шабли (*Chably*).

ТРЕТЬИ ДОМА, РАСПОЛОЖЕННЫЕ В БАЛЬЯЖЕ АРНЭ

Прецептория Туази-ле-Дезер (56) в 12 километрах от Арнэ и 3 километрах от Пуийи (Poilly). Великий приор Шампани был для него *сеньором* и *высоким заступником* (57); лесные угодья в окрестностях именовались *дубами тамплиеров*. Из названий, найденных в архивах великого приорства Вулена самим Куртепе, получается, что земли дома де Туази были даны тамплиерам *Фромоном де Виллером* (*Fromond de Villers*) в 1202 году, *Андре де Пуийи* в 1221 году, *Одо де Бёреем* (*Odo de Beurey*) в 1243 году и Вильгельмом де Туази, продавшим тамплиерам четверть этого села в 1279 году (58).

Нынешний замок Туази имеет для входа башенку; сводчатый зал, напоминающий помещения, которые угадываются в руинах еще существующих мест определенных командорств, служит сегодня столовой; две древние двери, усыпанные головками гвоздей в форме маленьких крестов ордена Мальты удостоверяют оттиск XII столетия. Другая также сводчатая часть, кажется, служила часовней. Владелец этого древнего особняка хорошо помнит об услышанном в его семье разговоре, что прежде здесь нашли в склепе восемь скелетов, два щита и сейф, наполненный кольцами.

Святая Сабина, в прошлом *Сен-Мартен-де-Лассю* (*Saint-Martin-de-Lassus*), деревня на небольшом расстоянии от Туази, вполне могла быть отделением командорства Туази-ле-Шато, хотя ни Куртепе, ни Гарро никак не упоминают об этом; возможно, она была отделением для усопших и только местом погребения для начальников ордена.

Церковь, судя по ее грандиозной архитектуре, великолепному portalу и прекрасной колокольне была возведена общиной. Греческий крест присутствует в нескольких местах церкви и особенно вверху над главными воротами и на краю венца хоров. И все же, существуют в этом краю следы меровингских погребений, и подлинная археологическая тайна местности еще погребена в подземелье замка Святой Сабины.

Нет никакого сомнения, что тамплиеры были сеньорами почти во всей этой области. Они владели землями и в *Семарее*, округ которого соприкасается с округом Туази и название которого в приписке к

завещанию герцога Роберта писалось как *Семорей (Cetaurey)* в 1302 году. Герцог получил эти земли в 1293 году в результате обмена с тамплиерами Магдалины Дижонской (59).

Тамплиеры обладали также имуществом в соседнем *Ванденессе (Vandenesse)*. В дижонских архивах можно познакомиться с хартией от мая 1237 года (60), говорящей об обмене, посредством которого тамплиеры уступают и оставляют *Иоанну*, сеньору *Шатонёфа*, землю, подаренную им его дедом *Иосифом де Шатонёфом*, и все то, чем Иоанн владел в Ванденессе, с согласия его жены *Изабеллы*, за что Иоанн дает тамплиерам 53 сетье пшеницы и овса напополам.

ДИОЦЕЗ ШАЛОНА

Прецептория Шалона (61). Этот дом существовал в XII веке, поскольку в начале XIII века Иоанн де Шалон уступил рыцарям эту резиденцию по хартии, которая приводится у Перри на стр. 63. Великий приор Шампани и командор Шалона был погребен в часовне своего Тампля. Членами данной прецептории являлись: *Святая Катерина* в *Маконнэ (Sainte-Catherine; Maconnais)*; *дом Севрей (Sevrey)*; *дом около Бюкси или Бюсси-ле-Рояль (Вуху, Bussy-le-Royal)* и *дом Деминьи (Demigny)*.

Все прецептории, командорства и дома, номенклатуру которых я составил и которые принадлежали к различным приведенным диоцезам, находятся в *Бургундии*. Три последних командорства, следующих ниже, относятся к *диоцезу Лангра*, но находятся во Франш-Конте. Это: *Ла Ромэн (La Romain)* или Роман между Шамплиттом (*Champlitte*) и Сакенэ (*Sacquenay*); *Госпиталь капелланов* около Шамплита и, собственно, *командорство* у Грэ (*Gray*).

Я описал в этом быстром изложении главные владения ордена Храма, находившиеся под покровительством великого приора Шампани и подчинявшиеся великому приорству Вулена, где его главный сановник имел свою резиденцию. Я не перечислил все владения и, в частности, то, что называлось *ригами* или *фермами*, поскольку все богатство ордена заключалось в недвижимом имуществе; но я намеревался здесь собрать только самые верные общие и необходимые сведения.

ЗАВЕРШЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ПО МИЛИЦИИ ХРАМА

(1) Отец де Гуссанкур, Мартиролог рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского — Le P. de Goussancourt, Martyrologe des chevaliers de St-Jean-de-Jerusalem, p. 292 et suiv.

(2) Id., p. 298, 300.

(3) Id., p. 308.

(4) Courtepee, 2 edition, t. 4, p. 328.

(5) Id., ib., p. 390.

(6) Courtepee, 2 edition, t. 4, p. 328.

(7) Гарро, Частное описание земель, городов и поселков Бургундии — Garreau, Description particuliere des pays, villes et bourg de Bourgogne, p. 233.

(8) Le P. le Goussancourt, p. 310.

(9) Id., p. 312.

(10) Великий приор Прованса имел достоинство великого командора (id., p. 292); великий приор Оверни — великого маршала (id., 298). Великие приоры Рима являлись адмиралами ордена (id., p. 314).

(11) Id., p. 314, 326, 327, 328.

(12) Видно, что великий магистр, которого звали Террик (Terric) или Тьерри (Thierry), имел в 1185 году титул Summus Praeceptor (Histoire crit. et apolog. des Templiers, par P. Mansuet (introd., p. 21).

(13) Frater Gerardus, Vicarius Praeceptoris domus de Fontanis (Doc. in., t. 2, p. 413).

(14) “Дома тамплиеров делились на приоральные или простые командорства. В последних управление доверялось нескольким рыцарям или сержантам, которые имели капелланом орденского священника, обязанного их наставлять и совершать для них таинства в своей независимой часовне. Приоральные или прецепториальные дома были более значительными и более многочисленными по рыцарям, сержантам и капелланам; здесь принимали в послушники и совершались неукоснительно ночные и дневные службы; священники тут подчинялись

старейшему из них, иногда называвшемуся приором, и весь этот клир у рыцаря, называвшегося прецептором или магистром и возглавлявшего капитулы, следил за строгим соблюдением правил, накладывал епитимьи как за большие, так и малые грехи, и посылал к священникам для отпущения грехов” (Le P. Mansuet, loc. cit., liv. 1, p. 18).

(15) Le P. de Goussancourt, p. 312. Епископство Меца, некогда являвшееся викариатством архиепископства Безансона, было викариатством Трирского архиепископства (Annuaire historique de 1838, p. 61). До 1777 года, когда было образовано епископство в Нанси, этот город зависел от епископства лотарингского Туля, являвшегося, как и епископство Меца, викариатством Трирского архиепископства (id., ib., p. 62). См. также Gallia christiana, стр. 1365 и карту Трирского диоцеза.

(16) Garreau, Description particuliere des pays, villes et bourg de Bourgogne, p. 326.

(17) Краткое изложение истории Бургундии Дюфея, том 2, стр. 87 и 93.

(18) Courtepee, 2 edition, t. 4, p. 296.

(19) Id., ib.

(20) Это место называется Куррери, и я объяснял его происхождение во 2 части монографии о шкатулке.

(21) Courtepee, 2 edition, t. 4, p. 255.

(22) См. мою Историю различных культов, суеверий и таинственных практик бургундского края, стр. 43.

(23) Courtepee, loc. cit.

(24) Histoire des diffenents cultes, superstitions et practiques mysterieuses d'une contree bourguignonne, loc. cit.

(25) В эпоху процесса над тамплиерами прецептор Храма Мормана именовался братом Лаврентием (Doc. in., t. 1, p. 435, 591).

(26) Courtepee, 2 edition, t. 4, p. 296.

(27) Espalhe, Espalhi, Espalhiae, Espeilleyo, Espeilly (Index des Doc. in., t. 2, p. 524). Во время процесса над тамплиерами прецептор Эпэйи звался братом Гуго (Doc. in./, t. 1, p. 350).

(28) Id., ibid., p. 249.

(29) Id., ib., p. 296.

(30) Тамплиеры имели в Биссей-ла-Кот около Эпэйи в собственности виноградники, о чем можно прочесть в Неизданных документах (Doc. in., t. 2, p. 350): “Frater Constancius de Biciaco-la-Coste, venditor vinorum domus Templi dieti loci”. Дом или отделение Туар называлось *domus Templi de Tauris Lingonensis Diocoesis* (Doc. in., t. 2, p. 265).

(31) Во время процесса Петр де Сиврей являлся прецептором дома Бюра (Doc. in., t. 1, p. 301, t. 2, p. 358). Этот дом всегда сохранял свое преимущество, ибо от него пошло великое приорство Вулена. Его еще называли *Vaillivie de Bure*, то есть бальяж Бюра (см. Doc. in., loc. cit.)

(32) Именно в 1118 году Гуго де Пайеном был учрежден в Иерусалиме Орден Храма (см. мою заметку о печати Шатийона в XII веке).

(33) Courtepee, 2 edition, t. 4, p. 296.

(34) Гарро, Описание губернаторства Бургундии — Garreau, Description du gouvernement de Bourgogne, p. 83.

(35) Примечание господина Гарнье, архивиста города Дижона.

(36) В эпоху процесса над тамплиерами Роберт Лесколь (Robert Lescolh) являлся прецептором Тампля в Шатийон-сюр-Сен (Doc. in., t. 1, p. 317).

(37) Courtepee, 2 edition, t. 4, p. 275.

(38) Валеяр, Валуар и бальяж Авелёр, в котором был прецептором брат Гумберт (Doc. in., t. 1, p. 396, 434, 522, 562, t. 2, p. 396).

(39) Buxiere, diocesis Lingonensis (Doc. in., t. 2, p. 396).

(40) В эпоху процесса над тамплиерами Этьен или Стефан (Stephanus de Divione) был прецептором Храма Дижона, Preceptor de Divione (Doc. in., t. 1, p. 301).

(41) Примечание господина Гарнье, архивиста города Дижона.

(42) Courtepee, 2 edition, t. 2, p. 117; Garreau, Description du gouvernement de Bourgogne, p. 84.

(43) L'abbe Fiot, Cartulaire St-Etienne — аббат Фио, Картулярий Святого Стефана.

(44) Примечание господина Гарнье, архивиста города Дижона.

(45) Courtepee, 2 edition, t. 2, p. 188.

(46) Id., ib., t. 2, p. 243.

(47) Courtepee, 2 edition, t. 2, p. 186, t. 1, p. 145.

- (48) Id., ib., t. 2, p. 205.
- (49) Id., ib., p. 182.
- (50) Id., ib., p. 293.
- (51) Id., ib., p. 320.
- (52) Courtepee, 2 edition, t. 3, p. 577.
- (53) 10 или 12 километров.
- (54) См. Courtepee, 2 edition, t. 4, p. 15, 390.
- (55) Id., ib., t. 4. p. 12.
- (56) Toysi vel Toysiaco, или Тоссиако. - Reginald Praeceptore dicte domus (Doc. in., t. 1, p. 437).
- (57) Courtepee, 2 edition, t. 4, p. 86.
- (58) Courtepee, id., ibid.
- (59) Id., ib., t. 4, p. 145.
- (60) Замечание господина доктора Морело (Morelot) из Эгийи (d'Eguilly).
- (61) Во время процесса над тамплиерами брат Одон являлся прецептором Храма Шалона — Praeceptor Ballivie Cabilonensis (Doc. in., t. 2, p. 350).

ВОСПОМИНАНИЯ
О ДВУХ ГНОСТИЧЕСКИХ
ШКАТУЛКАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ИЗ КАБИНЕТА ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА

ЙОЗЕФА ФОН ГАММЕРА-ПУРГШТАЛЯ,
ПРИДВОРНОГО СОВЕТНИКА
АВСТРИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

ПАРИЖ
1832

ГОСПОДИНУ ГЕРЦОГУ ДЕ БЛАКАСУ

Если бы даже две шкатулки, о которых идет речь в этих Воспоминаниях, и не являлись частью Вашего кабинета (впрочем, столь богатого памятниками всякого рода, из которых восточные артефакты послужили для иллюстраций превосходного произведения господина Рейно), одно покровительство, оказываемое Вами как в зарубежье, так и во Франции литературе по востоковедению, было бы достаточным званием, чтобы мне почитать за честь свою работу.

Сделав литографии этих двух шкатулок и дав возможность хождению копий среди тех, чьи исследования налагают обязательства заниматься по предпочтительности ими, вы подали прекрасный пример любителям и всем хранителям кабинетов.

Я счастлив от того, что Ваше просвещенное суждение посчитало мою работу достойной выйти под Вашим покровительством, и я Вас прошу ее благосклонно принять как выражение глубокого почтения и признательности за то, как Ваши щедрые заботы должны вдохновлять всех ориенталистов.

*С чувствами, в которых имею честь пребывать,
ГОСПОДИН ГЕРЦОГ,
Вашего Превосходительства
весьма смиренный и послушный служитель*

Йозеф фон Гаммер.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДВУХ ГНОСТИЧЕСКИХ ШКАТУЛКАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ КАБИНЕТА ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА

Тему этих воспоминаний составляют две шкатулки, выполненные из известнякового камня, а их надписи и верно приведенные барельефы на девяти иллюстрациях прилагаются к тексту (А-И). Одна из шкатулок, найденная в Бургундии, немного утолщена по своему периметру и имеет девять дюймов в длину, семь дюймов в ширину и четыре с половиной дюйма в высоту, не включая крышку, толщина которой около двух дюймов. Вторую шкатулку обнаружили в Тоскане: по фактуре она изящнее первой и обладает десятью дюймами в длину, немногим более пяти дюймами в ширину и приблизительно пятью дюймами в высоту, но ей недостает крышки.

Очевидно, что эти шкатулки принадлежат к роду памятников Средневековья, о нескольких из которых я писал в шестом томе *Каменоломен востока* в Воспоминаниях, озаглавленных: *Mysterium Vaphometis revelatum* (1); и одна из иллюстраций, их сопровождающая, воспроизведена здесь под буквой К. Остается лишь бросить взгляд на те или иные рисунки, чтобы убедиться в подобии оргий, на них представленных, и особенно в идентичности арабских надписей, в которых проявляется один и тот же характер и та же самая путаница, как будто эти шкатулки одного и того же вида, что и артефакты из Имперского кабинета Вены в Австрии. Скульптурные барельефы последних занимают три первых ряда иллюстрации К под № 13, 14 и 15.

На этих двух шкатулках, а одинаково на артефактах Имперского кабинета Вены видна главная фигура в головном уборе Кибелы, поднимающая висящие цепи (см. иллюстрации А и К, первая и четвертая серии). Статуя андрогина, фигурирующая в оргиях на первой шкатулке (иллюстрация Е) является той же самой, что изображено на иллюстрации К под № 11 и 12, как и многочисленные идола, выгравированные на первой иллюстрации *Каменоломен Востока*. Солнце, луна, звезда,

пентаграмма и череп, сопровождающие главную фигуру иллюстрации А, находятся и на иллюстрации К под № 5, 7 и 8. Огненный кубок, столько раз повторенный у подножия идолов первой иллюстрации *Каменоломен Востока*, воспроизведен здесь на иллюстрации F, и ваза, представленная на иллюстрации К внизу бюста № 9, с римской буквой g и арабской, обнаруживается в графинах, приносимых в кабак на иллюстрации E.

Крокодила (иллюстрация B), на котором восседает ребенок, мы видим на иллюстрации K, фигура 4, одинаково как и ребенка, спешащего быть разорванным в его пасти; наконец, две арабские надписи обеих шкатулок (по три слова каждая) являются теми же самыми, что я опубликовал и перевел в *Каменоломнях Востока*.

Не повторяя то, о чем я сказал для разъяснения скульптур шкатулок и идолов Имперского кабинета, в процитированных выше Воспоминаниях, на которые я еще сошлюсь неоднократно, здесь я ограничусь лишь интерпретацией скульптур кабинета господина герцога де Блакаса; но прежде чем предаться этому обсуждению, необходимо сказать несколько слов об общем характере этих памятников, о присутствии им возрасте и доктрине, выражением которой они являются.

Арабские и европейские надписи, присутствующие на одних и тех же памятниках (надписи выгравированы на первой иллюстрации *Каменоломен Востока* и частично на иллюстрации K под № 10, 11, 12 и пр.); эти надписи, воспроизведенные одним и тем же образом невежественными художниками, что я приводил на страницах 7-14 VI тома *Каменоломен Востока*, не оставляют ни малейшего сомнения, что памятники, на которых их обнаруживают — как идолы так и шкатулки (ибо одни и другие несут одинаковые надписи) — не принадлежат европейским обществам Средневековья; характерные черты скульптур и букв свидетельствуют о памятниках тринадцатого века христианской эры. Главная фигура, представленная на шкатулках, гений (андрогин), держащий цепь эонов; таинства крещения и евхаристии, в которые обряжены артефакты, горящий костер и в особенности оргии змею (иллюстрация K, первая серия) слишком ясно показывают, что эти

памятники принадлежали одной из самых развращенных сект гностицизма, а именно офитам, существование которых в тринадцатом веке подтверждается весьма внушительными документами.

Немецкие и французские критики, поднявшие против моих Воспоминаний, опубликованных в *Каменоломнях Востока*, поскольку в них я продлил существование гностических доктрин вне границ третьего и четвертого столетия нашей эры, теперь после публикации превосходной Истории гностицизма господина Маттера (2) умолкнут, ибо в ней сообщается, “что гностицизм реально умер только в пятнадцатом веке нашей эры и что ныне существующие тайные сообщества, обряд и язык которых увековечили символы гностиков (таковы: запон, зеркало, семисвечник, пентаграмма, череп и особенно буква G) были бы сами изумлены этой идентичности обряда и символов, несмотря на перегибы, которые они приняли и которые бы прекратились, если бы сами сообщества стали более учеными” (3).

Для истории гностицизма и ересей, в целом, досадно, что Маттер ограничивается в академической проблеме шестью первыми веками христианской эры и не доводит своего произведения до пятнадцатого столетия, эпохи, в которой он устанавливает закат гностицизма и куда он не смог пройти через Средневековье, следуя нити офитических памятников: об одних я писал в своих Воспоминаниях *Mysterium Vaphometis revelatum*, другие — объясню здесь. Эти памятники его могли бы обеспечить наиболее ценными и убедительными доказательствами истины обвинений, выдвинутых Римской церковью против различных доктрин, а именно против *стадингиан* (*stadinghiens*) и тайных капитулов тамплиеров. Не желая рассматривать до какой степени были виновны последние, ложились ли выдвинутые обвинения на весь орден или на малое число индивидов, и не входя в обсуждение этих пунктов, которые я достаточно долго объяснял по ходу моих уже приведенных Воспоминаний, моя цель здесь только показать, что обвинения суверенных понтификов против порочных доктрин и употреблявшихся мерзких оргий в определенных сектах двенадцатого и тринадцатого столетий, полностью достоверны.

Послушаем для начала папу Григория IX, который в булле против ереси *стадингиан*, обращенной епископам Гильдесгейма, Миндена, Любека

и Ратцебурга (5), дает подробности оргий, которым предаются эти еретики во время своих сборищ.

После введения булла продолжает (6): “Hujus pestis initia talia perferuntur. Nam dum novitius in ea quidam recipitur, et perditorum primitus scholas intrat, apparet ei species quaedam ranae quam bufonem consuevere aliqui nominare; hanc quidam a posterioribus ac quidam in ore damnabiliter osculantes, linguam bestiae intra ora sua recipiunt, et salivam. Haec apparet interdum *indebita* quantitate (qualitate?), et quandoque in modum *anseris* vel *anatis*, plerumque furni etiam quantitatem (qualitatem) assumit: demum novitio procedenti occurrit miri palloris homo, adeo extenuatus et macer quod consumptis carnibus sola cutis relicta videtur ossibus superducta; hunc novitius osculatur, et sentit frigidum sicut glaciem, et post osculum catholicae memoria fidei de ipsius corde totaliter evanescit. Ad convivium postmodum discum bentibus et surgentibus completo ipso convivio, per quamdam *statuam*, quae in scholis hujusmodi esse solet, descendit retrorsum ad modum *canis* mediocris *gattus* niger, retorta cauda, quem a posterioribus primo novitius, post magister, deinde singuli per ordinem osculantur, qui tamen digni sunt et perfecti: imperfecti vero, qui se dignos non reputant, pacem accipiunt a magistro et tunc singulis per loca sua positis, dictisque quibusdam carminibus, ac versus gattum capitibus inclinatis: Parce nobis, dicit magister, et proxime euique hoc praecipit, respondente tertio ac dicente: scimus magister; quartus ait: et nos obedire debemus; et his ita peractis extinguuntur candelae et proceditur ad foetidissimum opus luxuriae et infra ubi horrenda libidinum genera ab his patrari solita. Completo vero tam nefandissimo scelere et candelis iterum reaccensis, singulisque in suo ordine constitutis, de obscuro scholarum angulo, quo non carent perditissimi hominum, quidam homo procedit a renibus sursum fulgena et sole clarior, sicut dicunt, deorsum hispidus gattus cujus fulgor illuminat totum illum locum; tunc magister excerptens aliquid de veste novitii, fulgido illi dicit: magister, hoc mihi datum tibo do; illo fulgido respondente: Bene mihi servisti pluries, et melius servies, tuae committo custodiae, quod dedisti; et his dictis protinus evanescit. *Corpus etiam Domini* singulis annis in Pascha de manu recipiunt sacerdotis, et illud ad domus suas in ore portantes in latrinam projiciunt, in contumeliam redemptoris.

Ad haec infelicissimi omnium miserorum gubernantem coelestia, pollutis labiis blasphemantes asserunt delirando coelorum Dominum violenter contra justitiam et dolose Luciferum in inferos detrusisse. In hunc etiam credunt miseri, et ipsum affirmant coelestium conditorem et adhuc ad suam gloriam praecipitato Domino rediturum, per quem cum eodem et non ante ipsum se sperant aeternam beatitudinem habituros. Omnis Deo placito non agenda fatentur et potius agenda quae odit”. (6-a) ***

Это обвинение, трактуемое вымыслом и нелепостью слишком благожелательными к сектантам историками, в большей своей части оказывается подтвержденной еще существующими памятниками Средневековья. Между знаменитыми скульптурами гностической церкви Монморийона, которая долгое время служила языческим храмом, по словам Миллена (7), “имеются изваяния женщины, кормящей своими грудями двух жаб, а также присевшего на корточках мужчины, который кладет свою руку на ее ягодицы для того, чтобы не ошибиться в своем намерении; другая присевшая на корточках фигура показывает вещи, которые повсюду должно скрывать; наконец, фигура, держащая в своих руках двух больших змей, которые, после того, как обвилились между ее ляжек, спешат сосать ее висящие груди” (8).

В церкви Святого Креста в Бордо (9) есть фигура почти тождественная изваяниям церкви Монморийона и кормящая своими грудями змей и жаб. Эти два скульптурных памятника на двух самых старых церквях Франции и выражения вышеприведенной буллы взаимно друг друга разъясняют. Архитекторы Средневековья, посвященные во все мистерии наиболее развращенного гностицизма, любили умножать его символы снаружи и внутри своих церквей, символы, истинный смысл которых понимался только адептами, оставаясь скрытым для глаз профанов. Постыдные фигуры, подобные скульптурным изображениям церковью Монморийона и Бордо, обнаруживаются на церквях тамплиеров в Эгере в Чехии, в Шёнграбене в Австрии, в Формуови (*Formuovi*) около Пармы и в иных местах, но именно пес (*canis aut gattus niger*) присутствует на барельефах гностической церкви Эрфурта (10).

Слишком снисходительные и недоверчивые историки, ревностные защитники гностиков Средневековья, искали как дискредитировать

обвинения против них, приводя пример первых христиан, собрания которых проходили в катакомбах и уличались в бесчестьях врагами христианства. Не желая возводить и малейшего посягательства на чистоту первых собраний истинных христиан, вынужденных скрывать тайну своего культа от преследователей, тем не менее, вполне достоверно, что даже в первые века христианства было достаточно порочных сект, которые смешивались с истинными христианами, и что в Средневековье сектанты старались спрятать в катакомбах от глаз магистратов постыдную тайну своих ночных оргий.

В катакомбах Неаполя, упоминающихся в Истории Церкви лишь по теме поклонения первых христиан и службе, которая в них совершалась на алтаре Святого Януария, в самых углубленных уголках обнаруживается скульптурный камень в виде конуса (11), несущий двойную надпись: одна составлена из греческих, латинских и готических букв и содержит в себе два слова — *Приап* и *Любовь*, и не нуждается в комментарии; другая сложена из еврейских букв и связана с нечестивыми оргиями, здесь в прошлом отправлявшимися: она достаточно ясно поясняет какую роль *собака* (*canis aut catus*) играла в этих распутных и безобразных мистериях. В офитической системе семи звездных сил шестой гений звался *Эратаотом* (*Erataoth*), то есть гением Любви, представлявшемся собакой (12).

Мы читаем на передней стороне колонны в форме Приапа:

PRIAPOС (греч.)	то есть	Priapus
	(евр.)	Longus
	(евр.)	Se erigit

С другой стороны колонны читаем:

(евр.)	то есть	Recrea (te)
(евр.)		Extensionibus tuis
(евр.)		Perfora
(евр.)		Delectat se canis
(евр.)		Longitudine
(евр.)		Macula
(13) (евр.)		

Подлинный смысл памятника неаполитанских катакомб достаточно разъяснен формой камня и выгравированными на нем словами: *Приап*,

Любовь и собака. Это лучший комментарий на *собаку*, о которой идет речь в вышеприведенной булле папы Григория IX, и на *собаку* или *кота*, фигурировавших на ночных собраниях *шабаша* тамплиеров. Оргии другого *шабаша* офитов обнаруживаются воспроизведенными на боковых скульптурных изображениях двух шкатулок господина герцога де Блакаса. Там мы видим (иллюстрация E) статую андрогина, которой двое посвящаемых в масках собаки (14) или кошки (15) воздают нечестивое поклонение (16).

Остальные из этих оргий более откровенны, нежели позволяют себя разьяснять: здесь очевидное смешение мистерий Митры с таинствами офитов. На одной из двух шкатулок (иллюстрация I) мы видим тельца или быка, представленного как и на некоторых памятниках Митры; а на другой шкатулке телец или бык даже помещен на алтарь. Хотя бык или телец и не упоминался в усеченных описаниях, которые историки гностицизма оставили нам от ритуалов его различных ответвлений, он играет важную роль у носсаири, одной из сирийских сект, где одинаково как и у друзов повсюду находятся следы гностицизма, а в особенности системы *Вардессана*, создателя второй гностической школы Сирии. На самом деле эта страна во все времена являлась колыбелью наиболее своеобразных доктрин и самых порочных сект, которые в ней отчасти распространялись, как представляется, мардами, народом персидского происхождения с побережья Каспийского моря, переселившегося затем в Ливан и на гору *Изале* (Джуди), где их наследники *шамси*, *езиды* и *носсаири* до сих пор поклоняются солнцу, дьяволу, тельцу и пр.

Хорошо известен идол в форме тельца с арабскими надписями, хранившийся раньше в музее Борджиа в Веллетри и описанный Адлером (17). Позднее господин де Саси опубликовал в *Азиатском журнале* (*Journal Asiatique*) выжимку из полемической статьи, в которой ученый друг, порицая культ *тельца* и всякие другие мерзости, приписываемые, в целом, тайным собраниям друзов, возложил их на носсаири и мутуалей (*moutoualis*).

То, что культ тельца в Сирии существовал в последние времена у друзов и носсаири, это подтверждено письменными документами и памятниками: в них без труда признаются следы культа Митры,

принесенного мардаитами в горы Сирии вплоть до долины Атталии (18). Нет ничего удивительного в том, что следы культа Митры обнаруживаются в доктринах сирийских сект и на гностических памятниках Средневековья, поскольку здесь вплоть до обрядовой стороны признаются еще и следы схизматической армянской церкви. Но самое поразительное следующее: *Ибн Вахшие (Ibn Wahschiye)* перепутал тельца, стоящего на алтаре (иллюстрация I), с бафометической статуей андрогина, которая в другом месте ее заменяет (иллюстрация E), придав слову *бахомид (бафомет)* смысл *овцы*. Эта путаница тельца и овцы арабским автором легко объясняется ролью, которую телец, что видно и на скульптурных изображениях, играл в *бафометических* оргиях, а также значением, придававшимся гностиками овце, отождествляемой ими с *Софией* или *Ахамот* (19), гностическим эоном андрогинном, называемом тамплиерами *Бафометом*. *Ахамот* была названа гностиками *овцой*, как нам сообщает Святой Ириней; с другой стороны, *бахомид (бафомет)*, по данным Ибн Вахшие (20), обозначает *овцу*. Таким образом, слова *Ахамот* и *Бахомид* одинакового значения. Представляется невозможным отрицать эту очевидность, исходя из согласованных свидетельств Отца Церкви и арабского автора.

Хотя бафометическая фигура, представленная Ибн Вахшие (21), никак не походит на изображения бафометических идолов, известных до сих пор в Европе, поскольку наполовину подобна скарабею, тем не менее весьма примечательно, что ее головной убор своими зубцами напоминает идол, изображенный на шкатулке господина герцога де Блакаса (иллюстрация A) и фигуру на шкатулке из Имперского кабинета Вены (иллюстрация K, № 5).

Изображение святого духа гностиков, называемого *Ахамот, София, Барбелот, Пруникос, мать, овечка, земля, Иерусалим, Огдоада* (22), *Бахомед* или *Бафомет* и являющегося под различными именами первым персонажем гностической иерархии после Вечного Отца, встречается повсюду на памятниках Средневековья; я опубликовал и объяснил более двадцати из этих памятников в своих воспоминаниях, озаглавленных *Secretum Vaphometis revelatum*; две шкатулки господина герцога де Блакаса должны быть отнесены к тому же самому классу. Фигура *Софии*,

Ахамот, Бохомеда, Бафомета, или просто Мете (как отмечают надписи) вылеплена иногда на гончарном круге, иногда в форме статуи, на что указывает булла папы Григория IX, иногда вырезана в барельефе, что видно на шкатулках и гностических кубках. Скульптурное изображение, выполненное на крышке первой шкатулки (иллюстрация А) совершенно аналогично тому, что находится на шкатулке из Кабинета древностей Вены (иллюстрация К) и тому, что присутствует на большом гностическом кубке из того же собрания (иллюстрация К, первая серия), содержащего таблицы с надписями. Мы видим представленную в головном уборе Кибелы фигуру, соответствующем ее прозванию Земли, держащую в своих руках цепь эонов. Возле ее головы находятся *солнце* и *луна*; у ее подножия — *звезда*, *череп* и *пентаграмма*, рассматривавшаяся пифагорейцами как символ здоровья (23).

Череп находится одинаково между ногами той же фигуры (иллюстрация К, № 5), и следствие процесса тамплиеров недвусмысленно говорит, что несколько идолов их ордена имели черепа (24). Звезда вовсе не Пифагорова в пять лучей, на которой его ученики должны были останавливать свои взгляды как на символе постоянства и чистоты (25); но гностическая в семь лучей, представляющая собой семь первых эманаций божества.

Наиболее важное в этой скульптуре, несомненно, арабская надпись, которая такого же рода, как и двенадцать надписей, опубликованных и объясненных мной в *Mysterium Baphometis revelatum*: здесь те же самые черты, выполненные неловкими руками западных гравёров, та же самая неправильность слов, та же самая путаница и перестановка букв, иными словами, недостатки, которые отчасти должны быть отнесены к невежеству европейских писателей и копиистов, а отчасти — к явному намерению спрятать истинный смысл надписи для профанов и даже тех, кто, возможно, и умел читать по-арабски, но не был посвящен в тайны доктрины.

Рассматривать род этих памятников, многие из которых одновременно несут на себе арабские, греческие, латинские и итальянские надписи Средневековья, необходимо, исходя из идеи, что идолы, шкатулки и кубки являются произведением европейских

скульпторов и гравёров, и что надписи не чисто арабские, но на искаженном арабском, и содержат даже греческие и латинские слова, написанные арабскими буквами, и только основываясь на этой единственно верной точке зрения, можно им дать удовлетворительное объяснение. Уже десять лет как надписи, опубликованные в *Mysterium Vaphometis revelatum* перед глазами публики, и нет ни одного ориенталиста, не отважившегося на другое объяснение, чем мое. Я бросаю им вызов найти арабский смысл в арабских буквах и, которые не что иное, как латинское слово *Cantate* и слово *Mete* или, если изволите, *Mate*.

Именно латинское слово *Cantate* находится снизу от фигуры (иллюстрация А; остальное в надписи должно содержать присущий секте священный гимн, написанный арабскими буквами, чтобы его смысл был бы сокрыт от профанов. Посмотрим, в чем заключается эта пародия *Cantate laudes Domini*. Начало находится сверху от головы, где мы читаем: *Jah la la Sidna*, вместо этого *Jella sidna*, то есть Бог и Господь наш!

Было бы невероятным, если бы истина свидетельских показаний подтвердилась наиболее очевидным доказательством, чем этой надписью: Раймонд Рубеи показал, “что другие для поклонения идолу, *ubi erat depicta figura Vaffometi*, и сам начальник, целуя этот идол, говорили: “*Yalla verbum saracenicum*” (26).

Это *Yalla* или *Yhalla* не что иное, как восклицание *Yallah*, Господь! Оно еще и сегодня на устах всех арабов; и различие *Yhalla* примечательно тем, что совершенно соответствует варианту арабской надписи.

Две линии по сторонам являются повторением арабских надписей, опубликованных и разъясненных в *Mysterium Vaphometis revelatum*; надпись начинается с правой стороны, как и следовало ожидать, поскольку по-арабски читается справа налево:

Houve Mete Zonar feseba (или скорее *Sebaa*), *B. Mounkir teaala Tiz*.

Него; это продолжение гимна, начало которого сверху от головы; именно для *него*, *наш Господь* (*Dominus masculinus*, прозвище Ахамот); *Mete* или *Mate*. Находящееся слово столь ясно написано на нескольких из надписей, опубликованных мной в *Каменоломнях Востока*, что не остается и доли сомнения, каким образом должно было здесь читаться,

пускай две последние буквы и плохо составлены, а точка буквы Z (инициала следующего слова *Zonar*) неважно перенесена гравёром на *te* от *Metē*. Идущее затем слово *Zonar* (пояс) составлено хорошо и внятно. Известно какую существенную роль играет пояс в обвинительном акте и в свидетельских показаниях тамплиеров (27).

Пояс, *zonar* (персидское слово, которое обнаруживается в греческом *Zonu* (греч.) и в новогреческом *Zonagi* (греч.), является, как известно, главным символом посвящения магов и брахманов на различных степенях их священных орденов; и профанация этого священного символа *парсов*, имя которого здесь обнаруживается написанным всеми буквами, есть одно из многочисленных доказательств, служащих основанием мнению, высказанному Маттером, что доктрина определенных гностических сект персидского происхождения.

Следующее слово, то есть *семь* или, быть может, *и семь*. Затем оказывается буква *B*: я думаю, что она является инициалом слова Барбело, бывшим одним из имен *Ахамот* или скорее *Бафомета*, (греч.) (28); потом идет слово или более вероятнее, обозначающее в первом случае *и отрекся*, а во втором — *отрекающийся* от корня, который значит (Gol., p. 1451): *inficias ivit, abnegavit, pro suo non habuit nec pro Moslemo*; отсюда слово *Mouunkir*, означающее человека, чьи мнения и поведение противоположны мнениям и поведению правоверных, или, как его истолковал бы Голиус, *iniquus*'а (беззаконного). Слово выражает все, в чем завершение буллы папы Григория IX обвиняет гностиков, против которых она и была направлена: “*Omnia Deo placita non agenda fatentur, et potius agenda quae odit*”.

Teaala, exaltetur, понятно; оно равнозначно слову *Всемогущий* в переводах арабской формулы; но здесь не, а, и, следовательно, должно быть переведено буквально *exaltetur*.

Tiz (29) является грубым словом в Сирии и в Египте, соответствуя греческому *Proktos* (греч.), и всякий путешествовавший по Сирии и Египту должен знать ругательство: *Eiri fi tizek*.

Надпись с левой стороны начинается на *N*; здесь перестановка финальной буквы слова, которое следует за словом; таким образом, *Kiane neslna* обозначает *наше происхождение было* или *были*. Это та же самая

надпись, которая обнаруживается в столь ясном виде на иллюстрации К (первый ряд), где присутствует : *Stirps nostra ego et septem fuerunt*. Это гностическая огдоада семи эонов с *Софией*, *Барбело*, *Ахамом* или *Мете*.

Затем читается начертанное очень плохо слово *Tanker*, то есть *ты отрекаешься*; именно теперь и только идет словосочетание *и я*, которое в соответствии с естественным порядком, показанном на иллюстрации К в первом ряду, должно было находиться после слова *Neslna*, *наше начало, меня и семи*. Как видно здесь, слова переставлены либо умышленно, либо из-за невежества скульптора; потом следует одинаково некорректно выполненное слово, *germinans*, которое столько раз встречается в надписях, опубликованных в *Каменоломнях Востока*, и которое связано со свойствами *Mete*, что заставляет цвести деревья и прорастать землю (30); после плохо составленная буква *В* и, наконец, то же самое слово завершающее линию правой стороны и опрокидываемое в форме змеи (31).

Надпись на второй шкатулке содержит только часть офитической формулы, встречающейся более или менее усеченной или искаженной на всех кубках, шкатулках и других предметах подобного рода, извлеченных из земли во Франции, Италии и Германии. Сначала идет *наше происхождение*; затем следует слово , означающее *огонь*, но которое присутствует, по всей видимости, заменяя слово *zonar* или *пояс*, отмеченного на первой шкатулке; буквы слова *germinans*, переставлены в такой манере вместо; таким же образом они располагаются в следующем слове *Mete*. Тот же самый беспорядок, в целом, присутствует во всех этих надписях: он должен скорее быть присущим желанию скрыть истинное прочтение, нежели невежеству гравёра (32). Во второй линии видны слова *septem fuere, et septem fuere*, которые должны были бы читаться непосредственно после *Neslna*, как на идолах и кубках, опубликованных в *Каменоломнях Востока*; затем идет слово *Mounker*, отрекающийся, или *Mounkeri*, если хочется с ним связать следующую букву *ya*, которой могло недоставать слову , *germinans*. Последняя буква есть *В* с лишней точкой, которая вряд ли являлась частью слова *Tiz*, завершающего две линии надписи первой шкатулки. На большом кубке из Имперского кабинета, барельефы которого воспроизведены на

иллюстрации К, читаем формулу или более ясно выраженное исповедание офитической веры:

Exaltetur Mete germinans, stirps nostra ego et septem fuere, tu renegans reditus proktos (греч.) *fis*

Там может быть сомнение только в отношении двух слов: , *reditus*, и, которое должно писаться как, *yassir, fiet* (вводить в действие); все остальное ясно и бесспорно. В стороне от надписи замечаем две вазы клинообразной формы, представляющие женскую матку, поскольку видно, что из одной из них выходит ребенок, а в другую входит то, что его производит.

Вместо офитических оргий, изображенных на кубке из Имперского кабинета, на иллюстрации F наблюдаем иные не менее развратные оргии, очевидно связанные с аналогичным органом, представленном на клинообразной вазе, который разрывается последней фигурой с помощью ножа. Один из посвященных садится верхом на козла и его убивает ножом, который держит в руке.

На противоположной стороне второй шкатулки (иллюстрация I) телец поставлен на алтарь; то, что двое присутствующих держат в руках может оказаться нечто вроде гремучей змеи; обод, возможно, является слишком знаменитым поясом. Первая фигура справа держит в правой руке развернутый свиток, на котором есть рисунок птицы, предстающей, вероятно, птицей Минервы, свидетелем крещения Мудростью, *Varhometou* (греч.); левой рукой он держит крест Ансата, символ божественной жизни, *in signum Varhometis*, то, что носят идола на лбу и в руках (*Каменоломни Востока*, иллюстрация I): это истинный *гностический ключ*, герма Гора, водрузившего крест перед Софией, которая продвинулась в плероме или божественной полноте. У подножия алтаря лежат бубен и пара гармоней — музыкальные инструменты, необходимые для мистерий этих сектантов. Видно, что участники мистерий греются (иллюстрация F) над пылающей чашей. На одной из узких сторон второй шкатулки (иллюстрация H) нам бросается в глаза посвящаемый, распростершийся над горящей печью. Горящий очаг виден также на барельефе одной из шкатулок Имперского кабинета Вены (иллюстрация K), но без человека сверху; хотя на первой

шкатулке господина герцога де Блакаса посвящаемый посажен двумя служками на очаг или печь, над которой нет больше огня, но которая должна быть горячее, судя по гримасе посвящаемого. Здесь нельзя думать о всеобщем потрясении, представлявшемся столькими гностиками как конец света (33). Состояние наготы, в каком находятся все посвященные, достаточно ясно показывает, что это *адамиты-кочегары*, чьи оргии возобновлялись во все времена оголтелой распушенностью и которые обогревали места своих греховных собраний. Святой Епифаний говорит, что они зажигали огонь в банных печах, чтобы обогреть тех, кого принимали в свои сборища. Печь весьма четко представлена на иллюстрации С (34).

Обогревание, показанное также на первой иллюстрации к *Mysterium Vaphometis revelatum*, фигура 14, и совершаемое иерофантом, держащим посвящаемого своими руками над пылающей чашей, являлось истинным крещением огнем (35) в противоположность водному крещению, изображенному на противоположной стороне той же самой шкатулки (иллюстрация G) в присутствии птицы Мудрости.

Оба крещения водой и огнем имели очевидное отношение к испытаниям водой и огнем в мистериях Митры, где эти таинства сохраняются в почитании быка или тельца, солнца, луны и т. д. Тайна этих испытаний прославлялась и в наши дни в *Вошебной Флейте* Моцарта. Следы ритуала Митры видны еще на иллюстрации С: в стороне от обогреваемого на банной печи посвящаемого находится бык или телец, которого пытаются крестить в чане, а другого быка уносят на плечах. Это та же самая фигура, которая встречается на памятниках Митры, как и на иллюстрации E.

На противоположной стороне этой же шкатулки (иллюстрация E) воспроизводится нечестивое поклонение бафометической статуе посвящаемыми в кошачьих масках; фигура с зубчатой короной на голове (та же самая, что и на иллюстрации A) должна представлять истинного *магистра* или *наставника*, подлинного иерофанта этих отвратительных мистерий: его рука теряется в безобразных делах, результат которых должен упасть на землю; его служка несет поднос с тремя вазами в форме графина (*сагафе*), название которого со многими другими пришло из арабского во французский язык (36).

Нам остается объяснить еще скульптуры двух узких сторон первой шкатулки. С одной стороны (иллюстрация D), здесь присутствуют телец или бык и ваза, в которой просвиры уничтожались пламенем. Известно, что в мистериях Митры признавались таинства *Евхаристии* (37), *Крещения* и *Конфирмации*: их же оскверняли офиты на своих собраниях (38). На изображении, кажется, представлена евхаристия гностиков Средневековья, обвиняемых буллой папы Григория IX, в похищении облаток и бросания их в отхожие места. В общем, то, что отмечается на гностических скульптурах Средневековья, несет печать отвратительного распутства и профанации всего самого священного, чему учила религия.

Однако *гнозис* имел притязания учить путям истины и спасать своих адептов от опасностей этого мира. Так, мы видим торжество гнозиса, представленное на стороне, противоположной предыдущей части первой шкатулки (иллюстрация B). Там великий магистр или иерофант, облаченный в праздничное одеяние, привлекает к себе детей, один из которых сидит верхом на крокодиле; это тот самый крокодил (на барельефах шкатулки из Имперского кабинета, иллюстрация K, 4), у которого гностики вырвали ребенка и который поставлен на место дракона, представлявшего, как нам сообщает Святой Епифаний, создателя мира (Йалдабаофа), затем поглотившего всех, кто не являлся гностиками, возвратив их через хвост (39). Эта картина часто повторялась на храмах Средневековья, а именно: на церкви тамплиеров в Шёнграбене в Австрии, на барельефах фасада Домского собора в Ферраре и на других.

Великий магистр или гностический иерофант, призывая к себе детей и спасая их от пасти крокодила, символа мира или Йалдабаофа, его создателя, чувствует здесь свое торжество и увенчан гением, держащим в руке позвоночный столб, по-видимому, принадлежавший самому крокодилу. Другой слуга держит в своих руках дышло и топор, символы управления и исполнительной власти (40). То, как слуга держит здесь в руке позвоночный столб, видно на одном из гностических медальонов, опубликованных мной в *Mysterium Baphometis revelatum* (иллюстрация V, № 85), только там Мете держит левой рукой скелет животного, судя по всему, льва, с возвышающимся на нем черепом человека. Лев и дракон, замененный здесь крокодилем, являлись эмблемами врагов секты (41)

— королей и церкви, всегда противостоявших этой разрушительной для всякого порядка, для всякой религии и для всякой морали доктрине.

Чтобы здесь не повторяться, я должен отослать читателя к *Mysterium Vaphometis revelatum*, где разъяснение гностических символов Средневековья, сохранившихся до наших дней в ритуалах франк-масонства, было дано благодаря их собственным памятникам. Приверженцы масонских лож и панегиристы тамплиеров будут тщетно восставать против этих памятников, совершенно согласующихся с обвинениями, выдвинутыми против стадингиан и тамплиеров; они не сумели бы отрицать идентичность символов, ни дешифровать каким-нибудь наиболее удовлетворительным способом арабские надписи, которые, пусть более или менее искаженные, но во всем соответствующие сказанному по существу:

“Да будет прославлена Мете, заставляющая прорасти и цвести! Наше начало, меня и семи; отрекайся (от своей веры) и предайся всем удовольствиям”.

Надписи на двух шкатулках обнаруживаются в написаниях, оставленных на идолах, кубках и шкатулках из Имперского кабинета Вены, опубликованных в *Каменоломнях Востока*; но ни одна из последних не содержит двух слов: “*Cantate Yallah*”, отмеченных на иллюстрации А, которые слово в слово соответствуют свидетельскому показанию тамплиера Рубеи. Согласие этой надписи со свидетельским показанием тамплиера является настолько непреодолимым доказательством, насколько и соответствие текстов Святого Ириния и Ибн-Вахшия: первый сообщает нам, что Ахамот, андрогин и полином, представлялась в виде овечки, тогда как второй, разыскивая олицетворение мудрости учеников Гермеса, говорит, что ее имя было *Бахомид* (*Бафомет*), то есть овца. Имя *Мете* присутствует в арабских надписях со всеми буквами; иногда, правда, встречается лишь заглавный слог *Ме*. Именно из этого слова и греческого *Varhe* (греч.), вероятно, и составлено слово *Бафомет*, ибо двойное крещение Мете водой и огнем (42) с полной очевидностью представлено на шкатулках господина герцога де Блакаса и Имперского кабинета Вены.

Крещение Мете могло называться безразлично *Varhe Metos* (греч.) или *Metos*, ведь Мете соединяло два пола, как Святой Ириней свидетельствует

об этом и на что указывают идолы. Поскольку офиты уклонялись в извращенный смысл библейских текстов о крещении и овечке, постольку они превратно понимали и стих Евангелия: “*Не мешайте детям приходить ко мне*” (От Матфея Святое Благовествование, Глава 19, стих 14). Святой Епифаний говорит об этом недвусмысленно, чему видны доказательства на иллюстрации В, где великий магистр зовет и привлекает к себе детей. Эта картина, если нам воспользоваться словами Святого Епифания, является *главной стороной и вершиной всех их доказательств* (43): здесь мы наблюдаем великого магистра, призывающего к себе детей и коронованного гением, держащим в руке скелет из позвоночного столба.

Скульптуры этих двух шкатулок и их надписи столь совершенно согласуются с двумя актами обвинений в булле папы Григория IX и на процессе тамплиеров, где одинаково упоминается о гностических практиках, что невозможно отрицать очевидность и не соглашаться с тем, что внутри ордена были люди, посвященные в эти мистерии беззакония. Всячески порицая творившийся процессуальный беспорядок и варварство суда, приговорившего столько отважных рыцарей к сожжению на костре (варварство, впрочем, имело место лишь во Франции, но ни Италия, ни Германия ему не последовали), нельзя не поверить этим доказательствам, свидетельствующим об их *vine*.

Здесь дело не касается ни повторения сказанного мной в *Mysterium Vaphometis revelatum*, ни доказанного Вилькинсом в его истории Ордена, написанной со здоровой критичностью, пускай даже автор не извлек пользы из наших памятников и их надписей из-за недостаточного знания арабского языка. Излишне желать доказать, что тамплиеры не были невиновными, как и доказывать после публикации произведения Маттера, что гностицизм существовал уже за пределами третьего или четвертого столетий христианской эры, эпохи, в которой эта доктрина ограничивалась сама по себе писателями *Церковной Истории*.

Выражая вновь наши сожаления по поводу того, что рамки проблемы, поставленные Академией, не позволили этому ученому проследить историю гностицизма вплоть до окончания Средневековья, можно лишь подписаться под им сказанным о явно восточном происхождении

гностических доктрин и их тесной связи с религиозными системами магов и еврейской кабалой.

Присутствие ритуалов Митры на гностических скульптурах является доказательством вторжения персидской религиозной системы в культ офитов, каинанитов и адамитов (44).

По всей вероятности, этот синкретизм доктрин и оргий, встречающийся одинаково среди народов, населяющих Ливан, и среди тех, кто живет в Масиусе, на горе Изале, так именованной византийцами, и около Мардина в Месопотамии, ведет свое происхождение от мардаитов или непокорных, которые, первоначально обитая на побережье Каспийского моря, водворились затем в Сирии от ливанских гор до долин Саталии, а потом переселились в Армению и на гору Масиус, где их первоначальное имя сохранилось в названии города Мардин и где появились *езиды*, *носсаири*, *мутуали* и другие секты, наряду с друзьями, обвиняемые в тех же самых мерзостях. Даже деление друзей на *сведущих* и *невежественных* раскрывает гностическое деление на *людей духовных* и *плотских*, в каком-то первые (пневматики) только и считались истинными гностиками.

Многие писатели, трактовавшие историю гнозиса, и совсем недавно Маттер, рассматривали взаимосвязь гностических доктрин и в особенности учений школы Валентина, Вардессана и офитов с религиозными системами древней Персии; но ни один из этих историков не имел понятия об арабском произведении весьма знаменитого Шехристани о религиях и сектах, из которого Ид (Hyde) давал многочисленные выдержки в своем труде про персидскую религию (45).

Завершение труда рассказывает о не мусульманских религиях и сектах, среди которых: 1) евреи и шесть их сект; 2) христиане и три главных ответвления восточной Церкви (мельхиты, сиро-яковиты, несториане); 3) маги и их девять сект; 4) свободомыслящие и материалисты; 5) сабеяне; 6) спиритуалисты *рпешматикой* (греч.); 7) приверженцы храмов восточные тамплиеры; 8) философы. Весьма примечательно, что среди девяти сект магизма три последних (46) это ученики *Вардессана*, *каинаниты* и *маркиониты*; какими бы ни были неполными и неточными сведения, сообщенные Шехристани, их

достаточно для доказательства тесной связи гностических сект с древними дуалистическими системами в своих разновидностях (47).

Вот то, что Шехристанни сообщает нам о трех последних гностических сектах.

УЧЕНИКИ ДИССАНА

Диссан есть имя отца Вардессана, обозначающего по-сирийски сына (Бар) *Диссана* (Десана).

Эта секта берет свое название от своего основателя *Диссана* и предполагает существование двух начал — светлого и темного; светлое начало производит добро благодаря интенции и свободной воле; темное начало производит зло посредством силы и принуждения; все блага и все прекрасное с полезным являются производением света; все болезни и все греховное или вредное происходит от тьмы.

МАРКИОНИТЫ

Они устанавливают три начала: одно - свет; другое — тьма; и третье, производящее смешение двух первых начал: такое смешение не могло бы иметь место без третьего начала, поскольку два противоположных и враждебных начала никогда не смешиваются сами по себе; это третье начало, сочетающее в себе оба, вышестоящее по отношению к тьме и нижестоящее по отношению к свету; его результатом является мир.

КАИНАНИТЫ, КОТОРЫЕ ПРИДЕРЖИВАЮТСЯ ПОСТА И МЕТЕМПСИХОЗА

Каинаниты также устанавливают три начала: огонь, земля и вода, которые произвели все сущее. Они говорят, что огонь добрый по своему светящемуся естеству, тогда как вода, его противоположность, производит все болезни в этом мире; земля занимает среднее положение между одним и другим. Мир составлен из трех начал; *трезвенники* воздерживаются от всякой пищи и предаются исключительно почитанию Бога; в исполнении своего культа они возвращаются к огню:

они отказались от брака и жертвоприношений. Все принимающие метемпсихоз верят в переселение душ из одного тела в другое; они учат, что положение человека, когда он пребывает в совершенном покое соотносится с его предыдущим состоянием, а нынешнее является вознаграждением или наказанием, и что человек всегда находится в одном из этих двух состояний, то есть в состоянии действия или в состоянии возмещения, ведь за все сделанное им ожидается или уже происходит вознаграждение, либо наказание; что ад и рай заключаются только в вознаграждении благих действий и в наказании злых; что высшая степень *пророческая*, а самая низкая в этой лестнице есть степень *змеи*; что нет никакого характера выше *пророческого* и нет ничего ниже характера *змеи*.

Змея, рассматриваемая как гностический символ, возвращает нас к теме этих Воспоминаний. Кстати, она здесь плохо смешана Шехристани с драконом, символом Йалдабаофа, и помещена в последний разряд творений, тогда как представляла в системе гностиков Нуса (греч.), сына Йалдабаофа, духовного проводника мистерий гнозиса. Несмотря на эту путаницу, свидетельство арабского писателя представляет большой интерес для разъяснения духовного крещения огнем, противоположного материальному водному крещению: первое являлось крещением света и озарением, а второе - крещением тьмой. Сказанное Шехристани о трезвенниках, избегавших брака, согласуется со сведениями, данными Святым Иринеем и Святым Епифанием; что касается упражнений, при помощи которых офиты и адамиты усмиряли свои тела на своих тайных сборищах, то по оргиям, изображенным на скульптурах кубков и шкатулок, и культу, воздаваемому сектантами *Мете* или *Мате*, видно достаточно, какой природы они были.

То, что Шехристани говорит о двух началах Вардессана совершенно согласуется с сообщениями Отцов Церкви (48). В третьем начале Маркиона узнается *София Ахамот*, благодаря которой осуществилось смешение света и тьмы, а следы искаженного обнаруживаются еще в главах о *спиритуалистах* и *тамплиерах*, где семь эонов спутаны с семью планетами, но проливается свет на родство *восточных тамплиеров* со своими *западными собратьями*: так, шабаш у

приверженцев храмов отмечался в субботу в честь Сатурна, хотя оргии тайных капитулов тамплиеров совершались в пятницу в честь гения андрогинной любви Мете.

Согласно Шехристани, *сторонники храмов* представляют собой ветвь сабеян и пункты их культа и доктрины следующие: они говорят, что человек нуждается в видимом посреднике, которым он должен управляться; вот почему *сторонники храмов* обращаются к семи планетам как к видимым храмам. Они наблюдают: 1) дома и остановки планет; 2) их восток и запад; 3) их благоприятное или неблагоприятное совпадение; 4) их влияния на климат и страну; 5) они изготавливают кольца и звездные заклинания; 6) они посвящают своему культу субботу, день, когда они надевают особые облачения и повторяют молитвы, посредством которых они просят от Сатурна помощи и процветания (49).

Какими бы несовершенными ни были сведения, сообщенные Шехристани (50) о *маркионитах, каинанитах, вардессанитах и сабеянских тамплиерах*, их достаточно, чтобы показать существующую тесную связь между гностическими системами и религиозными системами древней Персии. Источник этих доктрин находился в Сирии, где культ тельца и ночных сборищ сохранился еще и сегодня среди друзов и носсаири, и откуда пришли в Европу благодаря Крестовым Походам эти отвратительные оргии, секрет которых разоблачен скульптурами и надписями на идолах, кубках и шкатулках. Гнозис, каким бы чистым и возвышенным ни являлся в концепции философов, его установивших как систему космогонии и иерархии ангелов и демонов, был извращен распутниками, использовавшими его исключительно для усыпления своих постыдных страстей, или честолюбцами, использовавшими распущенность, чтобы удостовериться в слепом послушании посвященных.

Памятники, сюжеты которых отчасти объясняются в приведенных фрагментах Святого Ириния и Святого Елифания, подтверждают, что Отцы Церкви ничего не преувеличили в рассказанном ими о ночных оргиях офитов; и совершенное соответствие идолов, кубков и шкатулок с обвинениями, выдвинутыми Святым Престолом против тамплиеров,

и свидетельскими показаниями последних показывает, что эти воины никак не могли быть невиновными.

Бросив взгляд на офитические оргии, символом которых являлась змея, понимаешь, почему *Шехристани* должен был отвести змее последнюю ступень на лестнице творений; и в самом деле, офиты были последними и наиболее развращенными из всех гностиков Средневековья. Их порочность не должна смешиваться с чистым гнозисом, историю которого наметил Маттер и символы которого воспроизведены архитекторами Средневековья снаружи и внутри церквей, а также на отдельных барельефах, сохранившихся у *масонов*.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Полное название Воспоминаний таково: *Mysterium Baphometis revelatum, seu fratres militiae Templi, quae gnostici et quidem ophiani apostasiae, idoladuliae et impuritatis convicti per ipsa eorum monumenta.*

(2) Париж, 1828, in-8, с атласом.

(3) Маттер говорит здесь ту же самую вещь, что я сказал в *Mysterium Baphometis*, p. 40:

“Haec symbola, cum apud architectonicos (масоны) et hodie in usu sint, multumque de vera eorumdem origine perquisitum fuerit, pleraque eorum antiquissima et jam in variis veterum mysteriis adhibita fuisse probatur”.

“Malleus; 2, crater; 3 cingulum; 4, velum; 5, catena; 6, perizonium; 7, ferula; 8, candelabrum septuplex; 9, liber; 10, luna; 11, sol; 12, stella fulgurans; et stroma” (*V. Myst. Baph.*, p. 41, 42).

(4) Господин Сисмонди, который становится в своей Истории французов защитником отдельных осужденных церковью сект, не меньше ошибается, взявшись за их защиту, когда, говоря о вышеприведенной ереси стадингиан (*V*, стр. 148), город Рацбург, о котором идет речь в папской булле, изменяет в Раххасбург (*Rachhasbourg*) в Штирии. Сначала обозначаемый Сисмонди штирийский город называется Радкерсбург (*Radkersbourg*), но не Раххасбург; впрочем, город, епископу которого была обращена булла, есть Рацбург по соседству с Любеком в герцогстве Саксен-Лауэнбург.

(5) Rainaldi, tom XIII, p. 446, 447, ad annum 1234.

(6) Путешествие в области Юга Франции, стр. 719.

(6-a) *** Здесь мы даем перевод только некоторых отрывков из знаменитой буллы от 1233 года папы Григория IX. Полностью давать текст буллы по-русски мы воздерживаемся из-за крайне кощунственных ритуалов, описываемой в ней секты.

“Неофит, который впервые вступает в сборище этих еретиков видит появление существа, похожего на жабу. Присутствующие целуют нечистое животное и позволяют запустить в свои рты его язык и слюну. Затем оно появляется в виде утки, гуся и бледного худого человека, плоть которого, кажется, разлагается в гниении. Неофит лобзает этого человека и после поцелуя все его вены пронизывает ледяной холод, и всякое воспоминание о католической вере стирается в его сердце. Присутствующие садятся за стол, и пиршество завершается: видно как нисходит, пятась, от некоей статуи, находящейся обычно на собраниях, черный кот с вертящимся хвостом, величиной и ростом со среднюю собаку. Неофит, руководитель собрания и все присутствующие целуют животное в зад. В его честь исполняется песнопение, и каждый склоняет перед ним голову: “Смилуйся над нами”, - говорит ему великий магистр. По команде последнего, его сосед говорит коту то же самое. Третий обращается к нему: “Мы тебя признаем нашим учителем”. Четвертый добавляет: “И мы должны тебя слушаться”. Потом исполняется речитативом нечто подобное гимну, и все собрание предается актам самого омерзительного сладострастия... Когда светильники снова зажигаются и каждый занимает свое место, видно выходящего из темного угла сборища человека от поясицы: верх его тела сияет ярче солнца, а низ оброс шерстью как у кота; его сиянием освещается все собрание. Тогда великий жрец, изъязв некую вещь из одежды неофита, говорит этому светящемуся существу: “Учитель, я даю тебе то, что было дано мне”. Блистающий человек отвечает: “Ты мне часто исправно служил и будешь служить мне еще лучше, я оставляю тебе на хранение то, что ты мне сейчас дал”. Сказав это, он немедленно исчезает...”

“Каждый год на Пасху эти сектанты принимают облатку, освященную рукой священнослужителя; каждый из них ее хранит в своем рту и,

возвратившись к себе домой, они ее бросают в отхожее место в презрение к Искупителю..”

“Наконец, - говорит папа Григорий IX, - эти богохульники в своем безумии осмеливаются верить, что Владыка Небес насилием, хитростью и против всякого правосудия ниспроверг Люцифера в пределы преисподней. Именно в последнего веруют эти несчастные и утверждают даже, что создатель небесных вещей, он поднимется однажды в славу, откуда его низверг Бог, и только с ним, но не до него, они надеются прийти к вечному блаженству. Они проповедуют, что нельзя делать того, что угодно Богу, и нужно делать то, к чему Он питает отвращение”.

Между прочим, вышеприведенное обвинение в осквернении облаток и святого таинства Евхаристии буквально повторяется в материалах допросов, проведенных против тамплиеров в Англии. Почитание kota в ордене, неоднократно появлявшегося на тайных капитулах тамплиеров, установленное 14 статьей расследования Римской курии, признается свидетельскими показаниями многих тамплиеров, среди которых Готтфрид де Татан (Gaufred de Thatan), Бернард де Сельг (Bernard de Selgues), Бертран де Сильва (Bertrand de Silva) и Жан Неритон (Jean Neriton). Что касается ереси стадингиан, то никто не сомневается в ее чисто люциферианском характере. Moldenhauer, *Process gegen des Orden des Tempelherrn*, p. 195; Raynouard, *Monuments, etc.*, p. 280, 293, 296. (Прим. пер.)

(7) Ногами гусыни одной из этих фигур (*in modum anseris vel anatis*, как говорит булла); французское выражение о королеве Педок (Pedaque) объясняется более естественно, чем легендой об ужасных ногах царицы Савской, сообщенной Нуантелем (Nointel) под статьей о королеве Педок; жабы подтверждают обвинение *species quaedam ranae quam bufonem consuevere alicui nominare*.

(8) Заметка о Церкви Святого Креста в Бордо господина Жуанне (Jouannet).

(9) *Mines de l'Orient*, VI, *Myst. Vaphomet.*, table IV, fig. 14, 26.

(10) Именно сопровождавший меня господин барон фон Коллер, секретарь делегации Его Величества Императора Австро-Венгрии, привлек мое внимание к древнееврейской надписи с другой стороны, которая была незаметна для всех посетителей.

(11) Matter, II, p. 237.

(12) Возможно, здесь присутствовали некоторые буквы, передающие иное значение. Мы привлекаем к этой теме внимание ученых и особенно приглашаем любителей при случае посетить катакомбы Неаполя и не поленимся составить точный рисунок этих самых надписей.

(13) "Si quidem canum instar et porcorum sua se corruptela turpitudinis inquinant. Hoc enim modo tam canes ac porci quam caetera se animantia corrumpunt et profluentem ex corporibus suis libidinis humorem delingunt". S. Epiph., adversus haereses, t. II, l. I; Haere. XXI, II.

(14) Это кот, который появлялся на капитулах тамплиеров, согласно свидетельским показаниям Готтфрида де Татана (Gaufred de Thatan) (Moldenhauer, Process gegen Tempelherrn, p. 195); тот же самый кот появлялся на капитулах в Бренде (Brindes), Приложение к мемуарам господина Райнуара, стр. 296.

(15) "26, Item quod in receptione fratrum dicti ordinis interdum recipiens et receptus aliquando se deosculabantur in ore, in umbilico, seu in ventre nudo et in ano seu spina dorsi. 27, Item aliquando in umbilico. 28, Item aliquando in fine spinae dorsi. Item aliquando in virga virili". Статьи расследования у Дюпюи — Les articles d'enquete, chez Dupuy, p. 141. Bruxelles, 1713.

(16) Музей Борджиа, Рим - Museum Borgianum, 1782, p. 105.

(17) Интересный фрагмент из Константина Багрянородного нам сообщает, что вождь мардаитов пребывал в Атталии: "греч. Текст". Const.-Porphyrog. De adminisratio imperii, in Banduri I, pag. 137. Именно в 677 году мардаиты заняли Ливан, а в 686 году Константин переселил 12 000 из них в Армению (на гору Изале). Изданный в Париже Феофан — Theophanes, edit de Paris, p. 295-302. (Стр. 12)

(18) "Et quoniam erravit Achamoth extra pleroma, et quaesita est a salvatore manifestare eum, dicunt in eo quod dixit semet pervenisse ad eam quae erravit ovem". Irenaeus, opera, Paris, 1710, p. 39, 80.

(19) Вот арабский текст Ибн Вахшие (древние алфавиты, Лондон, 1806, стр. 90)

И вот завершенная фигура, которая у них является мистерией, называемой Бахомид или овечка. Английский перевод, стр. 23, гласит: "The figure is expressive of most sublime secret called Bahomed and Kharuf

(of calf)". Я добавил в скобках of calf (или телец), что затем было встречено суровой критикой со стороны господина С. де Саси в Энциклопедическом журнале (*Magazine Encyclopedique*), как если бы я взял тельца за эквивалент слова *khagouf* (овца), хотя я желал только показать взаимосвязь овцы с тельцом друзов. Эта взаимосвязь теперь подтверждена благодаря скульптурам обеих шкатулок.

(20) Для подробного объяснения этой фигуры было бы желательно найти полное издание Ибн Вахшие, на которое автор ссылается.

То есть солнце солнц и луна лун в раскрытии герметических тайн; господин де Гулианофф (русский египтолог и академик Иван Александрович Гулянов (1789-1841) — прим. пер.), используя иероглифические алфавиты Ибн Вахшие для обоснования своего открытия акрологических иероглифов (*Essai sur les Hieroglyphes d'Nozarollon et quelques mots sur la Cabale*, Paris, 1827 — Эссе об иероглифах Горapolлона и несколько слов о Кабале), уже привлек внимание ученых к алфавитам Ибн Вахшие, в которых легко признаются варианты алфавита Странгуэло и сирийского алфавита, воспроизводимого на стр. 9 арабского текста. Замечу здесь, что небесный алфавит, стр. 36, имеет очевидные взаимосвязи со *scriptura coelestis* (небесной письменностью), которая находится в произведении знаменитого Агриппы из Неттесгейма, *de Occulta Philosophia*, p. 273, вероятно почерпнувшего ее из кабалистического труда, подобного Ибн Вахшие.

(21) "Hanc autem matrem et ogdoadem vocant et Sophiam et terram et Hierusalem et Spiritus Sanctum et Dominum masculinum". S. Irenaeus, contra Haeres., C. V, p. 25.

(22) Рейно, Арабские памятники из музея Блакаса - Reinaud, *Monuments arabes du musee Blacas*, t. II, p. 240 et suiv. Нельзя, как это неоднократно делалось, смешивать пентаграмму с гексаграммой. Именно последнюю восточные народы называли печатью Соломона. См. также Reinaud, tom. II, p. 55.

(23) "42. Idola quorum aliqua habebant facies tres et alia unam, et aliqua cranium humanum habebant". Dupuy, p. 142.

(24) (греч.); Marc Ant. Comment., l. XI, 27, (греч.)

(25) По числу фальшивых талисманов и восточных печаток, которые

мне приходится всякий день расшифровывать, могу тысячу раз убедиться, что самые искусные гравёры, намеревавшиеся изобразить подлинные восточные талисманы, всегда совершали ошибки, так как не усваивали письменности, которую брались воспроизводить. Сообщив это наблюдение своему другу господину барону фон Шиллингу из Канштадта, перед глазами которого исполнялись самые удачные копии китайского и монгольского книгопечатания, он подтвердил мое замечание на практике, сам убедившись, что наиболее искусственный художник настолько плохо передает черты восточной письменности, насколько не сумел изучить манеру ее написания у туземцев.

(26) См. Дюнои, стр. 94; более того, в его Истории мы читаем: “Другой добавляет такую подробность: показывая идол, орденский начальник произносит сарацинское слово *Yhalla*”. Буква *h* поставлена по ошибке в арабском слове как здесь во французском *yhall*, она должна быть отправлена в конец слова.

(27) “54. *Item quod aliquod caput idolorum praedictorum cingebant seu tangebant chordulis, quibus se ipsos cingebant citra camisiam seu carnem.* 55. *Item quod in sui receptione singulis fratribus praedictae chordulae tradebantur, vel aliae longitudinis earum.* 57. *Item quod injungebant eis quod dictis chordulis, ut praemittitur, se cingeret, et continue portaret, et haec faciebant etiam de nocte*”. Дурю, р. 44.

(28) То же самое видим в латинской надписи бафометического идола, опубликованной в Каменоломнях Востока, т. VI, стр. 7, где слова *Mete* и *Gnosticum* обозначены только их слоговыми инициалами: *Me.* и *Gno.*; на иллюстрации К, № 9 присутствует лишь инициал *G* от слова *Gnosis*.

(29) Корень этого слова означает: “*Infixum scope fuit tremuitque telum*”. *Gol.*, р. 406.

(30) “52. *Item quod facit arbores florere.* 53. *Item quod terram germinare*”. Это *Sophia Zoogony* (греч.) гностиков (София, порождающая жизнь).

(31) “*Nonne, inquit, et intestina nostra quibus et alimur serpentis effigiem referunt*”. *Eriphan.* Змея была, как сильно и надолго выразился Святой Епифаний, истинным проводником офитов, и вот почему Святой Климент Александрийский ее справедливо называет первенствующим князем зла (*omnis mali archidux*).

(32) Господин Рейно, чье великолепное произведение о памятниках герцога де Блакаса содержит все, что можно рассказать интересного о гравированных камнях восточных народов, с основанием говорит: “Если бы восточные люди позаботились сделать свои надписи непонятными, то сократили бы свои слова, изменили бы порядок слогов и рассеяли бы, так сказать, элементы смысла”. Слоги и буквы надписей шкатулок и кубков переставлены и рассеяны, как и надписи божественных свойств, приводимых Рейно (II, стр. 79), спрятаны в изолированных буквах и в кабалистическом порядке.

(33) Анараусис (греч.) См. Matter, II, 155, согласно Святому Иринею Лионскому, Святому Клименту Александрийскому и др. (Стр. 21)

(34) “Imprimis enim haereticos istos ferunt ecclesias suas sive latibula et cavernas in hypocaustis extruere. Quippe subter ignem excitant ad eos vaporandos ac fovendos, qui in illud cubiculum conveniunt. In ingressos vestimentorum custodes pro foribus capsariorum instar appositi sunt” S. Epiphanius adversus Haereses, l. II, haeresis XXXII. Cologne, 1682, I, p. 459.

(35) Theod. Excerpta, XXXI. Это была пародия на крещение огнем, упоминаемое в Евангелии (От Матфея Святое Благовествование, Глава 3, стих 11; От Марка Святое Благовествование, Глава 1, стих 8; От Иоанна Святое Благовествование, Глава 1, стих 33). Святой Иустин говорит об этом в Диалоге с Трифоном (in Dialogo cum Tryphone, p. 315). Это было истинное озарение photismos (греч.) Apol. S. Just., p. 95.

(36) Странно, что названия многих сосудов пришли из арабского во французский в период Крестовых Походов. Таковы, к примеру, la sarafe или, графин, la dame-jeanne, плетеная бутылка, la jagge, глиняный кувшин: они все арабского происхождения. Одинаково обстоит дело со словами: le magasin, магазин или амбар, mesquin, жалкий или узкий, une algarade враждебная выходка, une haquenee, иноходец или дылда, la farde, тюк кофе, le sorbet, шербет и т. д. То же самое и с тремя сектами — ессеи, садукееи и фарисеи; и если бы можно было искать объяснение слова abrahas в двух различных языках, как это делал Венделин (Matter, II, p. 51), то наиболее естественным оказалось бы производить его от арабского слова abrah, я благословляю, и греческого sas (греч.), вас, и, таким образом, слово abrahas могло бы стать формулой благословения.

(37) Sainte-Croix, I, p. 85; II, p. 190.

(38) “Etenim peracto stupro, subinde contumeliosis coelum vocibus appetentes utrique maris profluvium cavis manibus praeferentes, consistunt ac preces concipiunt, atque ita cum eo vascuntur, et impurissimas suas sordes degustant, itaque dicunt: Hoc est corpus Christi, Hoc est Pascha”. S. Epiphani, Haer., L. I, p. 95.

(39) “Addunt et hujus mundi praesidem draconis effigiem habere, ab eoque animas absorberi cognitione illa destitutas, rursumque per eundem in hunc mundum refundi”. S. Epiph., Haer. XXVI, 10. Я уже отмечал в *Mysterium Vaphometis revelatum*, что нужно остерегаться смешивать дракона со змеей; он является изображением Йалдабаофа (создатель мира у гностиков, божество иудеев и христиан); змея же — символ Нуса, восставшего против своего отца Йалдабаофа, и в отмщение ему обучившего Гнозису людей. Дракон для офитов — враг, тогда как змея их добрый гений.

(40) Судьи и представители административных органов Оттоманской империи и поныне носят топоры как символ своей власти.

(41) “Conculcabis leonem et draconem”. Первый из семи архонтов (Йалдабаоф) имел форму льва (Origenes in Cels., l. VI, 30).

(42) “Baptisma duplex, alterum quidem sensibile, quod per aquam fit, quod ignem sensibilem extinguendi vim habet; alterum vero intelligibile per spiritum (Metem), qui ignis intelligibilis est, remedium eundemque depellendi vim habet”. Theodot. Excerpta, L. XXXI.

(43) “Postremo hanc velut arcem probationis suis ac fastigium proferunt quod idem Dominos dixit: Confiteor tibi Pater, Domine coeli ac terrae, quia abecendisti a sapientibus et prudentibus et revelasti ea parvulis”. Epiph., Haer. XXXIV.

(44) Именно в мистериях Митры необходимо искать происхождение культа, воздаваемого друзьями тельцу; и хотя господин де Саси доказал в своих Воспоминаниях о начале культа почитания друзьями изображения тельца, что некоторые друзские ученые, с целью смыть с их секты упреки в идолопоклонстве, описывали тельца как символ вражеских религий по отношению к единобожию; но этот культ, согласно де Саси, не может

существовать сам по себе, и телец или буйвол, помещенный на алтарь (иллюстрация I) и почитаемый посвященными представляется слишком далеким от эмблемы вражеской доктрины, являясь объектом поклонения.

(45) Это произведение есть в Париже, Оксфорде и Болонье; бегло его просмотрев в Библиотеке Болонского института, я пытался отыскать его в Константинополе и успешно, наконец, нашел, но не оригинал, а турецкий перевод Нух-Эфенди, отца великого визиря Хоссейна-Заде-Али-Паши. В соответствии с этой рукописью и даются все выдержки.

(46) Шесть первых сект таковы: 1) кейомерситы, 2) зерваниты, 3) ученики Зороастра, 4) дуалисты, 5) манихеи, 6) ученики Маздека.

(47) Полный перевод произведения Шехристани был бы очень желателен для истории догм ислама: он заслуживает поощрения Комитета переводов Азиатского общества в Лондоне преимущественно перед многими другими произведениями.

(48) Matter, I, p. 305.

(49) “Nemo ignorat malos daemones malis artibus allici posse, quemadmodum narrat Psellus gnosticos magos consuevisse, quod penes execrande et abominabiles turpitudines exequabantur, quales olim in sacris Priapi et in servitio idoli, quod vocabatur Panor, cui pudendis discopertis sacrificabant. Neque istis dissimile est, si modo veritas et non fabula est, quod legitur de templariorum detestanda haeresi”. Agrippa de Nettessheim de Occulta philosophia, t. I, c. 39. Агриппа, который верит в демонов, но сомневается в мерзостях, в каковых с полным основанием обвинялись тамплиеры, попадает в положение многих историков, прибавляющих веру сказкам, но сомневающимися в истине фактов, подтвержденных памятниками. Здесь перед нашими глазами есть объект гностического культа Приапа: на памятнике катакомб Неаполя и в изображении идола на шкатулках.

(50) Намного более важнее произведения Шехристани для знания восточных гностических ритуалов должен быть труд Ибн-Вахшия, приводимый им самим под названием Солнца Солнц и Луны Лун, как содержащий все подробности культа Бахомида.

NB

Фрагменты и слова на древнегреческом с указанием стр.
текста оригинала:

1. с. 12

2. с. 21

Fig. 4 - Cofanetto di Volterra (dal Die Schuld der Templar)

Fig. 6 - Cofanetto di Volterra - il Battesimo di Fuoco (dal Die Schuld der Templar)

Шкатулка из Вольтерры-Поджибонси (Италия)

Fig. 3 - Cofanetto di Volterra (dal Die Schuld der Tempier)

Fig. 5 - Cofanetto di Volterra - il Battesimo di Acqua (dal Die Schuld der Tempier)

Шкатулка из Вольтерры-Поджибонси (Италия)

MYSTERIUM VARHOMETIS: ТАЙНАЯ ДОКТРИНА ОРДЕНА ХРАМА

СОДЕРЖАНИЕ

7

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт.
ТАМПЛИЕРЫ: ТАЙНЫЕ ДЕТИ СВЯТОГО ИОАННА.
ЗАГАДОЧНАЯ ШКАТУЛКА ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА
перевод Владимира Ткаченко-Гильдебрандта

152

Проспер Миньяр.
МОНОГРАФИЯ О ШКАТУЛКЕ ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА.

256

Проспер Миньяр.
ПРОДОЛЖЕНИЕ МОНОГРАФИИ О ШКАТУЛКЕ
ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА ИЛИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
МАНИХЕЙСТВА ОРДЕНА ХРАМА.

369

Барон Йозеф фон Гаммер-Пургиталь.
ВОСПОМИНАНИЯ О ДВУХ ГНОСТИЧЕСКИХ ШКАТУЛКАХ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ КАБИНЕТА ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА.